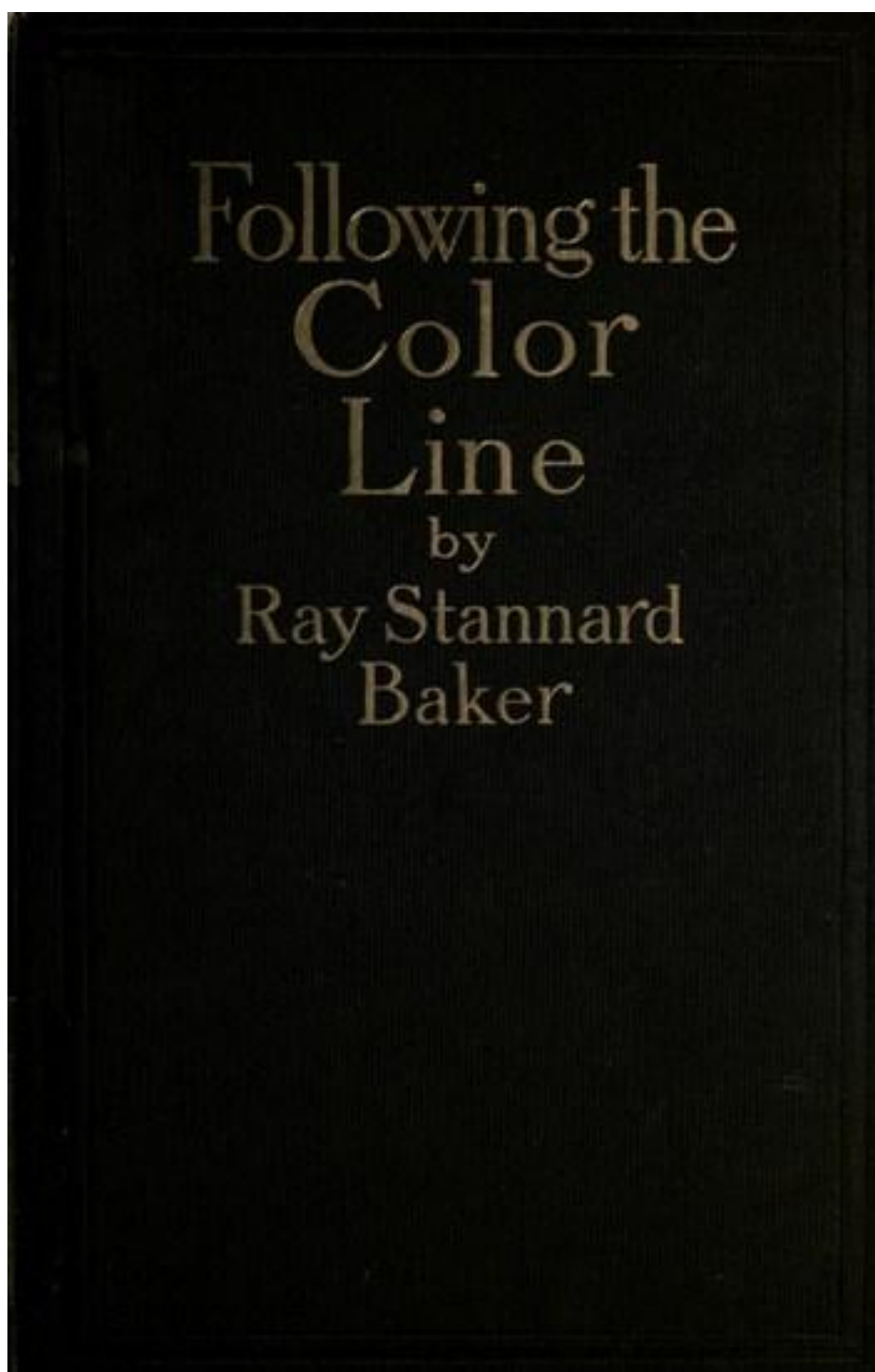

Следуя за цветной линией. Рассказ о гражданстве негров в американской демократии

Рэй Стэннард Бейкер

The Project Gutenberg eBook of Following the Color Line.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Following the Color Line

Адаптер: Рэй Стэннард Бейкер

Дата выхода: 4 января 2011 [eBook #34847]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Шелл и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries.)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА "ГУТЕНБЕРГ" "СЛЕДУЯ ЗА ЦВЕТОВОЙ ЛИНИЕЙ"

СЛЕДУЯ ЗА ЛИНИЕЙ ЦВЕТА

ТОТ ЖЕ АВТОР

НАШЕ НОВОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ, УВИДЕННОЕ В ГЕРМАНИИ

КНИГА ИЗОБРЕТЕНИЙ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ
ВТОРАЯ КНИГА ИЗОБРЕТЕНИЙ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ
И МНОГО ИСТОРИЙ

СТАРАЯ ЧЕРНАЯ "МАМОЧКА" С БЕЛЫМ РЕБЁНКОМ

Following the Color Line

AN ACCOUNT OF NEGRO CITIZENSHIP
IN THE AMERICAN DEMOCRACY

By
RAY STANNARD BAKER

ILLUSTRATED

New York
Doubleday, Page & Company
1908

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ, ВКЛЮЧАЯ ПРАВО ПЕРЕВОДА НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, В ТОМ ЧИСЛЕ СКАНДИНАВСКИЕ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904, 1905, BY THE S. S. McCLURE COMPANY

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1907, 1908, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ "ФИЛЛИПС

COPYRIGHT, 1908, BY DOUBLEDAY, PAGE & COMPANY

"Я ВЫНУЖДЕН ПРИЗНАТЬСЯ, ЧТО НЕ РАССМАТРИВАЮ ОТМЕНУ РАБСТВА КАК СРЕДСТВО ПРЕКРАЩЕНИЯ БОРЬБЫ МЕЖДУ ДВУМЯ РАСАМИ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ".

-Де Токвиль, *"Демократия в Америке"* (1835)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью написания этой книги было четкое изложение современных условий и отношений негров в американской жизни. Я не настолько тщеславен, чтобы воображать, будто мне известна вся правда, и что я всегда правильно расставлял акценты в излагаемых здесь фактах. У каждого исследователя обязательно есть свое личное мнение или точка зрения. Лучшее, что он может сделать, - это изложить правду так, как он ее видит, не уступая ни йоты, ни единой мелочи, что я и сделал.

Я старался рассматривать каждую проблему не как северянин, не как южанин, а как американец. И я смотрел на негра не просто как на работника, каким его обычно считают на Юге, и не как на диковинку, каким его часто считают на Севере, а как на обычное человеческое существо, одушевленное собственными надеждами, подавленное собственными страхами, встречающее свои собственные проблемы с неудачей или успехом.

Я не принимал ни одного утверждения о фактах, каким бы распространенным оно ни было, пока не убеждался в результате собственного расследования, что услышанное действительно факт, а не слух.

Везде, где я отважился на выводы, я не претендую ни на непогрешимость, ни на оригинальность. Они предлагаются откровенно, как мои собственные последние и самые ясные мысли по различным обсуждаемым вопросам. Если кто-то может привести мне более веские доказательства ошибочности моих выводов, чем я сам, я готов пойти с ним, и с радостью, насколько он сможет доказать свою правоту. И я предложил свои выводы не в духе спора, не в интересах какой-либо партии или части страны, а в надежде, что, побуждая к более широкому взгляду, они могут привести в конце концов к другим выводам, более близким к истине, чем мои".

Пока эти главы публиковались в "Американском журнале" (одна глава, посвященная линчеванию, - в "Журнале Макклюра"), я получил многие сотни писем со всех концов страны. Я с благодарностью принимаю их. Многие из них содержали дружескую критику, предложения и исправления, которые пригодились мне при переработке глав для публикации в книге. Особенно ценными для меня были письма с Юга, в которых описывались местные условия и высказывались местные точки зрения. Здесь я также хочу поблагодарить многих мужчин и женщин, южан и северян, белых и цветных, которые оказали мне личную помощь в моих расследованиях.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Предисловие	vii
ЧАСТЬ I	
НЕГР НА ЮГЕ	
I. Расовый бунт и его последствия	3
II. Следование цветной линии на Юге: Поверхностный взгляд на условия	26
III. Негр из южного города	45
IV. В Черном поясе: Негр-фермер	66
V. Расовые отношения в сельских районах	87
ЧАСТЬ II	
НЕГР НА СЕВЕРЕ	
VI. Следование цветной линии на Севере	109
VII. Борьба негров за выживание в северных городах	130
ЧАСТЬ III	
НЕГР В НАЦИИ	
VIII. Мулаты: Проблема смешения рас	151

IX.	Линчевание на юге и севере	175
X.	Изгнанная раса в брожении: Конфликт негритянских партий и негритянских лидеров по поводу методов решения их собственной проблемы	216
XI.	Негр в политике	233
XII.	Молчаливая власть черного человека	252
XIII.	Новая государственная власть Юга	271
XIV.	Что делать с неграми - несколько выводов	292
	Указатель	311

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Пожилая чернокожая "мамочка" с белым ребенком

Фронтиспис

ЛИЦЕВАЯ
СТРАНИЦА

Факсимиле некоторых газет Атланты от 22 сентября 1906 года	7
Джеймс Х. Уоллес	10
R. P. Райт	10
Н. О. Таннер	10
Преподобный Х. Х. Проктор	10
Доктор У. Ф. Пенн	10
Джордж В. Кейбл	10
Показ цветовой линии, проведенной салунами в Атланте, штат Джорджия	35
Интерьер дома негритянского рабочего, Атланта, Джорджия	46
Интерьер дома негра самого бедного сорта в Индианаполисе	46
Карта, показывающая Черный пояс	66
Где живут белые работники мельниц в Атланте, штат Джорджия	71
Где живут некоторые бедные негры в Атланте, штат Джорджия	71
Семья "бедных белых"	74

Образцовая негритянская школа	74
Старые и новые домики для негритянских арендаторов на плантации Брауна	85
Чайник для тростникового сиропа	92
Рабочие цепной банды на дорогах	92
Тип деревенского негра из цепной банды	99
Хижина негра со следами изобилия	110
Отправляемся на хлопковые поля	110
Палата в негритянской больнице в Филадельфии	135
Студия негритянской скульпторши	135
Офис редактора негритянского журнала в Филадельфии	138
"Отряд метлы" из негритянских мальчиков	138
Вид негритянской девушки-типографа в Атланте	164
Мулатка-студентка	164
Мисс Сеселия Джонсон	164
Миссис Букер Т. Вашингтон	173
Миссис Роберт Х. Террелл	173
Негры, подвергшиеся линчеванию и сожженные заживо в Стейтсборо, штат Джорджия	179
Негры криминального типа	179
Дом суда и банк на общественной площади в Хантсвилле, штат Алабама	190
Чарльз В. Чеснатт	215
Доктор Букер Т. Вашингтон	218
Доктор У. Э. Б. Дюбуа	225
Полковник Джеймс Льюис	240
W. Т. Вернон	240
Ральф В. Тайлер	240
Л. Поуп Браун	252
Джеймс К. Вардаман	252
Сенатор Джефф Дэвис	252
Губернатор Хок Смит	252
Сенатор Б. Р. Тиллман	252
Экс-губернатор У. Дж. Нортен	252
Джеймс Х. Диллард	275
Эдвин А. Олдерман	275
А. М. Сул	275
Д. Ф. Хьюстон	275
Джордж Фостер Пибоди	275
Р. П. Клэкстон	275

S. К. Митчелл	286
Судья Эмори Спир	286
Эдгар Гарднер Мерфи	286
Доктор Х. Б. Фрисселл	286
Р. К. Огден	286
Л. Й. Джойнер	286

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕГР НА ЮГЕ

ГЛАВА I

РАСОВЫЙ БУНТ И ПОСЛЕ

В океане антагонизма между белой и негритянской расами в этой стране время от времени поднимается волна, бурная на вид, но вскоре затихающая. Такой волной стал бунт в Атланте. Его зловещие масштабы, намного превосходящие обычные расовые волнения, выражающиеся в линчеваниях, встревожили всю страну и пробудили на Юге новое чувство опасности, которая ему угрожала. Описание этого впечатляющего, хотя и поверхностного волнения, катастрофы, вызванной его яростью, и замечательных усилий по восстановлению приведет к более ясному пониманию глубокого и сложного расового чувства, существующего в этой стране, - так как человеческая природа лучше всего интерпретируется в моменты страсти, - в последующих главах.

К двадцать второму дню сентября 1906 года Атланта превратилась в настоящий социальный котел. В течение нескольких месяцев отношения между расами становились все более напряженными. На всем Юге остро ощущалась нехватка рабочей силы, сопровождавшаяся высокими зарплатами и, как ни парадоксально, ростом числа бездельников-негров. В Атланте низший класс - "никчемные негры" - становился все многочисленнее: он слишком явно проявлял себя в кишаших салунах, ночлежках и "клубах", которым покладистая городская администрация позволяла существовать в самом центре города. Преступность выросла до угрожающих масштабов; недостаточная и неэффективная полиция, казалось, была не в состоянии с ней справиться. При населении в 115 000 человек в Атланте в 1905 году было произведено более 17 000 арестов; в 1906 году это число возросло до 21 602. В Атланте было произведено гораздо больше арестов, чем в Новом Орлеане, где население

было почти в три раза больше, а негров было вдвое больше; и почти в четыре раза больше, чем в Милуоки, штат Висконсин, городе, который был почти в три раза больше. Расовые чувства обострились в результате долгой и ожесточенной политической кампании, одним из главных вопросов которой было лишение негров избирательных прав. Подстрекательская пьеса под названием "Клансмен", хотя и была запрещена общественными настроениями во многих южных городах, была показана в Атланте и других местах, что усилило предрассудки обеих рас. Некоторые газеты в Атланте, пользуясь народными настроениями, постоянно поднимали расовый вопрос, подчеркивая преступления негров с потрясающими заголовками. Одна из газет даже рекомендовала создавать организации граждан в подражание ку-клукс-клану времен реконструкции. В шуме этой нарастающей агитации почти не был слышен голос белых людей с правильными взглядами и трудолюбивых, уважающих себя негров. Несколько священнослужителей обеих рас, видя надвигающуюся бурю, предупредили о ней - но безрезультатно; и за неделю до бунта горожане, городская администрация и суды дружно взвыли. Были созваны массовые собрания, полиция начала расследовать условия работы низких салунов и забегаловок, была увеличена численность сельской полиции, большое жюри было созвано на специальное заседание в понедельник 24-го числа.

Процветание и беззаконие

Но пробуждение нравственных чувств в городе, к сожалению, произошло слишком поздно. Преступность, ставшая еще более яркой благодаря агитации, настолько разожгла огонь ненависти, что его невозможно было потушить обычными методами. Лучшие люди Атланты, как и жители процветающих северных городов, были слишком заняты зарабатыванием денег, чтобы обращать внимание на общественные дела. Ведь Атланта быстро растет. Ее банковские вклады выросли с девяноста миллионов в 1900 году до двухсот двадцати двух миллионов в 1906-м, ее улицы хорошо вымощены и освещены, уличное движение хорошо налажено, ее небоскребы сравнимы с лучшими на Севере. Другими словами, город был прогрессивным - мало городов, которые я знаю, более прогрессивными, - но он забыл о своих общественных обязанностях.

За несколько месяцев до бунта здесь произошло несколько преступлений никчемных негров против белых женщин. Ведущие негры, хотя ни один из них, с кем я разговаривал, не пожелал защитить ни одного действительно виновного негра, утверждали, что число этих преступлений сильно преувеличено и что в особых случаях детали были излишне подчеркнуты, потому что преступник был черным; что они были использованы для дальнейшего разжигания расовой ненависти. Я провел личное расследование всех преступлений против белых женщин, совершенных за несколько месяцев до и после бунта. Три из них, в которых обвинялись белые мужчины, привлекли сравнительно мало внимания в газетах, хотя одно, совершенное белым мужчиной по имени Тернадж, шокировало своими подробностями. Из двенадцати подобных обвинений против негров за шесть месяцев, предшествовавших бунту, два случая были изнасилованиями, ужасными в своих деталях, три - попытками изнасилования при отягчающих обстоятельствах, три, возможно, были попытками, три - чистыми случаями испуга со стороны белой женщины, а в одном случае белая женщина, сначала утверждавшая, что на нее напал негр, в конце концов призналась в попытке самоубийства.

Факты двух из этих случаев я расскажу, не оправдываясь за ужас деталей. Если мы хотим понять истинное положение дел на Юге, об этом *необходимо* рассказать.

История преступления одной негритянки

Один из случаев произошел с миссис Ноулз Этелин Киммел, двадцати пяти лет от роду, женой фермера, жившего недалеко от Атланты. В миле от конечной остановки уличных машин стоит небольшой зеленый домик, похожий на бунгало, в уединенном месте у опушки соснового леса. Жившие в нем Киммелы не были южанами по рождению, а происходили из Пенсильванских голландцев. Они прожили на Юге четыре или пять лет, сдавая в аренду свою одинокую ферму, выращивая хлопок и кукурузу и надеясь немного продвинуться вперед. За день до бунта к задней двери дома Киммелов подошел странный негр грубого вида. Он был одет в солдатскую форму цвета хаки. Он задал глупый вопрос и ушел. Миссис Киммел забеспокоилась и рассказала мужу. Тот тоже забеспокоился - страх перед этим преступлением повсеместно присутствует на Юге - и, уходя после обеда, попросил ближайшего соседа присмотреть за странным негром. Вернувшись через несколько часов, он обнаружил у себя во дворе пятьдесят белых мужчин. Он знал, что произошло, но ему не сказали: его жена находилась в доме под наблюдением врача. Она смогла дать четкое описание негра: привели ищейку, но преследующие белые так уничтожили следы преступника, что его не смогли выследить. Благодаря информации, полученной от негра, подозреваемого арестовали и едва не линчевали, прежде чем его успели доставить к миссис Киммел для опознания; увидев его, она сказала: "Это не тот человек". Настоящий преступник так и не был задержан.

Однажды, спустя несколько недель, я застал мужа, работающего в одиночестве на своем поле; его жена, для которой окружающая обстановка стала невыносимой, ушла к друзьям. Он нерешительно рассказал мне эту историю. Его перспективы, по его словам, рухнули: соседи отнеслись к нему с пониманием, но он не мог продолжать жить здесь с тем чувством, которое все они знали. Он готовился бросить свой дом и потерять себя там, где люди не знают его истории. Я спросил его, поддерживает ли он самосуд, и его ответ удивил меня.

"Я думал об этом", - сказал он. "Видите ли, я христианин, или стараюсь им быть. Моя жена - христианка. Мы говорили об этом. Что в этом хорошего? Мы должны сделать из себя преступников, не так ли? Нет, пусть закон идет своим чередом. Когда я приехал сюда, я старался помогать неграм, как мог. Но многие из них не хотят работать даже при высокой зарплате: они не приходят, когда соглашаются, а когда получают несколько долларов вперед, идут в салуны в Атланте. Все озабочены тем, чтобы получить рабочую силу, и все боятся бродячих бездельников-негров. Вот и до меня дошло, и это почти разрушило мою жизнь".

Когда я уходил, бедный одинокий парень шел за мной полпути вверх по холму и спрашивал: "А как бы вы поступили?"

Еще один случай. Один из видных цветоводов в Атланте - У. К. Лоуренс. Он англичанин, его дом находится на окраине города. Утром 20 августа его дочь Мейбл, четырнадцати лет, и сестра Этель, двадцати пяти лет, опытная медсестра, недавно приехавшая из Англии, отправились в ближайший лес собирать папоротники. Среди бела дня и в пределах видимости от домов они не испытывали страха. Когда они возвращались вдоль старого лесного укрепления Конфедерации, их встретил грубого вида негр с дубинкой в одной руке и камнем в другой. Сначала он сбил с ног маленькую девочку, а затем ее тетю. Когда ребенок "пришел в себя", она обнаружила, что частично связана веревкой. "Милая, - сказал негр, - я хочу, чтобы ты пошла со мной". С удивительным самообладанием ребенок сказал: "Я не могу, у меня сломана нога", и позволила ей покачиваться, прихрамывая на колено. Обманутый,

негр вернулся, чтобы связать тетю. Мейбл, мгновенно развязав веревку, вскочила и побежала за помощью. Увидев, что ребенок вырывается, негр убежал.

ФАКСИМИЛЕ НЕКОТОРЫХ АТЛАНТСКИХ ГАЗЕТ ОТ 22 СЕНТЯБРЯ 1906 ГОДА
Показаны заголовки сенсационных новостей

"Когда я пришел туда, - рассказывал мистер Лоуренс, - моя сестра лежала на берегу лицом вниз. Ее затылок был весь в крови. Переносица была рассечена, один глаз выколот. У моей дочери было три сильных пореза на голове - слава Богу, ничего страшного. Но моя сестра, которая только начинала жить, полностью ослепнет на один глаз, а возможно, и на оба. Ее жизнь разрушена".

Примерно через месяц, благодаря информации негра, преступник был пойман, опознан мисс Лоуренс и отправлен в тюрьму на сорок лет (два случая) - предел наказания за попытку преступного нападения.

В обоих случаях аресты были произведены по информации негров.

Террор как белых, так и цветных людей

Последствия нескольких подобных преступлений легче представить, чем описать. Они вызвали чувство тревоги, которое не может оценить ни один человек, не живший в таком обществе. Путешествуя по Югу, я был поражен, обнаружив, насколько широко распространен этот страх. Многие белые женщины в Атланте не осмеливаются выходить из дома в одиночку после наступления темноты; многие белые мужчины носят оружие, чтобы защитить себя и свою семью. И даже эти меры предосторожности не всегда предотвращают нападения.

Но это еще не вся история. Везде, где я бывал в Атланте, я слышал о страхе белых людей, но мало что говорилось об ужасе, который испытывали и негры. И все же каждый негр, которого я встречал, в той или иной мере выражал этот страх. Здесь, на Севере, нам трудно понять, что означает такое состояние: целая община, безымянно боящаяся!

У негров, принадлежащих к лучшему классу, есть два источника страха: один - перед преступниками своей собственной расы: таким нападениям редко уделяется много места в газетах, а другой - перед белыми людьми. Мое самое первое впечатление о том, каким может быть этот страх негров, я получил, как ни странно, не от негров, а от прекрасной белой женщины, к которой я обратился вскоре после поездки на Юг. Она рассказала такую историю:

"Несколько дней назад вечером со мной произошел ужасный случай. Я шла по улице, когда увидела, как из коридора на тротуар вышел довольно симпатичный молодой негр. Он очень спешил и, внезапно повернувшись, как это иногда бывает у людей, случайно задел рукой мое плечо. Он не видел меня раньше. Когда он повернулся и обнаружил, что задел белую женщину, на его лице появилось такое выражение ужаса и страха, какого я надеюсь больше никогда не увидеть на человеческом лице. Он знал, что означает, если я испугаюсь, позову на помощь и обвиню его в оскорблении или нападении на меня. Он замер на мгновение, потом повернулся и побежал по улице, увернувшись в первом попавшемся переулке. Это показывает, как мало нужно, чтобы наказать невинного человека!"

Следующим я увидел дело глазами одного из способных негров Юга, епископа Африканской методистской епископальной церкви Гейнса. Сейчас он уже пожилой человек, но выглядит внушительно. Обладая широкими познаниями, он путешествовал по Европе, владеет большой собственностью и сдает дома белым арендаторам. Он рассказал мне о службах, которые он проводил некоторое время назад в южной Джорджии. Однажды, подходя к церкви через деревья, он неожиданно столкнулся с белой женщиной, несущей воду из источника. Она тут же выронила ведро, закричала и побежала по тропинке к своему дому.

"Если бы я был негром, - говорит епископ Гейнс, - я бы в ужасе повернулся и убежал; поднялась бы тревога, и не исключено, что по моему следу отправился бы отряд белых людей с ищейками. Если бы меня поймали, чего бы стоила моя жизнь? Женщина опознала бы меня, и что бы я мог сказать? Но я не побежал. Я вышел на тропинку, поднял руку и сказал:

"Не волнуйтесь, мадам, я епископ Гейнс, и я провожу службы здесь, в этой церкви". Она остановилась, и я извинился за то, что напугал ее".

Негр знает, что у него мало шансов объяснить, если по случайности или по незнанию он оскорбит белую женщину или обидит белого мужчину. Один образованный негр, один из самых способных представителей своей расы, рассказывая мне о том, как на его друга, который по чистой случайности спровоцировал несколько полупьяных белых мужчин, набросились и страшно избили, заметил: "На его месте мог быть я!"

Я рассказываю об этих вещах так, как они выглядят для негра; это так же важно, как проблема человеческой природы, знать, что чувствует негр и что он говорит, как и знать, что чувствует белый человек.

Как газеты разжигали бунт

Во второй половине дня, когда начались беспорядки, газеты пестрели заголовками о четырех нападениях негров на белых женщин. Я провел личное расследование по каждому из этих случаев. Два из них, возможно, были попытками нападения, но два явно были не более чем испугом как со стороны белой женщины, так и со стороны негра. Например, в одном случае пожилая женщина, миссис Марта Холкомб, собираясь вечером закрыть жалюзи, увидела на тротуаре негра. В страшном испуге она закричала. Об этом сообщили по телефону в полицейский участок, но прежде чем чиновники успели отреагировать, миссис Холкомб попросила их не выходить. И все же это было одно из тех "нападений", о которых писали в газетных заметках буквами высотой в пять дюймов.

И вот, наконец, в этот жаркий субботний полупраздничный день, когда деревенские жители приехали сотнями, когда все вышли из домов, когда улицы были переполнены, когда салуны с раннего утра были заполнены белыми мужчинами и неграми, и те и другие пили, некоторые газеты Атланты начали печатать дополнительные выпуски с большими заголовками, сообщающими о новых нападениях негров на белых женщин. Газета "Атланта ньюс" опубликовала пять таких выпусков, и газетчики разнесли их по всему городу:

"Третье нападение".

"Четвертое нападение".

Весь город, и без того сильно взволнованный, был ввергнут в настоящее состояние паники. Новости в газетах были восприняты как правдивые; ведь город тогда не был настроен на спокойное расследование. Со всех сторон стали поступать звонки с просьбой о защите со стороны полиции. Бездельничающий негр на заднем дворе, на которого в обычное время никто бы не обратил внимания, стал объектом настоящего террора. Полицейские силы, в лучшем случае слишком малочисленные, были таким образом отвлечены и разобщены.

В Атланте очень велика доля людей, постоянно ходящих с оружием; ломбарды на улицах Декатур и Питерс, с окнами, похожими на арсеналы, снабжают низший класс негров и белых дешевыми револьверами и ножами. Здесь были все возможные элементы для вспышки убийств. Добропорядочные граждане, белые и черные, были далеко в своих домах; плохие люди пили в притонах, разрешенных респектабельным жителям Атланты; и вот они собрались ночью в самом центре города.

Мафия собирается

И вот, наконец, пустяковый инцидент поджег огонь. Страх и месть породили ее: сначала она проявлялась в грубой, полупьяной игре, но когда пролилась кровь, грубость, которая и в лучшем городе не слишком хорошо поддается контролю, вырвалась наружу и напала на себя. Стоит только сбросить оковы закона и порядка, и люди, белые или черные, христиане или язычники, возвращаются к первобытной дикости. Не существует такой вещи, как упорядоченная толпа.

Преступления совершались неграми, но эта толпа не пыталась найти преступников: она выражала свою слепую, неразумную, неконтролируемую расовую ненависть, нападая на каждого мужчину, женщину или мальчика, у которого было черное лицо. Хромого сапожника, невинного, трудолюбивого негритянского мальчика, который в этот момент как раз занимался тем, что чистил мужские ботинки, вытащили на улицу, надели на него наручники, избили ногами и забили до смерти. Другого молодого негра преследовали и закололи ножом до смерти самым невыразимо ужасным образом. Толпа врывалась в

парикмахерские, где уважаемые негры брили белых клиентов, отталкивала их от кресел и избивала. Машины останавливали и выбрасывали провинившихся негров в окна или вытаскивали наружу и избивали. Они не ограничивались убийствами и увечьями; они врываются в хозяйственные магазины и вооружались, они разрушали не только негритянские парикмахерские и рестораны, но и грабили магазины, принадлежащие белым людям.

ДЖЕЙМС Х. УОЛЛЕС

"Асфальтовые рабочие почти все цветные. В Нью-Йорке... избранным представителем, который заседает в Центральном федеральном профсоюзе города, является Джеймс Х. Уоллес, цветной человек".

Р. Р. РАЙТ

Организатор негритянской государственной ярмарки в Джорджии. Полнокровный африканец, его бабушка, которая его воспитывала, была африканской негритянкой из племени мандинго.

Н. О. ТАННЕР

Одна из картин которого висит в Люксембурге; лауреат премии Н. В. Харриса за лучшую американскую живопись в Чикаго.

РЕВ. Г. Х. ПРОКТОР

Пастор Первой конгрегационной церкви (цветной), к которой принадлежат многие из лучших цветных семей Атланты.

Фотография Sexton & Maxwell

ДР. У. Ф. ПЕНН

Дом этого преуспевающего негритянского врача в Атланте посетила мафия.

ДЖОРДЖ У. КЕЙБЛ

Председатель цветных сотрудников службы пробации суда по делам несовершеннолетних, Индианаполис.

Конечно, на место выехал мэр, полиция и пожарные, и, наконец, губернатор приказал вызвать ополчение, чтобы применить тот фунт лекарства, который должен был стать унцией профилактики.

Очень показательно для южных условий, которые северяне не понимают, что первым инстинктом тысяч негров в Атланте, когда начались беспорядки, было не бежать от белых людей, а бежать к ним. Белого человека, занимающего наиболее радикальную позицию в противостоянии негритянской расе, часто можно встретить дающим деньги в долг отдельным неграм, кормящим их и их семьи со своей кухни или защищающим "своих негров" в суде или где-либо еще. Все видные белые граждане Атланты во время беспорядков защищали и кормили многие цветные семьи, которые в ужасе бежали к ним. Даже Хок Смит, избранный губернатор Джорджии, которому негры не доверяют как расе, пожалуй, больше, чем любому другому белому человеку в Джорджии, защитил многих негров в своем доме во время беспорядков. Во многих случаях белые друзья вооружали негров и говорили им, чтобы они защищали себя сами. Одна известная мне вдова, у которой был единственный чернокожий слуга, дала ему в руки ружье и велела стрелять в любую толпу, которая попытается его схватить. Она абсолютно доверяла ему. Южане испытывают настоящую симпатию, совершенно неизвестную на Севере, к отдельным неграм, которых они знают.

Вот так прошел субботний вечер. Воскресенье было спокойным, но нервным - атмосфера была наполнена электричеством опасений. В понедельник вечером, после целого дня тревоги и шатающихся толп людей, которые в любой момент могли перерасти в толпу, в пригороде Атланты под названием Браунсвилл снова начались беспорядки.

История о работе мафии в южном негритянском городке

Когда я отправился в Браунсвилл, зная о его кровавом участии в беспорядках, я ожидал увидеть типичные негритянские трущобы. Я ожидал увидеть убожество, невежество, порок. И я был удивлен, обнаружив большое поселение негров, практически каждый из которых

владел собственным домом, причем некоторые из домов были так же привлекательны снаружи и так же хорошо обставлены внутри, как обычные дома белых людей среднего класса. Неподалеку, в окружении прекрасных территорий, находились два негритянских колледжа - Университет Кларка и Теологическая семинария Гаммона. Почтовое отделение содержал негр. Несколько магазинов принадлежали неграм. Школа, хотя и снабжалась учителями за счет округа, была построена полностью на деньги, лично внесенные неграми, проживающими поблизости, чтобы их дети могли получить достаточное образование. В поселке было три церкви и ни одного салуна. Все жители были трудолюбивыми, владеющими собственностью и пользовались самой лучшей репутацией среди белых людей, которые их знали.

Вспомните, как обстояли дела в Браунсвилле во время беспорядков в Атланте. Из города доносились всевозможные преувеличенные слухи. *Негров в Атланте резали поголовно.* Возникло состояние панического страха. Многие жители маленького городка нашли убежище в богословской семинарии Гаммона, где, собравшись вместе, просидели всю ночь в молитве. Президент Боуэн несколько дней не снимал одежду, ожидая каждый момент нападения толпы. В воскресенье он позвонил и попросил полицию о защите, но она не была предоставлена. Ужас охватил и семьи, оставшиеся в Браунсвилле; большинство мужчин были вооружены, и они решили, что в случае появления толпы встанут на защиту своих домов.

Наконец, в понедельник вечером, с наступлением темноты, отряд окружной полиции во главе с офицером Пулом вошел в поселение Браунсвилл. Здесь, несмотря на отсутствие малейших признаков беспорядков, они начали арестовывать негров за то, что те были вооружены. К ним присоединились несколько вооруженных белых граждан, которые не были офицерами.

Наконец, оглянувшись на маленькую улочку, они увидели в соседнем квартале группу негров. Часть офицеров осталась с пленниками, а часть пошла вверх по улице. Приблизившись к группе негров, офицеры начали стрелять: негры отвечали. Офицер Херд был застрелен, другой офицер ранен, несколько негров были убиты или ранены.

Полицейские вернулись в город со своими пленниками. По дороге двое негров, находившихся в их подчинении, были застрелены. Жена белого человека, видевшая это безобразие, будучи с ребенком, упала замертво от испуга.

Негры (все это теперь занесено в протокол суда) заявили, что они ожидали толпу; что полиция - не конная, как обычно, не вооруженная, как обычно, и в сопровождении граждан - показалась им в темноте толпой. В их испуге началась стрельба.

Разумеется, распространялись самые дикие сообщения. Одна из них гласила, что пятьсот студентов Университета Кларка, все вооруженные, обманули полицию, чтобы перестрелять их. На самом деле университет открыл свою осеннюю сессию только 3 октября, более чем через неделю, и в эту ночь на территории было всего два студента. На следующее утро появились полиция и войска и арестовали большую часть мужского населения города. Полицейские в сопровождении белых вошли в дом одного негра, где лежал мужчина по имени Льюис, тяжело раненный накануне вечером. Он лежал в постели; они расстегнули на нем рубашку, приставили револьверы к его груди и хладнокровно прострелили ему тело несколько раз в присутствии его родственников. Они оставили его умирать, но с тех пор он поправился.

Президент Боуэн из богословской семинарии Гаммона, один из способных негров в Атланте, не имевший никакого отношения к беспорядкам, был избит по голове прикладом винтовки одним из полицейских. Все негры были разоружены, и около шестидесяти из них в конце концов были доставлены в Атланту и посажены в тюрьму по обвинению в убийстве офицера Херда.

Во время бунта в Браунсвилле были убиты четыре негра. Один из них был порядочным, трудолюбивым, хотя и громкоголосым гражданином по имени Фэмбро, который держал небольшой бакалейный магазин и владел двумя домами, которые сдавал в аренду. У него был уютный дом, жена и один ребенок. Другой негр по имени Уайлдер, семидесяти лет от роду, пенсионер, солдат Гражданской войны, о котором хорошо отзывались все, кто его знал. Его нашли - не застреленным, а убитым ударом ножа в живот - лежащим в сарае за магазином Фэмбро. Макгрудер, каменщик, зарабатывавший своим ремеслом 4 доллара в день и откладывавший достаточно, чтобы заработать на собственный дом, был убит при аресте полицией; а Робинсон, трудолюбивый негр, плотник, был застрелен по дороге на работу во вторник утром после бунта.

Результаты бунта

И что же после бунта в Браунсвилле? Здесь была уважающая себя община трудолюбивых негров, никому не мешающих, честно зарабатывающих на жизнь. Как на них повлиял бунт? Ну, он деморализовал их, отбросил на годы назад. Мало того, что четверо мужчин были убиты и несколько ранены, так еще и шестьдесят жителей оказались в тюрьме. Почти каждая семья была вынуждена обратиться к адвокатам, которые не брались за их дела без денег. Поэтому маленькие дома приходилось продавать или закладывать, или занимать деньги другим способом, чтобы защитить арестованных, оплачивать счета врачей, рассчитываться с гробовщиком. Бунт не заканчивается, когда прекращается стрельба! И когда дела наконец дошли до суда и были предъявлены все доказательства, каждый негр вышел на свободу; но двое из полицейских округа, принимавших участие в стрельбе, были наказаны. Джордж Мьюз, один из крупнейших торговцев Атланты, который был старшиной жюри, судившего негров из Браунсвилла, сказал:

"Мы думаем, что негры собрались так же, как и белые люди в других частях города, для защиты своих домов. Мы были шокированы поведением, в котором, согласно уликам, были виновны некоторые из полицейских округа".

После окончания беспорядков многие негритянские семьи, испугавшись и почувствовав себя незащищенными, продали все, что могли, - я слышал немало жалостливых историй таких внезапных и дорогостоящих жертв, - и покинули страну: одни отправились в Калифорнию, другие - в северные города. Уезжали лучшие и самые предприимчивые: оставались худшие. Негры не только покидали Браунсвилл, но и в значительном количестве покидали сам город. Таким образом, из-за бунта в Атланте рабочая сила стала еще более дефицитной, а заработная плата - выше.

Отчет белого комитета о бунте

Примечательно, что ни один из негров, убитых и раненых во время бунта, не принадлежал к преступному классу. Все они были трудолюбивы, респектабельны и законопослушны. Белый комитет, состоящий из У. Г. Купера, секретаря Торговой палаты, и Джорджа Мьюза, видного

торговца, опираясь на трезвое гражданство города, провел честное расследование и выпустил смелый и правдивый отчет. Вот несколько его выводов:

1. Среди жертв толпы не было ни одного бродяги.
2. До момента бунта они зарабатывали деньги полезным трудом.
3. Они содержали себя и свои семьи или родственников, находящихся на иждивении.
4. У большинства погибших остались маленькие дети и вдовы, матери или сестры практически без средств к существованию и с очень маленьким заработком.
5. Раненые потеряли от одной до восьми недель времени, заплатив от 50 центов до 4 долларов в день каждый.
6. Около семидесяти человек были ранены, и среди них было огромное количество страданий. В некоторых случаях это была длительная и мучительная боль.
7. Многие из раненых изуродованы, а некоторые навсегда остались инвалидами.
8. Большинство из них находились в скромных условиях, но они были честными, трудолюбивыми и законопослушными гражданами и полезными членами общества.
9. Эти утверждения справедливы как для белых, так и для цветных.
10. Из раненых десять белых и шестьдесят цветных. Из убитых двое белых и десять цветных; две женщины и десять мужчин. В это число входят трое убитых при Браунсвилле.
11. Дикие слухи о большем числе убитых не имеют под собой никаких оснований, которые мы можем обнаружить. Поскольку город оплачивал похороны погибших и оказывал помощь их семьям, у них были все основания заявить о своей утрате. В одном случае родственники мужчины, погибшего во время пожара, предприняли бесплодные усилия, чтобы добиться помощи.
12. Два человека, о которых сообщалось как о жертвах беспорядков, не имели к ним никакого отношения. Один, мужчина-негр, был убит во время ссоры из-за игры в кости, а другая, женщина-негритянка, была убита своим любовником. Оба убийства произошли на некотором расстоянии от места беспорядков.

Люди, сделавшие этот смелый доклад, не стеснялись в выражениях. Они назвали убийство убийством, а грабеж - грабежом. Читайте также:

13. Поскольку двенадцать человек были убиты, а семьдесят подверглись кровавым нападениям, и, по общему мнению, в каждом нападении участвовало несколько человек, становится ясно, что несколько сотен убийц или потенциальных убийц находятся на свободе в этом районе.

Поначалу, после беспорядков, в некоторых кругах склонялись к тому, чтобы сказать:

"Ну, во всяком случае, беспорядки очистили атмосферу. Негры получили урок. В ближайшее время проблем больше не будет".

Но вчитайтесь в трезвые выводы, содержащиеся в отчете Комитета. Бунт не предотвратил дальнейших преступлений.

14. Хотя с момента бунта прошло менее трех месяцев, события уже показали, что расправа над невинными не удерживает преступный класс от совершения новых преступлений. За это время в городе были совершены изнасилования и ограбления.

15. Расправа над невинными отталкивает добропорядочных граждан. Из одного небольшого района уехали двадцать пять семей. Многие из них покупали жилье в рассрочку.

16. Преступления мафии включают в себя как грабежи, так и убийства. В ряде случаев отбиралось имущество невинных и ни в чем не повинных людей. Уничтожалась мебель, грабились небольшие магазины, разбивались окна, вскрывались сундуки, из мелких кладов забирались деньги, присваивались ценные вещи. При совершении этих преступлений с жертвами, как мужчинами, так и женщинами, обращались с неопишуемой жестокостью.

17. В результате четырехдневного беззакония в это радостное рождественское время вдовы обеих рас оплакивают своих мужей, а мужья обеих рас - своих жен; есть дети-сироты обеих рас, которые тщетно взывают к лицам, которые они больше не увидят; есть взрослые мужчины обеих рас, ставшие инвалидами на всю жизнь, и все это горе досталось людям, которые абсолютно не виновны ни в каких правонарушениях.

Пытаясь выяснить точку зрения и чувства негров - а это самое важное при честном рассмотрении ситуации, - я получил следующее письмо, написанное молодым цветным человеком, бывшим жителем Атланты, а ныне студентом на Севере. Он откровенно пишет другу. Оно ценно тем, что показывает *реальную* точку зрения - горечь, безнадежность, недоверие.

"... Возможно, ты хотя бы приблизительно представляешь себе, что мы чувствуем в результате ужасного извержения в Джорджии. С тех пор я не разговаривал на эту тему ни с одним кавказцем. Но послушайте: Как бы вы себя чувствовали, если бы в нашей истории наступило время, когда после речей, бумаг и поучений вы приобрели собственность, получили образование и стали довольно хорошим человеком, но при этом вы не могли бы пройти по улице (на содержание которой вы платили налоги) со своей сестрой, не находясь под смертельным страхом смерти, если бы вы обиделись на любое оскорбление, нанесенное ей? Как бы вы себя чувствовали, если бы увидели, что губернатор, мэр, шериф, против которого вы не могли выступить на выборах, делом, словом или тем и другим подстрекает толпу "лучших" и худших граждан к расправе над вашими людьми на улицах, в их собственных домах и в местах их работы? Неужели вы думаете, что сможете противостоять тому же гневу, который заставил Бога истреблять филистимлян, а русских - бросать бомбы? Я могу противостоять ему, но с каждым новым возмущением я все менее способен противостоять ему. И все же, если бы я поддался своим чувствам, то стал бы таким же, как другие люди... толпой! Но я не хочу... не совсем хочу, и я должен спешить по единственной жизни, которую мне предстоит прожить на земле, терзаемый этими переживаниями и этими ужасными порывами, без надежды когда-либо от них избавиться. Они вечно присутствуют, как справедливый Бог, дьявол и моя совесть.

"Если бы не существовало такого понятия, как христианство, мы были бы безнадежны".

Помимо такого воздействия на негров, бунт на неделю или больше практически парализовал город Атланту. Фабрики были закрыты, железнодорожные вагоны оставались незагруженными во дворах, система уличного транспорта была разрушена, а такси не работали (водители такси были неграми), сотни слуг покинули свои места, банковские счета сократились на сотни тысяч долларов, ярмарка штата, которая тогда только открылась, была

провалена. Прошло несколько недель, прежде чем доверие полностью восстановилось и город вернулся в свое обычное состояние.

Кто составлял мафию?

Еще один момент, который я хотел бы отметить, прежде чем приступить к экстраординарной восстановительной работе, последовавшей за беспорядками. Я не говорил о людях, которые составляли толпу. Мы знаем опасный класс негров - в конце концов, это очень небольшая часть всего негритянского населения. Существует соответствующий низкий класс белых, столь же неграмотных, как и негры.

Бедные белые ненавидят негров, а негры - бедных белых. Именно в этих низших слоях общества, где расы трутся друг о друга на нечистых улицах, и зарождается огонь. Улицы Декатур и Питерс с их кишачими салунами и забегаловками служат точкой соприкосновения. Я разговаривал со многими людьми, которые видели эти толпы в разное время, и, по всеобщему свидетельству, они состояли в основном из мальчиков и юношей, а также из низкого преступного и полупреступного класса. Невежественный негр и необразованный белый - вот в чем беда!

Эта мысль о том, что 115 000 жителей Атланты - уважаемых, законопослушных, добропорядочных граждан, белых и черных, - должны быть опозорены перед всем миром несколькими сотнями преступников, пробудила сильное, честное гражданство Атланты к активным действиям.

Бунт выявил все худшее в человеческой природе; восстановление - все лучшее и прекрасное.

Практически первым действием властей стало закрытие всех салунов в городе, затем были отозваны все лицензии, и в течение двух недель в городе не продавалось спиртное. Полиция, которую сначала обвинили в том, что она не справилась с толпой, арестовала множество белых бунтовщиков, и судья Бройлс, чтобы показать, что власти не сочувствуют таким нарушителям спокойствия, отправил каждого человека, представшего перед ним, всего двадцать четыре человека, в цепную банду для вынесения максимально возможного наказания, без альтернативы в виде штрафа. Большое жюри собралось и смело осудило толпу; в его отчете, в частности, говорилось

"Сенсационность дневных газет в подаче криминальных новостей публике перед беспорядками в субботу вечером, особенно в случае с "Атланта Ньюс", заслуживает нашего самого сурового осуждения".

Но самым важным и далеко идущим эффектом беспорядков было возбуждение сильных мужчин города. Он задел гордость жителей Юга, задел их чувство законности и порядка, задел их деловые интересы. В воскресенье после первого бунта несколько видных людей собрались в отеле "Пьемонт" и провели короткую беседу; но только во вторник днем, когда пришли худшие новости из Браунсвилля, они собрались в здании суда с серьезным намерением остановить бунт любой ценой. Присутствовало большинство видных людей Атланты. Председательствовал Сэм Д. Джонс, президент Торговой палаты. Одним из первых с речью выступил Чарльз Т. Хопкинс, который был главным действующим лицом на собраниях в воскресенье и понедельник. Он красноречиво выразил унижение, которое испытывала Атланта.

"В субботу вечером, в восемь часов, - сказал он, - кредит Атланты был хорош для любого количества миллионов долларов в Нью-Йорке, Бостоне или любом финансовом центре; сегодня же мы не можем занять и пятидесяти центов. Репутация, которую мы так упорно создавали годами, была сметена за два коротких часа. Не людьми, которые создавали и создают Атланту, не людьми, которые представляют характер и силу нашего города, а хулиганами, подставными лицами и белыми преступниками. Невинные негры были убиты ни за какие преступления, мирно наслаждаясь жизнью и свободой, гарантированными каждому американскому гражданину. Негритянская раса - это раса детей. Мы - сильная раса, их опекуны. Мы кичились своим превосходством и теперь опустились до этого уровня - мы проливаем кровь наших беспомощных подопечных. Христианство и человечность требуют от нас справедливого отношения к неграм. Он здесь и останется здесь. Он умеет делать только то, чему мы его учим; наш христианский долг - защищать его. Я, например, - и я думаю, что выражаю лучшие чувства этого города, - готов отдать свою жизнь, лишь бы не повторились сцены последних дней".

Призыв негритянского врача

В разгар собрания с сомнением поднялся цветной мужчина. Однако в нем сразу же узнали доктора У. Ф. Пенна, одного из ведущих цветных врачей Атланты, выпускника Йельского колледжа, человека, пользующегося большим влиянием среди своего народа. Он сказал, что пришел просить защиты у белых жителей Атланты. Он рассказал, что накануне к его дому пришла толпа; что десять белых мужчин, некоторых из семей которых он знал и профессионально лечил, были посланы в его дом искать спрятанное оружие; что его маленькая девочка бежала к ним, один за другим, и умоляла их не стрелять в ее отца; что его жизни и жизни его семьи угрожали, так что ему пришлось покинуть свой дом; что его спас от собирающейся толпы белый человек в автомобиле.

"Что нам делать?" - спросил он собравшихся, и те, кто слышал его речь, сказали, что тишина была глубокой. "Нас разоружили: как мы будем защищать свои жизни и имущество? Если трезвая, трудолюбивая, честная жизнь, накопление имущества и образование детей по мере сил - это не тот стандарт, по которому цветной может жить и быть защищенным на Юге, то что же с ним будет? Если та жизнь, которую я вел, не соответствует вашим требованиям, должен ли я уехать на Север?"

"Когда мы стремимся быть порядочными и трудолюбивыми, нам говорят, что мы являемся плохим примером для других цветных. Скажите нам, каковы ваши стандарты для цветных людей. Каковы требования, в соответствии с которыми мы можем жить и быть защищенными? Что нам делать?"

Когда он закончил, полковник А. Дж. Макбрайд, владелец недвижимости и ветеран Конфедерации, встал и с чувством сказал, что знает доктора Пенна и что он хороший человек, и что Атланта намерена защищать таких людей.

"Если понадобится, - сказал полковник Макбрайд, - я выйду и буду сидеть на его крыльце с винтовкой".

Таков был дух этого замечательного собрания. Мистер Хопкинс предложил белым жителям города выразить свое глубокое сожаление по поводу беспорядков и проявить сочувствие к неграм, пострадавшим от рук толпы, собрав денежный фонд для их помощи. Тогда и было подписано 4 423 доллара, к которым город впоследствии добавил 1 000 долларов.

Но это было еще не все. Пробудившись, эти люди стали смотреть в будущее, чтобы найти новый способ предотвратить повторение подобных беспорядков.

В комитет из десяти человек, назначенный для работы с государственными чиновниками по восстановлению порядка и доверия, вошли одни из самых известных граждан Атланты:

Чарльз Т. Хопкинс, Сэм Д. Джонс, президент Торговой палаты; Л. З. Россер, президент Совета по образованию; Дж. У. Инглиш, президент Четвертого национального банка; Форрест Адэр, ведущий владелец недвижимости; капитан У. Д. Эллис, известный адвокат; А. Б. Стил, богатый торговец пиломатериалами; М. Л. Коллиер, железнодорожник; Джон Э. Мерфи, капиталист; и Х. Й. Маккорд, президент оптового бакалейного дома.

Одним из первых и самых неожиданных действий комитета было направление нескольких ведущих негритянских граждан Атланты: преподобного Г. Х. Проктора, Б. Дж. Дэвиса, редактора негритянского журнала *"Индепендент"*, преподобного Э. П. Джонсона, преподобного Э. Р. Картера, преподобного Дж. А. Раша и епископа Холси.

Встреча комитетов двух рас

Это был первый важный случай на Юге, когда была предпринята попытка собрать представителей двух рас вместе для серьезного рассмотрения их разногласий.

Они провели собрание. Белые спросили негров: "Что нам делать, чтобы снять раздражение?" Негры ответили, что, по их мнению, с цветными людьми обращаются излишне грубо в трамваях и в полиции. Белые члены комитета признали, что это так, и пообещали немедленно обсудить этот вопрос с компанией по перевозкам и департаментом полиции, что и было сделано. Обсуждение прошло гармонично. После собрания мистер Хопкинс сказал:

"Я считаю, что эти негры понимали ситуацию лучше, чем мы. Я был поражен их умом и дипломатичностью. Они никогда не упоминали о бунте: они смотрели в будущее. Я не знал, что в Атланте есть такие негры".

Из этого начала выросла Гражданская лига Атланты. Зная о сильных расовых предрассудках, мистер Хопкинс разослал 2 000 открыток, приглашая самых известных людей города стать ее членами. К его удивлению, 1500 человек сразу же согласились, только двое отказались, да и те анонимно; 500 человек, не получивших официального приглашения, также были приняты в члены. Таким образом, за лигой стояло огромное количество лучших граждан Атланты. В то же время мистер Проктор и его комитет негров организовали Цветную кооперативную гражданскую лигу, в которую вошли 1 500 лучших цветных мужчин города. Небольшой комитет негров встретился с небольшим комитетом белой лиги.

Было высказано опасение, что во время рождественских праздников произойдет еще одна вспышка беспорядков, и лига энергично принялась за ее предотвращение. Были поставлены новые полицейские, комитет вместе с судьей Бройлсом и судьей Роаном выступил с заявлениями, предостерегающими население от беззакония. Они договорились с газетами не публиковать сенсационные новости; шериф согласился, если потребуется, взять на службу в качестве дополнительных помощников нескольких лучших людей города; они попросили, чтобы салуны закрывались в четыре часа в канун Рождества; и через негритянский комитет они добились, чтобы все цветные не выходили на улицы. Когда двое полицейских округа напились в Браунсвилле и угрожали миссис Фэмбро, жене одного из негров, убитых во время бунта, член комитета, мистер Сили, издатель газеты *"Джорджиан"*,

сообщил об этом шерифу и отправил свой автомобиль в Браунсвилл, где полицейские были арестованы и впоследствии уволены из полиции. В результате это было самое спокойное Рождество в Атланте за последние годы.

Но самым важным из всей проделанной работы, поскольку она вызвала огромный интерес, была защита негра, обвиненного в нападении на белую женщину. Это необычная и драматическая история.

Предотвращает ли бунт дальнейшие преступления?

Хотя многие говорили, что бунт предотвратит новые преступления негров, в течение нескольких недель после него произошло несколько нападений на белых женщин. 13 ноября на миссис Дж. Д. Кэмп, проживавшую в пригороде Атланты, среди бела дня напал негр, жестоко избил ее, а затем ограбил дом и скрылся. Хотя газеты отнеслись к этому преступлению весьма сдержанно, общественное мнение было очень сильным. Негр был арестован и обвинен в преступлении. Мистер Хопкинс и его единомышленники считали, что лучшим способом добиться справедливости и предотвратить линчевание является скорый суд. Поэтому они провели совещание с судьей Роаном, в результате которого три адвоката города - мистер Хопкинс, Л. З. Россер и Дж. Э. МакКлелланд - были назначены защищать обвиняемого негра, работая без оплаты. Был созван суд присяжных, состоящий из двенадцати граждан, одних из самых известных в Атланте, - один из самых способных присяжных, когда-либо набранных в Джорджии. Присяжные были полны решимости добиться немедленного и полного правосудия.

Арестованный негр, некто Джо Гленн, был полностью опознан миссис Кэмп как ее обидчик. Не сомневаясь в его виновности, адвокаты принялись за дело со всей тщательностью. Первым делом они вызвали двух членов негритянского комитета, мистера Дэвиса и мистера Картера. Эти люди отправились в тюрьму и поговорили с Гленном, после чего все вместе посетили место преступления. Они обнаружили, что Гленн, мужчина пятидесяти лет с внуками, пользовался отличной репутацией. Он арендовал небольшую ферму в двух милях от дома миссис Кэмп и имел некоторое имущество; он был трезв и трудолюбив. Проведя тщательный осмотр и собрав все возможные доказательства, они вернулись в Атланту, убежденные, несмотря на то, что негр был опознан миссис Кэмп, что в таких случаях обычно считается убедительным, что Гленн не виновен. Это было очень драматичное судебное разбирательство: сначала, когда миссис Кэмп предстала перед судом, она не смогла опознать Гленна, а затем, изменив свое мнение, разразилась страстными обличениями в его адрес. Но после того как все доказательства были приведены, присяжные удалились и через две минуты вынесли вердикт "Не виновен". Примечательно, что перед самым окончанием процесса полиция сообщила суду, что другой негр по имени Уилл Джонсон, подходящий под описание миссис Кэмп, был арестован и обвинен в преступлении. Впоследствии он был опознан миссис Кэмп.

Если бы не эта энергичная защита, невинный, трудолюбивый негр, несомненно, был бы повешен - или, если бы толпа опередила полицию, как это обычно бывает, его бы линчевали.

Но что было с Гленном потом?

Когда присяжные покинули зал заседаний, мистер Хопкинс повернулся к Гленну и сказал:

"Ну, Джо, что ты думаешь о деле?"

Тот ответил: "Босс, я думаю, что меня повесят, потому что та леди сказала, что я мужчина, но они не повесят меня, не так ли, прежде чем я снова увижу свою жену и чиллунов?"

В ту ночь и на следующий день его держали в башне для защиты от возможного линчевания. Адвокаты планировали тайно отправить его из города в дом фермера в Алабаме, которому они могли бы доверить эту историю. Жену Гленна привели в тюрьму, где Гленну рассказали о планах по обеспечению его безопасности и велели сменить имя и молчать, пока не выяснится мнение общества.

Его адвокаты купили билет, а также новый костюм, шляпу и обувь. Около полуночи его вывели из тюрьмы под надежной охраной и благополучно посадили на поезд. С того дня и по сей день о нем ничего не слышно. Он не уехал в Алабаму. Бедное существо, обладающее инстинктом загнанного зверя, не осмелилось довериться белым людям, которые его приютили. Он беглец, вдали от своей семьи, не смеющий, хотя и невиновный, вернуться в свой дом.

Другие движения Реконструкции

Возникло и другое мощное движение. Его вдохновение было религиозным. Священнослужители написали ряд писем в газету *Atlanta Constitution*. Кларк Хауэлл, редактор газеты, ответил на них редакционной статьей под названием "Проложим ли мы тропу?". У. Дж. Нортен, экс-губернатор Джорджии и один из самых уважаемых людей в штате, взялся за работу, спрашивая себя, как он говорит:

"Что делать мне, который должен молиться каждую ночь?".

Он ответил на этот вопрос, созвав собрание в здании цветной организации Y. M. C. A., где около двадцати белых мужчин встретились с таким же количеством негров, в основном проповедников, и провели молитвенное собрание.

Юг все еще надеется на своих священников, и они действительно ведут его за собой. Проповеди таких людей, как преподобный Джон Э. Уайт, преподобный К. Б. Уилмер, преподобный В. В. Ландрум, которые с силой и умением выступали против беззакония и несправедливости по отношению к неграм, оказали большое влияние на движение за восстановление.

Экс-губернатор Нортен проехал по штату Джорджия, произнес ряд примечательных речей, призывал к созданию организаций по поддержанию правопорядка и встречал поддержку везде, где бы он ни был. Он открытым текстом выступал против мафиозных преступлений и самосуда. Вот некоторые из его высказываний:

"Мы никогда не уладим это дело, пока не обеспечим абсолютную справедливость по отношению к неграм. Сейчас мы не справляемся с неграми в Джорджии".

"Вступайте в контакт с лучшими неграми; в Джорджии много хороших негров. Мы должны сделать так, чтобы хорошие белые заквашивали плохих белых, а хорошие негры заквашивали плохих негров".

"Не должно быть аристократии преступности: белого изверга следует бояться так же, как и черной скотины".

Эти движения не затрагивали, как можно заметить, ни чрезвычайно сложные проблемы политики и политических взаимоотношений рас, ни тему образования негров, ни самые изнурительные из всех провокационных проблем - те, что возникают при контакте людей в уличных вагонах, железнодорожных поездах и вообще в жизни.

О том, что им пришлось столкнуться с величайшими трудностями в своей работе, свидетельствует такая редакционная статья, как следующая, опубликованная 12 декабря в *газете Atlanta Evening News*:

Ни один закон, ни Божий, ни человеческий, не сможет сдержать месть наших белых людей такому преступнику [негру, напавшему на белую женщину]. Если понадобится, мы удвоим, утроим и утроим закон Моисея и повесим преступника за руки, или, не найдя такого средства, повесим двух, трех или четырех негров, ближайших к преступнику, пока преступление не перестанет совершаться или бояться во всей этой южной стране, которую мы населяем и любим".

31 января 1907 года газета, опубликовавшая эту передовицу, перешла в руки управляющего - ее крах был во многом обусловлен сильным общественным настроением против ее курса до и во время беспорядков.

После того как волнение, вызванное беспорядками, и последовавшие за ними плохие результаты стали исчезать, естественно, что движение за восстановление должно было затихнуть. Экс-губернатор Нортен продолжал свою работу в течение многих месяцев и, по сути, продолжает ее до сих пор: и нет сомнений, что его кампании оказали широкое влияние. Ощущение, что салуны и дайвинги Атланты отчасти виноваты в беспорядках, стало мощным фактором в антисалунной кампании, которая проходила в 1907 году и привела к закрытию всех салунов в штате Джорджия 1 января 1908 года. А бунт и последовавшее за ним возмущение сделают повторение подобных беспорядков практически невозможным.

ГЛАВА II

СЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТНОЙ ЛИНИИ НА ЮГЕ

Прежде чем приступить к обсуждению более серьезных аспектов негритянского вопроса на Юге, возможно, будет полезно вкратце рассказать о некоторых поверхностных свидетельствах различий по цветовой линии на Юге в том виде, в каком они производят впечатление на исследователя. Настоящая глава состоит из серии зарисовок из моих записных книжек, дающих самые ранние и свежие впечатления от моих исследований на Юге.

Когда я впервые отправился на Юг, я ожидал, что люди будут говорить о неграх, но я совершенно не был готов к тому, что эта тема займет такое огромное место в делах Юга. На Севере у нас нет ничего подобного; нет вопроса, который бы так затрагивал каждый акт

жизни, в котором все, белые или черные, были бы так глубоко заинтересованы. На Севере нас мало что волнует, а на Юге - только одно.

И это неудивительно, ведь негр на Юге - это и проблема труда, и проблема слуг; он - важнейший политический вопрос, а его место в обществе обсуждается ежедневно и ежечасно. Один негритянский священник, с которым я познакомился, рассказал мне историю о мальчике, который работал своего рода помощником дворецкого в доме одной известной семьи в Атланте. Его люди, естественно, интересовались тем, что происходит в доме белого человека. Однажды они спросили его:

"О чем они говорят, когда едят?".

Мальчик немного подумал, а потом сказал:

"В основном, они обсуждают нас, выбракованных людей".

О чем говорят негры

Такой же всепоглощающий интерес существует и среди негров. Очень большая часть их разговоров посвящена расовому вопросу. Я пробыл в отеле "Пьемонт" всего день или два, когда мой официант-негр начал особенно заботиться обо мне. Он стряхивал с меня воображаемые крошки и давал мне ненужные ложки. Наконец, когда никого не было под рукой, он наклонился ко мне и сказал:

"Как я понимаю, вы приехали сюда изучать негритянскую проблему".

"Да", - ответил я, немало удивившись. "Откуда вы это знаете?"

"Ну, сэр, - ответил он, - у нас есть способы узнавать вещи".

Он рассказал мне, что негры были сильно встревожены после бунта и что он знал многих из них, кто хотел уехать на Север. "Юг, - сказал он, - становится слишком опасным для цветных людей". Его язык и произношение были на удивление хорошими. Я узнал, что он учится в колледже и собирается получить духовное образование.

"Вы много говорите об этих вещах между собой?" - спросил я. спросил я.

"Мы вообще мало о чем говорим", - ответил он. "Для нас это что-то вроде жизни и смерти".

Вскоре после этого произошел еще один любопытный случай. Я обедал с несколькими прекрасными южанками, и они, как обычно, разговаривали с величайшей свободой в полном окружении негров-официантов. Почему-то я не мог не следить за тем, обращают ли негры внимание на то, что говорят. Мне стало интересно, чувствительны ли они. Наконец я задал этот вопрос одному из своих друзей:

"О, - сказал он, - мы не обращаем на них внимания; им все равно".

Один из официантов тут же заговорил:

"Нет, не обращайтесь на меня внимания, я всего лишь деревянный блок".

Первый взгляд на негров

Утром по прибытии я отправился из отеля, чтобы проследить, как цветная линия проявляется внешне в жизни такого города.

Атланта - необычайно привлекательное место, такое же яркое и новое, как любой западный город. Шерман оставил ее в пепле после окончания войны; старые здания и узкие улицы были сметены, и был построен новый город, который сейчас растет не менее удивительным образом. В нем проживает от 115 000 до 125 000 человек, около трети из которых - негры, живущие в более или менее обособленных кварталах в разных частях города и придающие жизни индивидуальность, достаточно интересную для незнакомого северянина. Многие из них всегда на улицах, гораздо лучше одетые и выглядящие, чем я ожидал увидеть - возможно, имея в виду оборванные деревенские образцы, изображенные на грошовых почтовых карточках. Толпы негров работали, чиня тротуары, потому что итальянцы и славяне еще не появились в Атланте, да и вообще нигде на Юге. Я остановился, чтобы понаблюдать за их группой. Они оживленно переговаривались, то тут, то там негр заливисто смеялся, и несколько раз я слышал обрывки песен: гораздо более веселые работники, чем наши мрачные иностранцы, но, очевидно, не так тяжело работающие. Для обогрева некоторых инструментов был разведен костер, и вокруг него, как мухи вокруг капли патоки, собрался черный круг негров, которые болтали, грея голени, - очевидно, у них было много свободного времени.

Пройдя дальше по улице, я обнаружил, что все водители фургонов и кэбов - негры; я видел негров-газетчиков, негров-носильщиков, негров-парикмахеров, и, поскольку день был яркий, многие из них находились на улице - на солнечной стороне.

В тот вечер я рассказал нескольким встреченным мной южанам о впечатлении, почти веселом, которое произвели на меня негритянские рабочие. Одна из пожилых дам сделала, как мне показалось, очень важное замечание.

"Они уже не поют так, как раньше", - сказала она. "Вы бы знали старых негритянок с плантации. С каждым годом, мне кажется, они все больше и больше теряют свое беззаботное хорошее настроение. Иногда мне кажется, что я их больше не знаю. После бунта они стали такими хмурыми и серьезными, что я могу смело сказать, что боюсь их!"

Одно из моих ранних поручений в то утро привело меня в несколько новых офисных зданий, свидетельствующих о необычайном прогрессе города. И здесь я обнаружил одно из первых свидетельств цветовой линии, которую я искал. В обоих зданиях я обнаружил отдельный лифт для цветных людей. В одном здании были установлены таблички с надписью:

ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ

В другом я скопировал этот знак:

**ЭТОТ ВАГОН ДЛЯ ЦВЕТНЫХ ПАССАЖИРОВ,
ГРУЗОВ, ЭКСПРЕССОВ И ПОСЫЛОК.**

Любопытно, что в качестве интересной точки зрения один интеллигентный негр, с которым я разговаривал несколько дней спустя, спросил:

"Вы видели знак лифта в здании Century Building?"

Я ответил, что видел.

"Как вы смотрите на то, чтобы быть причисленным к "грузовым, экспресс и посылочным"?"

Я обнаружил, что ни один негр никогда не заходил в лифт, предназначенный для белых людей, но белые люди часто ездили в вагонах, предназначенных для цветных. В некоторых случаях кабиной для негров управляет белый человек, а в других случаях все лифты в здании обслуживают цветные мужчины. Это один из любопытных моментов промышленного контакта на Юге, который несколько удивляет северян. На Севере белый рабочий часто отказывается работать с негром; на Юге же, пока сильны социальные предрассудки, негры и белые работают бок о бок на многих видах работ.

Вскоре после этого у меня появилась иллюстрация. Проходя мимо почтового отделения, я увидел, как из него выходят несколько разносчиков почты, одни белые, другие черные, разговаривают и смеются, причем поначалу не было заметно, что существует какая-то цветовая грань. Заинтересовавшись, как обстоят дела на самом деле, я зашел внутрь и навел справки. Обнаружилось очень интересное и значимое обстоятельство. Я обнаружил, что почтмейстер - мудрый человек - посылает негров-носильщиков на Пичтри и другие фешенебельные улицы, где живут состоятельные белые люди, в то время как белым носильщикам поручаются удары в районах мельниц и других частях города, где живут бедные слои белого населения.

"Видите ли, - сказал мой информатор, - жители Пичтри знают, как обращаться с неграми. Они действительно предпочитают негра-носильщика белому; для них естественно, когда негр выполняет такую работу. Но если мы пошлем негров-перевозчиков в район мельниц, им могут снести головы".

Затем он сделал философское замечание:

"Если бы у нас здесь были только лучшие белые и трудолюбивые негры, не было бы никаких проблем".

Машина Джима Кроу

Один из моментов, который меня особенно интересовал, касался правил "Джима Кроу", то есть системы разделения рас в уличных вагонах и железнодорожных поездах. Наряду с вопросом об избирательном праве негров, я думаю, что жители Севера слышали о законодательстве "Джим Кроу" больше, чем о чем-либо другом, связанном с негритянской проблемой. Уличный вагон - прекрасное место для наблюдения за точками соприкосновения между представителями разных рас, в которых проявляются все оттенки чувств тех и других. Почти ни в каких других отношениях расы физически не сходятся друг с другом на общих основаниях. В своих домах и на обычной работе они встречаются как хозяин и слуга; но в уличных машинах они соприкасаются как свободные граждане, каждый из которых платит за право ехать, белый не занимает командного места, а негр не обязан подчиняться. Отношения в уличных вагонах, таким образом, символизируют новые условия. Еще несколько лет назад в большинстве городов негр входил и выходил из уличных машин и сидел там, где ему вздумается, но постепенно были приняты законы Джима Кроу или местные правила, заставляющие его занимать определенные места в задней части вагона.

Пока я был в Атланте, газеты сообщили о двух новых значительных событиях в политике разделения. В Саванне впервые вступили в силу постановления Джима Кроу, что вызвало бурные протесты со стороны негров и отказ многих из них вообще пользоваться вагонами. Монтгомери, штат Ала, примерно в то же время пошел еще дальше и потребовал не отдельных мест в одном вагоне, а совершенно отдельных вагонов для белых и черных.

Невозможно найти более наглядного свидетельства растущего разделения рас и решимости белого человека заставить негра "оставаться на своем месте", чем эволюция правил Джима Кроу.

Мне было любопытно посмотреть, как эта система работает в Атланте. Над дверью каждого вагона я обнаружил такую табличку:

БЕЛЫЕ ЛЮДИ БУДУТ САДИТЬСЯ СПЕРЕДИ МАШИНЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К
СЗАДИ, А ЦВЕТНЫЕ - СЗАДИ, СПЕРЕДИ.

Конечно, я обнаружил, что белые сидят впереди, а негры - позади. Как видно из таблички, здесь нет четкой линии разделения между белыми и черными местами, как во многих других южных городах. Само отсутствие четкой демаркации говорит о многих отношениях на Юге. Цветовая линия проведена, но ни одна из рас не знает, где она находится. Более того, во многих отношениях ее невозможно провести однозначно, поскольку она постоянно меняется. Эта неопределенность - благодатный источник трений и горечи. В первый раз, когда я ехал в вагоне в Атланте, я видел, как кондуктор - все кондукторы белые - попросил негритянку встать и занять место подальше назад, чтобы освободить место для белого мужчины. Я также видел, как белых мужчин просили покинуть негритянскую часть вагона.

Однажды, когда я ехал в вагоне, кондуктор крикнул: "Эй, ты, черномазый, отойди назад", что негр, занявший место слишком далеко впереди, поспешно и сделал.

Ни одна другая точка соприкосновения рас не обсуждается неграми так много и так ожесточенно, как вагон Джима Кроу. Я не знаю, сколько негров ответили на мой вопрос: "Что является главной причиной трений здесь?" - жаловались на обращение с ними в уличных вагонах и в железнодорожных поездах.

Почему негры возражают против "вагонов Джима Кроу"

В основе своей они, конечно, возражают против любого разделения, которое предоставляет им неполноценные условия. Эта точка зрения - а я стараюсь изложить все точки зрения, как цветных, так и белых, именно так, как я ее нахожу, - выражается по-разному.

"Мы платим за проезд первым классом, - сказал один из ведущих негров Атланты, - точно так же, как и белый человек, но не получаем первоклассного обслуживания. Я говорю, что это несправедливо".

В ответ на эту жалобу белый человек говорит: "Негр неполноценен, его нужно заставить занимать свое место. Дайте ему шанс, и он примет социальное равенство, а это приведет к попыткам межнационального брака и слияния рас. Англосаксы никогда не пойдут на это".

Одной из первых жалоб негров после бунта стало грубое и несправедливое обращение в уличных вагонах.

Комитет признал, что с неграми не всегда хорошо обращались в вагонах, и пообещал улучшить условия. Чарльз Т. Хопкинс, лидер Гражданской лиги и один из видных юристов города, сказал мне, что, по его мнению, неграм должны быть предоставлены определенные места в каждом вагоне; он сказал, что лично для себя взял за правило вставать, а не занимать одно из четырех задних мест, которые он считал принадлежащими неграм. Два других ведущих человека по другому поводу сказали мне то же самое.

Одним из результатов тренировок по поводу правил Джима Кроу стало то, что многие негры ездят в вагонах как можно реже. Один видный негр, с которым я познакомился, сказал, что никогда не заходил в вагон и что у него много друзей, которые придерживаются той же политики; он сказал, что экскурсии негров в уличных вагонах, знакомые еще несколько лет назад, полностью прекратились. Показательно, что одной из особенностей бунта в Атланте стало нападение на уличные вагоны, в ходе которого всех негров согнали со своих мест. Одну негритянку вытолкнули в открытое окно, а после падения на тротуар ее протащили за ногу по тротуару и бросили в витрину магазина. В другом случае, когда толпа остановила машину, водитель, вместо того чтобы защищать своих пассажиров, вошел внутрь и избил негра своим латунным рычагом управления.

История о столкновении в уличном вагоне

Я слышал бесчисленные истории о столкновениях в уличных вагонах как от белых, так и от негров. Доктор У. Ф. Пенн, один из ведущих негритянских врачей города, сам частично белый, выпускник Йельского колледжа, рассказал мне об одном случае, когда он вошел в вагон и обнаружил там миссис Крогман, жену цветного президента Университета Кларка. Миссис Крогман - мулатка с таким светлым цветом лица, что ее практически невозможно отличить от белых людей. Доктор Пенн, хорошо знавший ее, сел рядом с ней и начал разговор. Белый мужчина, занимавший место впереди со своей женой, повернулся и сказал:

"Вот ты, негр, убирайся с этого места. Что ты имеешь в виду, когда садишься к белой женщине?"

Доктор Пенн несколько раздраженно ответил:

"Дошло до того, что цветной мужчина не может сесть с женщиной своей расы в своей части вагона".

Белый мужчина повернулся к своей жене и сказал:

"Вот, возьми эти свертки. Я собираюсь выпороть этого черномазого".

Через полминуты в вагоне поднялась суматоха, двое мужчин боролись. К счастью, кондуктор и машинист быстро оказались под рукой, и доктор Пенн выскользнул из вагона.

Обстановка в железнодорожных поездах, хотя и не так часто приводит к личным столкновениям, также является причиной постоянного раздражения. Когда я приехал на Юг, я с особым вниманием наблюдал за порядком в поездах. В некоторых случаях неграм предоставляют целые вагоны в передней части поезда, в других случаях они занимают заднюю часть комбинированного вагона и багажного вагона, который на Севере используется в качестве курительного отделения. Жалоба заключается в том, что, хотя негр должен платить за проезд первым классом, ему предоставляются условия второго класса. Состоятельные негры, которые могут позволить себе поездку, также жалуются на то, что им не разрешают занимать спальные места в вагоне. Букер Т. Вашингтон обычно занимает купе, где он полностью отрезан от белых пассажиров. Так же поступают и некоторые другие негры, хотя им часто отказывают даже в этой дорогостоящей привилегии. Железнодорожные чиновники, с которыми я разговаривал, - а это очень важно, - говорили, что дело не только в общественном мнении, которое категорически против любого смешения рас в вагонах, но и в том, что поездки негров в большинстве мест незначительны по сравнению с поездками белых, что простой негр нечистоплотен и небрежен, и что непрактично предоставлять им

одинаковые условия, хотя это и тяжело для нескольких образованных негров. Они говорили, что когда приезжает делегация негров, достаточная для того, чтобы заполнить целый спальный вагон, они всегда могут получить жилье. Все это дает представление об огромных трудностях, сопровождавших разделение рас на Юге.

Еще один интересный момент, связанный с тенденциями, рано привлек мое внимание. В Атланте недавно закончили строительство одного из лучших железнодорожных вокзалов в этой стране. В обычном депо на Юге есть два зала ожидания примерно одинакового размера, один для белых, другой для негров. Но когда строился этот новый вокзал, весь фасад был отдан белым, а неграм отвели боковой вход и небольшой зал ожидания. Видные цветные люди расценили это как новое свидетельство вытеснения негров, как попытку предоставить им неравные условия, чтобы помешать им в борьбе за выживание. К железнодорожникам была направлена делегация с протестом, но безрезультатно. Результат: еще большее ожесточение. На станции есть две комнаты для обеда, одна для белых, другая для негров.

Один из ведущих цветных сказал мне:

"Ни один негр не ходит в обеденный зал на станции, кто бы мог помочь. Нам не нравится, как с нами обращаются".

Негритянский бойкот

Конечно, это был необычайно умный цветной человек, и он говорил от своего имени; насколько такое же чувство расового самосознания, достаточно сильное для проведения такого бойкота, как этот - а он похож на бойкот профсоюза - действует в массах невежественных негров, - вот вопрос, на который я надеюсь получить больше света по ходу работы. Я уже слышал, как не один цветной лидер жаловался на то, что негры не держатся вместе. А один белый плантатор, которого я встретил в гостинице, сказал многозначительную фразу на этот счет:

"Если бы негры собрались вместе и сберегли свои деньги, они бы вскоре стали хозяевами страны, но они не могут этого сделать и никогда не смогут".

После того как я начал прослеживать цветовую линию, я обнаружил свидетельства этого повсюду - буквально во всех сферах жизни. В театрах негры никогда не сидят внизу, но галереи заполнены ими до отказа. Разумеется, белые отели и рестораны полностью закрыты для негров, в результате чего у цветных есть свои собственные места для еды и сна, многие из которых невыразимо ветхие и нечистые. "Требуется спящие" - знакомая вывеска в Атланте, сообщающая о местах, где за несколько центов негр может найти кровать или матрас на полу, часто в комнате, где много других спящих, иногда и мужчины, и женщины в одной комнате теснятся друг к другу в антисанитарной и аморальной манере. В Атланте нет хороших общественных мест для образованных или обеспеченных негров, хотя в других городах строятся хорошие негритянские отели. Действительно, нельзя долго оставаться на Юге и не убедиться в чрезвычайных трудностях, с которыми сталкивается исключительный цветной человек.

СОПУТСТВУЮЩИЕ ФОТОГРАФИИ

Показывает, как цветные провели границу между салонами в Атланте, штат Джорджия. Многие салоны для негров содержались иностранцами, обычно евреями.

Во времена рабства многие негры посещали белые церкви, а негритянских детей часто учили белые женщины. Сейчас негра никогда (или очень редко) не увидишь в церкви белого человека. Один раз с тех пор, как я побывал на Юге, я видел очень старую негритянку, возможно, какую-то очень любимую мамочку, которая сидела впереди возле кафедры, но это единственное исключение из правила, которое попало мне на глаза. Негры не нужны в белых церквях. Поэтому у цветного населения в Атланте около шестидесяти собственных церквей. Разумеется, школы разделены, и так было со времен Гражданской войны.

В одном из парков Атланты я увидел такой знак:

НЕГРЫ В ЭТОТ ПАРК НЕ ДОПУСКАЮТСЯ

Цветная линия в публичной библиотеке

Показательной для растущего разделения рас является история о публичной библиотеке в Атланте, в которую не допускается ни один негр. Карнеги выделил деньги на ее строительство, и когда встал вопрос о поддержке ее городом, неизбежно возник вопрос о цвете кожи. Ведущие негры утверждали, что их народ должен быть допущен, что они нуждаются в таком образовании даже больше, чем белые, и что они должны облагаться налогом - пусть даже небольшим - на покупку книг и содержание здания. Конечно, они не добились своего, но мистер Карнеги предложил решение проблемы, предложив больше денег на строительство негритянской библиотеки-филиала при условии, что город выделит землю и обеспечит ее содержание. Город сказал неграм:

"Вы предоставляете землю, а мы будем поддерживать библиотеку".

Влиятельные негры сразу же договорились о покупке и выделении участка для библиотеки. Затем встал вопрос о контроле. Негры решили, что, поскольку они выделили землю, а здание будет использоваться исключительно для цветного населения, они должны иметь одного или двух членов в совете управления. Городские власти, которые занимались этим вопросом, ничего не хотели слышать; в результате негры не отдали землю, и библиотека-филиал так и не была построена.

В связи с этим: пока я был в Атланте, художественная школа, которая в прошлом часто использовала негритянских моделей, решила провести цветовую линию и больше их не нанимать.

Раньше негры и белые ходили в одни и те же салуны и пили в одних и тех же барах, как и сейчас, как мне сказали, в некоторых частях Юга. В нескольких случаях в Атланте были негры-владельцы салунов и много негров-барменов. Первым шагом к разделению стало разделение бара: верхняя часть - для белых, нижняя - для негров. После бунта, согласно новому указу, ни один салун не имел права обслуживать как белых, так и цветных мужчин.

Поэтому, идя по Декатур-стрит, можно увидеть салуны, обозначенные заметными вывесками:[\[1\]](#)

"ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ" "ТОЛЬКО ДЛЯ ЦВЕТНЫХ".

А когда негр страдает от обычных последствий длительного посещения Декатур-стрит и попадает в городскую тюрьму, его и там отделяют от белых. А потом в суде, если он предстанет перед судом, ему выдают две Библии; на одной он может принести присягу,

другая предназначена для белого человека. Когда он умирает, его хоронят на отдельном кладбище.

Один любопытный и поучительный пример бесконечных последствий "цветной черты" привел мне мистер Логан, секретарь благотворительной организации Atlanta Associated Charities, которая существует за счет добровольных пожертвований. Однажды, после беспорядков, один из подписчиков позвонил мистеру Логану по телефону и спросил: "Помогаете ли вы неграм в вашем обществе?".

"Да, иногда", - ответил мистер Логан.

"А для чего вы это делаете?"

"Неграм, как и всем остальным, бывает голодно и холодно", - ответил мистер Логан.

"Что ж, можете вычеркнуть мое имя из вашего списка подписчиков. Я не буду отдавать свои деньги обществу, которое помогает неграм".

Психология Юга

Звучит довольно жестоко, но за этим кроется особая психология Юга. Этот самый человек, отказавшийся от пожертвований в ассоциированные благотворительные организации, возможно, кормил нескольких негров со своей кухни и имел несколько негритянских пенсионеров, которые регулярно приходили к нему за помощью. Учитывая ожесточенность расовых чувств, я просто поразился, увидев, как щедро многие белые семьи отдают еду, одежду и деньги отдельным знакомым неграм. Негритянская кухарка часто содержит всю свою семью, включая ленивого мужа, на то, что она ежедневно получает с кухни белого человека. В некоторых старых семьях привычка негров носить корзины воспринимается как нечто само собой разумеющееся; в более новых ее начинают называть воровством, что свидетельствует о том, что старый порядок уходит и что негр все строже и строже отчитывается, причем не как зависимый вассал, а как моральное существо, которое должно нести собственную ответственность.

И нередко негр старого типа буквально бульдозером вталкивает своему потомственному белому защитнику в долг четвертаки и полдоллара, которые, как известно, оба никогда не вернут.

Мистер Бриттейн, суперинтендант школ округа Фултон, рассказал мне один случай. Однажды к нему в офис пришел здоровенный негр, с которым он был совершенно незнаком, и потребовал - не попросил, а именно потребовал - работу.

"Как вас зовут?" - спросил суперинтендант.

"Мэрион Лютер Бриттейн", - был ответ.

"Звучит знакомо", - сказал мистер Бриттейн - это было, действительно, его собственное имя.

"Yas, sah. Я сын вашей старой мамочки".

Короче говоря, Марион Лютер вырос на старой плантации; это был дух потомственного вассала, требующего защиты и поддержки потомственного барона, и он ее, конечно же, получил.

Негр, обращающийся с просьбой о помощи на основе этих старых отношений, не находит более снисходительного и щедрого друга, чем южный белый человек, снисходительный до того, что оправдывает воровство и другие мелкие правонарушения, но как только он принимает или требует каких-либо других отношений или выступает в качестве независимого гражданина, белые люди - по крайней мере, некоторые белые люди - обращаются к нему с самой яростной враждебностью. Инцидент с ассоциированными благотворительными организациями теперь можно понять. Не жестокость по отношению к холодному или голодному негру послужила основанием для требования разгневанного подписчика, а чувство, что ассоциированные благотворительные организации помогают неграм и белым наравне с мужчинами; что, следовательно, это поощряет "социальное равенство" и что, следовательно, это должно быть прекращено.

Большинство приведенных до сих пор примеров относится к линии социальных контактов, где, конечно, отталкивание очень сильное. Негры и белые могут ходить в разные школы, церкви и салуны, сидеть в разных уличных машинах и при этом жить вполне комфортно. Но чем дольше я остаюсь на Юге, тем отчетливее понимаю, насколько широкой и глубокой в других, менее заметных отношениях, становится пропасть между расами.

Новое расовое сознание среди негров

Одним из естественных и неизбежных результатов усилий белого человека выделить негра в отдельную расу является пробуждение в нем нового сознания - своего рода расового сознания. Оно заставляет негров объединяться для защиты и нападения. Многие способные негры, в значительной степени белой крови, лишенные возможности добиться успеха в жизни белого человека, по необходимости становятся лидерами своего собственного народа. И одна из их главных задач состоит в том, чтобы призвать негров работать вместе и стоять вместе. Этим они лишь развивают инстинкт защиты от белого человека, который всегда был скрыт в расе. Этот инстинкт проявляется в том, как масса негров иногда отказывается выдать преступника своего цвета белому правосудию; это похоже на инстинктивную клановость горных шотландцев или крестьян-ирландцев. Не знаю, сколько южан рассказывали мне на разные лады о том, как трудно добраться до настоящих чувств негра, заставить его рассказать о том, что происходит в его клубах и церквях или в его бесчисленных обществах.

Одна южанка рассказала мне о поваре, который служил у нее девятнадцать лет. Вся семья очень любила старую служанку: хозяйка сделала ее доверенным лицом, по обычаю старого Юга, в самых интимных личных и семейных делах, дочери рассказывали ей о своих любовных похождениях; все они ласкали ее и даже подчинялись многим маленьким тираниям с ее стороны.

"Но знаете, - сказала моя хозяйка, - Сьюзи никогда не рассказывает нам ничего о своей жизни и о своих друзьях, и мы не смогли бы, даже если бы попытались, заставить ее рассказать о том, что происходит в обществе, к которому она принадлежит".

Негр издавна отличался защитной скрытностью. Рабство сделало его таким. В прошлом этот инстинкт был пассивным и оборонительным; но с ростом образования и разумного руководства он быстро становится сознательным, самонаводящимся и наступательным. И именно здесь, как мне кажется, кроется главная причина растущего напряжения на Юге.

Позвольте мне проиллюстрировать. В Народном табернакле в Атланте, где каждое воскресенье собираются тысячи негров, я увидел вывеску, написанную огромными буквами:

ЗА ФОТОГРАФИЯМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ФОТОГАЛЕРЕЮ ОБЕРНА
ГАЛЕРЕЯ, УПРАВЛЯЕМАЯ ЦВЕТНЫМИ ЛЮДЬМИ

Старомодный негр предпочитал во всем обращаться к белому человеку, он не доверял своим людям; новый негр, с растущим расовым сознанием и чувствуя, что белый человек против него, призывает своих друзей обращаться к негритянским врачам и дантистам и торговать у негритянских лавочников. То, до чего дошло это движение, было одной из самых удивительных вещей, которые я, незнакомый северянин, обнаружил в Атланте. Другими словами, борьба рас становится все более и более стремительной в экономическом плане.

История негритянского обувного магазина

Однажды, гуляя по Брод-стрит, я проходил мимо негритянской обувной лавки. Я не знал, что в стране есть такой магазин. Я зашел туда, чтобы навести справки. Магазин был аккуратным, ухоженным, и явно процветающим. Я обнаружил, что он принадлежит акционерному обществу, организованному и контролируемому исключительно неграми; управляющим был энергичный молодой мулат по имени Харпер, выпускник Атлантского университета. Я застал его за диктовкой негритянке-стенографистке. По его словам, магазин был открыт по двум причинам: во-первых, организаторы посчитали, что это хорошая возможность для бизнеса, а во-вторых, многие негры из лучших слоев населения считали, что в магазинах белых к ним относятся несправедливо. В некоторых местах - не во всех, по его словам, - когда негритянка приходила купить пару туфель, продавец вручал ей их, не предлагая помочь примерить; и негритянку всегда заставляли ждать, пока все белые в магазине не будут обслужены. По его словам, с тех пор как открылось новое предприятие, оно привлекло большую часть негритянской торговли; все лидеры советовали своим людям покровительствовать ему. Мне было очень интересно узнать, как этот молодой человек смотрит на расовый вопрос. Его первый ответ поразил меня, потому что это был универсальный и типичный ответ делового человека во всем мире, будь то белый, желтый или черный:

"Все, чего я хочу, - сказал он, - это чтобы меня защитили и оставили в покое, чтобы я мог построить этот бизнес".

"Что вы подразумеваете под защитой?" спросил я.

"Ну, справедливость между расами. Это не значит социальное равенство. У нас есть свое общество, и это все, чего мы хотим. Если у него будет справедливость в судах и честная защита, мы сможем научиться конкурировать с магазинами белых и прекрасно уживаться".

Подобное предприятие свидетельствует о новом, экономическом разделении между расами.

"Вот бизнес, - говорит негр, - которым я собираюсь заниматься".

Если учесть, что всего несколько лет назад негры вообще не занимались бизнесом и не имели профессионалов, то для северянина удивительно видеть, каких успехов он добился. Одним из первых направлений, которым он занялся, был - что не удивительно - бизнес в сфере предпринимательства. Некоторые из самых преуспевающих негров в каждом южном городе - гробовщики, выполняющие работу исключительно для цветного населения.

Другими ранними предприятиями, естественным образом выросшими из истории личного обслуживания, были парикмахерское дело и пошив одежды. В Атланте много небольших негритянских портных и мастерских по чистке одежды.

Самый богатый негр в Атланте

Самый богатый негр Атланты, А. Ф. Херндон, управляет самой большой парикмахерской в городе; он является президентом негритянской страховой компании (которых в городе четыре) и владеет и сдает в аренду около пятидесяти жилых домов. По слухам, его состояние составляет 80 000 долларов, и все это, разумеется, нажито после рабства.

Другой профессией, естественно развившейся из производственного обучения, полученного в рабстве, был бизнес строительного подрядчика. Несколько таких негров, в частности Александр Гамильтон, занимаются значительным бизнесом в Атланте и делают деньги. Их нанимают белые, а они нанимают для своих работ как белых, так и негров.

Небольшие бакалейные и другие магазины появились позже; я видел не менее десятка таких в разных частях Атланты. В большинстве своем они очень маленькие, многие из них очень грязные и неухоженные; обычно они гораздо беднее, чем соответствующие заведения, которые содержат иностранцы, без разбора называемые здесь "даго", которые в действительности в основном являются русскими евреями и греками. Но в Атланте есть несколько негритянских бакалейных магазинов, которые заслуживают высокой оценки. Среди других коммерческих предприятий - рестораны (для негров), типографии, две газеты и несколько аптек. Другими словами, негры быстро создают свои собственные деловые предприятия, стремясь сделать себя независимой расой.

Появление негритянских аптек стало закономерным результатом расширения практики негритянских врачей и дантистов. Было время, когда все негры предпочитали обращаться к белым врачам, но с тех пор, как образованные цветные доктора стали обычным явлением, они заняли очень большую часть - практически всю, как мне сказали, - практики в Атланте. Несколько из них получили дипломы северных университетов, двое - Йельского; и один из них, по крайней мере, имеет небольшую практику среди белых. Эти врачи - лидеры среди своих людей. Естественно, они дают рецепты, которые должны выполнять фармацевты их собственной расы; отсюда и рост аптечного бизнеса среди негров по всему Югу. Первый магазин, открывшийся в Атланте, занимает старое деревянное здание на Оберн-авеню. Им управляет Мозес Амос, мулат, и, как я понимаю, он пользуется большим успехом. Я посетил его. Почтовое отделение занимает один из углов помещения, и это привычное место сбора цветных мужчин. Мозес Амос рассказал мне свою историю, и она показалась мне настолько интересной и столь показательной для негритянских бизнесменов, что я вкратце излагаю ее здесь.

Восхождение негритянского фармацевта

"Я никогда не забуду, - рассказывал он, - свой первый день в аптечном бизнесе. Это было в 1876 году. Помню, я был с толпой мальчишек на Пичтри-стрит, где доктор Хасс, южный белый человек, держал аптеку. Старый доктор сидел у входа и курил свою трубку. Он подзывал одного маленького негра за другим и наконец выбрал меня. Он сказал:

"Я хочу, чтобы ты жил со мной, работал в магазине и ухаживал за моей лошастью".

"Он послал меня к себе домой и велел передать жене, чтобы она дала мне завтрак, и я, конечно, правильно передал первое сообщение. Его жена, благородная дама, не только накормила меня, но и заставила принять ванну в фарфоровой ванне, которую я впервые в жизни видел. Когда я вернулся в магазин, я был настолько обновлен, что доктору пришлось поправить очки, прежде чем он узнал меня. Он сказал:

"Вы можете мыть бутылки, ставить касторовое масло, соли и скипидар, продавать все, что *знаете*, а деньги класть в ящик".

"Он показал мне, как работать с ключами от денежного ящика. Я собираюсь доверять тебе, - сказал он. Не кради у меня; если тебе что-то нужно, попроси, и ты это получишь. И не лги; я ненавижу лжецов. Мальчик, который будет лгать, будет и воровать".

"Я прожил у доктора Хусса тринадцать лет. Он отправил меня в школу и платил за обучение из своего кармана; он полностью доверял мне, часто оставляя меня заведовать его делами на несколько недель подряд. Когда он умер, я объединился с доктором Батлером, доктором Слейтером и другими и купил магазин. Наш бизнес рос и процветал, так что через несколько лет у нас было акций на 3 000 долларов и 800 долларов наличными. Это сделало нас амбициозными. Мы купили землю, построили новый магазин и влезли в долги, чтобы сделать это. Мы плохо разбирались в бизнесе - в этом главная беда негров - и потеряли торговлю, сменив местоположение, так что, несмотря на все, что мы могли сделать, мы потерпели неудачу и потеряли все, хотя в конце концов выплатили кредиторам все до цента. После долгих испытаний в 1896 году мы снова открылись в нашем нынешнем магазине; сегодня мы ведем хороший бизнес; мы можем получить любой кредит от оптовых домов, у нас работают шесть клерков, и мы платим хорошие проценты на вложенный капитал".

Самые большие трудности, с которыми сталкиваются негритянские бизнесмены

Я спросил его, с какой самой большой трудностью ему пришлось столкнуться. Он ответил, что это кредитная система; тот факт, что многие негры не научились финансовой ответственности. Однажды, по его словам, он чуть не прекратил бизнес из-за этого.

"Я помню, - сказал он, - когда мы в последний раз попали в беду. Нам нужно было 400 долларов, чтобы оплатить счета. Я выбрал нескольких наших лучших клиентов, поговорил с ними по душам и рассказал, в какой беде мы оказались. Все они пообещали заплатить, но в назначенный день из 1680 долларов, которые они нам должны, мы собрали всего 8,25 доллара. После этого случая мы перешли на наличный расчет. Мы никому не доверяем, и с тех пор дела у нас идут хорошо".

По его словам, он считает, что лучшие возможности для развития негров открываются на Юге, где за ним стоит вся его раса. Он сказал, что однажды у него был соблазн поехать на Север в поисках вакансии.

"И как вам это удалось?" спросил я.

"Ну, скажу я вам, - сказал он, - когда я приехал туда, мне захотелось побриться; я два часа ходил по улицам, заходя в парикмахерские, и все они отказывали мне под тем или иным предлогом. В конце концов мне пришлось купить бритву и побриться самому! Это была лишь проба. Я вернулся домой с отвращением и решил бороться с этим здесь, где я понимаю условия".

Конечно, лишь сравнительно немногие негры способны продвинуться в бизнесе. Они должны зависеть почти исключительно от торговли своей расы, и им приходится сталкиваться с высокоорганизованной конкуренцией белых мужчин. Но, безусловно, важно, что даже немногие из них способны продвигаться по этим незнакомым направлениям. Многие южане, с которыми я встречался, не имели ни малейшего представления о поразительных масштабах такого прогресса среди лучших представителей негров. Вот что странно. Я не знаю, сколько людей с Юга предваряли свои беседы со мной примерно такими словами:

"Вы не можете рассчитывать узнать негра после короткого визита. Вы должны жить здесь, как мы". Так вот, я знаю негров как свои пять пальцев. Я вырос среди них. Я знаю, что они будут делать и чего не будут делать. У меня в доме всю жизнь жили негры".

Но, как ни странно, я обнаружил, что эти люди редко знают что-либо о лучших представителях негритянского класса - тех, кто занимается бизнесом или независимыми профессиями, тех, кто владеет собственным домом. Они сталкивались с неграми-слугами, полевыми работниками, простыми рабочими, которые, конечно же, составляют огромную массу расы. С другой стороны, лучшие представители негров не знали высших слоев белых людей и основывали свои подозрения и ненависть на действиях бедных белых, с которыми они, естественно, вступали в контакт. Лучшие элементы двух рас так же далеки друг от друга, как если бы они жили на разных континентах; и это одна из главных причин растущей опасности положения на Юге. Поразительно, что одной из первых - почти инстинктивных - попыток восстановления после беспорядков в Атланте было объединение лучших представителей обеих рас, чтобы они, познакомившись и проникнувшись доверием друг к другу, рассеяли подозрения и оказали влияние на незаконные элементы как среди белых, так и среди цветных.

Многие южане с тоской вспоминают верного, простого, невежественного, послушного, веселого, старого плантаторского негра и сожалеют о его исчезновении. Им нужен новый Юг, но старый негр. Этот негр исчезает навсегда вместе со старым феодализмом и старой, исключительно сельскохозяйственной жизнью.

Новый негр не менее неизбежен, чем новый белый человек и новый Юг. И новый негр, как говорит мой умный друг, не так смеется, как старый. Это мрачное дело - быть свободным, эта новая, жестокая борьба на открытом конкурентном поле за ежедневную буханку. Многие в этой борьбе опускаются до бродяжничества и преступности; немногие поднимаются. Чем стремительнее прогресс (а его задает обученный белый человек), тем страшнее смертность.

ГЛАВА III

ЮЖНЫЙ ГОРОДСКОЙ НЕГР

После моего приезда в Атланту, когда я начал понимать некоторые из более поверхностных проявлений цветовой линии (о чем я рассказывал в последней главе), я спросил нескольких южан, с которыми я познакомился, где лучше всего можно увидеть бедный или преступный класс негров. Об опасности, исходящей от этого элемента населения Юга, было сказано так много, и он играет такую роль в каждом обсуждении расового вопроса, что мне захотелось узнать о нем все, что можно.

"Спустись в любое утро в суд судьи Бройлза, - сказали мне, - и ты увидишь самых низких из низких".

И я отправился туда - это был первый из многих моих визитов в полицейские и судебные суды. Я выбрал утро понедельника, чтобы с наибольшей пользой увидеть, как накапливаются аресты за субботу и воскресенье.

Полицейский участок находится на Декатур-стрит, в самом худшем районе города, в окружении низких салунов, притонов и ломбардов. Суд занимает большой зал наверху, и в то утро он был переполнен до отказа. Помимо полиции, адвокатов, служащих суда и белых свидетелей, на сиденьях за перилами разместилось не менее ста пятидесяти зрителей, почти все они были неграми. Обычный негр не любит ничего лучше, чем сидеть и наблюдать за ходом судебного заседания. Судья Бройлс любезно пригласил меня занять место на помосте с его стороны, где я мог смотреть в лица заключенных и слышать все, что говорилось.

В южном полицейском суде

Это было чрезвычайно интересное и значимое зрелище. Прежде всего поражало само количество дел. В повестке дня в то утро значилось более ста имен - мужчин, женщин и детей, белых и черных; суд работал не покладая рук, но уже почти в два часа дня зал был освобожден. В Атланте, как я уже показывал в предыдущей главе, самое большое количество арестов, учитывая численность населения, среди всех крупных городов Соединенных Штатов. Я обнаружил, что из 21 702 арестованных в 1906 году 13 511 человек были неграми, или 62 процента, в то время как цветное население города составляет всего 40 процентов от общего числа[2].

Очень большая часть арестованных в понедельник утром были неграми, причем удивительно много среди них было женщин и просто детей. В 1906 году в Атланте было арестовано 3 194 негритянки. В целом это была жалкая и удручающая выставка, зрелище погрязшего в невежестве, безрассудном пороке, распущенности. Большинство дел, как выяснилось, вели в салун.

"Где ваш дом?" - спрашивал судья, и в ряде случаев ответ был таким:

"Я приехал сюда из деревни".

Снова и снова это была история деревенского негра или негра, который, работая на железной дороге, на хлопковых полях или на лесопилках, вступил в более сложную жизнь города. В большинстве сельских районов Юга запрещена продажа спиртных напитков, и негры, особенно негры, имеют сравнительно мало соблазнов такого рода, а также не подвергаются многим другим блестящим ловушкам городской жизни. Но в последние годы возможности города привлекают чернокожих, как и белых, в большом количестве. В Атланте было много салунов и других мест, где царил порок, и результаты этого можно увидеть в суде

судьи Бройлса в любое утро. И не только негры, но и "бедные белые", которые приехали с гор и мелких ферм, чтобы работать на фабриках: они тоже страдают не меньше негров.

Негритянские жертвы кокаина

Не мало случаев, когда и черные, и белые демонстрировали признаки отравления кокаином или морфином - помутнение глаз, неустойчивость нервов.

ИНТЕРЬЕР ДОМА НЕГРИТЯНСКОГО РАБОЧЕГО, АТЛАНТА, ГРУЗИЯ

ИНТЕРЬЕР НЕГРИТЯНСКОГО ДОМА САМОГО БЕДНОГО СОРТА В ИНДИАНАПОЛИСЕ

"Что за беда?" - спросил судья.

"Кок", - ответил офицер.

"Десять семьдесят пять", - сказал судья, назвав сумму штрафа.

Они покупают "кокс" в виде порошка и нюхают его в нос; иногда используется некое патентованное лекарство от катара, которое почти полностью состоит из кокаина; десяти центов достаточно, чтобы сделать человека полностью безответственным за свои поступки и способным на любое преступление. Привычка к кокаину, которая, похоже, распространяется, потому что всегда найдутся аптекари, которые нарушают закон, стала проклятием для негров и привела, как мне сказали в полиции, непосредственно к большому количеству преступлений. В частности, мне рассказали о двух случаях преступлений против женщин, в которых негр стал жертвой наркотической привычки.

Так общество в погоне за богатством, как на Юге, так и на Севере, наживается на невежественных и слабых, а потом удивляется, почему распространена преступность!

Достаточно посетить полицейские суды на Юге, чтобы увидеть, как много любопытных способов контакта рас порождает огонь.

"В чем проблема?" - спрашивает судья.

Белый заявитель - мальчик - отвечает:

"Этот ниггер оскорбил меня!" и называет эпитет, который применил негр.

"Это ты его так назвал?"

"Нет, саша, я никогда не называл его так".

"Три-семьдесят пять - вы не должны оскорблять белых людей".

А вот отчет о случае с шестилетним негритянским мальчиком из газеты *Georgian*:

За то, что Роберт Ли Бастер, шестилетний негритянский мальчик, оскорбил Мэгги Макдермотт, маленькую девочку, живущую на Симпсон-стрит, 507, в среду днем, он получил порку в полицейском участке в четверг утром, которая заставит его запомнить, что нужно быть хорошим.

Дело слушалось в суде по делам несовершеннолетних перед судьей Бройлзом. Было установлено, что маленький негр сделал оскорбительное замечание девочке.

История ареста негра

Сама подозрительность и страх порождают множество трудностей. В то утро произошел один показательный случай. Перед судьей предстал крепкий негр. Он не проявлял никаких признаков распушенности и был прилично одет. Против него стояли два полицейских в штатском: один с перевязанной шеей, другой с повязкой на руке. Оба заявили, что негр ударил их ножом. Негр сказал, что работает портье в отеле, и в суде его заверил белый управляющий отеля, чтобы засвидетельствовать его хороший характер, трезвость и работоспособность. Как оказалось, он возвращался домой с работы в девять часов вечера, и было уже темно. Он сказал, что боится, и боится с тех пор, как начались беспорядки. В это же время двое полицейских искали грабителя. Они увидели негра-носильщика и приказали ему остановиться. Негр, не одетый в форму, сказал, что подумал, что полицейские - "обычные белые люди", которые собираются на него напасть. Когда он начал убежать, офицеры попытались его арестовать, а он выхватил свой нож и начал драться. И вот он в суде! Судья сказал:

"Вы не должны нападать на офицеров", и передал его в суд высшей инстанции.

Белый мужчина и негритянка

Другой случай демонстрирует одну из странных связей, порожденных южными условиями. К судье привели пожилого белого мужчину, сильно взволнованного и очень бледного. Вместе с ним пришла гораздо более молодая, приятная на вид женщина. Оба были хорошо одеты и выглядели респектабельно - настолько, что среди зрителей возник интерес и любопытство. Почему их арестовали? Когда они стояли перед столом судьи, старик повесил голову, а женщина подняла голову с таким выражением лица, без слез и трагизма, какого, надеюсь, мне больше не придется увидеть.

"В чем обвиняете?" - спросил судья.

"Прелюбодеяние", - ответил офицер.

Женщина вздрогнула, старик не поднял глаз.

Судья удивленно переводил взгляд с одного на другого.

"Почему вы не женитесь?" - спросил он.

"Женщина, - ответил офицер, - негритянка".

Она была такая же белая, как и я, возможно, окторонка; я не смог бы отличить ее от белого человека, и она обманула даже опытный глаз судьи.

"Так ли это?" - спросил судья.

Мужчина продолжал вешать голову, женщина подняла голову; ни один из них не произнес ни слова. Затем выяснилось, что они прожили вместе как муж и жена много лет и что у них уже почти выросли дети. Одна из девочек - как я узнал позже, очень смышленная и амбициозная - училась в негритянском колледже при университете Атланты, где ее содержал отец, хорошо зарабатывавший телеграфистом. Кто-то из соседей пожаловался, и мужчину и женщину арестовали.

"Это все правда?" - спросил судья.

Ни тот, ни другой не сказали ни слова.

"По закону Джорджии вы не можете вступать в брак", - сказал судья; "Мне придется передать вас для разбирательства в окружной суд".

Их отвели обратно в комнаты для заключенных. Через несколько минут к ним быстро вышел судебный пристав и сказал судье:

"Старик упал в обморок".

Вскоре после этого они наполовину вели, наполовину несли его через зал суда.

Одна вещь произвела на меня особое впечатление не только в этом суде, но и во всех других, которые я посетил: негра, доставленного, например, за пьянство, наказывали гораздо строже, чем белого, арестованного за тот же проступок. Несправедливость, от которой страдают слабые везде - и на Севере, и на Юге, - на Юге обрушивается на негров. Белый человек иногда отделялся выговором, иногда штрафом в три доллара и издержками, но негр, особенно если у него не было белого человека, который мог бы за него заступиться, обычно наказывался штрафом в десять или пятнадцать долларов, что часто означало, что он должен был отправиться на цепную банду. Одной из главных причин жалоб негров Атланты было грубое обращение полиции и несправедливые аресты. После бунта, когда была организована Гражданская лига, состоящая из лучших белых граждан Атланты, одним из первых вопросов, поднятых на обсуждение, был вопрос о справедливости по отношению к неграм. Мистер Хопкинс, лидер Лиги, сказал мне: "Мы жалуемся, что негры не помогают привлечь к ответственности преступников своей расы. Одна из причин этого в том, что негр слишком мало доверяет нашим судам. Мы должны дать ему его, прежде всего".

В соответствии с этим планом Гражданская лига, горячо поддерживаемая судьей Бройлсом, наняла молодого адвоката мистера Андервуда, чтобы он регулярно выступал в суде и заботился об интересах негров.

Осужденные приносят прибыль Джорджии

Одна из причин большого количества арестов, особенно в Джорджии, заключается в том, что штат и графства получают прибыль от своей тюремной системы. Не предпринимается никаких попыток перевоспитать преступника, будь то белый или цветной. Осужденные сдаются в наем частным подрядчикам или работают на государственных дорогах. В прошлом

году чистая прибыль Джорджии от ее цепных банд, о которых с гордостью говорит тюремная комиссия, достигла огромной суммы в 354 853,55 долларов.

Конечно, очень большую часть заключенных составляют негры. Спрос на каторжников со стороны богатых лесопильщиков, владельцев кирпичных заводов, крупных фермеров и других намного превышает предложение. Естественная тенденция - осудить как можно больше мужчин - это обеспечивает стабильную и дешевую рабочую силу для подрядчиков и прибыль для государства. Несомненно, это в какой-то степени объясняет очень большое количество преступников, особенно негров, в Джорджии. Одной из ведущих политических сил в Атланте является видный банкир, занимающий доминирующее положение в городском полицейском совете. Он также является владельцем обширных кирпичных заводов в окрестностях Атланты, где работает много заключенных. Некоторые из крупных состояний в Атланте были получены в основном за счет труда на цепных бандах осужденных, арендованных у штата.

Судьба черного мальчика

Как я уже говорил, одно из впечатлений, которое произвело на меня посещение суда судьи Бройлса и других подобных ему, - это поразительное количество арестованных детей, особенно негров. Некоторые из них были совсем маленькими и часто очень яркими. Из записей я узнал, что в 1906 году был арестован и доставлен в суд 1 мальчик шести лет, 7 семи лет, 33 восьми лет, 69 девяти лет, 107 десяти лет, 142 одиннадцати лет и 219 двенадцати лет - то есть 578 мальчиков и девочек, в основном негров, в возрасте до двенадцати лет!

"Мне кажется, - сказал я одному полицейскому, - вам будет трудно содержать всех этих детей в ваших исправительных учреждениях".

"Реформаторские центры!" - ответил он, - "их нет".

"Что же вы с ними делаете?"

"Ну, если они плохие, мы сажаем их в тюрьму или на цепную каторгу, в противном случае их отпускают на свободу".

Однако я узнал, что в Миллджвилле только что открылась новая государственная исправительная колония для несовершеннолетних, в которой могут содержаться несколько негритянских мальчиков. В Атланте также предпринимается попытка взять под контроль некоторых детей с помощью новой системы пробации. Я разговаривал с прекрасным сотрудником, мистером Глоером, который работает в паре с судьей Бройлсом. Он охватывает много белых мальчиков, но очень мало негров. Из 1011 мальчиков и девочек моложе шестнадцати лет, арестованных в 1905 году, 819 были чернокожими, но из тех, кому было предоставлено преимущество системы пробации, 50 были белыми и только 7 цветными. Другими словами, из 819 арестованных негритянских детей только 7 воспользовались системой пробации.

Мистер Глоер попытался найти цветного помощника, который помог бы присматривать за негритянскими детьми, становящимися преступниками. Город отказался выделять деньги на эти цели, но некоторые из ведущих цветных граждан согласились вносить по одному доллару в месяц, и была нанята негритянка, которая помогала с цветными детьми, приводимыми в суд. Работа была проделана отличная, но из-за настроения после бунта негритянка прекратила свою работу.

Забота о негритянских сиротах

При наличии многих сотен негритянских сирот, беспризорников и подкидышей, штат и город очень мало делают для того, чтобы помочь им. Если бы не тот факт, что негры, подобно евреям, прекрасно помогают друг другу, усыновляя детей-сирот с величайшей готовностью, страданий было бы много. Несколько детских домов в штате содержатся самими цветными жителями, либо через их церкви, либо по частной подписке. В Атланте приют Кэрри Стил, которым управляют негры, ежегодно получал ассигнования от города и принимал детей, направленных городским отделом благотворительности. После беспорядков ассигнования были внезапно прекращены без объяснения причин, но благодаря деятельности новой Гражданской лиги, как я понимаю, они были восстановлены.

Без надлежащих исправительных учреждений или приютов, с небольшими преимуществами системы пробации, сотни негритянских детей ежедневно находятся на улицах Атланты - стреляют в кости, воруют, учатся пить. Некоторые из них, запертые в тюрьмах или на цепях, без каких-либо попыток перевоспитать их или научить, берут уроки преступности у более старших преступников и выходят из них еще хуже, чем пришли. Они распространяют за границей беззаконие, которому научились, и в конце концов совершают какое-нибудь ужасное преступление и возвращаются в цепную банду на всю жизнь, где они приносят прибыль государству!

Каждый ребенок, белый или цветной, где-то получает образование. Если это образование не в школах, не дома или, в случае неисправности, в надлежащих исправительных учреждениях, то оно происходит на улицах или в цепных бандах.

Почему негритянские дети не ходят в школу

Мое любопытство, вызванное большим количеством маленьких заключенных, заставило меня поинтересоваться, почему эти дети не ходят в школу. Я посетил несколько школ и поговорил с Л. М. Ландрумом, помощником суперинтенданта. Обязательное образование не соблюдается нигде на Юге, так что дети могут бегать по улицам, если родители не настаивают на том, чтобы отправить их в школу. Однако я обнаружил не только это, но и то, что в Атланте не хватает школьных учреждений для детей, которые хотели туда ходить. Как и во многих быстро растущих городах, как на Юге, так и на Севере, было трудно удовлетворить спрос. Как на Севере часто пренебрегают доходными домами, так и на Юге пренебрегают самым низким классом - неграми. Было построено несколько новых школ для белых детей, но за пятнадцать или двадцать лет не появилось ни одной новой школы для цветных детей (хотя одна негритянская частная школа была передана городу в течение последних нескольких лет). Цветные школы настолько переполнены, что в них проводится два занятия в день: одна группа детей приходит днем, другая - после обеда. Цветные учителя, таким образом, выполняют двойную работу, за которую они получают примерно на две трети больше, чем белые учителя.

Хотя многие южные города ввели промышленное обучение в государственных школах, Атланта до сих пор ничего не сделала. Президент совета по образованию в своем последнем опубликованном отчете (1903 год) обращает внимание на этот факт, а также заявляет:

Говоря о негритянских школах, позвольте мне обратить ваше внимание на их переполненность. В каждой негритянской школе многие учителя обучают два набора учеников, каждый из которых проводит половину учебного дня.

На последних выборах за облигации было подано всего тридцать три голоса. Насколько мне известно, более тридцати трех негров проголосовали за облигации под торжественным заверением, что в результате принятия облигаций негритянские дети получают больше школьных мест.

Стремление цветного населения получить возможность отправить своих детей в школу поражает и вызывает жалость. Они готовы пойти на любые неудобства, лишь бы их дети получили образование. Однажды я посетил район мельниц в Атланте, чтобы посмотреть, как живут бедные слои белого населения. Я обнаружил один очень уютный дом, в котором жила семья работников мельницы. Они наняли негритянку, чтобы та готовила им еду, и пока они отправляли своих детей на мельницу работать, кухарка отправляла своих детей в школу!

Как негры получают образование

Вот какую любопытную и важную вещь я обнаружил в Атланте. Поскольку в государственных школах не хватает мест для негритянских детей, цветное население содержит множество частных школ. В самой крупной из них, называемой колледжем Морриса Брауна, обучается около 1 000 учеников. Некоторые из них - пансионеры из деревни, но большая часть - дневные ученики от семи лет, которые приходят из окрестностей. Этот "колледж", в действительности являющийся грамматической школой, управляется и поддерживается в основном за счет платы за обучение и взносов негров, хотя некоторые подписки получают и северяне. Кроме этого "колледжа", существует множество небольших частных школ, которыми руководят негритянские женщины и которые полностью поддерживаются за счет платы за обучение - таким образом, негры добровольно облагают себя значительными налогами, чтобы получить возможность получить образование. Однажды днем в Атланте я проходил мимо небольшого, довольно ветхого дома. Как только я подошел к воротам, я услышал многоголосый гогот и смех. Из дома стали высыпать цветные дети. "Что это?" сказал я и повернулся внутрь, чтобы посмотреть. В дверях стояла негритянка, учительница. Она только что отпустила своих учеников на перемену. Школа располагалась в двух маленьких комнатах, где, должно быть, теснилось около пятидесяти детей. Все было очень примитивно и неудобно, но это была школа! По ее словам, она собирала по доллару в месяц за обучение каждого ребенка. В школе Молли Маккью, возможно, самой известной частной школе для негров в городе, учатся 250 человек.

Многие дети также получают образование в негритянских колледжах города - Университете Кларка, Университете Атланты и Семинарии Спеллмана, которые частично поддерживаются самими неграми, но в основном филантропией северян.

Мистер Ландрум дал мне копию последнего статистического отчета школьного совета (1903 год), из которого следуют такие факты:

	Школ а Насе лени е	Кол- во Школ ы	Учите ля	С Мест а	Без Сиде нья
Белы й	14,46 5	20	200	10,05 2	4,413
Цвет	8,118	5	49	2,445	5,673

ные

Даже с учетом двойного дневного занятия для цветных учеников почти половина негритянских детей в Атланте даже в 1903 году не могли посещать государственные школы из-за отсутствия условий, и за последние четыре года это число значительно увеличилось. Часть из них размещается в частных школах и колледжах, о которых я уже упоминал, но все еще остаются сотни, даже тысячи тех, кто не получает никакого школьного образования, но, тем не менее, получает образование на улицах и для преступной жизни.

Обучение черных детей белыми

Я навел немало справок, чтобы выяснить, что делается белыми людьми вне государственных школ для обучения негров в моральном, промышленном или интеллектуальном плане, и с удивлением обнаружил, что практически ничего. Неграм, разумеется, не рады в белых церквях и воскресных школах, а настроения против обучения негров настолько сильны, что только смелый южанин или женщина осмелится предпринять что-либо подобное. Однако я обнаружил, что в Центральной пресвитерианской церкви Атланты действует негритянская воскресная школа. Об этом доктор Терон Х. Райс, пастор, сказал:

"Воскресная школа, которую проводит в Атланте моя церковь, - это результат усилий некоторых самых искренних и внимательных из наших людей, направленных на то, чтобы дать тщательное религиозное образование неграм нынешнего поколения и таким образом сохранить влияние, начатое отцами и матерями, дедушками и бабушками этих цветных детей, когда их лично учили их преданные христианские хозяева и хозяйки. Работа эта невелика по количеству охваченных ею детей, но она приносит плоды в виде крепкого характера и законопослушного гражданства".

Белый мужчина или женщина, особенно северный белый мужчина или женщина, в Атланте, преподающий неграм, подвергается жесткому остракизму со стороны белого общества. Я посетил один из негритянских колледжей, где работает несколько белых преподавателей с Севера. Мы неплохо поговорили. Когда я собрался уходить, один из преподавателей сказал мне:

"Вы не представляете, как приятно поговорить с кем-то из внешнего мира. Мы работаем здесь из года в год без единого белого посетителя, за исключением тех, у кого есть какие-то необходимые дела с учреждением".

Объясняя отношение к этим северным учителям (а мы должны понимать, как относятся к этому вопросу южане), один видный священнослужитель сказал, что дама, которая обратится к учителю этого заведения с просьбой о встрече, не будет чувствовать себя уверенной в том, что ей придется встретиться с неграми в обществе, и что при ответном звонке может возникнуть такая же неловкая ситуация.

Извинения за помощь неграм

Именно в связи с этим: В газете "Orangeburg, S. C., News" я обнаружил очень примечательное и значимое письмо, подписанное состоятельным белым гражданином, который таким образом извиняется за добрый поступок по отношению к негритянской школе:

Я отлучился из своего дома по делам в нескольких милях ниже, а когда возвращался, то проходил мимо вышеупомянутой школы (Институт Принса, цветной), и меня задержал учитель и попросил сделать несколько замечаний детям. С большой неохотой я это сделал, не думая, что это получит огласку или что я делаю что-то, что может кого-то обидеть. Здесь и сейчас я хочу сказать, что от всей души сожалею о своем поступке, и надеюсь, что после этого скромного признания и выражения сожаления все, кого я обидел, простят меня.

Настроения, о которых говорится в этом письме, хотя и широко распространены, отнюдь не являются всеобщими. За то время, что я здесь нахожусь, я много раз видел, как белые мужчины с юга выступали в негритянских школах и на негритянских собраниях. Некоторые из выдающихся людей Юга принимали приглашения Букера Т. Вашингтона выступить в Таскиги. А по поводу того самого письма, которое я воспроизвожу выше, "*Шарлотт Обсервер*", сильная южная газета, которая его скопировала, сказала:

Человеку лучше быть мертвым, чем так унижаться. Этот человек поступил правильно, обратившись к ученикам цветной школы, но испортил все, извинившись за это. Мало кто представляет себе, что расовые предрассудки заходили так далеко даже в Южной Каролине, как это показано здесь. Логично предположить, что эта желеобразная рыба собиралась попасть под запрет и, чтобы получить освобождение от него, опубликовала эту жалкую открытку. К ней было приложено свидетельство от некоторых граждан, в котором говорилось, что они "так же хотят видеть возвышение цветной расы, как и любой другой народ, но, во что бы то ни стало, пусть это будет сделано за чертой цвета"... Узость и злобность, проявившиеся в этом инциденте в Оранджбурге, крайне недостойны, и тем, кто виновен в этом, должно быть стыдно за себя".

Преподобный Х. С. Брэдли, долгое время один из ведущих священнослужителей Атланты, ныне живущий в Сент-Луисе, сказал в своей проповеди, опубликованной в "*Атланта Конститушн*":

... В наших усилиях по оказанию помощи нет ничего особенного. Есть несколько школ и церквей, которые поддерживаются белыми южанами для негров. То тут, то там такой мужчина, как Джордж Уильямс Уокер, из аристократии Южной Каролины, и такая женщина, как мисс Белль Х. Беннет, из голубой крови Кентукки, идут учителями к негритянской молодежи и стремятся в христианском духе братства поднять их на более высокий уровень гражданской и нравственной мужественности, но число подобных им можно почти пересчитать по пальцам обеих рук.

Со времен Гражданской войны наши южные церкви потратили, вероятно, в сто раз больше денег на евангелизацию народов Китая, Японии, Индии, Южной Америки, Африки, Мексики и Кубы, чем на проповедь Евангелия неграм у наших дверей. Часто бывает так, что возможности упускаются, потому что они лежат у наших ног.

Что касается бродячего негра

Прежде чем перейти к наблюдениям за неграми из низших слоев общества, я должен затронуть тему бродяжничества. Многие белые люди с нетерпением говорили мне о большом количестве бездельничающих или частично бездельничающих негров - бездельничающих в то время, как все отрасли промышленности и большинство фермерских районов Джорджии требуют больше рабочей силы. И по моим наблюдениям в Атланте, я

должен сказать, что там было очень много праздных или частично праздных негров - даже после бунта, , который, как я понимаю, привел к тому, что многие из них уехали. За пять дней до бунта в сентябре прошлого года комитет городского совета посетил около сорока салунов в один из дней и, по фактическим подсчетам, обнаружил 2455 негров (и 152 белых мужчины), пьющих в барах или слоняющихся у дверей. В некоторых из этих салунов, содержащихся белыми мужчинами и разрешенных городскими властями, в качестве дополнительного аттракциона были выставлены фотографии обнаженных белых женщин. Имеет ли это какое-либо отношение к преступлениям негров против белых женщин? После бунта условия в Атланте значительно улучшились, и в январе 1908 года все салуны были закрыты.

Рост безделья среди негров - это результат, в значительной степени, удивительных и быстрых изменений в условиях Юга. Юг был и остается зависимым от единственного источника рабочей силы - негров. Теперь негры, хотя и пополняются за счет высокой рождаемости, ни в какой степени не растут так быстро, как спрос на рабочую силу, связанный с развитием всех видов промышленности, железных дорог, лесозаготовок, шахт, не говоря уже об увеличении площади ферм и дополнительных потребностях растущих городов. При таком огромном росте спроса на рабочую силу предложение негров относительно сокращалось. Многие уехали на Север и Запад, многие купили собственные фермы, тысячи, получив образование, стали профессионалами, учителями, проповедниками и даже торговцами и банкирами - все это оттягивало лучших и самых трудолюбивых представителей расы и значительно сокращало доступное предложение общего труда. Короче говоря, те негры, которые были способны, шли тем же путем, что и неквалифицированные ирландцы и немцы на Севере - вверх через двери образования - но, в отличие от Севера, здесь не было других рабочих, которые могли бы занять их место.

Каков же результат? Естественно, ожесточенная борьба между сельским хозяйством и промышленностью за ограниченное и сокращающееся предложение единственной рабочей силы, которой они располагали.

Негритянская монополия на труд

Таким образом, они конкурировали друг с другом - как будто у негров была монополия на труд - и за последние несколько лет дневная заработная плата негритянских рабочих подскочила с пятидесяти или шестидесяти центов до \$1,25 и \$1,50, а зачастую и больше - чистая конкуренция. Аналогичный рост затронул все виды прислуги - поваров, официантов, горничных, носильщиков.

Высокая заработная плата, нехватка рабочей силы и, как следствие, потеря возможности воспользоваться преимуществами преобладающего процветания, в любом сообществе, на Юге или на Севере, независимо от того, белая это рабочая сила или черная, породили бы дух нетерпения и раздражения со стороны класса нанимателей. Я убедился в этом прошлым летом в Канзасе, где фермеры не могли найти работников, чтобы спасти свой урожай; и проблема слуг не является более провокационной, конечно, на Юге, чем на Севере и Западе. Действительно, именно проблема рабочей силы больше, чем любая другая причина, сдерживала и сдерживает Юг по сей день.

Но у Юга есть еще одна причина для раздражения. Более высокие зарплаты, вместо того чтобы производить больше и лучше рабочей силы, как это, естественно, должно было бы быть, на самом деле способствуют сокращению ее предложения. Поначалу это может

показаться парадоксальным, но это легко объяснимо, и это лежит в основе многих недоумений, которые окружают расовую проблему.

Большинство негров, как я уже говорил, были (и, конечно, остаются) фермерами, причем фермерами в доселе расточительной южной манере. Их жизнь легка и очень проста. В этом теплом климате им не нужно много одежды, а домом служит хижина. Их уровень жизни низок; они не научились экономить; со времен рабства у них не было времени, чтобы обрести чувство ответственности, которое побудило бы их идти вперед. К тому же они находились и находятся по сей день в значительной степени под властью белых землевладельцев.

К чему же привело быстрое повышение заработной платы? Беднейшие слои негров, от природы ленивые и счастливые, обнаружили, что за два-три дня они могут заработать столько же, сколько раньше зарабатывали за целую неделю. Этого было достаточно, чтобы жить так же хорошо, как они жили раньше: зачем же тогда работать больше двух дней в неделю? Это была логика ребенка, но именно ею он и пользовался. Где бы я ни побывал на Юге, я слышал одну и ту же историю: высокие зарплаты в сочетании с трудностями в получении чего-то похожего на постоянную работу от этого класса цветных мужчин.

С другой стороны, лучшие и более трудолюбивые негры, которые постоянно работали - а их насчитывается бесчисленное множество тысяч, таких же добросовестных работников, - время от времени откладывали излишки, покупали небольшие фермы или собственные предприятия и начинали жить более обеспеченно. Одним из первых дел, которое они сделали после того, как встали на ноги, было забрать своих жен и дочерей из кухни белого человека, а детей отправить с хлопковых полей (где они были нужны белому человеку) в школу, где, как и в случае с белыми детьми, наблюдалась тенденция обучать их вдали от работы на ферме. С развитием амбиций и повышением уровня жизни негр повторяет шаги подрастающего ирландца или итальянца: у него лучший дом, он хочет, чтобы жена заботилась о нем, и он настаивает на образовании своих детей.

Таким образом, повышение заработной платы сокращает и без того ограниченное предложение труда, порождая раздражение, ставя все новые препятствия на пути материального развития, которым так гордится южанин. И это, что совсем не естественно, породило, с одной стороны, жалобы на ленивого негра, который будет работать только два дня в неделю, чтобы бездельничать остальные пять; а с другой стороны, нашло свое выражение в слепой и ожесточенной враждебности к образованию, которое позволяет неграм лучшего сорта подняться над неквалифицированной работой и домашним хозяйством, в которых так остро нуждается Юг. Человеческой природе свойственно винить людей, а не условия. Вот неограниченное количество работы, которую нужно сделать: вот негр, от которого веками зависело и сегодня зависит, что он ее сделает; а она не сделана. Естественный результат - свалить всю вину на негра, а не на глубокие экономические условия и тенденции, которые на самом деле вызвали нехватку рабочей силы.

Иммигранты займут место негров

Но в течение последнего года или двух думающие люди на Юге начали видеть именно этот корень проблемы, и началось большое новое движение, направленное на поощрение иммиграции из зарубежных стран. В ноябре 1906 года первый корабль с иммигрантами, когда-либо прибывший из Европы прямо в порт Южной Каролины, был высажен в Чарльстоне с большой церемонией и ликованием. Если удастся обеспечить постоянный

приток иммигрантов и если они смогут работать на удовлетворительных условиях с неграми, это значительно снизит расовую напряженность на Юге.

Конечно, безделье ведет к преступности, и одна из нынешних попыток на Юге - более жесткое соблюдение законов против бродяжничества. В этом белые люди пользуются поддержкой ведущих негров. Меня поразила одна фраза из дискуссии на последней конференции рабочих в Таскиги. Выступал Уильям Э. Холмс, президент цветного колледжа в Мейконе, штат Джорджия. Кто-то прервал его:

"Я хотел бы спросить, считаете ли вы, что негр более склонен к тому, чтобы стать бездельником или бродягой, чем любой другой человек в тех же условиях?"

"Ну, - сказал мистер Холмс, глубоко вздохнув, - мы не можем позволить себе делать то, что делают другие расы. Среди нас нет ни одного одинокого мужчины или женщины, которых мы могли бы позволить себе содержать в качестве бездельников. Возможно, другие расы достигли такого прогресса, что могут позволить себе содержать бездельников. Но мы еще не в таком состоянии. У некоторых из нас сложилось впечатление, что мир обязан нам жить. Это несчастье. Признаться, я убедился, что в настоящее время мы обеспечиваем большее количество бездельников, чем любая другая раса людей на этом континенте".

Эти откровенные высказывания не встретили полного одобрения членов конференции, однако их обсуждение показало, что в них гораздо больше правды, чем склонны признать лидеры и учителя негров.

Никчемный негр

Я старался как можно больше увидеть этого "никчемного негра", который, как мне кажется, представляет собой самую низкую прослойку человечества в нашей американской жизни. Он обычно дремучий невежда, часто скиталец, сегодня работает в железнодорожной бригаде, завтра - на городских работах, на следующий день собирает хлопок. Он потерял своих белых друзей - своих "белых людей", как он их называет, - и не достиг ни подготовки, ни самоориентации, чтобы быть самостоятельным. Он работает только тогда, когда голоден, и он настолько преступник, насколько осмеливается им быть. Многих таких негров содержат их жены или женщины, с которыми они живут - ведь мораль и домашние добродетели среди этого класса неизвестны. Женщина, работающая кухаркой в белой семье, часто берет с кухни достаточно, чтобы прокормить никчемного бродягу-мужчину и держать его в безделье или еще хуже. Негритянская песня точно выражает это блаженное состояние:

"Мне не нужно работать так много.

У меня есть девушка в доме белого человека;

Каждый вечер около половины восьмого

Я хожу к воротам белого человека:

Она приносит мне масло и лад.

Я не должен так много работать!"

Этот никчемный негр, без воспитания и образования, выросший из брошенных детей, о которых я уже говорил, бездельничающий в салунах и депо, - этот негр вызывает справедливый гнев народа и дает дурную славу всей негритянской расе. По численности он, конечно, невелик по сравнению с 8 000 000 негров Юга, которые выполняют огромную часть тяжелого ручного труда, на котором зиждется процветание Юга.

Как живет рабочий негр

Над этой низкой прослойкой преступных или полупреступных негров находится средний класс, составляющий большую часть расы - рабочих. Они теснятся в таких разрозненных поселениях, как Дарктаун и Джексон-Роу; немногие из них владеют своими домами, но большинство снимает их на шатких условиях, получая хорошую зарплату, по большей части безобидную, но часто впадающую в мелкую преступность. Бедность здесь, однако, не имеет той трагической ноты, которая звучит в многолюдных районах северных городов.

Темперамент негра неудержимо весел, он вырывается из своего маленького дома, поет и смеется на улицах; каким бы оборванным и убогим он ни был, на его лице сидит доброе настроение, а его убожество не выглядит живописным. Банджо, ужин из кефали время от времени, захватывающее оживление - все это доставляет ему истинное удовольствие. У большинства семей этого среднего класса, некоторые из которых - брошенные жены с детьми, есть свои "белые люди", для которых они стирают, готовят, занимаются садоводством или оказывают другую услугу, и все они связаны с церковью, так что у них есть реальное место в социальной структуре и определенный кодекс самоуважения.

Я старался увидеть все, что мог, на этом этапе жизни. Я посетил множество бедных негритянских домов, и часто меня принимали в убогих комнатах с достоинством и вежливостью, которая сделала бы честь светской женщине. Ведь негр, естественно, является своего рода французом. И если я могу подвести итог многочисленным визитам, которые я совершил, то должен сказать, что на меня произвело главное впечатление трагическое наказание, которое несет невежество и слабость в нашем сложном обществе. Я обнаружил бы дом из одной или двух комнат, скудно обставленных, но с блестящим кустарным органом в углу или прославленными золочеными часами на каминной полке; портреты мелком, невыразимо грубые и уродливые, но в великолепных рамках, не редкость - первые неуверенные, примитивные (не жалкие) потуги к некоторым изяществам более широкой жизни. Многие из этих вещей покупаются у агентов, и цены на них непомерно высоки. Часто негритянская семья ежемесячно в течение года или около того платит за какие-нибудь эффектные часы, хромы, музыкальную шкатулку или украшенное зеркало, выплачивая их стоимость в десятки раз больше, а затем конфискует их, когда из-за болезни или недостатка предусмотрительности они не смогут выплатить ни одной купюры. На них охотятся дома рассрочки, ломбарды сосут их кровь, и они бесконечно становятся жертвами патентованных лекарств. Редко когда я входил в негритянскую хижину, даже самую бедную, и не видел там одного или нескольких флаконов с каким-нибудь отвратительным панацеей. Сумма, ежегодно расходуемая неграми на патентованные лекарства, которые назойливо рекламируются во всех южных газетах, должна быть огромной - миллионы долларов. Однажды, прогуливаясь по одному из самых фешенебельных жилых районов Атланты, я столкнулся с интересной ситуацией. Я увидел великолепный дом из серого камня, стоящий несколько в стороне от улицы. Я сказал своему спутнику, который был жителем города:

"Это прекрасный дом".

"Да, остановитесь на минутку, - сказал он, - я хочу рассказать вам об этом. Там живет антикинк".

"Антикинк?" удивленно спросил я.

"Да; человек, который занимает этот дом, - один из самых богатых людей здесь. Он сделал свои деньги, продавая неграм препарат, который разглаживает колтуны на их шерсти. Они просто помешаны на этой теме".

"И это работает?"

"Вы ведь не видели ни одного прямоволосого негра, не так ли?" - спросил он.

Невежество несет большую ношу и поднимается по каменистой дороге!

Старые мамочки и медсестры

Как я уже говорил, большинство цветного населения все еще поддерживает более или менее тесные связи с белыми семьями - часто очень красивые и сочувственные отношения, как у старых мамочек или нянек. Для того, кто так много слышал о расовой ненависти, как я, за время моего пребывания здесь, маленький инцидент, который я наблюдал на днях, имеет очарование, которое трудно описать. Я увидел, как перед одним из домов остановилась карета. Приехала ожидаемая дочь - очень красивая девушка. Она с нетерпением вышла. Ее отец был уже на полпути к воротам, но впереди него стояла очень пожилая негритянка в чистейшем накрахмаленном платье.

"Милая, - сказала она с нетерпением.

"Мамочка!" - воскликнула девочка, и они бросились друг к другу в объятия, обнимаясь и целуясь - белая девочка и старая негритянка.

Я подумал про себя: "Здесь нет никакой негритянской проблемы: это обычная человеческая любовь!"

"Хозяин" заменяется "боссом"

Часто я слышал, как негры говорят "мои белые люди", и точно так же белый человек до сих пор говорит "мои негры". Старое понятие рабства, использование слова "хозяин", полностью исчезло, а на его месте возникло, не без значения, круглое выражение "Босс", или иногда "Кэп", или "Капитан". На это белый человек отвечает первым именем негра: "Джим" или "Сьюзи", а если негр старый или особо уважаемый: "дядя Джим" или "тетя Сьюзен".

Для незнакомого северянина одним из очень интересных и несколько забавных моментов в здешних условиях является панический страх, проявляемый при употреблении слов "мистер" или "миссис". Белый человек никогда не называет негра "мистер" или "миссис"; это означало бы социальное равенство. Один южный белый человек с юмором рассказывал мне о своих трудностях:

"Теперь я восхищаюсь Букером Вашингтоном. Я считаю его великим человеком, и все же я не могу называть его мистером Вашингтоном". Мы все были в затруднительном положении, пока ему не присвоили степень доктора. Это спасло нам жизнь! Теперь мы все называем его "доктор" Вашингтон".

Конечно! С тех пор как я приехал сюда, я не слышал, чтобы его называли мистером Вашингтоном. Всегда "доктор" или просто "Букер". Они готовы назвать негра "профессор", "епископ" или "преподобный" - но только не "мистер".

Точно так же негр может называть мисс Мэри Смит привычным "мисс Мэри", но если он назовет ее мисс Смит, она будет глубоко возмущена. Формальное "мисс Смит" подразумевает социальное равенство.

Я отвлекаюсь от темы: но мне хотелось запечатлеть эти отношения. Существуют все градации негров между полностью зависимым старым семейным слугой и новым, образованным негром-профессионалом или бизнесменом, и, соответственно, все степени обращения - от снисходительности до сильной враждебности.

Несмотря на недостаток места, я должен рассказать одну прекрасную историю, которую я услышал в Атланте и которая так хорошо иллюстрирует старые отношения. В семье доктора Дж. С. Тодда, известного жителя Атланты, есть старый, старый слуга, которого ласково называют дядей Билли. Он так давно в семье, что в действительности ему служат столько же, сколько и он сам. Во время беспорядков в сентябре прошлого года он был в ужасе: не решался идти домой ночью. Тогда мисс Луиза, дочь доктора, повела дядю Билли домой по темным улицам. Когда она возвращалась, один из ее друзей встретил ее и был очень встревожен тем, что она решилась выйти на улицу в столь опасное время.

"Что ты делаешь здесь в такое время?" - спросил он.

"Да так, - ответила она, как будто это был самый естественный ответ в мире, - мне нужно было доставить дядю Билли домой".

В противовес этой истории я хочу привести репортаж из газеты штата Кентукки, который покажет совсем другую крайность:

Фермер из Теннесси выбросил негра-епископа и его жену из спального вагона

Ирвин МакГроу, фермер из Теннесси, вчера в вагоне Illinois Central Pullman привлек внимание к закону Джима Кроу в Кентукки. Когда Макгроу вошел в вагон, он увидел, что цветной священник, преподобный доктор К. Х. Филлипс, епископ цветных методистских епископальных церквей в Теннесси, Северной Каролине, Техасе и некоторых районах Аризоны и Нью-Мексико, и его жена готовятся к ночному отдыху. Он потребовал, чтобы проводник приказал им выйти из вагона, но тот отказался.

После въезда в Кентукки он искал офицера на каждой станции, и наконец в Хопкинсвилле полицейский Брайант Бейкер согласился взять на себя задачу выгнать негров из вагона. Поезд простоял девять минут, пока они одевались и переходили в цветное купе.

Теперь я описал два из трех основных классов негров: Во-первых, никчемный и праздный негр, часто преступник, сравнительно малочисленный, но пагубно заметный. Во-вторых, великий средний класс негров, выполняющих ручную работу на Юге. Над ними возвышается третий класс, немногочисленный, но самый влиятельный в своей расе, - прогрессивные, владеющие собственностью негры, которые полностью разорвали свои старые тесные связи с белыми людьми и все больше и больше отдаляются от них.

Проблема белого человека

Мне все время кажется, что это больше проблема белого человека, чем проблема негра. Белый человек, так же как и черный, проходит испытание огнем. Белый человек полностью

контролирует Юг, политически, социально, промышленно: негр, как отмечает бывший губернатор Нортен, - его беспомощный подопечный. Что он будет с ним делать? Говоря об образовании негров и имея в виду условия в Атланте, которые я уже описал, многие люди говорили мне:

"Подумайте о тех огромных суммах, которые Юг потратил и продолжает тратить на образование негров. Негр не начинает платить за свое образование налогами".

Так же как и кишашие славяне, итальянцы и поляки в наших северных городах. Они платят мало налогов, но на их благоустройство тратятся огромные суммы. Для их блага? Конечно, но в основном для нашей. Лучше воспитывать людей в школе, чем позволять им так воспитывать себя, чтобы стать угрозой для общества. Возможно, нынешнее образование на Юге и ошибочно, но для защиты общества необходимо обучать каждого негра так же, как и каждого белого.

Когда я видел, как толпы молодых негров становятся преступниками из-за отсутствия надлежащего обучения, я не мог не думать о том, как безжалостно невежество в конце концов мстит обществу, которое пренебрегает им или эксплуатирует его.

ГЛАВА IV

В ЧЕРНОМ ПОЯСЕ: НЕГР-ФЕРМЕР

Сезон сбора хлопка подходил к концу, когда я отправился в черный пояс Джорджии. Многие друзья в Атланте говорили:

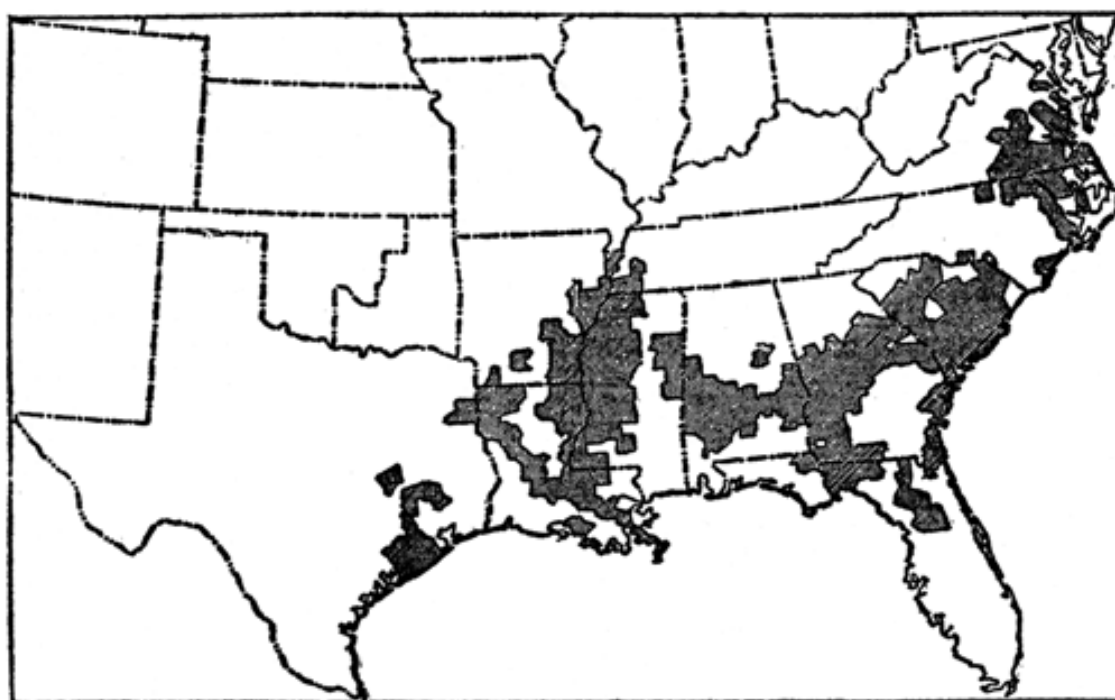
"Городской негр - это не настоящий негр. Ты должен поехать на хлопковые плантации в деревню; там ты увидишь настоящего черного африканца во всем его первобытном великолепии".

Совершенно верно, что типичный негр - это фермер. Большая масса представителей этой расы на Юге проживает в сельской местности. Согласно последней переписи населения, из 8 000 000 негров в южных штатах 6 558 173, или 83 процента, жили на фермах или в сельских поселениях. Многолюдная городская жизнь, которую я уже описал, представляет собой не обычное состояние масс негритянской расы, а более новое развитие, сопровождающее рост промышленной и городской жизни. В городе расы сталкиваются в социальном и экономическом плане более жестоко, чем в деревне, что приводит к острым кризисам, но именно в старых сельскохозяйственных районах, где негры составляют такие массы, где идеи меняются медленно, а старые институты сохраняются, проблема действительно представляет наибольшие трудности.

Нет лучшего времени года, чтобы увидеть Юг, чем ноябрь; ведь тогда он улыбается изобилию. Страна, по которой я проезжал, - холмы, поросшие красной травой, или черные низины, местами поросшие соснами, с приятными фермами, усеянными хижинами, часто

обветшалыми, но живописными, и маленькими оживленными городками - хранила атмосферу бодрого комфорта. На полях оживленно собирали хлопок негры; я видел, как по проселочным дорогам тянулись грузы нового хлопка, запряженные мулами или волами; все джины деловито пытели; на каждой платформе станции десятки или сотни тюков хлопка стояли готовые к отправке, а в городах веселились белые и черные фермеры, у которых теперь были деньги, чтобы их тратить. Летняя жара ушла, в воздухе ощущался привкус бодрой осенней прохлады. Это было хорошее время года, и, казалось, все это чувствовали. Множество негров со смехом и прощальными возгласами садились и выходили на каждой станции.

Что такое Черный пояс?

ЧЕРНЫЙ ПОЯС

В заштрихованном регионе более половины жителей - негры.

И вот, уже под вечер, после действительно интересного путешествия, я добрался до Хокинсвилла, процветающего городка с населением около 3000 человек к югу от центра штата Джорджия. Округ Пуласки, центром которого является Хокинсвилл, с амбициозным новым зданием суда, - типичный округ "черного пояса". На карте переписи населения, которая здесь воспроизводится, хорошо виден регион с наибольшей долей негритянского населения, простирающийся от Южной Каролины через центральную Джорджию и Алабаму до Миссисипи. Более половины жителей всего этого широкого пояса, включая также графства Атлантического побережья и нижнюю часть долины Миссисипи (заштрихованные на карте), - негры, в основном фермерские негры. Там расовый вопрос, хотя, возможно, и не стоит так остро, как в таких городах, как Атланта, является для белых и цветных неизбежной проблемой повседневного существования. Несколько раз, когда я был на в "черном поясе",

меня забавляла горячая реакция людей, которым я говорил о том, что уже видел кое-что из условий в Кентукки, Мэриленде и Вирджинии:

"А что, у них нет проблем с неграми. Они *северяне*".

В Мэриленде, Кентукки и Техасе проблема является острым раздражителем - как, впрочем, и в Огайо, и в Индианаполисе, и в западной части Нью-Йорка, - но она не является вопросом жизни и смерти, как в Черном поясе или в дельте Язу.

Вся страна в Центральной Джорджии давно заселена. Округ Пуласки был заложен в 1808 году, и все же сегодня его население можно назвать немногочисленным. На весь округ приходится всего 8 000 белых, большая часть которых живет в городах Хокинсвилл и Кокран, и 12 000 негров, оставляя за собой немалые площади лесов и необработанных земель, которые когда-нибудь приобретут огромную ценность.

Джентльмен из южной провинции

В Хокинсвилле я познакомился с Дж. Поупом Брауном, ведущим гражданином округа. Во многих отношениях он являет собой пример лучшего типа нового южанина. Всеми доступными ему способами и с энергией он посвящает себя благоустройству своей общины. В течение пяти лет он был президентом сельскохозяйственного общества штата; он был членом законодательного собрания и председателем железнодорожной комиссии Джорджии, и он представляет все лучшее, что есть в новом прогрессивном движении на Юге.

Одной из неприятных особенностей деревень на Юге являются плохие гостиницы. В качестве объяснения этого факта я услышал историю, иллюстрирующую отношение старого Юга к средствам размещения. Несколько лет назад, перед смертью Роберта Тумбса, которого, как члена кабинета Джефферсона Дэвиса, называли "хребтом конфедерации", в город, где жил Тумбс, пришел дух прогресса. Больше всего он нуждался в новой гостинице. Деловые люди собрались вместе и с энтузиазмом подписались на деньги, рассчитывая, что Тумбс, который был их самым богатым человеком, даст самую большую подписку. Но когда они наконец обратились к нему, он сказал:

"Что нам нужно от отеля? Когда в город приезжает джентльмен, я сам его развлекаю; те, кто не джентльмены, нам не нужны!"

Это был старый дух аристократического индивидуализма; город не получил своей гостиницы.

Одно из общественных предприятий мистера Брауна в Хокинсвилле - хорошая гостиница; и, что еще реже встречается на севере и юге, он сделал здание своей гостиницы действительно достойным в архитектурном отношении.

Мистер Браун отвез меня на свою плантацию - это около восьми миль. Как и большинство крупных владельцев плантаций, как я убедился не только в Джорджии, но и в других южных штатах, которые я впоследствии посетил, мистер Браун живет в городе. Через некоторое время я стал с достаточной уверенностью полагать, что почти любой видный торговец, банкир, адвокат или политик, которого я встречал в городах, владел плантацией в деревне. Из множества услышанных мною историй о судьбах семей я сделал вывод, что переезд белых владельцев с земли в близлежащие города увеличивался с каждым годом. Высокие

цены на хлопок и последующее процветание, похоже, скорее ускорили, чем замедлили это движение. Белые плантаторы теперь могут позволить себе жить в городе, где у них есть удобства и комфорт, где вопрос со слугами не является непосильной задачей и где есть хорошие школы для детей. Еще одна веская причина движения - растущий страх белых, особенно женщин и детей, перед одинокой жизнью на больших фермах, где белые соседи находятся далеко. Статистика показывает, что в "черном поясе" совершается меньше преступлений, чем в других частях Юга. Я обнаружил, что страх не отсутствует даже среди этих людей.

У меня есть письмо от белого человека, П. С. Джорджа из Гринвуда, штат Миссисипи, в котором с необыкновенной искренностью выражена точка зрения белых жителей страны:

Я живу в стране больших плантаций; если в этой стране 40 000 человек, то по крайней мере 30 000 - негры, и у нас никогда не было никаких трений между расами. Я прожил здесь двадцать лет и не слышал ни об одном случае попытки нападения негра на белую женщину. Этого негра схватили и повесили. Я сказал, что у нас никогда не было проблем с неграми, но это потому, что мы никогда не отвлекаемся от оружия. Можете поспорить, что я никогда не оставляю жену и дочь дома без мужчины после десяти часов вечера - потому что я боюсь".

В результате этих различных влияний путешественник по черному поясу видит, что многие дома на плантациях, даже построенные в последние лет, стоят пустые и заброшенные или заняты белыми надсмотрщиками, которых во многих частях Юга почти так же трудно удержать, как и негров-арендаторов.

Тысячи мелких белых фермеров, как владельцев, так и арендаторов, конечно, остаются, но когда ведущие плантаторы покидают страну, эти люди тоже становятся недовольными и уезжают при первой же возможности. Отправляясь в город, они находят работу для всей семьи на хлопчатобумажной фабрике или в других отраслях, где зарабатывают больше денег и живут с таким комфортом, о котором раньше и не мечтали.

История людей с мельниц

На многих хлопчатобумажных фабриках работают агенты, чья работа заключается в том, чтобы ездить по стране и убеждать белых фермеров приезжать в город, рисуя им радужные картины о возможностях жизни в нем. Я побывал в нескольких районах, где расположены мельницы, и побеседовал с рабочими. Мне показалось, что пожилые мужчины иногда тоскуют по свободной жизни на ферме. Один долговязый старик довольно патетично сказал:

"Когда наступает время сбора хлопка и я знаю, что они молотят тростник и охотятся на опоссумов, я, естественно, начинаю тосковать по деревне".

Но ничто не могло убедить женщин и детей вернуться к прежней тяжелой жизни. В Хокинсвилле есть небольшая хлопчатобумажная фабрика и именно такая община белых рабочих вокруг нее. Из-за нехватки рабочей силы зарплаты на фабриках стремительно растут по всему Югу в течение последних двух-трех лет, что еще больше привлекает сельских жителей.

Все эти различные тенденции объединяются и создают на Юге весьма примечательные условия. Происходит естественная сегрегация рас. Я видел это повсюду, где бывал в "черном поясе". Белые люди тяготели к городам или белым кварталам и оставляли землю, хотя она все еще принадлежала белым людям, все больше и больше в исключительное пользование

негров. Многие черные округа становятся все чернее, в то время как не так уж мало белых округов становятся все белее.

ГДЕ ЖИВУТ БЕЛЫЕ РАБОТНИКИ МЕЛЬНИЦ В АТЛАНТЕ, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

ГДЕ ЖИВУТ БЕДНЫЕ НЕГРЫ В АТЛАНТЕ, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

СОПУТСТВУЮЩИЕ ФОТОГРАФИИ

чтобы показать, что разница в материальном комфорте двух классов сравнительно невелика

Возьмем, к примеру, округ Пуласки, через который я проезжал тем ноябрьским утром с мистером Брауном. В 1870 году цветное и белое население было почти равным - около 6 000 человек на каждого. В 1880 году негры выросли до 8 225 человек, в то время как белых стало меньше. К 1890 году города начали улучшаться, и белое население выросло примерно на 700 человек, а негров стало почти на 2 000. И, наконец, вот цифры за 1900 год: Негры - 11 029; Белые - 7 460.

Я не хотел омрачать наши наблюдения большим количеством статистических данных, но эта тенденция настолько примечательна, что я хочу привести для сравнения цифры "белого округа" на севере Джорджии - округа Полк, который с каждым годом становится все белее.

	Негры	Белые
1880	4,147	7,805
1890	4,654	10,289
1900	4,916	12,940

Изгнание негров

Одной из самых активных причин этого движения является откровенный страх - или расовое отвращение, выражающееся в страхе. Белые люди не любят и боятся жить в густонаселенных цветных кварталах, а негры часто подвергаются террору в белых кварталах - и не только на Юге, но и в некоторых районах Огайо, Индианы, Иллинойса, как я покажу, когда перейду к рассмотрению расовых условий на Севере. У меня накопилось множество примеров того, как негров изгоняют из белых кварталов. Вот показательный репортаж из Литл-Рока, штат Арканзас:

(Специально для "Джорджиан").

Литл-Рок, Арканзас, 1 января. Практически все негры в Ивнинг-Шейд, округ Шарп, в этом штате, покинули город в результате угроз, которые были высказаны в адрес негров. В течение нескольких лет небольшая колония негров жила на окраине города. Некоторое время назад были вывешены объявления, предупреждающие негров, чтобы они немедленно покинули город. Примерно в это же время Джо Брукс, негр, живший со своей семьей в двух милях к северу от города, был вызван к себе и обстрелян неизвестными. Груз дроби ударил по дому рядом с ним, и часть дроби попала ему в руку. Брукс и его семья покинули страну, и практически все члены негритянской колонии уехали. Они бросили свое имущество или продали его за все, что смогли получить.

Из газеты "Нью-Орлеан Таймс Демократ" от 20 марта 1907 года я вырезал следующую заметку, в которой рассказывается об одном из методов, применяемых белыми в Оклахоме:

ЧЕРНЫМ ПРИКАЗАНО УБИРАТЬСЯ

Лоутон, штат Оклахома, 20 марта - "Негры, остерегайтесь капперов. Мы, Шестьдесят Сыновей Ваурики, требуем, чтобы негры немедленно ушли отсюда. Мы имеем в виду - уходите! Уходите через двадцать четыре часа, или после этого ваша жизнь будет под вопросом". Именно эти слова были написаны на плакатах, которые восемьдесят негров городка Ваурика, расположенного в сорока милях к югу от Лоутона, вывесили сегодня утром в нескольких общественных местах.

В депешах, поступивших отсюда сегодня вечером, говорилось, что белые настроены серьезно и что негры будут убиты, если не покинут город.

Не мало исследователей южных условий, таких как Джон Темпл Грейвс среди белых и Бишоп Тернер среди цветных, утверждали, что фактическое физическое разделение рас (либо путем депортации негров в Африку или куда-либо еще, либо путем предоставления им для проживания определенных частей Юга, похожих на резервации) является единственным решением. Но на самом деле в некоторых частях Юга происходит естественная сегрегация, хотя и совсем не так, как рекомендуют мистер Грейвс и епископ Тернер; ведь даже в самых черных округах белые владеют большей частью земли, занимают города и доминируют везде в политическом, социальном и промышленном плане.

Плантация мистера Брауна занимает около 5 000 акров, из которых около 3 500 акров обрабатывается. Это красивая холмистая местность, хорошо поливаемая, с купами сосен, усеянная маленькими домиками арендаторов.

Когда мы ехали по проселочной дороге, то встречали или проезжали мимо многих негров, которые кланялись с величайшим почтением. Некоторые шли пешком, но многие вели лошадей или мулов и нередко ехали в верхних колясках, выглядя вполне преуспевающими, каковыми, по словам мистера Брауна, они и являлись. Он знал их всех и иногда останавливался, чтобы спросить, как у них идут дела. Внешние отношения между расами в деревне кажутся мне более гладкими, чем в городе.

Хлопок, как и во всей этой стране, является почти единственной сельскохозяйственной культурой. Несмотря на постоянные проповеди реформаторов сельского хозяйства, таких как сам мистер Браун, кукурузы выращивается едва ли достаточно, чтобы обеспечить людей едой, и я был удивлен, увидев здесь и в других местах так мало крупного рогатого скота и свиней. Овец вообще не существует. В Хокинсвилле, хотя в окрестностях растет отличная трава, я видел перед магазином сена тюки, которые были доставлены за 400 миль - из Теннесси. Сахарного тростника выращивают достаточно, в основном на небольших участках, чтобы обеспечить сиропом домашние нужды. Во время моего визита негры были на тростниковых полях с длинными ножами, убирая урожай. Мы увидели несколько маленьких однолошадных мельниц, отжимающих сок из тростника, а рядом, под навесом, похожим на шалаш, стоял большой кипящий котел для сиропа, в котором работал опытный негр, помешивая и снимая пену. И всегда вокруг были негры, мальчишки и девчонки с веселыми измазанными лицами, а те, что постарше, чистили и сосали свежий тростник.

Это было прекрасное время года!

Как же управляет своими большими владениями помещик - а он в самом деле помещик? Такая же система с небольшими вариациями используется повсюду в хлопковой стране, и описание методов мистера Брауна со ссылками на то, что я видел или слышал в других местах, даст прекрасное представление об общей процедуре.

Страна больших плантаций

Черный пояс - это страна больших плантаций, площадь которых у некоторых владельцев достигает 30 000 акров, перемежающихся с более мелкими фермами, принадлежащими бедным белым семьям или неграм. В чем-то условия похожи на те, что преобладают в Ирландии: крупные землевладельцы и бедные арендаторы или крестьяне, причем арендаторы здесь в значительной степени черные.

Для обслуживания плантации мистера Брауна требуется около 100 семей, или 600 человек. Из них 90 процентов - цветные и 10 процентов - белые. Меня очень заинтересовали слова мистера Брауна о его неграх-арендаторах, которые несколько отличаются от того впечатления, которое сложилось у меня в городе о молодом негритянском поколении.

"Я бы предпочел иметь в качестве арендаторов молодых негров, - сказал он, - потому что они лучше работают и, кажется, более склонны заботиться о своих фермах. Старые негры, как правило, отлынивают - привычка рабства".

Кроме резиденции надсмотрщика и домов арендаторов, на плантации есть магазин припасов, принадлежащий мистеру Брауну, кузница и негритянская церковь, которая также используется в качестве школы. Это, как я обнаружил по всему "черному поясу", общее оборудование.

Чтобы заставить хозяина обрабатывать свою землю, он использует три разных метода. Во-первых, лучшие арендаторы снимают землю за наличные, "постоянная рента" составляет около 3 долларов за акр, хотя во многих местах в Миссисипи она достигает 6 и 8 долларов за акр. Во-вторых, доленая аренда, при которой арендодатель и арендатор делят между собой урожай хлопка и кукурузы. В-третьих, обычная система оплаты труда; то есть хозяин нанимает работников за столько-то в месяц и сам вносит свой урожай. Все эти три метода обычно используются на крупных плантациях. Мистер Браун арендует 2500 акров за наличные, 400 - на паях, а 600 обрабатывает сам с наемными рабочими.

Все методы измерения земли здесь сильно отличаются от тех, что применяются на Севере. Плантации неравномерно разделены на так называемые фермы с одним мулом или одним плугом - именно столько земли может обрабатывать семья с одним мулом - обычно около тридцати акров. Некоторые амбициозные арендаторы берут ферму с двумя или даже четырьмя мулами.

Негр-арендатор

Большинство жильцов, особенно негры, очень бедны и полностью зависят от хозяина. У многих негритянских семей нет практически ничего своего, кроме поношенной одежды, домашней мебели стоимостью в несколько долларов, кухонной утвари и ружья. Поэтому домовладелец должен снабжать их не только тем, на что можно прожить, пока они собирают урожай, но и всем необходимым для ведения хозяйства. Допустим, негр приходит в ноябре, чтобы арендовать у хозяина ферму с одним мулом на следующий год.

"Что у тебя есть?" - спрашивает хозяин.

"Ничего, босс", - скорее всего, ответит тот.

Босс" предоставляет ему хижину, в которой он живет, - она идет в комплекте с арендованной землей, мула, плуг, возможно, одноконную повозку и несколько инструментов. К Рождеству

ему часто выдают несколько долларов наличными, которые (как правило) он тут же тратит. Затем ему разрешается взять в магазине плантационных запасов обычное количество кукурузы, чтобы накормить своего мула, а также мясо, хлеб, табак и немного одежды для своей семьи. Стоимость всего снаряжения и припасов на год составляет около 300 долларов, на которые арендатор выплачивает проценты в размере от 10 до 30 процентов с момента подписания контракта в ноябре, хотя большая часть припасов не забирается до следующего лета. Помимо этих процентов, плантатор получает большую прибыль на всех продуктах и других предметах первой необходимости, поставляемых его магазином. Заключив контракт, негр отправляется на работу со всей семьей и продолжает работать до следующей осени, когда весь хлопок собран и собран. Тогда он приезжает в свое "поселение" - прекрасное время года. Пока я был в "черной полосе", расчеты шли полным ходом. Негру начисляется количество привезенного им хлопка, а также все его запасы, проценты и арендная плата за тридцать акров земли. Если сезон был удачным и он был трудолюбив, то часто получает неплохую прибыль наличными, но иногда он не только не выходит в плюс, но и заканчивает год работы в еще большем долгу перед хозяином.

СЕМЬЯ "БЕДНЫХ БЕЛЫХ"

"Среди них есть дух гордости и независимости, который, если бы был правильно направлен, возвысил бы их и сделал процветающими, но который, введенный в заблуждение и слепой, как это иногда бывает, держит их в бедности".

ОБРАЗЦОВАЯ НЕГРИТЯНСКАЯ ШКОЛА

Вдохновленная Таскиги, она действительно отличается от обычной сельской негритянской школы на Юге.

Некоторые негры, в настоящее время, как правило, беднейшие, работают за зарплату. Они получают от 12 до 15 долларов в месяц (против 5-8 долларов несколько лет назад) и хижину, в которой живут. Им полагается огородная грядка, где они могут, если будут трудолюбивы и их семьи помогут, вырастить достаточно овощей, чтобы прокормиться с комфортом, или часть тюка хлопка, который принадлежит им. Но приходится с грустью констатировать, что немногие негры-арендаторы, да и белые тоже, насколько я могу судить, занимаются огородами, разве что выращивают несколько капусты, арахиса и перца и, возможно, несколько сладких картофелин. Отчасти это объясняется ленью и отсутствием амбиций, отчасти - постоянным трудом, которого требует плантатор. Жена и дети трудолюбивого негра почти всегда помогают на полях, получая дополнительный доход от уборки хлопка весной и сбора линта осенью.

Такова система в теории, но интерес для нас представляет не план, а реальная практика. Как все это работает на благо или во зло, для арендодателя и для арендатора?

Аренда на Юге - совсем другое дело, чем на Севере. На Севере человек, арендующий ферму, почти так же свободен делать все, что ему заблагорассудится, как если бы он был владельцем. Но на Юге нынешняя система арендаторов гораздо ближе к состоянию, которое преобладало во времена рабства, чем к нынешней системе арендаторов на Севере. Она естественным образом выросла из рабства; белый человек научился управлять большими плантациями с помощью невежд, а негр, со своей стороны, не был обучен никакой другой системе. Белый человек был естественным хозяином, а негр - естественным иждивенцем, и простая прокламация об освобождении не изменила сразу же дух этих отношений.

Сегодня на каждой крупной плантации есть белый надсмотрщик, который или сам владелец присматривает за арендаторами и наказывает их. Арендатор находится у него в долгу (в некоторых случаях доходя до настоящего долгового рабства или пеонажа), и он *должен* следить за тем, чтобы урожай был собран. Поэтому он следит за работой каждого негра (да и белых арендаторов тоже), следит за тем, чтобы земля была правильно удобрена, чтобы поддерживались дамбы (для предотвращения размыва), чтобы хлопок был правильно измелен (прорежен) и регулярно обрабатывался. Некоторые крупные землевладельцы нанимают помощников надсмотрщиков или "наездников", которые постоянно кочуют с фермы на ферму. На одной плантации я видел, как в один из дней в путь отправились четыре таких всадника, каждый с винтовкой на седле. А на одной из плантаций Южной Каролины мне довелось увидеть один из методов поддержания дисциплины. Один плантатор рассказывал мне о своих трудностях - о том, как иногда по плантации проносится дух беззакония, навеянный каким-нибудь "фанатичным негром".

"Знаете, что я делаю в таких случаях?" - сказал он. "Пойдемте со мной, я вам покажу".

Он провел меня через весь дом к широкому крыльцу и, забравшись на полку над дверью, снял с нее тележную спицу из гикори, длиной с мою руку.

"Когда случаются неприятности, - сказал он, - я просто спускаюсь с ней и укладываю одного или двух из них. На этом неприятности заканчиваются. Мы должны это делать; они как дети, и время от времени их просто необходимо наказывать. Для них гораздо лучше получить таким образом, от белого человека, который является их другом, чем быть арестованными, доставленными в суд и отправленными на цепную каторгу".

Неприятности землевладельца

Плантаторы рассказывали мне о всевозможных трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться со своими арендаторами. Один из них, потратив целый вечер на рассказ о проблемах, с которыми сталкивается любой человек, пытающийся работать с неграми, подытожил все это замечанием:

"Вы просто должны понять, что имеете дело с детьми, и обращаться с ними так твердо и ласково, как только умеете".

Он рассказал мне, как трудно было заставить негра-арендатора даже в напряженный сезон отработать полную неделю, и часто это удавалось сделать только путем отказа от еженедельного пособия на питание. В субботу днем (или "вечером", как говорят на Юге) негр отправляется в город или навещает своих друзей. Часто он проводит весь день в воскресенье, разъезжая по стране, и его мул возвращается настолько измотанным, что в понедельник его уже нельзя использовать. В работу часто врываются неистовые религиозные возрождения, не говоря уже о "гулянках" и рыбных ужинах, на которых негры часто остаются на всю ночь. Многие из них небрежно обращаются с инструментами, расточительно расходуют припасы, безответственны в своих обещаниях. Один плантатор рассказывал мне, как он построил аккуратные заборы вокруг домов своих негров и отремонтировал их дома, чтобы поощрить их к бережливости и дать им больше комфорта, только для того, чтобы заборы и даже части домов были использованы на дрова.

Ближе к осени, если сезон выдался неудачным и урожай хлопка невелик, настолько невелик, что негр знает, что не сможет "расплатиться" и хоть что-то себе оставить, он иногда совсем покидает плантацию, оставляя хлопок несобранным и оставляя большой долг хозяину.

Однако если он попытается это сделать, то должен полностью уйти, иначе плантатор будет преследовать его и возвращать на работу. Неграмотные, без дисциплины и обучения, с небольшими амбициями и большой ленью, большая часть негров-арендаторов присматривается и управляется как дети или рабы. Я говорю "значительная часть", но есть тысячи трудолюбивых негров-землевладельцев и арендаторов, которые быстро вырываются вперед, как я покажу в следующей главе.

В этой связи примечателен тот факт, что значительное число белых арендаторов требует почти такого же внимания, как и негры, хотя, конечно, с ними обращаются совершенно по-другому. Один плантатор в Алабаме сказал мне:

"Дайте мне негров всегда. Я не потерплю у себя нищего белого арендатора. Вы можете получить работу от любого негра, если знаете, как с ним обращаться; но есть некоторые белые, которые не хотят работать, и их нельзя водить за нос, потому что они белые".

Расовые проблемы в стране

Короче говоря, когда рабство было отменено, на его месте возникла своего рода феодально-арендная система, которая широко распространена и по сей день. И она работала со сравнительным удовлетворением, по крайней мере для помещиков, до последних нескольких лет, когда следующий шаг в обычной эволюции человеческого общества - промышленное и городское развитие - начал серьезно нарушать феодальное равновесие в хлопковой стране. Это была любопытная идея - достаточно человеческая, - что люди должны пытаться законодательно освободить рабов. Но природа использует свои собственные методы освобождения рабов; они медленнее, чем мужские, но более надежны.

Переход, происходящий сейчас на Юге от феодальной сельскохозяйственной жизни к более жестким современным условиям, принес плантатору трудности, по сравнению с которыми все остальные меркнут. Я имею в виду нехватку рабочей силы. Промышленность конкурирует с сельским хозяйством за ограниченное предложение негритянских рабочих. Негры, подчиняясь тем же законам природы, что и белые фермеры, устремляются в города, переходят на другие профессии, мигрируют на запад или север - туда, где можно заработать больше денег. Поэтому заработная плата в сельском хозяйстве выросла, а арендная плата, относительно, снизилась, и если бы Юг в течение нескольких лет не получал чудесные доходы от своего монопольного урожая, то кризис мог бы быть более серьезным.

Плач Юга: "Больше труда".

Если бы Юг сегодня мог сформулировать свою главную потребность, мы бы услышали один большой крик:

"Больше труда!".

Из этой борьбы за арендаторов, слуг и рабочих выросли главные сложности негритянской проблемы - и я не забываю о расовых предрассудках и преступлениях против женщин. Действительно, мне казалось, что главная трудность в понимании негритянской проблемы заключается в том, чтобы показать, в какой степени осложнения на Юге вызваны экономическими перестройками, а в какой - инстинктивным расовым отвращением или расовыми предрассудками.

Воровство арендаторов

В одном городе, который я посетил - не в Хокинсвилле, - я стоял и разговаривал с несколькими джентльменами на улице, когда увидел человека, проезжавшего мимо в коляске.

"Вы видите этого человека?" - спросили они меня. Я кивнул.

"Так вот, он самый большой вор-арендатор в этой стране".

Я много слышал об этих "ворах-арендаторах". Весь район презирует одного плантатора, который, чтобы сохранить свою землю, переманивает негров у своих соседей. Иногда он предлагает большую зарплату, иногда предоставляет арендаторам лучшие дома, а иногда добивается успеха с помощью той силы властной личности, которая легко управляет невежественными арендаторами.

Более того, я обнаружил, что борьба за негров-арендаторов идет не только между отдельными плантаторами, но и между штатами и районами. Многие старые фермы в Южной Каролине и Алабаме использовались так долго, что требуют постоянной и обильной ежегодной обработки удобрениями, в результате чего выращивание хлопка обходится дороже, чем на богатых аллювиальных землях Миссисипи или в более новых регионах Арканзаса и Техаса. В результате плантаторы Запада, имея возможность платить большую зарплату и предоставлять арендаторам лучшие условия, переманивают негров с Востока. Джорджия и другие штаты ответили на этот конкурентный недостаток обычным способом, которым отвечают на такие недостатки, когда они только ощущаются, но не до конца осознаются, - с помощью противодействующего законодательства. Грузия приняла самые строгие законы, чтобы удержать своих негров на земле. Кодекс Грузии (раздел 601) гласит:

Любой человек, который будет приглашать или зазывать эмигрантов, или попытается это сделать, не получив предварительно лицензии, как того требует закон, будет виновен в правонарушении".

Бывший конгрессмен Уильям Х. Флеминг, один из самых выдающихся государственных деятелей Джорджии, сказал:

"Земля и другие формы капитала не могут избавиться от негра и не откажутся от него, пока не будет найдена замена. Его труд стоит миллионы и миллионы. В Джорджии теперь считается преступлением, если кто-либо приглашает эмигрантов, не получив лицензии, а затем мы делаем эту лицензию настолько запретительной, насколько это возможно. Одной из самых опасных профессий для любого человека в этом штате будет работа агента эмигрантов - как некоторые убедились на собственном опыте".

В связи с этим я привожу опубликованный в апреле 1907 года в одной из газет Огасты рассказ о подобном случае:

Самый крупный штраф, назначенный в городском суде округа Ричмонд за последние два года, был наложен на Э. Ф. Арнетта вчера утром. Он был приговорен к выплате штрафа в размере одной тысячи долларов или отбыванию шести месяцев в окружной тюрьме.

Арнетт был признан виновным в нарушении эмиграционных законов штата, касающихся вывоза рабочей силы за пределы штата. Он обвинялся в том, что нанял тринадцать негров для работы на железной дороге Джорджии и Атлантики, которая проходит по территории

этого штата и Алабамы. Присяжные по этому делу вынесли обвинительный вердикт, когда суд собрался вчера, хотя сообщалось, что вероятен ошибочный суд.

"Деревяшка" Уильямс

Известный железнодорожный эмиграционный агент по прозвищу "Деревяшка" Уильямс, который несколько лет назад способствовал эмиграции негров из Джорджии в Миссисипи и Техас, неоднократно подвергался судебным преследованиям и в конце концов был вытеснен из бизнеса. В письме, которое он написал некоторое время назад в газету *Atlanta Constitution*, он сказал:

Я знаю несколько округов, расположенных в сотне миль от Атланты, в которых работа по выселению негров в другие штаты стоит больше, чем жизнь человека. Есть фермеры, которые без колебаний застрелили бы своего брата, если бы он приехал из Миссисипи за "своими неграми", как он их называет, даже если бы у него не было с ними контракта. Я лично знаю многих негров, которые переехали на Запад и, накопив немного денег, вернулись за братом, сестрой, старым отцом или матерью, и были вынуждены вернуться без них, их жизнь была под угрозой; они должны были уехать и уехать быстро.

Учитывая такие чувства, можно представить, насколько бесполезны разговоры о депортации негритянской расы. Сегодня южному плантатору нужно не меньше негров, а больше негров - негров, которые будут "держат свое место".

Законы о том, как заставить негра работать

В южных штатах было принято множество других законов, направленных на то, чтобы удержать негра на земле и, его там, заставить работать. Закон о контрактах, злоупотребления которым приводят к пеонажу и долговому рабству, является прекрасным примером, который я более подробно рассмотрю в следующей главе. Уголовные законы, система цепных банд и наем негров-заключенных частными лицами - все это, так или иначе, приспособления для того, чтобы заставить негра работать на фермах, на кирпичных заводах и в шахтах. Законы о бродяжничестве, не похожие на северные и отличные по своей цели, здесь иногда исполняются с особой жестокостью. В Алабаме последнее законодательное собрание приняло закон, согласно которому негр, арестованный за бродяжничество, должен доказать, что он не бродяга. Короче говоря, старое правило закона о том, что человек невиновен, пока его вина не доказана, здесь отменено в отношении негра, так что бремя доказывания того, что он не виновен в бродяжничестве, лежит на нем, а не на штате. Последний законодательный орган Алабамы также принял строгий закон о дичи, одним из аргументов в пользу которого было то, что, лишив негра возможности охотиться на травку, он заставит его более упорно трудиться на хлопковых полях.

Расовая ненависть против экономической необходимости

Одной из самых значительных вещей, которые я видел на Юге - а я видел это повсюду, - было то, как белые люди разрывались между чувством расовых предрассудков и откровенной экономической необходимостью. Ненавидя и опасаясь негра как расы (хотя зачастую любя отдельных негров), они все же хотят, чтобы он работал на них; они не могут без него обойтись. В одном порыве община поднимается на мафию негров или изгоняет их из страны из-за негритянской преступности или бродяжничества, или потому, что негр становится

образованным, приобретает собственность и "сходит со своего места"; а в следующем порыве принимаются законы или другие замечательные меры, чтобы удержать его на работе - потому что Юг не может без него обойтись. Из газеты "Атланта Джорджиан" я недавно вырезал письмо, которое хорошо иллюстрирует, как расовая ненависть сталкивается с экономической необходимостью.

БЕДЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Но разве в каждом вопросе нет двух сторон? Вот мы здесь, в деревне, прямо посреди сотен негров, и знаете ли вы, сэр, что все эти разговоры о линчевании и ку-клукс-клане пугают фермеров до такой степени, что мы начинаем опасаться, что скоро фермеры понесут большие потери в труде из-за их бегства? Уже сейчас это начинает сказываться. После ночи негры боятся покидать свои фермы, чтобы отправиться куда-нибудь по делам. Почему, сэр, в двух милях от этого города негры боятся приходить сюда торговать по ночам? Деревенские купцы очень остро ощущают это на себе, и если не остановить эту глупость, их потери в осенней торговле будут очень велики.

Даже некоторые дамы нашего общества жалуются на это безрассудство. Что это деморализует труд в домашнем департаменте. Поэтому в заключение, от имени моей общины и других сельских общин, я считаю своим долгом поднять голос предостережения против всех этих новых глупостей ку-клуксизма.

Т. Дж. Лоу.

Мейблтон, штат Джорджия.

Во время моего пребывания в Джорджии произошел случай, который пролил свет на внутреннюю сложность этой проблемы. В округе Хабершем в Северной Джорджии проживают в основном люди, известные как "бедные белые" - знаменитые горцы, которые никогда не были рабовладельцами и многие из которых сражались в армии Союза во время Гражданской войны. Хабершем - один из "белых округов", которые становятся все белее. Здесь проживает около 2 000 негров и 12 000 белых - многие из последних приехали с севера, чтобы выращивать персики и разводить овец. Одним из негров округа Хабершем был Фрэнк Грант, которого белый сосед описал как "негра с хорошим характером, владельца собственности, подающего пример бережливости и честности, который должен был сделать его пример полезным для любой общины".

Грант откладывал деньги от своего труда и купил дом. Он был настолько хорошим работником, что люди иногда были готовы платить ему вдвое больше, чем обычному рабочему, белому или черному. В ночь на 16 декабря 1906 года дом негра был обстрелян группой белых, которые затем отправились в дом его арендатора, Генри Сцизма, тоже негра, и устроили беспорядочную стрельбу вокруг дома Сцизма, а также предупредили его, чтобы он покинул страну через неделю, пригрозив ему суровыми наказаниями, если он не уедет. В результате Гранту пришлось продать свой небольшой дом, завоеванный после столь тяжелого труда, а он сам и его арендатор Сцизм с семьями бежали из округа.

"В лице Гранта, - сказал его белый сосед, - округ потерял способного работника, а в нынешней ситуации - ценнейшее достояние и хорошего гражданина".

Таким образом, здесь расовая ненависть противостоит экономической необходимости. Важные граждане и работодатели округа Хабершем приехали в Атланту и 18 января 1907 года вручили губернатору Терреллу петицию следующего содержания:

Его Превосходительству, Дж. М. Террелу,
губернатору штата Джорджия, Атланта:

В то время как в ночь на 16 декабря 1906 года неизвестные лица пришли в тихий дом Фрэнка Гранта, цветного, гражданина этого округа, и выстрелили в его жилище, а затем отправились в дом Генри Сцизма, цветного, арендатора указанного Фрэнка Гранта, и беспорядочно стреляли вокруг его (указанного Сцизма) дома, и потребовали от него покинуть округ под угрозой сурового наказания.

Это заставило арендатора, Генри Сцизма, уехать, а Фрэнка Гранта - продать свой маленький дом и уехать. Нам стало известно, что Фрэнк Грант - тихий, невинный, трудолюбивый гражданин. Поэтому мы, нижеподписавшиеся чиновники и граждане округа Хабершем, штат Джорджия, просим вас назначить щедрое вознаграждение за арест и осуждение этих неизвестных лиц - 100 долларов за первого и 50 долларов за каждого последующего.

(К. В. Грант,
школьный комиссар округа.
J. А. Эрвин, клерк, С. К,
М. Франклин, ординарец
J. Д. Хилл, Т. К. Х. К.

Но, разумеется, ничего нельзя было сделать, чтобы удержать негров на земле в таких условиях.

Почему негров изгоняют

Что все это значит? Послушайте объяснение, которое дал видный белый житель округа Хабершем - не мне, а газете *Atlanta Georgian*, где оно было опубликовано:

"Это не проблема негритянской рабочей силы, потому что ее там мало. Белая рабочая сила не хочет работать на фруктоводоов по доступным им ценам, даже если это хороший фруктовый год. Часто они отказываются работать по любой цене. У них много замечательных качеств; среди них - дух гордости и независимости, который, если его правильно направить, возвысит их и сделает процветающими, но который, как это иногда бывает, вводит их в заблуждение и слепоту, держит их в бедности и ставит регион, в котором они живут, в крайне невыгодное положение".

"Землевладельцы и работодатели, как местные, так и новые, возмущены, но беспомощны. Они находятся во власти непостоянного элемента белых, которые говорят: "Я буду работать или нет, как хочу, когда хочу и по своей цене; и я не позволю неграм отнимать у меня работу". Это не расовый вопрос, чистый и простой; это промышленный вопрос, вопрос труда, не ограниченный одной частью страны".

Здесь, как можно заметить, к "бедному белому" предъявляются те же претензии, что и к негру, - что он неповоротлив и не хочет работать даже за высокую зарплату.

Вообще говоря, расовая ненависть на Юге исходит в основном от бедного класса белых, которые либо владеют землей, которую сами обрабатывают, либо являются фермерами-арендаторами, конкурирующими с неграми, и от политиков, которые стремятся завоевать голоса этого класса белых людей. Крупные землевладельцы и работодатели, хотя и не любят негра, хотят, чтобы он работал и работал стабильно, и сделают почти все, чтобы удержать его

на земле - пока он верный, послушный, неамбициозный работник. Когда он становится преуспевающим, или образованным, или владеет землей, многие белые перестают "иметь к нему какое-либо отношение" и враждебно на него смотрят, но лучший тип белых людей Юга не только рад видеть, как негр становится преуспевающим и независимым фермером, но и сделает многое, чтобы помочь ему.

Яркая иллюстрация расовых чувств

Я получил бесчисленное множество иллюстраций того, до каких крайностей доходят расовые чувства среди определенного класса южан. В письме в *Atlanta Constitution* от 5 ноября 1906 года писатель, который подписывается Марком Джонсоном, пишет:

Негр нужен нам только в качестве рабочего. Только в этом качестве он нам нужен; только в этом качестве мы можем его использовать. Если Север захочет взять его к себе и дать ему образование, мы пожелаем ему счастливого пути и внесем свой вклад в его образование, если школы будут расположены по ту сторону линии".

А вот выдержки из замечательного письма белого рабочего с Юга, подписавшегося Форрестом Поупом и опубликованного в газете *Atlanta Georgian* от 22 октября 1906 года:

Когда появляется опытный негр и начинает толкать локтями белого человека в борьбе за существование, разве вы не знаете, что белый человек восстает и не хочет, чтобы это было так? Если нет, то вам не понадобится много времени, чтобы узнать это; просто пойдите и спросите нескольких из них, тех, кто говорит вам всю правду, и посмотрите, что вы узнаете об этом.

Каково место негра?

Все настоящие южане любят негра как слугу, и пока он остается в роли дровосека и водоноса, оставаясь строго на своем месте, которое мы предпочитаем называть , все в порядке, но когда амбиции, вызванные настоящим образованием, заставляют негра становиться беспокойным и он стремится выйти из этого подневольного состояния, тогда возникает, или, по крайней мере, возникнет, беда, несомненная беда, которую все великие редакторы, парсоны и философы не смогут предотвратить так же, как они сейчас могут изложить всю правду и ничего, кроме правды, об этом всепоглощающем, далеко идущем несчастном расовом вопросе. Среди южных редакторов и других общественных деятелей есть те, кто вот уже двадцать пять лет кричит в уши северянам, что образование решит негритянский вопрос; на Юге нет ни одного честного, бесстрашного, мыслящего человека, который не знал бы, что это наглая ложь. Возьмите молодого негра не более чем обычного интеллекта, вовремя завладейте им, тщательно обучите его книгам и дайте ему хорошее промышленное образование, отправьте его на Юг с самыми благими намерениями как со стороны его благодетеля, так и со стороны его самого, отправьте его отнимать у меня работу, и я убью его.

ФОТОГРАФИИ КОМПАНЬОНОВ

Старые и новые домики для негров-арендаторов на плантации Браунов

В другой части этого замечательного письма, дающего представление о голых костях экономической борьбы за существование, писатель говорит

Я, полагаю, типичный южный белый рабочий квалифицированного класса, и я скажу всему миру, включая докторов Эббота и Элиота, что я не хочу, чтобы рядом со мной был образованный негр, владеющий собственностью. Негр был бы мне нужен для того, чтобы я мог получить от него труд, который я не хочу выполнять сам, а других возможностей для него у меня нет.

Кто будет делать грязную работу?

Еще одна иллюстрация, и я закончил. В Монтгомери, штат Алабама, я познакомился с юристом по имени Густав Фредерик Мертинс. Мы обсуждали "проблему", и в конце концов мистер Мертинс сделал поразительное замечание, совсем не выражающее точку зрения, которую я слышал от некоторых наиболее сильных граждан Монтгомери, но прекрасно озвучивающее позицию многих южан.

"Вопрос в том, - сказал он, - кто будет делать грязную работу. В этой стране белый человек не хочет: негр должен. Где-то должна быть грязь. Если вы дадите неграм образование, они не останутся там, где им место; и вы должны рассматривать их как расу, потому что если вы позволите нескольким возвыситься, это вызовет недовольство остальных".

Мистер Мертинс подарил мне экземпляр своего романа под названием "Сигнал бури", в котором он развивает эту идею (стр. 342):

Негр - это грязевое дно современного социального и промышленного Юга. На его труде в поле, в лесу и в шахте держится вся структура. Уберите негра, и система должна быть реорганизована..... Обучите его, и он уйдет с поля. Обучите его ремеслам и наукам, и он вступит в активную конкуренцию с белым человеком в так называемых высших сферах жизни. Эта конкуренция приводит к трениям, и эти трения в конце концов приводят к гибели негра.

Не эта ли грязь будоражит нас сегодня, и не в этом ли глубинная причина многих бед на Юге - да и на Севере тоже, где негры появились в большом количестве? Трение конкуренции наступило, и, несмотря на требования справедливости со стороны многих представителей лучшего класса южных белых, борьба, безусловно, становится все более острой.

И из этой экономической борьбы белых и черных вырастает этическая борьба, гораздо более значительная. Это борьба белого человека с самим собой. Как ему, верховному на Юге, как и на Севере, относиться к неграм? Вот это *и есть настоящая* борьба!

ГЛАВА V

РАСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮГЕ

I

Как правило, самые острые расовые предрассудки на Юге проявляются со стороны бедных слоев белого населения, будь то фермеры, ремесленники или неквалифицированные рабочие, которые вступают в активную конкуренцию с неграми, или со стороны политиков, стремящихся получить голоса этого класса людей. Именно этот элемент изгнал негров не из одной общины на Юге, и именно он обычно формирует толпы линчевателей. Аналогичный антагонизм рабочих классов существует и на Севере, где негры появляются в большом количестве - как я покажу, когда буду писать об обращении с северными неграми.

С другой стороны, крупные землевладельцы и работодатели Юга, а также все профессиональные и деловые люди, нанимающие слуг, хотя они и не любят и боятся негров как расы (хотя часто любят и защищают отдельных негров), хотят, чтобы черный человек работал на них. Более того, они *должны получить его*: ведь на Юге у него практически монополия на труд. Белые мужчины из класса работодателей сделают почти все, чтобы удержать негра на земле и его жену на кухне - лишь бы они были послушными и неамбициозными работниками.

"Хорошие" и "плохие" домовладельцы

Но я недолго пробыл в "черном поясе", прежде чем начал замечать, что крупные плантаторы - большие работодатели рабочей силы - часто применяют совсем другие методы в обращении с неграми. В феодальном средневековье были хорошие и плохие бароны; так и на Юге сегодня есть "хорошие" и "плохие" помещики (за неимением лучшего обозначения) и все градации между ними.

Хороший помещик, вообще говоря, - это тот, кто по наследству знает, как должна функционировать феодальная система. Другими словами, это старый рабовладелец или его потомок, который не только чувствует древнюю ответственность времен рабства, но и верит, что хорошее отношение к арендаторам, как политика, даст лучшие результаты, чем суровость и сила.

Плохой помещик представляет собой вырождение феодальной системы: он занимается фермерством, чтобы извлечь из него все возможное в этом и следующем году, не считаясь с человеческой жизнью.

Я уже рассказывал кое-что о плантации Дж. Поупа Брауна в окрестностях Хокинсвилла. В ноябрьский день, когда мы проезжали по ней, я был поражен тем фактом, что почти все дома, в которых жили негры-арендаторы, были новыми и намного превосходили старые бревенчатые хижины, построенные до или после войны, некоторые из которых я видел все еще стоящими, пустыми и обветшалыми, в разных частях плантации. Я спросил, почему он построил новые дома:

"Ну, - ответил он, - я обнаружил, что могу держать лучший класс арендаторов, если условия хорошие".

Спиртное и "вытекающие неприятности"

У мистера Брауна есть и другие способы держать жильцов на своей плантации довольными. Каждый год он устраивает для своих негров барбекю и "гулянья" с музыкой, выступлениями и обильной едой. На плантации также есть большая арбузная грядка, и в течение всего года за арендаторами присматривают, не только следя за тем, чтобы работа выполнялась должным образом, но и более интимно и участливо. Во время одной из поездок по плантации мы остановились перед негритянской хижинкой. Внутри лежал негритянский мальчик, близкий к смерти от пулевого ранения в голову. За несколько ночей до этого он был на негритянской вечеринке, где распивали спиртные напитки. Кто-то опрокинул лампу, началась стрельба, и молодого парня вытащили мертвым. Подобные несчастные случаи и преступления слишком хорошо знакомы в плантаторской стране. Хотя в округе Пуласки, штат Джорджия, запрещена продажа и покупка спиртного (впрочем, запрет действует на большей части Юга), неграм время от времени удается раздобыть кувшины со спиртным и, как сказал мне один южанин, "получить удовольствие от связанных с этим неприятностей".

Отец мальчика пришел с поля и с настоящим красноречием печали рассказал нам о состоянии пациента.

"Ночью, - сказал он, - мы думали, что он перешел через ребро".

Мистер Браун уже выслал врача из города; теперь он принял меры, чтобы перевезти мальчика в больницу в Мейконе, где его смогут вылечить должным образом.

Употребление кокаина среди негров

Как я уже говорил, белый домовладелец, который действительно старается хорошо относиться к своим неграм, часто сталкивается с трудностями. Многие из тех, с кем он имеет дело (не все), в массе своей невежественны, безответственны, нерадивы и часто становятся еще более беспечными от осознания того, что белый человек должен иметь труд. Многие из них без постоянного внимания не смогут ни поддерживать изгороди, ни ухаживать за инструментами, ни собирать хлопок даже после того, как он будет готов. Один видный плантатор из Миссисипи привел мне в пример одну из проблем, с которой ему пришлось столкнуться. Восемнадцатилетний негр покинул свою плантацию, чтобы работать в железнодорожном лагере. Там он научился употреблять кокаин, а вернувшись на плантацию, приучил к этой привычке дюжину лучших негров, что привело к их полному разорению. Плантатор арестовал всю толпу, обыскал ее на предмет кокаина и держал в тюрьме до тех пор, пока привычка не исчезла. Затем он привлек к ответственности белого аптекаря, который продал кокаин.

Некоторые южные плантаторы, чтобы предотвратить отъезд негров, построили для них церкви, а в одном случае я слышал и о школьном здании.

Еще один момент, имеющий огромное значение, поскольку он затрагивает эгоистические интересы домовладельца, заключается в обращении с неграми, которые, благодаря своей промышленности или способностям, могут "вырваться вперед". Хороший домовладелец не только не ставит препятствий на пути таких жильцов, но и по-настоящему гордится их успехами. Мистер Браун сказал:

"Если арендатор видит, что другие негры на той же плантации смогли накопить деньги и получить собственную землю, это заставляет его быть более трудолюбивым. Плантатор платит за то, что хорошо относится к своим арендаторам".

Негр с 1000 долларов в банке

В результате несколько арендаторов мистера Брауна купили хорошие фермы рядом с большой плантацией. Плантация, действительно, становится своего рода центральным солнцем, вокруг которого, как вокруг планет, вращается мелкая жизнь негра-землевладельца. Мистер Браун с нескрываемой гордостью рассказывал мне об успехах нескольких негров. Мы познакомились с одним фермером, который ехал в город на верхней коляске с негром-школьным учителем. Его звали Роберт Полхилл - хороший тип уважающего себя, энергичного, трудолюбивого негра. Затем мы посетили его ферму. У него был отличный дом с четырьмя комнатами. Перед домом росли виноградные лозы и декоративная "курица-кукуруза"; его окружал забор, и он действительно был в хорошем состоянии. Внутри все было очень аккуратно, от чистых тряпичных ковров до огромных кроватей с великолепными покрывалами. В жилах жены, очевидно, текла индейская кровь; она умела читать и писать, но сам Полхилл был полным черным негром, умным, но неграмотным. Дети, а их было немало, росли практически без возможности получить образование, потому что школа при негритянской церкви не только очень плохая, но и работает совсем недолго в году. Рядом с домом находилась сиропная мельница на одну лошадь, которая перемалывала тростник, привезенный соседними фермерами - как белыми, так и черными, причем белые таким образом покровительствовали предприятию своего энергичного негритянского соседа.

"Я впервые обратил внимание на Полхилла, когда он начал работать на плантации, - рассказывает мистер Браун, - потому что он был единственным негром на плантации, на которого я мог положиться в том, что он заделает щели в заборах".

Его история - обычная история фермера-негра, который "вырывается вперед". Начав с подсобного рабочего, он упорно и стабильно трудился, в конце концов скопил достаточно денег, чтобы купить мула - первое приобретение негра; затем он арендовал землю и упорным трудом и тщательным расчетом стабильно зарабатывал деньги. Со своими первыми 75 долларами он отправился посмотреть мир, проехав по железной дороге до Флориды и, наконец, вернувшись домой. Инстинкт "передвижения" силен во всех неграх - иногда это приводит к их гибели. Затем он купил в кредит 100 акров земли и, получая хорошие урожаи, окупил их за шесть-семь лет. Теперь у него удобный дом, он избавился от долгов, у него есть деньги в банке, покрашенный дом, топовая коляска и кабинетный орган! Такова стоимость его имущества:

Его ферма стоит	\$2,000
Два мула	300
Лошадь	150
Другое оборудование	550
Деньги в банке	1,000
	\$4,000

Негр, владеющий 1 000 акров земли

Все это показывает, чего может добиться трудолюбивый негр, попавший на плантацию, где хозяин не деспотичен. И несмотря на то, что, с одной стороны, много говорят о ленивом и никчемном негре, а с другой - о помещике, который держит своих негров в практическом рабстве, важно, что многие негры способны вырваться вперед. В округе Пуласки есть негры, владеющие до 1 000 акров земли. Бен Гордон - один из них, его брат Чарльз имеет 500 акров, Джон Нельсон - 400 акров по 20 долларов за акр, семья Миллеров - 1000 акров, Январь Лоусон, еще один из бывших арендаторов мистера Брауна, имеет 500 акров; Джек Дэниел - 200 акров, Том Уилан - 600 акров. Мулат-торговец из Хокинсвилла, чей приличный магазин я посетил, также владеет своей плантацией в деревне и сдает ее неграм-арендаторам по той же системе, что и белые землевладельцы. Действительно, несколько негров на Юге становятся неплохими домовладельцами и имеют много арендаторов.

В Хокинсвилле также есть негр-кузнец, негры-парикмахеры и негры-строители - и, как и у белого человека, у негра тоже есть свои финансовые акулы. Один образованный цветной в Хокинсвилле - "бритва для векселей"; он "выступает" за других негров и подписывает их векселя, получая за это страшную комиссию.

Статистика даст некоторое представление о том, как преуспевает трудолюбивый негр в таком округе "черного пояса", как Пуласки.

	Акров Земля в собственности	Общая оценочная Стоимость Собственность
1875	4,490	\$43,230
1880	5,988	60,760
1885	6,901	59,022
1890	12,294	122,926
1895	14,145	144,158
1900	13,205	138,800

Незнакомый человек с удивлением узнает, что негры на Юге приобрели так много земли. Только в Джорджии в 1906 году цветные владели 1 400 000 акрами земли и были оценены на сумму более 28 000 000 долларов, практически все из которых, конечно же, были приобретены за сорок лет после рабства.

Негритянские фермеры в некоторых случаях завоевали настоящую репутацию благодаря своим способностям. Джон Робертс, негр из округа Ричмонд, осенью 1906 года выиграл первый приз у многих белых участников на ярмарке Джорджия-Каролина в Огасте за лучший тюк выращенного хлопка.

Знаменитая речь маленького цветного мальчика

Я был в Мейконе в то время, когда в Джорджии проходила первая в истории ярмарка штата, проводимая неграми. Несмотря на то, что расовые отношения из-за недавних беспорядков в Атланте обострились, ярмарку посетило большое количество людей, причем не только негров, но и белых. Основная работа по организации легла на Р. Р. Райта, президента Государственного промышленного колледжа штата Джорджия (цветного) в Саванне. Президент Райт имеет полнокровное африканское происхождение: его бабушка,

воспитавшая его, была африканской негритянкой из племени мандинго. Как раз в конце войны он был мальчиком в школе для вольноотпущенников в Атланте. Однажды в воскресенье генерал О. О. Говард пришел выступить перед учениками. Когда он закончил, то выразил желание передать послание жителям Севера.

"Что мне передать им от вас?" - спросил он.

Маленький чернокожий мальчик, стоявший впереди, быстро встал и сказал:

"Скажите им, масса, что мы поднимаемся".

По поводу этого случая Джон Гринлиф Уиттиер написал знаменитое стихотворение: а на негритянской ярмарке, венчая диаграммы, подготовленные для демонстрации прогресса негров Джорджии, я увидел этот девиз:

"МЫ ПОДНИМАЕМСЯ".

Маленький чернокожий мальчик вырос, окончил университет в Атланте, учился в Гарварде, путешествовал по Европе, служил на испано-американской войне, а теперь стремится помочь своей расе получить промышленное образование в колледже, который он организовал в 1891 году. На ярмарке в Мейконе присутствовало от 25 000 до 30 000 человек, негры собрали 11 000 долларов и потратили 7 000 долларов, а на следующий год планировали провести еще большую ярмарку. В этом предприятии они пользовались сочувствием и одобрением лучших белых людей. Яркое представление о том, что означала ярмарка, дает белая газета *Daily News of Macon*:

Ярмарка показывает, каких успехов может достичь трудолюбивый и бережливый негр, который отбрасывает убеждение, что он иждивенец, и сразу же приплывает, чтобы заработать себе на жизнь и дом". Некоторые из сельскохозяйственных экспонатов чернокожих фермеров никогда не были превзойдены в Мейконе. В целом экспозиция просто поразила тех, кто не знал, что негр делает для себя сам.

Еще одной важной особенностью ярмарки стало отличное поведение огромных толп цветного населения, которые хлынули в город во время ее проведения. На территории ярмарки не было ни одного ареста, да и в городе их было очень мало.

ЧАЙНИК С ТРОСТНИКОВЫМ СИРОПОМ. ОПЫТНЫЙ НЕГР ПОМЕШИВАЕТ И ОТЦЕЖИВАЕТ

БАНДИТЫ НА ДОРОГАХ

Лучший класс негритянских фермеров, действительно, продемонстрировал не только способность добиваться успеха в одиночку, но и организовываться для самосовершенствования и даже работать с соответствующими ассоциациями белых фермеров. Крупные хлопковые и табачные ассоциации Юга, которые стремятся руководить сбытом продукции фермерских хозяйств, сочли не только разумным, но и необходимым заручиться сотрудничеством негритянских фермеров. На ежегодном митинге производителей темного табака в Гатри, штат Кентукки, в сентябре прошлого года многие негры-плантаторы шли в парадном строю вместе с белыми. Фермерские конференции, проведенные в Хэмптоне, Таскиги, Калхуне и других подобных школах, иллюстрируют и другие возможности развития, которые открываются благодаря владению землей неграми.

Наказания за свободу

Вот вам и солнечная сторона картины: помещик с широкой колеей и процветающие арендаторы. Условия в черном поясе в одном отношении такие же, как во времена рабства, или такие, какими они были бы при любой феодальной системе: если хозяин или лорд "хороший", негр процветает; если он суров, хваток, недоброжелателен, негр горько страдает. В итоге все возвращается к белому человеку. Получив высшие права на Юге - политические, социальные и промышленные, белый человек также принимает на себя тяжелые обязанности и ответственность; он не может иметь одно без другого: и он принимает на себя боль и страдания, которые сопутствуют власти и ответственности.

Конечно, нехватка рабочей силы и высокие зарплаты дали возможность действительно амбициозным и трудолюбивым неграм, и многие тысячи из них становятся все более и более независимыми благосклонности или недоброжелательности белых. И в этом кроется глубокая опасность не только для негров, но и для Юга. Постепенно теряя поддержку и советы лучших белых, независимый негр оказывается в конкуренции с бедняками, с ревностью которых ему приходится сталкиваться. Он принимает на себя наказание за то, что действительно свободен. Избежав поборов феодальной жизни, он сталкивается с более острыми трудностями свободной промышленной системы. Не имея политических прав своего бедного белого конкурента и не имея полного общественного признания, дискредитированный зверскими преступлениями низшего класса своей расы, он, действительно, должен вести тяжелую борьбу. Во многих районах он находится в особой зависимости от этого низшего класса белых избирателей и корыстных политиков, чей промысел заключается в игре на страстях расовой ненависти.

II

Теперь я перехожу к обратной картине. Когда негр-арендатор берет землю или сдает ее хозяину, он, как правило, подписывает контракт, а если не может подписать (около половины негров-арендаторов в черном поясе полностью неграмотны), то ставит свою отметку. Зачастую он не может знать, что именно написано в договоре, хотя суть соглашения обычно ясно понимается, и он должен зависеть от арендодателя в том, что касается как арендной платы, так и счетов магазина. Другими словами, он полностью находится на милости плантатора - искушение, столь же опасное для арендодателя, как и возможности, которые оно открывает для арендатора. Так легко получить большую прибыль, взимая огромные

проценты или устанавливая заведомые цены на товары для арендаторов, которые слишком невежественны или слишком слабы, чтобы защитить себя, что истории о деспотичных землевладельцах на Юге едва ли вызывают удивление. Когда арендатор привозит осенью свой хлопок, его легко не только занизить, но и отдать в кредит по самым низким ценам недели; и эта сделка сильного со слабым - не южная, а человеческая. Такая система поощряет нечестность и расточительность; она сделала многих помещиков жестокими и жадными; она усилила беспомощность, безнадежность и беспечность негров. Во многих случаях она означала откровенное вырождение не только для негра, но и для белого человека". Это сильные слова, но никто не может путешествовать по черному поясу и не увидеть достаточно, чтобы убедиться в ужасных последствиях, вытекающих из этих отношений.

История негра-арендатора

Случай, который произошел в Монтгомери, штат Алабама, проливает яркий свет на один из методов обращения с неграми-арендаторами. Примерно в девяти милях от Монтгомери живет плантатор по имени Т. Л. Маккалоу. В декабре 1903 года он заключил контракт с негром по имени Джим Томас, чтобы тот работал на него. Согласно этому договору, копия которого находится у меня, хозяин согласился снабжать негра Джима рационом из 14 фунтов мяса и одного бушеля муки в месяц и платить ему, кроме того, 96 долларов за весь год работы.

Со своей стороны Джим согласился "хорошо и добросовестно работать на указанного Т. Л. Маккалоу". Под "добрым и верным трудом" подразумевается работа от восхода до заката солнца каждый день, кроме воскресенья, и за исключением субботы после полудня.

Как раз перед Рождеством была произведена оплата в размере пяти долларов, чтобы скрепить сделку. Джим, вероятно, потратил их на следующий день. Обычно работнику предоставляют хижину для проживания, но такого места не было, и Джиму пришлось ходить утром и вечером за три-четыре мили в дом на другой плантации. Он добросовестно трудился до 15 мая. Затем он сбежал, но, узнав, что хозяин преследует его, угрожая наказанием, вернулся и согласился отработать двадцать дней за те десять, что его не было. Джим остался еще на некоторое время, но ему не только не предоставили хижину и не заплатили денег, но и урезали продовольственный паек! Тогда он снова сбежал, заявив, что не сможет работать, если у него не будет жилья. Хозяин отправился за ним и арестовал его, и хотя негр проработал почти полгода, Маккалоу привлек его к ответственности за мошенничество, поскольку при подписании контракта он получил 5 долларов наличными. В этом случае закон Алабамы дает помещику все преимущества; он гласит, что если человек получает деньги по контракту и прекращает работу, то предполагается, что он намеревался обмануть землевладельца, и поэтому он подлежит уголовному наказанию. Практический эффект закона заключается в разрешении тюремного заключения за долги, поскольку он возлагает на негра бремя доказывания, которое он вряд ли сможет преодолеть. Закон защищается на том основании, что негры будут получать деньги любым способом, подписывать любые бумаги, а затем сбегать, если не будет строгого закона, который их накажет. Но можно представить, как этот закон может быть использован и используется в руках недобросовестных людей, чтобы держать негров в своего рода долговом рабстве. Когда дело дошло до судьи Уильяма Х. Томаса из Монтгомери, конституционность закона была поставлена под сомнение, и негр был окончательно освобожден.

Часто недобросовестный домовладелец специально дает негру немного денег перед Рождеством, зная, что тот быстро растратит их на "празднование", тем самым загоняя его в долги, чтобы он не смел покинуть плантацию под страхом ареста и уголовного преследования. Если он попытается уйти, его арестуют, отведут к мировому судье и оштрафуют или пригрозят тюремным заключением. Если он не в долгах, то иногда случается, что хозяин арестовывает его по обвинению в краже уздечки или нескольких картофелин (ведь найти что-то против почти любого негра легко), и он предстает перед судом. В нескольких известных мне случаях сбежавшего негра даже преследовали с ищейками. Явившись в суд, негр, естественно, сильно пугается. Белый человек оказывается рядом и предлагает в качестве особого одолжения забрать его к себе и дать ему отработать штраф, на что иногда уходит полгода, а часто и целый год. Таким образом, негров держат в долгах - так называемом долговом рабстве или пеонаже - год за годом, их самих и всю их семью. Одна из вещей, которую я поначалу не мог понять в некоторых судах, которые я посетил, - это присутствие такого количества белых мужчин, которые выступают поручителями за негров, совершивших различные преступления. Часто это происходит из феодального защитного инстинкта, который хозяин испытывает к арендатору или слуге, которого он любит; но часто это просто желание белого человека получить еще одного негра-рабочего. В частности, в одном случае я видел, как в суд привели негра, обвиненного в краже хлопка.

"Кто-нибудь знает этого негра?" - спросил судья.

Двое белых мужчин вышли вперед и оба сказали, что знают.

Судья оштрафовал негра на 20 долларов и издержки, и между двумя белыми завязался настоящий спор, кто из них должен заплатить и получить негра. Они спорили несколько минут, но в конце концов судья сказал заключенному:

"На кого ты хочешь работать, Джордж?".

Негр выбрал своего работодателя и согласился работать четыре месяца, чтобы выплатить штраф в 20 долларов и издержки.

Иногда человек, имеющий долг перед негром, продает право требования, что практически означает продажу негра какому-нибудь фермеру, которому нужна дополнительная рабочая сила.

Подобный случай произошел зимой 1907 года в округе Рэнкин, штат Миссисипи, и все факты подтверждены свидетельскими показаниями. Негр по имени Дэн Январь был в долгу у белого фермера по имени Леви Картер. Картер согласился продать негра и всю его семью другому белому фермеру по имени Патрик. Январь отказался от продажи. Согласно показаниям, Картер и несколько его товарищей схватили Января, связали его по рукам и ногам и жестоко избили, причем били по очереди, пока не выбились из сил и не потеряли сознание.

Дети Января отвели его в свой дом, но белые вернулись на следующий день, принесли веревку и пригрозили повесить его, если он не согласится пойти к покупателю долга. Дело дошло до суда, но белые люди так и не были наказаны. Январь был в Джексоне, штат Миссис, когда я был там; на нем все еще видны ужасные последствия его избиения.

Содержание негров в бедности

Эта система имеет много плохих результатов. Она поощряет негра к преступлениям. Он знает, что, если он не совершит что-то очень плохое, его не будут преследовать, потому что хозяин не хочет терять труд одной руки; он знает, что если его *будут* преследовать, белый человек, если это возможно, "откупится" от него. Это дезорганизует правосудие и запутывает невежественный негритянский ум в том, что является преступлением, а что нет. Негр часто совершает поступки, которые он не стал бы совершать, если бы думал, что его действительно накажут. Он приходит к убеждению, что если белый человек хочет его арестовать, то его арестуют, а если он его защитит, то он не пострадает, что бы он ни сделал. Тысячи негров, невежественных, слабых, нерадивых, сегодня работают по этой системе. Есть даже домовладельцы и работодатели, которые торгуют худшими инстинктами негра - например, его любовью к спиртному, - чтобы удержать его на работе. Подобный случай попался мне на глаза в Хокинсвилле, когда я там был. Белые жители города активно выступали за запрет; женщины проводили собрания, а в день выборов маршировали по улицам с песнями и речами. Но крупнейший работодатель негритянской рабочей силы в округе зарегистрировал несколько сотен своих негров и заявил, что намерен голосовать против запрета. Он прямо сказал: "Если мои негры не могут достать виски, они не останутся со мной; нужно держать негра в бедности, иначе он не будет работать".

Этот работодатель фактически проголосовал шестьдесятю своими неграми против запрета, но волнение было столь велико, что он не осмелился голосовать больше, и запрет прошел.

Еще один шаг - и негр попадает в цепную банду. Если нет белого человека, который мог бы заплатить ему, или если его преступление слишком серьезно, чтобы за него платить, он идет в цепную банду, а в некоторых штатах его нанимают частные подрядчики. Таким образом, рано или поздно он попадает к частному работодателю. Некоторые из крупнейших ферм на Юге обслуживаются трудом цепных банд. Спрос на новых каторжников со стороны белых работодателей очень велик. В газете "Монтгомери *Адвертайзер*" за 10 апреля 1907 года я нашел отчет о вынесении приговора пятидесяти четырем заключенным в городском суде, пятьдесят два из которых были неграми. В "*Адвертайзер*" говорится:

Спрос на их труд сейчас, вероятно, больше, чем когда-либо прежде. Вчера в Монтгомери прибыли многочисленные агенты компаний, использующих труд заключенных, и были заняты маневрированием, чтобы заполучить часть или даже всех осужденных для своих компаний. Конкуренция за рабочую силу всех видов, похоже, острее, чем когда-либо прежде.

Естественная тенденция этого спроса, а также тот факт, что система каторги ежегодно приносит государству огромную прибыль, заключается в том, чтобы осудить как можно больше негров и как можно строже наказывать за инкриминируемые преступления. Из газеты "Атланта *Конститушн*" от 13 октября 1906 года я взял эту вырезку:

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ ЗА КРАЖУ КАРТОФЕЛЯ

Колумбус, штат Гавайи, 12 октября (специальный выпуск)

Вчера в городском суде Чарли Картер, негр, был приговорен к шести месяцам на цепной каторге или штрафу в 25 долларов за кражу картофеля стоимостью 5 центов.

Серьезные преступления иногда идут на компромисс. В газетной депеше от 6 октября 1906 года из Итона, штат Гавайи, я нашел на сайте отчет о суде над шестью неграми,

обвиненными в нападении с целью убийства. Все они были признаны виновными, но после рекомендации о милосердии им был вынесен приговор как совершившим проступок, а не тяжкое преступление. Поэтому они могли заплатить штрафы, а пятеро были немедленно освобождены фермерами, которым нужен был их труд. В отчете говорится, что из тридцати одного проступка за месяц ожидается, что "ни один не попадет на цепную банду", поскольку "на каждого осужденного приходится три фермера, готовых заплатить штраф".

ТИП ДЕРЕВЕНСКОГО НЕГРА ИЗ ЦЕПНОЙ БАНДЫ

Некоторые землевладельцы используют и другие методы, чтобы удержать своих арендаторов на земле. В одном из крайних случаев негр-арендатор, проработав несколько лет, решил уйти от плантатора. Ему предложили место, где он мог бы зарабатывать больше

денег. Против него ничего не было, он просто хотел переехать. Но хозяин сообщил ему, что ни одной повозке не будет позволено пересечь его (плантатора) землю, чтобы забрать свои домашние вещи. Негр, будучи невежественным, предположил, что таким образом ему могут помешать переехать, и, хотя друг, пытавшийся ему помочь, заверил его, что хозяин не может помешать ему переехать, он не решился. В другом случае - тоже крайнем - плантатор отказал своим арендаторам в разведении свиней, потому что хотел, чтобы они покупали соленую свинину в его магазине. Действительно, именно через магазин на плантации (который соответствует магазину компании или "грузовика" в северных горнодобывающих регионах) недобросовестный плантатор получает свои самые непомерные прибыли. Негры на некоторых плантациях, независимо от того, много они работают или нет, в конце года остаются ни с чем. Частично это, конечно, объясняется их собственной нерасторопностью, но частично, в слишком многих случаях, - эксплуатацией со стороны хозяина.

Один бисквит, чтобы поесть, и нет места, чтобы поспать

Букер Т. Вашингтон в письме в газету *Montgomery Advertiser*, посвященном проблеме негритянского труда, рассказывает такую историю:

Я вспоминаю, что несколько лет назад один белый фермер попросил меня найти для него молодого цветного для работы по дому и в поле. Молодого человека нашли, заключили договор о том, что ему будут платить определенную сумму в месяц, а также предоставлять питание и жилье. В конце первого дня работы цветного мальчика на ферме он вернулся. Я спросил причину, и он ответил, что после работы в течение всего дня ему дали на ужин бисквит с маслом и не предоставили места для сна.

Ночью ему сказали, что он может найти место для сна на кормовом чердаке. Этот белый фермер, которого я хорошо знаю, не жестокий человек и обычно стремится поступать правильно, но в данном случае он просто не обратил внимания на то, что ему стоило бы заплатить долларами и центами, если бы он немного подумал и уделил внимание комфорту своего помощника.

Этот случай более или менее типичен. Если бы об этом мальчике хорошо заботились, он бы разрекламировал это место, и другие стали бы искать там работу.

Такие методы означают, конечно, самую низкую эффективность труда - нерадивого, безнадёжного, безработного. Суровый плантатор, естественно, выступает против образования негров в самых жестких выражениях и препятствует ему везде, где только возможно; ведь образование означает гибель системы, благодаря которой он процветает.

Негритянка с девятнадцатью детьми

Жизнь арендаторов зачастую не слишком приятна для восприятия. Я провел много времени, разъезжая по большим плантациям, и заходил во многие хижины. Обычно они были очень бедными, из бревен или лачуг, иногда всего с одной комнатой, иногда с комнатой и чем-то вроде навеса. С одной стороны находился камин, с другой - две кровати, несколько сломанных стульев или ящиков и стол. Иногда хижина стояла на столбах и имела пол, иногда лежала на земле и не имела пола вообще. Люди обычно крайне невежественны и суеверны; проповедники, которым они следуют, зачастую представляют собой худший сорт людей, нечестных и безнравственных; школы, если таковые имеются, практически бесполезны. Вся

семья работает в поле от рассвета до заката. Даже дети шести-семи лет бросают семена или носят воду. Доктор У. Э. Б. Дюбуа, сам негр, который провел много ценных и научных исследований жизни негров, дает такой яркий взгляд на дом, где у негра и его жены было девятнадцать детей. Он говорит:

Эта семья из двадцати одного человека - нищая, безрассудная, грязная. Дети глупы и отвратительны, они дерутся за еду за столом. Они плохо одеты, болезненны и крепки. Посуда стоит немытой от одного приема пищи до другого, а в доме царит вечный беспорядок. То и дело отец и мать вступают в рукопашную схватку.

Никогда не слышал имени Рузвельта

Невозможно переоценить невежество многих негритянских фермеров. Это кажется почти невероятным, но после добродушной беседы с группой старых негров я попытался выяснить, как много они знают о внешнем мире. В конце концов я спросил их, знают ли они Теодора Рузвельта. Они выглядели озадаченными, и наконец один старик почесал голову и сказал:

"А где, вы говорите, живет этот человек?"

"В Вашингтоне, - сказал я, - вы слышали о президенте Соединенных Штатов?"

"По-моему, нет", - сказал он.

И все же этот старик дал мне первоклассное религиозное увещевание; а один из группы слышал о Букере Т. Вашингтоне, которого он назвал "сильным большим негром".

Почему негры едут в города

Я расспрашивал негров о том, почему они хотят покинуть фермы и уехать в города. Из самых разных источников я получал ответ: во-первых, отсутствие школьного образования в деревне, во-вторых, отсутствие защиты.

Кроме того, я услышал множество историй о жестоком обращении разного рода, о недоверии арендатора к хозяину, ведущему свои счета, - все это, по смутному признанию, заставляет многих негров бежать из деревни, если они могут это сделать. Действительно, на больших плантациях, особенно там, где управление осуществляется надсмотрщиками, становится все труднее и труднее поддерживать достаточное количество рабочей силы. В некоторых местах белые помещики начали дробить свои плантации, продавая мелкие фермы амбициозным неграм, что, по сути, свидетельствует об уходе феодальной системы. Пример тому - окрестности Томастона, штат Гавайи, где доктор К. Б. Томас уже давно продает землю неграм и подталкивает их к покупке, предлагая легкие условия. Недалеко от Дейтона господа Прайс и Аллен разбили свою "плантацию Локхарта" и распродают ее неграм. Я обнаружил подобные случаи во многих местах, которые посетил". Комментируя эту тенденцию, газета "Томастон пост" пишет

Отчасти это решение так называемой негритянской проблемы, поскольку те представители расы, у которых на кону стоят имущественные интересы, не могут позволить себе враждовать с белыми соседями или нарушать законы. Владение землей делает их лучшими гражданами во всех отношениях, более внимательными к правам других и более амбициозными в отношении собственного развития.

В этом месте несколько аккуратных и удобных домов, удобная школа и большое здание логи, а также несколько церквей свидетельствуют о предприимчивости и бережливости лучшего класса нашего цветного населения..... Тенденция к разделению больших плантаций начинает проявляться, и когда все они будут разделены таким образом, не будет никаких проблем с сельскохозяйственной рабочей силой, за исключением, возможно, сбора особенно большого урожая.

III

Таким образом, я попытался дать представление о двух сторонах условий в "черном поясе" именно так, как я их видел. Теперь я не могу сделать ничего лучшего для дальнейшего освещения описанных мною условий, чем взглянуть на них глазами и опытом двух исключительно способных белых мужчин Юга, оба они лидеры в своих сферах жизни, ни один из них не политик и оба, кстати, плантаторы.

В Джексоне, штат Миссиссипи, я познакомился с майором Р. У. Миллсапсом, одним из ведущих граждан штата. Он происходит из семьи с лучшими южными традициями; родился в Миссиссипи, перед войной окончил Гарвардский колледж, и хотя его отец, рабовладелец, был против отделения, сын четыре года воевал в армии Конфедерации, дослужившись до звания майора. Он вышел из войны, по его словам, "без всякого земного имущества, кроме куртки и пары штанов с дыркой". Но он был молод и энергичен; он начал возить хлопок из Джексона в Натчез, когда хлопок был почти на вес золота. Он получал за это 10 долларов за тюк и заработал 4 000 долларов за три месяца. Сейчас он президент одного из ведущих банков Миссиссипи, участвует во многих важных предприятиях Юга и является основателем колледжа Миллсапс в Джексоне: скромный, полезный, христианский джентльмен.

Эксперимент по доверию к неграм

Недалеко от Гринвилла, штат Миссиссипи, майор Миллсапс владеет плантацией в 500 акров, которую занимают 20 арендаторов, всего около 75 человек. Она находится в одном из самых богатых сельскохозяйственных районов - в низовьях Миссиссипи в Соединенных Штатах. До 1890 года у него был белый надсмотрщик, и у него постоянно возникали те или иные проблемы с арендаторами. Когда цена на хлопок упала, он решил полностью отказаться от надсмотрщика и провести довольно смелый эксперимент. Короче говоря, он задумал довериться неграм. Он собрал их вместе и сказал:

"Я собираюсь испытать вас. Я дам вам все возможные возможности; если вы не справитесь, я вернусь к системе надсмотрщиков".

За шестнадцать лет, прошедших с тех пор, ни один белый человек не был на этой плантации, разве что в качестве посетителя. Земля сдавалась в аренду непосредственно неграм на условиях, обеспечивающих разумную прибыль и хозяину, и арендатору.

"Это сработало?" спросил я.

"Я никогда не терял ни цента, - говорит майор Миллсапс, - ни один негр не платил, и вы не могли выгнать их с места. Когда другие фермеры жалуются на нехватку рабочей силы и арендаторов, у меня никогда не было никаких проблем".

У каждого негра здесь есть свои мулы и повозки, и он не имеет долгов. Почти каждая семья купила или покупает дом в небольшом городке Лиланд, расположенном неподалеку, некоторые из них с комфортом обставлены. Все они процветают и довольны.

"Как вам это удается?" - спросил я. спросил я.

"Секрет, - ответил он, - в том, чтобы хорошо относиться к негру и давать ему шанс. Я обнаружил, что негр, как и белый человек, очень отзывчив на хорошее обращение. Даже собака реагирует на доброту! Беда в том, что большинство плантаторов хотят заработать на неграх слишком много денег; они берут с них слишком большую арендную плату; они получают слишком большую прибыль на поставках, которые они поставляют. Я знаю торговцев, которые рассчитывают на прибыль в 50 процентов только за счет поставок. Лучшие негры, которых я знаю, - это те, кто получил образование; неграм нужно больше правильного образования, а не меньше, и оно хорошо оплатит нам, если мы дадим его им. Оно делает работников лучше, а не хуже".

Я спросил его о проблеме слуг.

"У нас никогда не бывает проблем", - сказал он. "Я применяю к слугам те же правила, что и к фермерам. Обращайтесь с ними хорошо, не говорите оскорбительно о тех, кто был до них, не требуйте от них слишком много работы. Я считаю, что к неграм нужно относиться с уважением. Это не значит, что их нужно приравнивать к себе. Вы, люди на Севере, не ставите своих белых слуг в равное положение в обществе".

Отношение Джефферсона Дэвиса к неграм

Затем он рассказал поразительную историю о Джефферсоне Дэвисе.

"Я получил урок обращения с неграми, когда был молодым человеком, возвращавшимся на юг из Гарварда. Я остановился в Вашингтоне и обратился к Джефферсону Дэвису, тогдашнему сенатору Соединенных Штатов от Миссисипи. Мы шли по Пенсильвания-авеню. Многие негры кланялись мистеру Дэвису, и он отвечал им поклоном. Он был очень вежливым человеком. В конце концов я сказал ему, что, по моему мнению, у него должно быть много друзей среди негров. Он ответил:

"Я не могу позволить ни одному негру превзойти меня в вежливости".

Простые слова белого человека

Через несколько дней по дороге на север я встретил в Кларксдейле, штат Миссисипи, Уолтера Кларка, одного из известных граждан штата и президента Миссисипской хлопковой ассоциации. В интересах своей организации он выступал в разных частях штата в дни судебных заседаний и на ярмарках. И основная тема его выступлений - не только организация фермеров, но и более разумное и прогрессивное отношение к негритянскому труду. Признавая нестабильность рядового негра, преступления, которые он совершает, огромные трудности, с которыми приходится сталкиваться самым благонамеренным южным плантаторам, мистер Кларк, тем не менее, говорит своим южным слушателям суровые истины. В одном из недавних выступлений он сказал:

"Каждый доллар, которым я владею, заработали для меня негры. Наши предки загнали их и привезли сюда. Они такие, какими мы их делаем. Своей собственной жадностью и экстравагантностью мы испортили многих из них". Здесь было популярно - теперь, к счастью, все реже - эксплуатировать негра высокими ценами в магазинах и поощрять его влезать в долги. Часто это делало его безнадежным. У нас есть низкий элемент белых людей, которые в значительной степени ответственны за состояние негра. Они продают ему виски и кокаин; они развращают негритянских женщин. Белый человек, который играет в кости с неграми или вступает в связь с негритянками, хуже самого подлого негра, который когда-либо жил".

В Коффивилле, где мистер Кларк говорил примерно то же самое, старик, сидевший впереди, вдруг вскочил и сказал: "Это правда! Задира для вас, задира для вас!"

В беседе со мной мистер Кларк сказал и другие важные вещи:

"Наши люди все свои дни обращались с неграми как с беспомощными детьми. Негра не поощряли развивать даже те способности, которые у него есть. Его нужно заставить использовать свои собственные мозги, а не наши; возложите на него ответственность, и он станет более эффективным. Не так давно ко мне пришел негр, который жаловался, что фермер, на которого он работает, не дает ему подробного отчета о расходах в магазине. Я встретился с фермером и спросил его об этом. Он мне сказал:

"Черный ниггер! Что он знает об этом? Он не умеет читать".

"Но ведь он имеет на это право, не так ли? спросил я, и негр получил его.

"Кредитная система стала гибелью для многих негров. Она держит их в безнадежных долгах и поощряет плантаторов эксплуатировать их. Это правда. Мой план состоит в том, чтобы перевести негра на строгую денежную основу; дать ему представление о том, что такое деньги, и позволить ему пользоваться ими. Три года назад я начал это делать на своей плантации. Негр приходил ко мне и говорил: "Босс, мне нужна пара ботинок". "Хорошо, - говорю я. Я буду платить тебе наличными каждый вечер, и ты сможешь сам купить себе обувь". Точно так же я решил, что мы должны перестать платить неграм штрафы, когда они попадают в беду. Я знаю плантаторов, которые регулярно ожидают каждый понедельник, чтобы прийти в суд и выплатить примерно столько-то негров. Это побуждает негров делать то, что они и не подумали бы делать, если бы знали, что их будут регулярно наказывать. Я перестал платить штрафы; мои негры, если они попадают в беду, должны сами признать свою ответственность за это и принять то, что за этим последует. Это единственный способ сделать из них мужчин".

"На Юге нам нужен умный труд, более эффективный труд. Я верю в образование негров. Промышленное обучение необходимо не только неграм, но и белым. Белые люди здесь просто обязаны взять негра и сделать из него человека; в конечном счете это сделает его более ценным для нас".

ЧАСТЬ ДВА

НЕГР НА СЕВЕРЕ

ГЛАВА VI

СЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТНОЙ ЛИНИИ НА СЕВЕРЕ

Проследив за цветовой линией на Юге, чрезвычайно интересно и важно узнать, как обстоят дела с неграми на Севере. Лучше или хуже к нему относятся? Является ли Бостон более благоприятным местом для него, чем Атланта или Новый Орлеан? Сравнение "южного отношения" и "северного отношения" проливает свет на негра как на национальную проблему в этой стране.

Большинство недоуменных вопросов на Севере относятся к городу, но на Юге главные проблемы все еще сельскохозяйственные. На Юге массы негров живут на земле; они являются частью хлопковой, сахарной, лесозаготовительной и скипидарной промышленности; но на Севере негр - это, по сути, проблема больших городов. Он занял свое место в лепете доходных домов; он уже занимает обширные кварталы, такие как район Сан-Хуан-Хилл в Нью-Йорке и Бактаун в Индианаполисе, и, благодаря растущему количеству иммигрантов с Юга, он переполняет свои границы во всех направлениях, расширяясь быстрее, возможно, чем любой другой отдельный элемент городского населения. В каждом крупном северном городе уже существует отдельная расовая проблема, которая через несколько лет должна принять серьезные масштабы.

В сельских районах и небольших городах Севера негритянский вопрос по большей части отсутствует. Несколько негров есть почти во всех населенных пунктах, но изучение статистики сельских округов и небольших городов показывает, что негритянское население уменьшается в одних населенных пунктах и немного увеличивается в других. В ярко выраженных сельскохозяйственных районах на Севере перепись показывает фактическое сокращение негритянского населения на 10 процентов в период между 1880 и 1900 годами. Округ Касс в Мичигане, где находится знаменитая негритянская сельскохозяйственная колония - одна из немногих на Севере - демонстрирует явную убыль населения. С 1 837 жителей в 1880 году он сократился до 1 568 в 1900 году. Несколько негров-фермеров преуспели на Севере (в Уилберфорсе, штат Огайо, я встретил двух или трех, у которых были прекрасные большие фермы и они процветали), но сельское население настолько мало, что им можно пренебречь.

Негры в маленьких северных городках

Большинство негров в небольших городах и поселках Севера принадлежат к тем, кто прибыл по подземной железной дороге незадолго до Гражданской войны или в период филантропического энтузиазма, последовавшего за ней. Они естественно вписались в

жизнь общин, в которых живут, и никто особенно не задумывается об их цвете кожи. Действительно, с негром проблем не больше, чем с греком или итальянцем. В одной из общин (Лансинг, штат Мичиган), с которой я давно знаком, негры в основном мулаты, и их численность остается практически неизменной на протяжении тридцати лет, в то время как белое население быстро растет. В настоящее время в городе с населением 25 000 человек насчитывается всего около 500 негров.

В целом цветные жители Лансинга миролюбивы и трудолюбивы, являясь естественной частью трудоспособного населения. Отдельные люди достигли высокого уровня благосостояния и пользуются большим уважением. Немногочисленное молодое поколение бездельничает и никчемно.

Если говорить о комфортных условиях жизни, где нет никаких трений или дискриминации и есть хорошая возможность заработать на достойную жизнь, то я нигде не нашел мест, которые казались бы столь благоприятными для негров, как эти небольшие города на севере и западе, где цветное население не увеличивается. Но как только начинается новая иммиграция с Юга, условия перестают быть утопическими, как я покажу.

Великие города Севера представляют собой совершенно иной аспект; прирост населения там не иначе как необычайный. В 1880 году в Чикаго было всего 6 480 цветных; в настоящее время (1908 год) их насчитывается около 45 000, что составляет прирост примерно на 600 процентов. По данным переписи 1900 года, негритянское население Нью-Йорка составляет 60 666 человек, а в настоящее время (1908 год), вероятно, не менее 80 000. За период с 1890 по 1900 год негры Филадельфии увеличились на 59 процентов, в то время как кавказцы прибавили только 22 процента, а с 1900 года рост был еще более стремительным, и цветное население сейчас превышает 80 000 человек.

ХИЖИНА НЕГРА СО СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ ИЗОБИЛИЯ

НА ХЛОПКОВЫЕ ПОЛЯ

Трудно осознать значение этих масс цветного населения. В городе Вашингтоне сегодня проживает больше негров (около 100 000), чем когда-либо прежде было собрано в одной общине в любой части света, насколько нам известно. В Нью-Йорке и Филадельфии сейчас, вероятно, столько же негров, сколько в любом южном городе (кроме Вашингтона, если его можно назвать южным городом). Не следует также забывать, что примерно девятая часть негритянского населения Соединенных Штатов находится на севере и западе. Многолюдные общины негров в северных широтах никогда и нигде не существовали. Поэтому условия северных городов представляют собой уникальные и интересные проблемы.

Сначала я отправился в Индианаполис, поскольку был наслышан о политической силе негров; затем я посетил Цинциннати, Филадельфию, Нью-Йорк, Бостон, Чикаго и несколько небольших городов и сельских кварталов. В каждом крупном городе и белые, и цветные говорили мне, что расовые чувства и дискриминация быстро усиливаются, что постоянно возникают новые и более сложные проблемы.

В общем, чем больше негров, тем острее проявляются предрассудки.

Пока негры составляли незначительную часть населения, они оставались незамеченными, но с увеличением их числа (особенно негров низшего сорта и черных негров), сопровождаемым конкуренцией за работу в городе и активной политической властью, они неизбежно разжигают огонь расовых чувств. Предрассудки разжигаются также отголосками постоянной агитации на Юге, разжигающими ненависть речами Тиллмана и Вардамана,

подстрекательскими и жестокими книгами и пьесами Диксона, а также усиливающейся иммиграцией белых южан с их сильной южной точкой зрения.

Жалкие ожидания негра

Нечто невыразимо жалкое можно найти в зрелище этих несметных тысяч негров, прибывающих на Север. Для многих из них, угнетенных ограничениями, установленными Югом, это действительно земля обетованная. Я никогда не забуду тоскливое стремление негра, которого я встретил в Миссисипи. Он сказал мне, что собирается переехать в Индианаполис. Я спросил его, почему он хочет покинуть Юг.

"Здесь нас слишком сильно джимкроунят", - сказал он, - "у цветного человека, который хоть немного уважает себя, нет никаких шансов".

"Но, - сказал я, - знаете ли вы, что вам будет лучше, когда вы приедете в Индианаполис?"

"Я слышал, что там нет разницы между белыми и цветными и что трудолюбивый человек может получать два доллара в день. Это все так?"

"Да, почти так", - сказал я, но, глядя на довольно уютный дом, в котором он жил, среди своих людей, я почему-то почувствовал, что земля обетованная не покажется ему такой, как он ожидал.

После этого я побывал в Индианаполисе и других городах и увидел сотни таких же нетерпеливых негров, добравшихся до земли обетованной. На Север приехали два класса цветного населения: никчемные, невежественные, полукриминальные люди, которые находят на Севере прерывистый высокооплачиваемый дневной труд, сопровождаемый блестящими развлечениями городской жизни, именно те условия, которые им больше всего нравятся. Два или три года назад губернатор Арканзаса Джефф Дэвис помиловал негра-преступника при условии, что тот отправится в Бостон и останется там жить! Другой класс состоит из уважающих себя, трудолюбивых людей, которые действительно ищут лучших условий жизни, лучших шансов для своих детей.

И что же находят негры, когда достигают земли обетованной?

В первую очередь бедняки находят в Индианаполисе дома в переулках, в Нью-Йорке - смертельно опасные квартиры. Землевладельцы в Индианаполисе строят длинные ряды дешевых одноэтажных каркасных домов на задних улицах и в переулках. В квартирах по две-три комнаты. Когда они новые, их ярко красят и оклеивают бумагой, и для многих негров с Юга, привыкших к примитивным хижинам, они действительно красивы.

Даже старые здания более претенциозны, если не сказать лучше, чем все, что они знали на сельском Юге; а как будоражит их пульс городская жизнь, почти такая же свободная для цветных, как и для белых! Ни один человек, ни черный, ни белый, не по-настоящему свободным, пока не почувствует себя свободным. И для многих негров первые несколько недель в северном городе становятся первым проблеском того, что они считают свободой.

Яркая иллюстрация этого чувства попала мне на глаза в Колумбии, штат Южная Каролина. Одним из самых уважаемых негров там - уважаемых обеими расами - был преуспевающий портной, владевший зданием на главной улице города. Он был хорошо обеспечен, имел семью, и в его торговле участвовали представители обеих рас. Я услышал, что он собирается покинуть Юг, и отправился к нему.

"Да, - сказал он, - я уезжаю. Здесь становится слишком опасно для цветного человека".

Это было сразу после бунта в Атланте.

"Куда вы едете?" спросил я.

"Думаю, в Вашингтон", - сказал он.

"Почему в Вашингтон?"

"Ну, видите ли, я хочу быть как можно ближе к флагу".

Что негр на самом деле находит в земле обетованной

Но вскоре они начинают узнавать много нового! Правда, рабочий может получать высокую зарплату, а домашняя прислуга получает сумму, которая ее удивляет, но с другой стороны - факт, который почему-то никогда не приходит в голову многим из этих людей, да и вообще иностранцам, которые стекаются к нашим берегам, - стоимость жизни выше. За свои роскошные дома домовладелец вымогает непомерную арендную плату. Невежество всегда облагается круглым и беспощадным налогом! Я видел двухэтажный дом, построенный для белых людей на окраине негритянского квартала и сдававшийся в аренду за 18 долларов в месяц, но, не имея возможности нанять белых жильцов, хозяин сдавал его неграм за 25 долларов в месяц.

Приехав на Север, негр (даже если он жил в городах на Юге, как и многие другие иммигранты) и представить себе не мог, что ему потребуется такое количество топлива, чтобы продержаться всю долгую северную зиму, или что его счета за свет, воду и все остальное будут такими высокими. А на Юге многим негритянским семьям из более бедных слоев населения очень помогают корзины с едой, принесенные с кухни белого человека, и подарки в виде списанной одежды и обуви, не говоря уже о табаке и даже деньгах - затянувшееся рыхлое наследие отношений рабства. Но на Севере негр попадает в напряженную индустриальную атмосферу, где отношения носят более строгий безличный и деловой характер. За то, что он получает, он должен платить. Благотворительность существует в больших масштабах, как я покажу позже, но это острая, пытливая, организованная благотворительность Севера.

Короче говоря, приехав на Север, чтобы найти место, где к нему будут относиться больше как к человеку и меньше как к крепостному, негр обнаруживает, что он должен встретиться с конкурентной борьбой, которой подвергаются мужчины рабочего класса в высокоразвитой промышленной системе Севера.

Страдания северного негра

На Юге огромная масса негров жила с открытыми дверями, каминные проветривали их дома, они могли оставить вопрос санитарии свежему воздуху и солнечному свету. И сама неподготовленность негра к таким условиям, как на Севере, причиняет ему невыразимые страдания. Чтобы сэкономить топливо, а также потому, что он любит тепло и общение, он с семьей и друзьями теснится в одной тесной комнате, которая поддерживается при температуре не здоровым камином, а тесной печкой. Это, при отсутствии надлежащих

санитарных удобств, часто становится очагом болезни. Даже в мягкую погоду я бывал в негритянских домах на севере, где воздух был почти нестерпимо теплым и нечистым.

Я не знаю ничего более трагичного, чем состояние кишащего негритянского населения северных городов - более трагичного потому, что негры так жизнерадостны и терпеливы во всем этом. Я внимательно изучил статистику в нескольких из них, и ни в одном случае уровень рождаемости не идет в ногу с уровнем смертности. Даже если учесть, что в большинстве городов статистика рождаемости ведется не очень точно, можно предположить, что если бы не иммиграция, постоянно прибывающая с Юга, негритянское население в северных городах сократилось бы. Потребление и болезни порока опустошают их ряды. Один из лучших негритянских врачей, с которым я встречался, доктор С. А. Фурнисс, много лет практикующий среди своего народа в Индианаполисе, тщательно изучил условия жизни. В докладе, прочитанном перед медицинской ассоциацией, доктор Фернисс сказал:

"Отчеты Совета здравоохранения Индианаполиса показывают, что ни в одном месяце за последние десять лет уровень рождаемости среди негров не превышал уровень смертности".

Вот статистика с 1901 по 1905 год:

	Смерти	Рождения
1901	332	279
1902	329	280
1903	448	283
1904	399	327
1905	443	384

"Расовое самоубийство" среди негров

Из расспросов, которые я проводил на Севере, следует, что среди негров, как и среди старых белых американцев, действительно существует тенденция к "расовому самоубийству". Особенно это касается негров из лучших слоев населения. Невежественный негр в южных сельскохозяйственных районах чрезвычайно плодовит, а вот его северный городской брат имеет сравнительно мало детей. В результате личного опроса мне удалось собрать сведения о примерно двух сотнях семей северных негров, принадлежащих к лучшему классу. Во многих из них вообще нет детей, во многих - один или два, а в самой большой семье, которую я нашел (в Бостоне), было семь детей. На Юге я нашел одну негритянскую семью с двадцатью одним ребенком! Индустриализм, конечно, не способствует большой рождаемости. Во всех северных городах, согласно статистике, наблюдается заметный перевес негритянских женщин над негритянскими мужчинами. Многие из них - домашние слуги, и, подобно многочисленному классу бродячих одиноких мужчин, выполняющих поденную работу на улицах и железных дорогах, они не имеют семейных уз и детей.

Доктор Фернисс считает, что смерть негров от туберкулеза составляет более половины всех смертей от этой причины в городе Индианаполис, тогда как в пропорции к численности негритянского населения она должна составлять лишь одну восьмую.

Его наблюдения по поводу этих поразительных фактов представляют большой интерес:

"Я считаю, что причина таких условий очевидна. Прежде всего, это связано с тем, что негры покидают деревню и толпятся в больших городах, особенно на севере, где они живут в климате, совершенно отличном от того, с которым они были знакомы. Они занимают антисанитарные жилища; их часто заставляют работать при недостатке пищи и одежды и без должного отдыха. Чтобы заработать на жизнь, они вынуждены заниматься самыми тяжелыми и опасными профессиями. С сожалением приходится констатировать, что распущенность и безнравственность играют не последнюю роль в том, чтобы сделать этих людей такими, какие они есть. Они легко становятся жертвами необычных пороков города".

"Еще одна причина повышенной смертности - неправильное медицинское обслуживание. Не только среди невежественных, но и среди интеллигентных людей мы видим слишком большое доверие к патентованным лекарствам; вера, скрытая, правда, во многих случаях, но все еще существующая среди невежественных людей, в худу препятствует тщательному выполнению предписаний врача.

"Что же делать?" - спрашивает доктор Фернисс. "Мы должны призывать окружающих к большей личной чистоте, настаивать на чистоте домашней жизни и меньшей распущенности и невоздержанности: устраивать меньше пикников и откладывать больше денег на черный день. Скажите молодым людям с Юга, чтобы они не приезжали в северные города, а отправлялись в маленькие городки на Западе, где у них есть все шансы. Если не будет сделано ничего, чтобы изменить существующие условия, остановить это движение в наши северные города, обеспечить надлежащее жилье и окружение для тех, кто уже здесь, то это будет лишь вопросом времени, когда проблема американского негра достигнет решения, совсем не желательного с нашей точки зрения".

Конечно, врач всегда видит патологическую сторону жизни, и его взгляд, скорее всего, будет пессимистичным. Я видел много трагедий негров из трущоб в городах Севера, и все же многие негры смогли выжить, многие научились жить в городах и добиваются успеха в жизни, как я покажу подробнее в следующей главе. Не следует забывать, что негритянские семьи в Бостоне и Филадельфии (правда, в основном мулаты), а также в Чарльстоне, Саванне и Новом Орлеане живут и процветают в условиях города на протяжении многих поколений. Не мало негров в Индианаполисе, чьи дома я посетил, живут лучше, чем в среднем белые семьи.

Болезни среди северных негров

На Севере не только высок уровень смертности, но и негры страдают от болезней в гораздо большей степени, чем белые люди. Больничные записи в Филадельфии показывают, что превышение числа негритянских пациентов над белыми в зависимости от численности населения составляет 125 процентов. В прошлом году через больницы Филадельфии прошло около 5 000 негров, которые в среднем находились в них по три недели. Мистер Уорнер в книге *"Американские благотворительные организации"* называет болезнь главной причиной бедности среди цветного населения в Нью-Йорке, Бостоне, Нью-Хейвене и Балтиморе. Процент заболеваемости был в два и более раз выше, чем у немцев, ирландцев или белых американцев.

Таковы муки адаптации, которые негры вынуждены переносить на Севере.

Возникает вопрос, смогут ли они когда-нибудь стать значительной частью населения в северных широтах. Они определенно не удерживают свои позиции ни в деревне, ни в

небольших городах, а в крупных городах их численность в настоящее время увеличивается, но не за счет рождаемости, а за счет постоянной иммиграции.

Враждебные физические условия жизни на Севере - не единственные трудности, с которыми приходится сталкиваться неграм. Он думал, что оставил предрассудки позади на Юге, но и здесь, на Севере, они показывают свои зубы. И, как и на Юге, очевидна большая разница между отношением лучших представителей белого класса и низшего класса.

Отношение северян к неграм

Одно из первых, что поразило меня, когда я начал изучать расовые условия на Севере, - это позиция лучшего класса белых людей по отношению к неграм. На Юге каждый белый мужчина и каждая женщина имеют энергичное и жизненно важное мнение по расовому вопросу. Стоит только поднести спичку, и взрыв обязательно последует. На Севере дело обстоит иначе. Некоторые пожилые люди еще сохранили что-то от настроений военного времени в отношении негров; но люди, с которыми обычно приходится встречаться, ничего не знают о неграх, не обсуждают их и не заботятся о них. В Индианаполисе, да и в других городах, единственные белые люди, которых я смог найти, кто сильно интересовался неграми, - это несколько политиков, в основном низшего сорта, работники благотворительных организаций и полицейские. Но это, конечно, в равной степени относится и к русским евреям, и к итальянцам. Один из первых белых мужчин, с которыми я разговаривал (в Индианаполисе), сказал мне с некоторым нетерпением:

"Здесь слишком много негров, они вредят городу".

Другой рассказал мне о растущем присутствии негров в парках, на улицах и в уличных машинах. Он сказал:

"Полагаю, рано или поздно нам придется принять некоторые из ограничений Юга".

Он сказал это без жара, но как некий предварительный вывод, он еще не до конца принял решение.

Расовые предрассудки в Бостоне

В Бостоне, как ни в каком другом месте, я ожидал встретить много старых настроений. Они действительно существуют среди некоторых пожилых мужчин и женщин, но меня удивило общее отношение, с которым я столкнулся. Это были колебания и отказ от участия. Подводя итог, я думаю, что чувства лучшего класса людей в Бостоне (и в других северных городах) можно сформулировать следующим образом:

Мы помогли негру обрести свободу; мы помогли ему получить образование; мы помогли ему встать на ноги. Теперь давайте посмотрим, что он может сделать для себя сам. В конце концов, он должен выжить или погибнуть благодаря собственным усилиям".

Короче говоря, они "бросили бантлинг на камни".

Хотя они все еще сохраняют форму поощрения негров, дух, похоже, улетучился. Не так давно негры Бостона организовали концерт, на котором должен был выступить Теодор Друри, цветной музыкант с действительно выдающимися достижениями. К белым аристократам обратились с призывом, и они купили значительное количество билетов; но в вечер концерта

большой блок мест, купленных белыми людьми, был заметно пуст. Северные белые люди, похоже, больше заинтересованы в далеком южном негре, чем в негре у своих дверей.

Прежде чем перейти к более грубым и жестоким проявлениям предрассудков со стороны низшего класса белых людей на Севере, я хочу показать зачатки "холодного плеча", как оно в той или иной степени существует в северных городах, и особенно в Бостоне, старом центре аболиционизма.

По крайней мере, поверхностно, негр в Бостоне все еще пользуется широчайшей свободой; но если вникнуть в реальные условия, то можно обнаружить много жалоб и тревоги со стороны негров по поводу растущих ограничений.

В Бостоне нет дискриминации ни в уличных вагонах, ни на железной дороге, ни в театрах, ни в других местах общественного скопления. Школы абсолютно бесплатны. Цветная женщина, мисс Мария Болдуин, является директором школы Агассиз в Кембридже, которую посещают 600 белых детей. Я слышал, как белые отзывались о ней в самых высоких выражениях. Восемь негров-учителей, отобранных по обычным каналам конкурсных экзаменов, преподают в государственных школах. Есть негры-полицейские, негры-пожарные, негры-чиновники - их ровно столько, сколько требует доля негритянского населения в Бостоне. Негр служит командиром белого поста Великой армии.

Преуспевающие негры в Бостоне

Несколько преуспевающих негров-бизнесменов завоевали большое покровительство белых. Один из главных торговых магазинов Бостона, расположенный на Вашингтон-стрит и сдаваемый в аренду за 10 000 долларов в год, принадлежит Дж. Х. Льюису. Он занимается бизнесом уже много лет. У него работают как белые, так и негры, а также клерки, и он имеет одну из лучших белых профессий в Бостоне. Не так давно он отправился в Северную Каролину и купил старую плантацию, где его отец был рабом, и даже говорит о том, что собирается провести там свою старость. Другой негр, Гилберт Х. Харрис, держит крупнейшее в Новой Англии заведение по изготовлению париков. Я посетил его заведение. У него работают цветные девушки, а торгуют исключительно белые. У другого негра есть школа фармации, где все студенты - белые; еще один, Джордж Хамм, владеет процветающим магазином новостей и канцелярских товаров. Дантист, доктор Грант, пользующийся известностью в своей профессии благодаря изобретенному им цементу, ранее был преподавателем Гарвардской школы стоматологии, а теперь имеет хорошую практику среди белых. Торговец недвижимостью, имеющий самый обширный бизнес в Кембридже, Т. Х. Реймонд, - негр. Он нанимает белых клерков, и его бизнес в основном связан с белыми людьми. У двух или трех адвокатов-негров, в частности у Батлера Уилсона, много белых клиентов. Доктор Кортни, цветной врач из Гарвардской медицинской школы, некоторое время был домашним врачом Бостонской больницы для лежачих больных, в которой пациенты были практически все белые, а сейчас имеет практику, в которую входят как белые, так и цветные пациенты. Доктор Кортни также входил в Школьный совет Бостона, который является важным выборным органом. Негритянский поэт Уильям Стэнли Брейтуэйт, чей отец получил степень в Оксфорде (Англия), является членом Бостонского клуба авторов. Его стихи публикуются в различных журналах, он написал том стихов, стандартную антологию елизаветинского стиха и собирается опубликовать критическое исследование произведений Уильяма Дина Хоуэллса. Некоторые из этих людей встречаются с белыми людьми в большей или меньшей степени.

Я привожу эти примеры, чтобы показать, какое место занимает лучший и старший класс бостонских негров. Большинство из тех, кого я упомянул, - мулаты, некоторые очень светлые. Это показывает, что умные негры могут сделать для себя в обществе, где против них почти не было предрассудков.

Но с наплывом новой иммиграции и под влиянием других причин, о которых я уже говорил, эти условия быстро меняются.

Несколько лет назад ни один отель или ресторан в Бостоне не отказывал неграм в приеме; теперь же несколько отелей, ресторанов и особенно кондитерских магазинов не будут обслуживать негров, даже самые лучшие из них. Дискриминация не проводится открыто, но негру, который приходит в такие места, сообщают, что там нет мест, или же его обходят стороной и пренебрежительно относятся к нему, так что он больше не приходит. Существует сильное предубеждение против сдачи цветным квартир и домов во многих белых кварталах. Негры в Бостоне, как и в других городах, строят "кварталы", которые они занимают, все больше исключая другие классы населения. Большой негритянский центр сейчас находится в Саут-Энде, месте, которое когда-то занимали одни из самых аристократических семей Бостона. И все же, как и везде, они борются за право жить там, где им заблагорассудится. В качестве примера можно привести миссис Мэтти А. МакАду, образованную цветную женщину, почти белую, побывавшую за границей и отличающуюся утонченностью. Она снимала квартиру в многоквартирном доме среди белых друзей. Одна из квартиросъемщиц, южанка, узнав, что у миссис МакАду цветная кровь, возразила. Хозяин отказался расторгнуть договор аренды, и белая женщина уехала, но на следующий год миссис МакАду обнаружила, что не может снова сдать квартиру. В этом случае арендодателем оказался сын аболициониста. Он сказал ей:

"Вы знаете, что у меня нет предубеждений против цветных людей. Если хотите, я сниму вам квартиру в доме, где живу сам, но в другие дома я вас пустить не могу, потому что жильцы против".

Год или около того назад белые женщины даже предприняли попытку заставить мисс Болдуин, директора цветной школы, о которой я уже упоминал и которая является почти одним из учреждений Бостона, покинуть Франклин-Хаус, где она жила. Пожалуй, ни один инцидент не пробудил Бостон к существованию расовых предрассудков с большей остротой, чем этот.

Церкви проводят цветовую линию

Можно подумать, что последней гаванью предрассудков являются церкви, и все же я обнаружил в Бостоне странные вещи. В Бостоне существует и долгое время существовало множество цветных церквей, но многие негры, особенно из старых семей, принадлежали к белым церквям. В последние два года рост посещаемости неграми, особенно в епископальных церквях, стал серьезной проблемой. Четверть прихожан церкви Вознесения - цветные, и викарий был вынужден отказаться от дальнейшего посещения воскресной школы цветными. Церкви Святого Петра и Святого Филиппа в Кембридже также столкнулись с проблемой цветного населения.

В настоящее время выдвинуто предложение о создании негритянской миссии, которая постепенно перерастет в отдельную цветную епископальную церковь, и это движение

вызывает сильную горечь среди цветного населения. Я не скоро забуду выражение безнадежности на лице одного видного лидера белой церкви, когда он воскликнул:

"Что нам делать с этими неграми! Я, например, хотел бы, чтобы они остались. Я верю, что это соответствует учению Христа, но их доля растёт настолько, что белые люди отдаляются от нас. Незнакомые люди избегают нас. Содержание нашей организации обходится дорого, а негры способны внести очень малый вклад пропорционально своей численности. Подумайте об этом сами: Что нам делать? Если мы позволим неграм свободно посещать церковь, это будет означать, что в конце концов все белые уйдут, и у нас будет негритянская церковь, хотим мы этого или нет".

Ни в одном другом городе нет значительного числа негров, посещающих белые церкви, за исключением нескольких католических храмов. В Новом Орлеане я видел, как белые и цветные люди вместе поклоняются в соборах. Белых священников иногда мучают угрызения совести, что они не делают для негров всего, что должны.

Позвольте мне рассказать два показательных случая из Филадельфии. Самая страшная негритянская трущоба в этом городе полностью окружена деловыми домами и домами богатых белых людей. В нескольких кварталах от нее стоят несколько самых аристократических церквей Филадельфии. Мисс Бартоломью ведет квартальное поселение в самом центре этого социального болота. Дважды за многие годы ее работы здесь белые священники отваживались спуститься из своих церквей. Один из них сказал, что его беспокоит растущая масса невежественных цветных людей.

"Разве я не могу чем-то помочь?"

Мисс Бартоломью была очень рада и ободрена.

"Конечно, можете", - искренне сказала она. "Мы пытаемся уберечь негритянских детей от улиц. У нас есть много возможностей для помощи в наших клубах и классах для мальчиков и девочек".

"О, я не это имел в виду", - сказал священник; "Я подумал, что в случае смерти в их семьях мы могли бы предложить прочесть погребальную службу".

И он ушел, так и не увидев в этом юмора!

Другой служитель сделал подобное предложение: он хотел основать воскресную школу для цветного населения. Он с тревогой спросил мисс Бартоломью, где он может ее организовать.

"Почему бы не в вашей церкви во второй половине дня?"

"Да мы не можем этого сделать!" - воскликнул он; "Нам придется потом проветривать все подушки!"

Но вернемся в Бостон. Недавно было выдвинуто предложение организовать для цветного населения отдельный Y. M. C. A., но белые члены проголосовали против такой дискриминации. Тем не менее один цветной человек безнадежно сказал мне:

"Это только отсрочка. В следующий раз мы будем откладывать с отдельным учреждением".

Цветная линия в Гарварде

Даже в Гарварде, где негры всегда пользовались исключительными возможностями, условия заметно меняются. Несколько лет назад большой класс белых студентов добровольно выбрал блестящего негра Р. К. Брюса в качестве валидикториана. Но в прошлом году негритянский бейсболист стал причиной столь бурных обсуждений и смущения спортивной ассоциации, что, вероятно, в университетских командах больше никогда не будет цветных мальчиков. На медицинском факультете черта уже подведена. Хотя всего несколько лет назад цветной доктор был домашним врачом в Бостонской больнице для лежачих больных, цветные студенты больше не принимаются в это учреждение. Один из них, доктор Уэлкер (цветной из Айовы), не может получить диплом, потому что у него нет шести акушерских случаев, а шесть случаев он не может получить, потому что его не принимают вместе с его белыми однокурсниками в больницу Lying-in-Hospital. Любопытно, что не только белые, но и некоторые негритянские пациенты возражают против цветных врачей. В недавнем обращении, вызвавшем резкие комментарии среди бостонских негров, президент Гарварда Элиот выразил свое сочувствие общей политике раздельного обучения на Юге, заметив, что если бы негритянские студенты составляли большинство в Гарварде или большую часть общего числа, то могло бы последовать некоторое разделение рас.

И это чувство растет, несмотря на то, что ни один негритянский студент никогда не позорил Гарвард и что ни один студент не является более организованным или законопослушным, чем негры. С другой стороны, негритянские студенты часто добиваются выдающихся успехов в учебе: в прошлом году один из них, Ален Лерой Лок, прослушавший курс за три года, получил первую из трех премий Боудуина (самую важную из присуждаемых в Гарварде) за литературное эссе и сдал экзамен на степень *magna cum laude*. После этого он был принят, после блестящего конкурсного экзамена, на стипендию Родса от штата Пенсильвания.

Такие чувства, как те, что развиваются на Севере, сильно бьют по умному, образованному, амбициозному негру - особенно если в нем, как и в значительной части этих негров, нет ни капли белой крови. Многие цветные в Бостоне настолько белы, что их невозможно отличить от белых людей, однако их причисляют к неграм.

Сопровождая это изменение отношения, эти колебания и отступление лучшего класса белых людей, можно обнаружить грубые спорадические вспышки со стороны более грубого элемента белых людей, которые просто по-другому выражают свои мысли.

Белые банды нападают на негров

В Индианаполисе негр сталкивается с "бандами бунгало" - толпами грубых и незаконных белых парней, которые нападают на негров и жестоко избивают их, часто совершенно без провокации. Хотя ни один закон не запрещает неграм заходить в любой парк в Индианаполисе, они практически не имеют права посещать хотя бы один из них из-за опасности подвергнуться нападению со стороны этих банд.

Уличные автомобили бесплатны во всех северных городах, но, тем не менее, неграм иногда опасно ездить с белыми людьми. Профессор Р. Р. Райт-младший, сам негр и внимательный наблюдатель за условиями жизни негров, рассказывает такой личный опыт:

"Однажды вечером в мае около восьми часов я вышел на машине из Пенсильванского университета. Как только машина свернула с Двадцать седьмой на Ломбард-стрит, на нее набросилась толпа из примерно ста маленьких белых мальчиков от шести до четырнадцати лет. Машина была переполнена, но в ней находилось всего около дюжины негров, примерно

половина из них - женщины. Толпа мальчишек завладела вагоном, оттащив его от троллейбуса. Они бросали в машину камни, и наконец некоторые из них взошли в вагон и начали избивать негров палками, крича при этом: "Убей ниггера!", "Линчуй их!". 'Бей этого ниггера!' и т. д. Все это произошло в Филадельфии. Несомненно, эти урки читали в ежедневных газетах крики "Убей негра!" и пытались выполнить предписание".

Во время моего пребывания в Индианаполисе в уличном вагоне между представителями разных рас произошла стычка, достаточно важная, чтобы о ней написали газеты; а в Нью-Йорке, в районе Сан-Хуан-Хилл, однажды воскресным вечером я стал свидетелем инцидента, который иллюстрирует почти инстинктивный расовый антагонизм, существующий в северных городах. На улице было многолюдно. Несколько негритянских мальчиков играли на тротуаре. В них бросали камни. Мгновенно несколько белых мальчиков объединились и начали наступать на негров. За меньшее время, чем требуется для рассказа, тридцать или сорок белых мальчиков и молодых людей гнали за неграми по улице. За следующим углом к неграм присоединились десятки представителей их собственной расы. Отовсюду полетели камни и палки, и если бы не оперативные действия двух полицейских, начались бы беспорядки, подобные тем, что не раз, а много раз происходили в Нью-Йорке за последние два года. Конечно, эти случаи исключительны, но от этого не менее значимы.

Громоздкость как причина ненависти

Некоторые из беспорядков вызваны характерной чертой негров, проявление которой вызывает глубочайшую неприязнь у белого городского жителя. Это неуклюжесть, воздушность полубезумного молодого негра, который, чувствуя, что у него есть права, хочет быть постоянно занят их использованием. Он путает свободу со свободой. Хотя его мало среди тысяч спокойных цветных людей, он производит большое впечатление. На Юге его называют "умным негром", и среди белых мальчиков определенного класса существует почти непреодолимый инстинкт, чтобы с ним расправиться. Помню, я гулял в Индианаполисе с образованным белым северянином. Мы встретили молодого негра, безукоризненно одетого; его шляпа была сине-белой, туфли - из лакированной кожи с белым верхом, на нем был цветистый жилет, а его походка была просто восхитительной.

"Знаете, - сказал мой спутник, - я никогда не вижу этого молодого человека без желания подойти и снести ему голову. Я кое-что о нем знаю. Он абсолютно никчем: не работает, живет на зарплату трудолюбивой цветной женщины и тратит все, что может достать, на свою одежду. Я знаю, что это детский инстинкт, но я просто говорю вам о своих чувствах. Я не уверен, что это расовые предрассудки; полагаю, я должен был бы чувствовать себя точно так же по отношению к француз, если бы он поступил точно так же. И почему-то я не могу не верить, что хорошая порка улучшит характер этого мальчика".

Я рассказываю об этом инциденте так, как он произошел, чтобы пролить свет на одно из проявлений растущих предрассудков. Еще одна иллюстрация: Мисс Итон ведет социальное поселение для негров в Бостоне. Однажды учительница сказала одному из маленьких негритянских мальчиков в своем классе:

"Возьмите, пожалуйста, мой носовой платок".

Мальчик не шелохнулся, она снова попросила его поднять платок, а потом спросила, почему он отказывается.

"Дни рабства прошли", - сказал он.

Этот дух не так уж распространен, но он существует, и он наносит негритянскому народу вред, совершенно несоразмерный с его реальной серьезностью.

В некоторых городах Огайо, Индианы и Иллинойса, расположенных на границах старого Юга, это чувство достигло еще более острой стадии. В Спрингфилде, штат Огайо, произошло два расовых бунта, в первом из которых линчевали негра, а во втором многих негров выгнали из города и сожгли ряд цветных домов. Есть графства и города, где ни одному негру не разрешается останавливаться на ночь. Например, в Сиракузах, штат О., Лоуренсбурге, Эллууде и Салеме, штат Индиана, неграм не разрешается жить уже много лет. Если негр появляется, его предупреждают об условиях, и если он не уходит немедленно, к нему приходит толпа мальчиков и мужчин и заставляет его уйти. Один фермер, живущий в нескольких милях от Индианаполиса, рассказал мне о собрании, проведенном совсем недавно тридцатью пятью фермерами в его районе, на котором было принято решение не нанимать негров и не разрешать им жить где-либо в округе.

История северного расового бунта

По пути на восток я заехал в Гринсбург, штат Индиана, и обнаружил там замечательную иллюстрацию, показывающую, как возникают чувства на Севере. Гринсбург - уютный, зажиточный, консервативный, церковный городок на востоке Индианы. Многие жители - фермеры-пенсионеры. Население в 7 000 человек в основном состоит из чистокровных американцев, в основном северного происхождения. И все же в апреле прошлого года этот тихий старый городок потряс расовый бунт. Я навел справки о ситуации в городе и был поражен, обнаружив, насколько близко эти небольшие беспорядки перекликаются с более крупными беспорядками в Атланте, о которых я уже писал. Негры жили в Гринсбурге уже много лет, это была группа уважающих себя, порядочных, преуспевающих мужчин и женщин. Их знали и высоко ценили белые соседи. Один из них, по фамилии Брукс, владел парикмахерской, был уборщиком в пресвитерианской церкви и в одном из банков. Другой, Джордж У. Эдвардс, с которым я познакомился, уже много лет работает на Гарландской мельнице.

"В городе нет лучшего гражданина, чем Эдвардс", - сказал мне один белый адвокат; то же самое я слышал и от других белых мужчин.

Другой негр, Джордж Гуэсс, работает инженером на электроламповом заводе. Из местных негров Роберт Льюис, первый цветной выпускник местных школ, сейчас преподает инженерное дело в Хэмптонском институте. Оскар Лэнгстон, еще один негр, работает дантистом в Индианаполисе. Эти и другие негры живут в хороших домах, поддерживают церковь и имеют собственное респектабельное общество. В Атланте я нашел именно такое общество цветных людей.

Прогресс привел в Гринсбург электрическую железную дорогу. Для работы на ней и на улучшениях, сделанных железной дорогой, требовались сотни рабочих. И это были негры - невежественные, бродячие, не знающие себе равных, столь распространенные в подобных профессиях на Юге. Когда работа была закончена, значительное их число осталось в Гринсбурге. Теперь Гринсбургом, как и другими американскими городами, управлял мэр, который был "хорошим парнем" и который зависел от двух факторов: лояльности партии и голосов салунов. Он позволил существовать в одной из частей города негритянской забегаловке, где собирались праздные и никчемные негры и где примерно за год до бунта было совершено убийство. Точь-в-точь как на улице Декатур в Атланте! Гнилое место всегда

рано или поздно приводит к беде. Добропорядочные граждане протестовали и возражали - безрезультатно. Они даже организовали Лигу добропорядочных граждан, целью которой было добиться более строгого соблюдения закона. Но интересы салунов были сильны и хотели продавать виски и пиво неграм, а городские власти были покладисты.

"Кому какое дело, - спрашивал один из них, - до нескольких никчемных негров?"

Но в демократическом обществе люди *должны* заботиться друг о друге.

Негритянское преступление на Севере

Однажды в апреле этого года негр, работавший у миссис Сефтон, уважаемой вдовы, которая жила одна, явился в дом среди бела дня и совершил преступление. Его звали Джон Грин, негр из Кентукки; он был не только невежественен, но и полубезумен; он уже совершил кражу со взломом и не был наказан. Его легко поймали, осудили и вынесли приговор. Но город был разгневан. 30 апреля собралась толпа мужчин и мальчиков, избивала двух или трех негров и многих выгнала из города. Им и в голову не пришло напасть на городских чиновников, которые позволили негритянским притонам существовать. Как и в Атланте, вместе с преступниками пострадали и добропорядочные негры: толпа разбила окна в доме Джорджа Эдвардса и угрожала другим респектабельным цветным. Как и в Атланте, белые люди были в ужасе и скандале; но, как и в Атланте, белые, составлявшие толпу, остались безнаказанными (хотя Атланта мягко наказала нескольких участников беспорядков). Как и в Атланте, в разосланных газетах не делалось различий между разными сортами негров. Все негритянское население Гринсбурга обвинялось в преступлении одного невежественного и невоспитанного человека. У меня есть несколько различных газетных отчетов об этом деле из сторонних газет, и почти во всех из них в заголовках говорится, что все негры Гринсбурга участвовали в беспорядках и были изгнаны из города, что, конечно же, не соответствует действительности. На самом деле респектабельные негры по-прежнему живут в Гринсбурге в дружеских отношениях с белыми людьми.

Человеческая природа Севера и Юга

На самом деле, чем больше я вижу условия Севера и Юга, тем больше убеждаюсь, что человеческая природа к северу от линии Мейсона и Диксона ничем не отличается от человеческой природы к югу от этой линии.

Правда, в этих двух регионах проявляются разные степени предрассудков. На Юге социальные и политические предрассудки, являющиеся естественным результатом воспоминаний о рабстве и реконструкции, большей массы негритянского населения и отсталости экономического развития, сильнее. На Севере, напротив, социальных и политических предрассудков сравнительно немного; но негру приходится вести тяжелую борьбу за то, чтобы занять хоть какое-то, кроме самого подчиненного места в экономической машине.

Снова и снова, находясь на Юге, я слышал такие высказывания, как:

"Здесь мы заставляем негра занимать свое место в обществе, а на Севере вы не даете ему работать".

Это подводит меня к одному из самых важных этапов расовых отношений на Севере - экономической борьбе негра, внезапно брошенного, как и он сам, в стремительные, конкурентные условия северных городов. Сможет ли он выжить? Реализуют ли свои амбиции массы негров, приехавших на Север? Правда ли, что Север не позволяет неграм работать?

Эти вопросы, поневоле, должны обсуждаться в другой главе.

ГЛАВА VII

БОРЬБА НЕГРОВ ЗА ВЫЖИВАНИЕ В СЕВЕРНЫХ ГОРОДАХ

Один из вопросов, который я задавал неграм, с которыми встречался как на Севере, так и на Юге, звучал следующим образом:

"Какова ваша главная причина жалоб?".

На Юге первый ответ почти всегда касался джимкроских автомобилей или джимкроских железнодорожных станций; затем жаловались на политическое бесправие, на трудности с получением справедливости в судах, на отсутствие хороших школ, а в некоторых населенных пунктах - на опасность физического насилия.

Но на Севере первый ответ неизменно касался условий труда.

"Негру не дают справедливой возможности получить работу. Его дискриминируют, потому что он цветной".

Профессор Келли Миллер, один из самых острых негритянских писателей, сказал:

"Негр (на Севере) вынужден слоняться по краям промышленности".

Белые южане любят отвечать на критику Юга в адрес негров таким образом:

"Но Север закрывает перед негром двери промышленных возможностей".

И все же, несмотря на эти жалобы на условия на Севере, тот, кто смотрит на юг, почти видит армию негров, собирающуюся из городов, деревень и ферм, не приносящую с собой ничего, кроме оживленной надежды на далекую свободу, но всегда топающую на север. И приезжают они не только со старого Юга, но и из Вест-Индии, где цветное население с тоской смотрит на предвкушаемые возможности Америки. Некоторые даже приезжают из Южной Африки и Южной Америки. В Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии тысячи таких иностранных негров ничего не знают традициях Америки; некоторые из них даже не говорят по-английски.

И зачем они приезжают, если их трудности так велики? Правда ли, что у них нет шансов в промышленности? Лучше или хуже им живется на Севере, чем на Юге?

Во-первых, в большинстве небольших северных городов, где негритянское население не растет быстрыми темпами, дискриминация едва заметна. Негры приходят на работу, находят места в магазинах или даже занимаются конкурентным бизнесом и при этом сохраняют дружеские отношения с белым населением.

Но маленькие города не являются типичными для новых расовых условий на Севере; ситуация в крупных населенных пунктах, где негритянская иммиграция значительно увеличивается, решительно отличается.

Путешествуя по Северу, я слышал множество историй о трудностях, с которыми приходится сталкиваться цветным, чтобы получить работу. Конечно, как сказал мне один негр, "для цветного человека всегда есть места в самом низу". Он всегда может устроиться на неквалифицированный ручной труд, на работу по найму или в качестве домашней прислуги - другими словами, на мужскую работу. На Юге у него этого в избытке. Но то, к чему он стремится, становясь образованным, - это возможность получить работу более высокого класса. Он хочет подняться.

Он жалуется не на то, что не может найти работу на Севере, а на то, что ограничен в возможностях подняться, получить должности, на которые его способности (если бы не цвет кожи) давали бы ему право. Он ищет место, где его будут оценивать по достоинству как человека, а не как негра: он приехал на Север, чтобы найти это, и столкнулся с трудностями, о которых на Юге и не мечтал.

В Индианаполисе я застал большую дискуссию о том, что делать с большим количеством бездельничающих молодых цветных людей, некоторые из которых прошли через государственные школы, но, судя по всему, не могли найти никакой работы. Как сказал мне один знающий цветной мужчина: "Что же нам делать? Вот наши молодые люди, получившие образование в школах, способные хорошо работать во многих профессиях, где требуются умение и интеллект, и при этом у них мало возможностей. Они не хотят копать канавы, становиться носильщиками или камердинерами, как умные белые мальчики: они - люди. В результате некоторые из них снова впадают в праздное уныние или еще хуже".

В Нью-Йорке я беседовал с Уильямом Л. Балкли, цветным директором государственной школы № 80, которую посещают в основном цветные дети, который рассказал мне о больших трудностях и препятствиях, с которыми сталкивается негритянский мальчик, желающий заработать себе на жизнь. Он рассказал такую историю:

"На днях я получил сообщение от одной электрической компании, в котором говорилось, что они могли бы использовать в своем бизнесе несколько ярких, чистых, трудолюбивых мальчиков, начав с такой-то суммы в неделю и помогая им освоить дело. Я подозревал, что они не понимают цветных мальчиков под общим термином "мальчики", но решил попробовать. Поэтому я написал письмо, спрашивая, возьмут ли они на работу цветного мальчика, отвечающего заявленным требованиям. Следующее письмо принесло ожидаемый ответ, что ни один цветной мальчик, каким бы перспективным он ни был, не нужен. Я вздохнул и продолжил.

"Самое печальное, с чем я сталкиваюсь в своей работе, - это малая возможность для цветного мальчика или девочки найти достойную работу. Ко мне в офис приходит мальчик и просит выдать ему рабочие документы. Возможно, он уже хорошо учится в школе, возможно, до окончания учебы осталось всего несколько месяцев. Я расспрашиваю его примерно следующим образом: "Ну что, мой мальчик, ты хочешь пойти работать? Что ты собираешься делать?" "Я собираюсь быть дверным мальчиком, сэр". Ну, ты будешь получать 2,50 или 3

доллара в неделю, но через некоторое время этого будет недостаточно; что тогда? После минутной паузы он отвечает: "Я хотел бы стать конторщиком". "Ну, и что дальше? Минутное молчание, и: "Я должен попытаться получить должность посыльного". "Ну, а что дальше? Довольно созерцательное настроение, а затем: "Я хотел бы подняться до должности старшего посыльного". Теперь он добрался до вершины; дальше он не видит надежды. Он должен смириться с тем, что ему придется вступить в дело мальчишкой и закончить его мальчишкой".

И все же, несмотря на эти трудности, негры приезжают на Север с каждым годом все в большем количестве, они находят жизнь дорогой, они страдают от необычного количества болезней и смертей, они встречают больше предрассудков, чем ожидали, и все же они продолжают приезжать. Как бы ни жаловались негры на тяготы северных условий, как бы ни тосковали они порой по прежней жизни на Юге, я еще не встречал ни одного, кто хотел бы вернуться назад - если только он не накопил достаточно денег, чтобы купить землю.

"Почему они приезжают?" спросил я одного негритянского священника в Филадельфии.

"Ну, здесь, на Севере, к ним относятся как к людям, - ответил он, - вот в чем секрет. Здесь тоже есть предрассудки, но цветовая линия не проводится перед их лицом на каждом шагу, как на Юге. Все сводится к вопросу о мужественности".

На Севере предрассудки носят более чисто экономический характер, чем на Юге, - это следствие промышленной конкуренции.

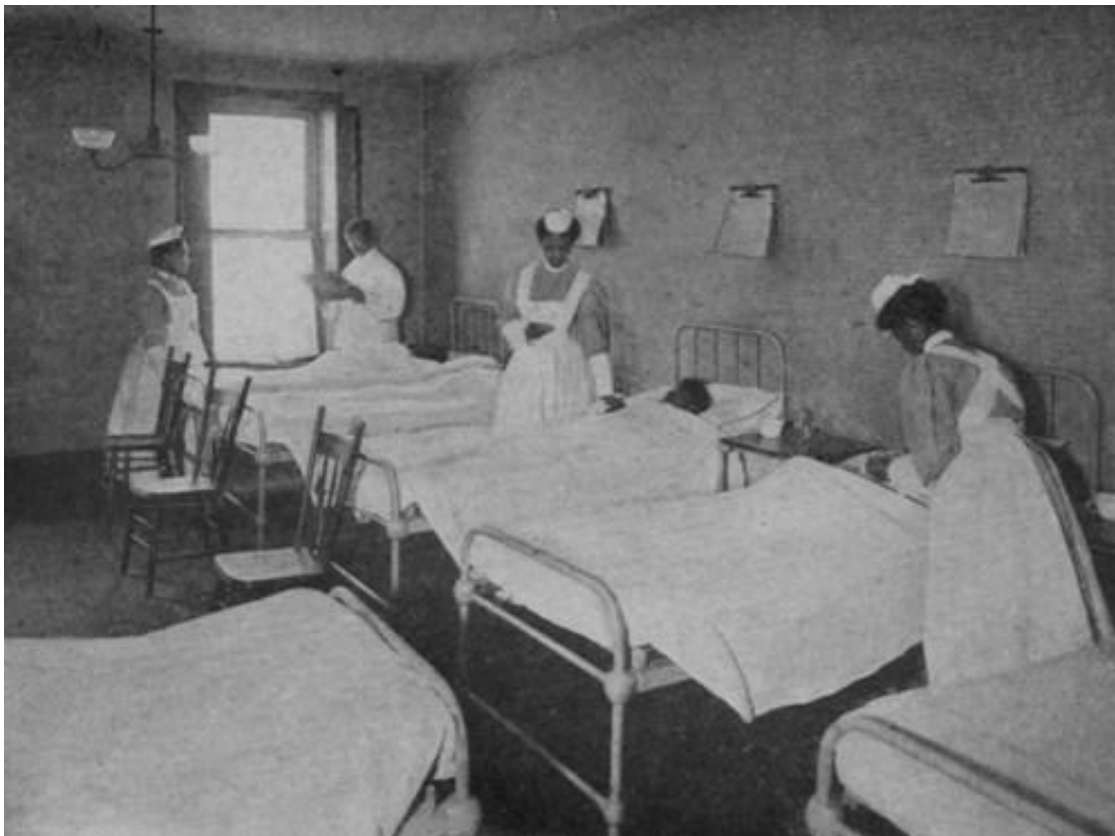
На Юге негр по-прежнему занят в основном ручным трудом, его не точит конкуренция; но когда он попадает в северный город, он не только находит работу другой, более высокоорганизованной и специализированной, но и сталкивается с жесткой конкуренцией со стороны полудюжины жаждущих, борющихся, амбициозных групп иностранцев, которые готовы и способны работать долгие часы за низкую плату, чтобы закрепиться. Часто ему приходится впервые встретиться с итальянцем, русским евреем, славянином, не говоря уже о белом американском рабочем. Темп, задаваемый конкурентной промышленностью, оказывается для него гораздо более жестким, чем в большинстве районов Юга. Ни одна жизнь в мире, пожалуй, не требует столько мозгов и мускулов от всех классов людей, как жизнь в огромных северных городах Соединенных Штатов. Я разговаривал со многими цветными рабочими и убежден, что не многие из них терпят неудачу не из-за своего цвета кожи, не из-за лени (негры на Севере в большинстве своем трудолюбивы - они *должны* быть такими, иначе они голодают или замерзают), а из-за простого отсутствия скорости и мастерства; они не научились держать темп, заданный белым человеком.

Один подрядчик в Нью-Йорке, нанимающий большое количество мужчин, сказал мне:

"Дело не столько в цвете кожи, сколько в простой эффективности. У меня нет никаких чувств в этом вопросе. Это бизнес". Как правило, обычный цветной человек не может делать столько же работы или делать ее так же хорошо, как обычный белый человек. В результате я не беру цветных, когда могу взять белых. И все же у меня есть несколько цветных, которые работают у меня годами, и я не променяю их ни на одного белого, которого знаю. Точно так же я предпочел бы нанять итальянцев, а не русских евреев: они более сильные работники".

Не естественно, что негр обвиняет в этих конкурентных трудностях, с которыми ему приходится сталкиваться на Севере (как он привык это делать на Юге), белого человека; он называет это предрассудками цвета кожи, хотя на самом деле зачастую это всего лишь холодные деловые требования промышленной жизни, которая требует огромной

эффективности, которая во многих сферах деятельности имеет не больше чувств, чем машина, которая готова использовать итальянцев, или японцев, или китайцев, или негров, или индусов, или любой другой народ на лице земли. С другой стороны, нет сомнений, что многие профсоюзы, особенно в квалифицированных профессиях, враждебно относятся к неграм, даже если в них нет правил, запрещающих их прием. Я слышал о том, как один опытный негр, инженер-локомотивщик по фамилии Бернс, отправился из Индианаполиса на Юг. Хотя он пользовался большой популярностью в компании, да и у многих железнодорожников, знавших его лично, общее мнение было настолько сильным, что, намылив рельсы, повредив двигатель и сделав работу сложной и опасной, он был вынужден в конце концов отказаться от своего рейса. Если бы было достаточно места, я мог бы привести множество примеров забастовок против использования негров. В последние несколько лет чувство недовольства среди профсоюзных рабочих, несомненно, усилилось из-за частого использования негров в качестве разрушителей забастовок. С помощью нескольких тысяч негров работодатели сорвали великую забастовку на скотобойнях в Чикаго в 1904 году, а в следующем году - забастовку бригадиров. Цветовые предрассудки используются, как и любое другое оружие, для укрепления монополии профсоюза. Я знаю несколько профсоюзов, которые являются практически монополистическими корпорациями, в которые любой посторонний, белый, желтый или черный, проникает с огромным трудом. Такие тесно организованные профсоюзы не пускают негров на Юг точно так же, как и на Север. Негр-плиточник, слесарь-паровоз или водопроводчик может попасть в профсоюз в Атланте не больше, чем в Нью-Йорке. Конечно, эти профсоюзы, как и любая другая тесно организованная группа людей, используют все средства для достижения своей цели. Они используют предрассудки как оружие конкурентной борьбы, они используют цвет кожи негра, или свиной хвост и диковинные привычки китайца, или низкий уровень жизни индуса, чтобы бороться с конкуренцией и защитить свою монополию на труд.

ПАЛАТА В НЕГРИТЯНСКОЙ БОЛЬНИЦЕ В ФИЛАДЕЛЬФИИ

МАСТЕРСКАЯ НЕГРИТЯНСКОЙ СКУЛЬПТОРШИ

И все же, хотя я ожидал, что негр будет полностью изгнан из профсоюзов, я обнаружил, что там, где негр становится достаточно многочисленным или умелым, он, как итальянец или русский еврей, начинает пробивать себе дорогу в профсоюзы. Первый же плотник-негр, которого я случайно встретил на Севере (от которого я ожидал жалобы на дискриминацию), сказал мне:

"Со мной все в порядке. Я член профсоюза и получаю профсоюзную зарплату".

Наведя справки, я обнаружил, что в большинстве профсоюзов квалифицированных рабочих, плотников, каменщиков, железных дел мастеров, даже в эксклюзивном типографском профсоюзе и в железнодорожных организациях есть несколько негров - то тут, то там, в основном мулаты. Они попали туда так же, как итальянцы, не потому, что их хотят, или потому, что они нравятся, а потому, что, будучи подготовленными, квалифицированными и энергичными, профсоюзы вынуждены принимать их в целях самозащиты. На Юге негра охотнее принимают в качестве плотника, кузнеца или каменщика, чем на Севере, не потому, что его больше ценят, а потому, что (в отличие от Севера) на Юге почти нет другой рабочей силы.

В ряде крупных отраслей промышленности Севера и Юга негр является такой же частью профсоюзного движения, как и белый человек. Тысячи негров являются членами "Объединенных шахтеров", великой организации Джона Митчелла, и они стоят на равных с

белыми. Другие тысячи состоят в профсоюзе производителей сигар, где благодаря экономическому давлению они добились признания.

Действительно, на Севере, несмотря на жалобы о дискриминации, я обнаружил негров, работающих и хорошо зарабатывающих на жизнь во всех видах промышленности - в профсоюзе или без него. Значительное число негров-пожарных занимают хорошие должности в Нью-Йорке, негр-сантехник в Индианаполисе, работающий по контракту и использующий цветную помощь, смог удержаться не только против конкуренции белых, но и против противодействия организованной белой рабочей силы. Я знаю негров-бумажников и маляров, которые не состоят в профсоюзе, но зарабатывают на жизнь своим ремеслом и постепенно становятся на ноги. В негритянских конторах (в этой стране негры издают более 200 газет и журналов) сейчас работает много негритянских печатников, прессовщиков и т. п., которые проходят обучение. Я знаю нескольких девушек (все мулатки), которые занимают ответственные посты в офисах в Нью-Йорке и Чикаго. Не мало цветных медсестер, швей и мастериц нашли свое место в жизни Севера, которое они, похоже, способны занять. Им нелегко продвигаться вперед: каждый цветной, который делает шаг вперед, должен доказать своей расе, что цветной человек может выполнять свою работу не хуже белого. Презумпция всегда против него.

Вот небольшой газетный рассказ об успешном квалифицированном изготовителе моделей в Чикаго:

Несколько дней назад большой ящик с двадцатью одним большим и маленьким образцом был отправлен на Джеймстаунскую выставку компанией McGuire Car Company из Парижа, штат Иллинойс, одной из крупнейших автомобильных компаний на Западе. Перед отправкой ящика десятки газетчиков, инженеров и бизнесменов получили возможность осмотреть то, что, как говорят, является самым полным и самым ценным экспонатом такого рода, когда-либо отправленным на выставку в этой стране. Содержимое этой драгоценной коробки полностью принадлежит цветному человеку по имени Джордж А. Харрисон. Мистер Харрисон - один из самых высокооплачиваемых людей в штатном расписании компании. Он делает все шаблоны для всех стальных, латунных и железных отливок для всех видов автомобилей, производимых компанией. Он окончил школу во главе своего класса из шестидесяти человек в Чикаго.

Подобные случаи являются исключительными среди огромной массы необученного негритянского населения в городах, и все же они показывают, что можно сделать, и сама возможность такого продвижения побуждает негров приезжать на Север.

Профессии, в которых преобладают негры

Так обстоят дела в высших отраслях промышленности. В некоторых менее квалифицированных профессиях, напротив, негры не только занимают, но и фактически становятся доминирующими.

Асфальтобетонщики почти все цветные. В Нью-Йорке у них сильный профсоюз, и хотя часть его членов - белые (в основном итальянцы), избранным представителем, заседающим в Центральном федеральном профсоюзе города, является цветной Джеймс Х. Уоллес.

В Индианаполисе я обнаружил, что индустрия перевозчиков ходов почти полностью находится в руках негров, которые имеют сильный профсоюз и большой забастовочный фонд. Они настолько преуспели, что теперь предлагают построить собственное здание для

клуба. Хотя в профсоюзе есть белые мужчины, все его члены - цветные. Не так давно некоторые из цветных членов профсоюза начали "торопить" белого мужчину на его работе. Об этом сообщили в профсоюз и горячо обсуждали. В конце концов цветные члены решили, что дискриминации белых не должно быть, и оштрафовали одного из негров за его поведение. Он не смог заплатить и был вынужден покинуть город.

Там, где негр-рабочий закрепился на Севере, его дела часто идут очень хорошо. Р. Р. Райт-младший обращает внимание на условия работы в сталелитейной компании "Мидвейл", которая является одним из крупнейших, если не самым крупным работодателем негритянского труда в Филадельфии. Чарльз Дж. Харра, президент этой компании, заявил перед Промышленной комиссией Соединенных Штатов в 1900 г.:

"У нас работает около 800 или 1000 цветных мужчин. Остальные - американцы, ирландцы и немцы. Цветная рабочая сила у нас превосходная..... Они крепкие парни; у нас есть некоторые с плечами вдвое шире моих и с грудной клеткой вдвое глубже моей. Мужчины приезжают сюда невежественными и необученными. Мы учим их дисциплине. Мы учим цветного человека бережливости и уговариваем его открыть счет в банке; и он, как правило, делает это, и через некоторое время на нем появляются деньги, и ничто не может помешать ему пополнить этот счет. У нас нет цветных, которые пьют".

На вопрос о трениях между белыми и черными рабочими мистер Харра ответил следующее:

"Ни капли. Они работают бок о бок с ирландцами, а когда ирландец устраивает дома праздник, он приглашает цветных. Мы делали это с трепетом. Сначала мы пригласили одного человека, чтобы он подметал двор, и заметили, что ирландцы и немцы смотрят на него с опаской. Тогда мы ввели еще одного. Потом мы ввели их в котельную, потом в мартен и кузницу, и постепенно они появились везде. Они умны и послушны, и когда они приходят в качестве неквалифицированных рабочих, то постепенно становятся опытными, и со временем мы сделаем из них отличных бригадиров".

Мистер Харра добавил, что нет абсолютно никакой разницы в оплате труда негров и белых на одинаковых работах.

В своей последней статье я особо отметил, как и где растут предрассудки в северных городах, что, безусловно, имеет место. С другой стороны, если спуститься под землю, можно обнаружить множество противодействующих влияний - тех тихих конструктивных сил, которые, не будучи сенсационными или угрожающими, привлекают слишком мало внимания. Жители Севера способны помочь неграм там, где южанам мешает интенсивность социальных предрассудков: ведь в большинстве мест на Юге обучение негров все еще означает социальный ostracism.

Помощь неграм на Севере

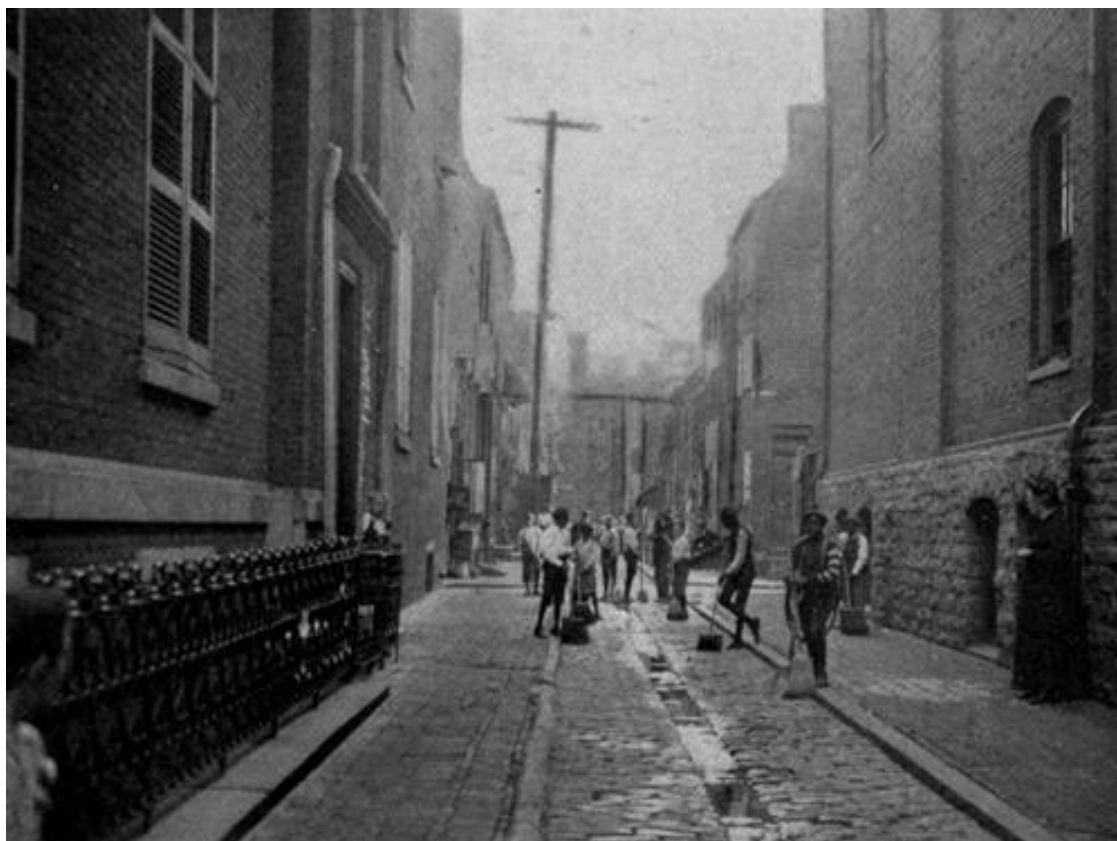
В большинстве северных городов в той или иной форме была организована работа поселений - центров просвещения и надежды. Я посетил несколько таких поселений и видел их работу. Они делают многое, особенно в том, что касается придания морального тона трущобному сообществу: они помогают уберечь детей от улиц с помощью клубов и занятий; они открывают пути сочувствия между занятым верхним миром и борющимся нижним миром. Такова работа мисс Бартоломью, мисс Хэнкок, мисс Уортон в Филадельфии, мисс Итон в Бостоне, миссис Селии Паркер Вулли в Чикаго, мисс Овингтон в Нью-Йорке. У мисс Хэнкок, энергичной, подающей надежды квакерши, есть "отряд метлы" из негритянских

мальчиков, который регулярно подметает несколько улиц в самом худшем районе трущоб в Филадельфии; это дает им работу и учит их гражданской ответственности и гордости.

Но, возможно, я смогу дать лучшее представление об этих движениях, рассказав о различных формах работы в одном городе - Индианаполисе. Во-первых, Гильдия Фланнеров, созданная белым человеком мистером Фланнером, содержится в основном за счет взносов белых, но контролируется полностью цветными людьми. Для девушек были открыты классы мастерства (из них сейчас много практикующих выпускниц, восемь из которых дают уроки в Индианаполисе и других городах), есть клубы и общественные собрания всех видов: это был действительно полезный социальный центр влияния.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ДЛЯ НЕГРОВ В ФИЛАДЕЛЬФИИ

"ОТРЯД МЕТЛЫ" ИЗ НЕГРИТЯНСКИХ МАЛЬЧИКОВ

Они регулярно подметают несколько улиц в самом худшем районе трущоб в Филадельфии; это дает им работу и учит их гражданской ответственности и гордости. Мисс Хэнкок справа.

На Юге, как я уже показал, негры получают много индивидуальной благотворительности - еду с кухни, старую одежду и деньги; но это в основном личная и неорганизованная помощь. На Севере сравнительно мало беспорядочных пожертвований, но предпринимаются усилия, чтобы охватить негритянские семьи и помочь им, заставляя их помогать себе. Одна из трудностей негров - это скупость; но если дать им начало пути к экономии денег, то часто бывает удивительно наблюдать, как они пытаются жить на деньги, хранящиеся в банке. Благотворительное общество Индианаполиса уже давно содержит ссудно-сберегательную ассоциацию, в которой работают шесть женщин-сборщиц, одна из них цветная, которые каждую неделю посещают сотни домов. Они образуют настоящий корпус дружелюбных посетителей, а работа по сбору сбережений дает им возможность попасть в дома и завоевать доверие людей, чтобы помочь им во многих отношениях. В прошлом году в ассоциации было зарегистрировано более 6 000 вкладчиков, две трети из которых составляли негры, а на депозитах находилось более 25 000 долларов. Принимается не менее двадцати пяти центов в неделю, но многие негры откладывают гораздо больше. Как только у них появляется привычка экономить, они обычно переводят свои счета в сберегательный банк - и, получив банковскую книжку, становятся на путь истинного совершенствования.

Еще одна ценная работа, которую организовал мистер Гроут из Общества благотворительных организаций, - это возделывание пустырей. Благодаря использованию свободных земель в городе и его окрестностях многие негритянские семьи получили возможность разбить сады, обеспечив таким образом здоровое и уважающее себя занятие для пожилых или молодых членов многих негритянских семей, которые в противном случае

могли бы стать общественным достоянием. Участки вспахиваются, предоставляются семена, негры сами выполняют работу и собирают урожай. Работа поддерживается добровольными пожертвованиями белых людей. Некоторые негритянские женщины вырастили достаточно овощей, чтобы не только обеспечить себя, но и продать их.

В Индианаполисе тщательно заботятся о негритянских детях. Обязательное образование в равной степени распространяется на обе расы. Каждая семья, таким образом, оказывается под более или менее активным вниманием школьных властей. Сотрудница, мисс Сара Колтон Смит, нанята исключительно для того, чтобы посещать и следить за негритянскими детьми. Ее работа в основном заключается в том, чтобы быть дружелюбным посетителем, помогать различным перегруженным работой матерям советами, интересоваться негритянскими организациями. Например, Клуб цветных женщин, сотрудничая с мисс Смит, организовал ясли, которые заботятся о самых маленьких детях работающих негритянок, что позволяет старшим ходить в школу. В Индианаполисе (где действует одна из самых прогрессивных и разумных школьных систем, полностью неполитизированная, в стране) также прекрасно понимают необходимость промышленного образования для обеих рас. Примечательно, что негритянские школы были первыми оборудованы промышленными отделениями, так что какое-то время стоимость образования на душу населения в Индианаполисе была выше для цветных детей, чем для белых. Когда я выразил свое удивление по поводу такого необычного положения, мне сказали:

"Конечно, непосредственная потребность негров была больше".

С ноября по апрель в зданиях государственных школ проводятся вечерние занятия - две школы для негров, в которых могут учиться цветные люди всех возрастов. Это удивительное зрелище: Негры пятидесяти и шестидесяти лет смешиваются там с простыми детьми. Девочек учат шитью и кулинарии, мужчин - плотницкому делу, помимо обычных занятий. Одного старика с Юга застали плачущим от радости из-за того, что он смог написать свое имя. Для самых маленьких детей, как негров, так и белых, есть детский сад миссис Элизы Блейкер. Для престарелых цветных женщин есть дом, который теперь поддерживается в основном самими цветными.

Нравственность негритянских женщин

Я видел много различных направлений деятельности и разговаривал с людьми, которые тесно соприкасаются с борющимися массами негритянской бедноты. Жаль, что у меня нет места, чтобы рассказать некоторые из услышанных историй: черные массы, живущие в нищете, болезнях, безнадёжном невежестве, и все же повсюду пронизанные надеждой, индивидуальным подъемом и успехом. В Индианаполисе, как и в других северных городах, я услышал много положительного о негритянских женщинах.

"Если негр будет спасен здесь, на Севере, - сказала мне мисс Смит, - то это произойдет благодаря женщинам".

Они привели мне множество иллюстраций, показывающих, как тяжело работают негритянские женщины - стирают или выходят каждый день на работу, воспитывают свои семьи, ведут домашнее хозяйство, иногда содержат никчемных мужей.

"Негритянская женщина из низшего класса, - сказал мне один из посетителей, - редко ожидает, что муж будет ее содержать. Она берет все бремя на себя".

А женщины, как сказали мне посетители кредитной ассоциации, - главные сберегатели: именно они открывают и ведут банковские счета. Я много слышал на юге и севере о безнравственности негритянских женщин. Без сомнения, безнравственность существует, но ни один честный наблюдатель не может зайти в любую из переполненных цветных общин северных городов и изучить их жизнь, чтобы не проникнуться новым уважением к негритянкам.

Еще одно обнадеживающее дело в Индианаполисе - суд по делам несовершеннолетних. Мальчика, совершившего преступление, не бросают на произвол судьбы, чтобы он стал еще более отчаянным преступником и в конце концов отомстил обществу, которое его игнорировало. Он попадает в специально организованный суд, где встречает не насилие, а дружелюбие и поддержку. Миссис Хелен В. Роджерс возглавляет службу probation в Индианаполисе, под ее руководством работает большой штат добровольных надзирателей, тридцать из которых - цветные мужчины и женщины - лучшие в городе. У этих цветных надзирателей есть организация, председателем которой является Джордж В. Кейбл, бригадир отдела распространения почтовых отправок в Индианаполисе. Негритянского мальчика, обвиненного в правонарушении, передают одному из этих ведущих негритянских мужчин или женщин, требуют от него регулярных отчетов и помогают ему, пока он снова не встанет на ноги. Пока что система работает с большим успехом. Мальчиков, чьи проступки слишком серьезны для условного осуждения, отправляют не в тюрьму или на каторгу, где они становятся закоренелыми преступниками, а в исправительную школу, где им прививают привычку к труду.

Почему негр часто терпит неудачу

Продолжая свои расспросы, я обнаружил, что ведущие цветные люди в большинстве городов, несмотря на то, что они могут быть обескуражены состоянием невежественных, безрассудных масс своего народа, начинают понимать, что трудности негров на Севере не только расовые, не только вызваны предрассудками, но и в значительной степени недостатком обучения, недостатком агрессивности и эффективности, недостатком организации. В Нью-Йорке был создан "Комитет по улучшению промышленного положения негров". В его состав входят как белые, так и цветные, а секретарем является С. Р. Скотрон, способный цветной человек. Задача комитета - изучить состояние негров в Нью-Йорке, выяснить причины безделья и попытаться помочь неграм найти лучшую работу.

Комитет столкнулся с трудностями не столько в поиске вакансий для негров, сколько в подборе надежных негров для их заполнения. Мальчики и девочки, хотя и получают образование в государственных школах, выходят оттуда, не умея делать ничего, что могло бы принести им доход. Хотя негры могут воспользоваться преимуществами Института Купера и других школ промышленного обучения, они мало используются, либо из-за незнания о такой возможности, либо потому, что негры предпочитают обычные литературные курсы в школах. Такое количество неквалифицированных и необученных негров, как старых, так и молодых, отбило у многих работодателей охоту прибегать к помощи негров. Я не забуду знаменательное замечание одного белого работодателя, с которым я познакомился в Индианаполисе: широкоплечий человек, известный своей филантропией.

"Я снова и снова пробовал прибегать к помощи негров, надеясь хоть как-то исправить ситуацию с негритянским бездельем, которая у нас здесь существует. У меня было два или три хороших негра-работника, но многие из них были совершенно недисциплинированными, безответственными, а иногда и вовсе нечестными, так что я оставил эти попытки. Когда я слышу, что соискатель - цветной, я не беру его на работу".

По этому поводу профессор Балкли сказал мне:

"Большая потребность цветной молодежи - практическое обучение в промышленности. Негритянский мальчик не может рассчитывать на то, что его возьмут в профессию, если он не прошел обучение".

Р. Р. Райт-младший, изучивший условия в Филадельфии, отмечает:

"Именно в квалифицированных профессиях негры находятся в самом невыгодном положении. Негры были в значительной степени отстранены от механических профессий отчасти из-за безразличия и иногда активной враждебности профсоюзов, отчасти потому, что было трудно преодолеть традиционное представление о том, что "место негра" - в домашнем хозяйстве, но главным образом потому, что у негров практически не было возможности обучаться профессиям. Те негры, которые владеют квалифицированными профессиями и следуют им, - это в основном мужчины с Юга, которые научились своему ремеслу там. Самые бедные из них идут в домашнюю прислугу; лучшие находят себе место по профессии. Негритянскому мальчику, родившемуся в этом городе, трудно получить профессию, и здесь, я говорю, система была самой слабой".

С целью дать больше практического обучения школа № 80 в Нью-Йорке, директором которой является профессор Балкли, теперь открыта по вечерам для обучения промышленности. В прошлом году было зарегистрировано 1 300 цветных, молодых и пожилых людей. Одним словом, на Севере, как и на Юге, признают необходимость обучения негров труду. И не только негров, но и белых юношей и девушек, как это было замечено в Германии и других европейских странах.

Путь от рабства к свободе

В Индианаполисе я обнаружил организацию негритянских женщин под названием "Клуб женского самосовершенствования". Президент, миссис Лилиан Т. Фокс, рассказала мне, что клуб делает для решения проблемы цветных девушек и юношей, которые не могут найти работу. Она обнаружила, что, в конце концов, предрассудки белых оказались не таким уж страшным жупелом, как она себе представляла. Газеты дали огласку этой работе; Коммерческий клуб, ведущая организация деловых людей города, предложил свою помощь; несколько белых работодателей согласились прибегнуть к помощи цветных, а один из них, Van Camp Packing Company, один из крупнейших концернов такого рода в стране, даже оборудовал новый завод, на котором будут работать исключительно цветные. Прошлой осенью, после окончания сезона, один из офицеров компании сказал мне, что негритянская фабрика имела большой успех, что девушки выполняли свою работу добросовестно и с большим умом.

Совсем недавно в Нью-Йорке состоялось собрание цветных плотников с целью организации самопомощи, и они обнаружили, что, оказав давление, Братство плотников совершенно готово принять их в свой профсоюз на тех же основаниях, что и всех остальных плотников.

Короче говоря, негр начинает осознавать, что если он хочет выжить и преуспеть в северных городах, то это должно быть сделано за счет его собственных навыков, энергии и организации. Ибо, как и любой человек или любая раса, стремящаяся занять место в промышленности или в современной коммерческой жизни, негр должен, чтобы добиться успеха, не только сравняться с конкурентом, но и стать более эффективным. Один негр-подрядчик сказал мне:

"Да, я могу получить любой объем работы, но они ожидают, что я сделаю ее немного лучше и немного дешевле, чем мои белые конкуренты". Затем он добавил:

"И я тоже могу это сделать!".

Это единственные условия, на которых можно добиться успеха.

Негра так долго заставляли работать, как на Юге, что в условиях напряженной, безличной, конкурентной жизни, как на Севере, где работа стоит на первом месте, он лишь постепенно понимает, что рулить должен он сам, а не белый человек. Это тот урок, который поднимает любого человека из рабства к свободе.

Пульмановские носильщики

Вот вам и промышленность. Негры на Севере также занимаются бизнесом и другими разнообразными видами деятельности. Сами трудности с получением профессии и наемной работы толкают многих цветных в мелкий бизнес: бакалейные лавки, портновские мастерские, агентства недвижимости или аренды. Если белые люди вытесняют их с должностей официантов и парикмахеров, то, с другой стороны, они получают все больше возможностей в качестве носильщиков и официантов на железной дороге и в Пульмане - места, которые часто приносят большую прибыль и ведут, если негр экономит свои деньги, к лучшим вакансиям. Один негр-банкир, с которым я познакомился на Юге, рассказал мне, что начал свою карьеру в качестве носильщика пульмана. У него была хорошая работа, и, будучи активным и сговорчивым, он часто зарабатывал от 150 до 200 долларов в месяц из своей зарплаты и чаевых.

Но на Севере происходят те же изменения, которые я обнаружил на Юге. Я имею в виду рост расового самосознания среди негров - формирование более или менее независимой жизни негритянской общины в рамках большой белой цивилизации. Все силы, кажется, работают в этом направлении.

Бизнес среди негров Бостона и Филадельфии

Как я уже показывал, многие негры в Бостоне (да и в других городах) добились успеха в бизнесе, которому покровительствуют белые люди - или, скорее, обе расы. Цветные врачи и адвокаты в Бостоне имеют более или менее белую практику. Конечно, цветные мужчины, которые могут преуспеть без учета своего цвета кожи и вести бизнес с представителями обеих рас, хотят продолжать это делать, но тенденция на Севере, как и на Юге, направлена против такого развития и на негритянские предприятия для негритянского населения. Даже в Бостоне множество предприятий ведется неграми для негров. Я посетил несколько небольших, но процветающих бакалейных магазинов. Негр по имени Бэзил Ф. Хатчинс построил процветающее предприятие и ливрею для негритянской торговли. Чарльз В. Александр держит типографию с цветными рабочими и издает журнал *Alexander's Magazine*. Новый отель под названием "Астор Хаус", управляемый неграми для негров, имеет 250 номеров с телефонной связью в каждом номере, большой ресторан и многие другие достопримечательности хорошего отеля. Но в этом развитии Север сильно отстает от Юга. На Юге можно найти десятки негритянских банков, а на Севере - ни одного. В таких городах, как Ричмонд, штат Вирджиния, Джексон, штат Мисс, Нэшвилл, штат Теннесси, негритянские деловые предприятия получили поистине замечательное развитие.

Возможно, я смогу яснее представить себе огромное разнообразие видов занятости негров в северных городах, рассказав о состоянии дел в одном городе - Филадельфии, - за информацию о котором я обязан Р. Р. Райту-младшему. Перепись 1900 года показывает, что из 28 940 негров-мужчин (мальчиков и мужчин) 21 128 были заняты на работе, а из 33 673 девочек и женщин 14 095 были наемными работниками. Вот некоторые из наиболее распространенных профессий негров-мужчин:

Простые рабочие	7,690
Слуги и официанты	4,378
Рабочие и халтурщики	1,957
Носильщики и помощники в магазинах	921
Парикмахеры и парикмахерские	444
Посыльные и мальчики на побегушках	346
Кирпичные и каменные кладки	308

Большинство из этих профессий, конечно, относятся к низкому классу - это тяжелый городской труд, в котором мужчины часто опускаются за черту бедности. С другой стороны, перепись населения приводит такие цифры:

Негры-профессионалы (415) и женщины (170), включая врачей, священнослужителей, дантистов, учителей, электриков, архитекторов, художников, музыкантов, адвокатов, журналистов, инженеров-строителей, актеров, литераторов и ученых и т. д.	585
Розничные торговцы, мужчины (297), женщины (22).	319
Содержатели гостиниц	13

Один негр управляет магазином мужской одежды, другой - аптекой, остальные - бакалеей, мясом и т. д. Бенефициарное общество выросло до обычной страховой компании, агент по аренде стал торговцем недвижимостью. За последние двенадцать месяцев негры зарегистрировали две риэлтерские компании, одну компанию по инвестированию в землю, четыре ассоциации по строительству и кредитованию, одну производственную компанию, одну страховую компанию, а также ряд других мелких предприятий.

Государственная служба оказалась полезной для негров Филадельфии, как и любого другого крупного северного города. В почтовом отделении работают около 150 клерков, разносчиков и других служащих, в полиции - около 70 патрульных, в школах - 40 учителей и около 200 человек в других муниципальных учреждениях.

Где кроется успех для негров

Таким образом, я попытался представить условия жизни негра на Севере и показать его взаимоотношения с белыми людьми. Я попытался показать все факторы, хорошие или плохие, которые играют роль в расовых условиях. Существует множество зловещих факторов: большой приток невежественных и неквалифицированных негров с Юга; растущие предрассудки на Севере, как социальные, так и промышленные, против негров; высокий уровень смертности и низкий уровень рождаемости среди негритянского населения, что вызвано бедностью, невежеством, преступностью и неблагоприятным климатом. С другой стороны, заметны и обнадеживающие тенденции. Отдельные негры добиваются признания

почти во всех отраслях человеческой деятельности, приходят в бизнес и в профессию. Растет новое расовое сознание, ведущее к созданию организаций самопомощи; и хотя предрассудки белых усиливаются, растет и доброжелательность белых, проявляющаяся в социальных поселениях, промышленных школах и других полезных филантропических акциях.

Все эти силы и противодействующие им силы - экономические, социальные, религиозные, политические - находятся в действии. Мы все их прекрасно видим, но не можем судить об их силе. Это огромная борьба - борьба отсталой расы за выживание в стремительно развивающейся цивилизации передовой расы. Никто не может смотреть на нее без глубочайшего восхищения ее интересами как человеческого зрелища и без глубочайшего сочувствия к усилиям 10 000 000 человеческих существ преодолеть препятствия, которые окружают их со всех сторон.

И какая это борьба! Когда я смотрю на нее и вижу, как эта темная орда мужчин и женщин поднимается, поднимается, поднимается, несколько белых людей тут и там подбадривают их, несколько с ожесточением сдерживают их, я чувствую, что Порт-Артур и сражения в Маньчжурии, какими бы кровавыми они ни были, не могут сравниться с таким конфликтом, как этот, потому что это тихая, упорная, кровопролитная, современная борьба, в которой бойцы никогда не опускают руки. Но цель у них одна и та же: попытка отсталой расы закрепиться на этой земле, получить уважение цивилизации и возможность развиваться. И негр сражается не с русскими, а с американцами, немцами, ирландцами, англичанами, итальянцами, евреями, славянами - со всеми этими смешавшимися белыми расами (каждая из которых, по сути, ведет одну и ту же борьбу), составляющими нацию, которую мы называем Америкой.

Чем больше я вижу этот конфликт, тем больше убеждаюсь, что победа или поражение зависит от самого негра. Как сказал мне один мудрый негр:

"Сорок лет назад белый человек эмансипировал нас, но мы только сейчас понимаем, что должны эмансипировать себя сами".

Сможет ли негр пережить этот конфликт, чем все это закончится, никто не знает. Ведь это и есть создание самой жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕГР В НАЦИИ

ГЛАВА VIII

МУЛАТЫ: ПРОБЛЕМА СМЕШЕНИЯ РАС

Я недолго занимался изучением расовой проблемы, когда оказался лицом к лицу с любопытным и, казалось бы, абсурдным вопросом:

"Что такое негр?"

Я видел множество мужчин и женщин, которые, несомненно, были неграми, неграми по всем физическим характеристикам, с черным лицом, толстыми губами и вьющимися волосами, но я также встречал мужчин и женщин, таких же белых, как я, чье утверждение, что они действительно негры, я принимал вопреки свидетельствам моих собственных чувств. Я видел голубоглазых негров и золотоволосых негров; у одной негритянки, которую я встретил, было множество мягких прямых рыжих волос. Я видел негров, которых не мог легко отличить от евреев или французов; однажды я разговаривал с человеком, которого сначала принял за китайца, но который сказал мне, что он негр. И я встретил несколько человек, которые везде выдавали себя за белых, но я знал, что в них течет негритянская кровь.

В самом деле, нет ничего более сложного для определения, чем эта любопытная физическая цветовая линия в человеке. Законодательные органы неоднократно пытались определить, где заканчивается черный и начинается белый, особенно в связи с законами, запрещающими браки между расами. В некоторых законах негр определяется как "человек с одной восьмой или более негритянской крови". Южане, гордящиеся своей способностью различать каплю темной крови на белом лице, сами часто оказываются обманутыми. Несколько раз я слышал, как полицейские судьи на Юге спрашивали у человека, доставленного к ним:

"Этот человек цветной или белый?".

Совсем недавно в Норфолке, штат Вирджиния, произошел случай, когда миссис Роза Стоун подала в суд на железнодорожную компанию Norfolk & Western Railroad Company за то, что белый кондуктор, приняв ее за негритянку, заставил ее ехать в вагоне "Джима Кроу". После того как ее насильно посадили в негритянское купе, настоящему цветному, который знал ее лично, оставалось только подвести черту под ее действиями. Сообщается, что эта цветная женщина сказала:

"Лор, мисс Роза, здесь не место для вас; вы должны ехать в вагонах вон там".

Судя по всему, миссис Стоун была загорелой.

Любопытная история белого человека, которого выгнали как негра

Вот история, хорошо иллюстрирующая трудности, с которыми иногда сталкиваются южане при решении вопроса о том, кто белый, а кто цветной. 6 марта 1907 года газета "Атланта Джорджиан" опубликовала рассказ о том, как негр, выдававший себя за белого, был изгнан толпой белых людей из города Олбани, штат Гавайи:

Питер Зейглер, негр, был вчера вечером выдворен из города толпой белых мужчин. Зейглер пробыл здесь месяц и выдавал себя за белого человека. Он поселился в одной из лучших белых семей города и общался с некоторыми из лучших людей Олбани. Одна приезжая дама узнала в нем негра, который раньше жил в ее городе, и ее утверждение было расследовано и признано верным. Вчера вечером его доставили на станцию Форестер, расположенную в нескольких милях к северу отсюда, и приказали сесть на отходящий поезд.

Зейглер получил хорошее образование и отточенные манеры, а его цвет кожи был таков, что он легко мог сойти за белого человека там, где его не знали.

Сразу же после того, как его выслали из Олбани, мистер Зейглер связался со своими друзьями и родственниками, делегация которых приехала из Чарльстона, Оранджбурга и Саммервилля, штат Южная Каролина, и доказала к всеобщему удовлетворению, что мистер Зейглер на самом деле белый человек, связанный с несколькими старыми семьями Южной Каролины. Об этом возвращении мистера Зейглера пишет *"Олбани Геральд"*:

Вчера в *"Геральд"* был опубликован отчет о возвращении в Олбани Питера Б. Зейглера, молодого человека, который был вынужден покинуть Олбани между солнцами в ночь на 4 марта. Молодого человека по возвращении сопровождала партия, состоящая из родственников и влиятельных друзей из его родного штата Южная Каролина.

Ничто, несомненно, не может пролить более яркий свет на путаницу цветовых линий на Юге, чем эта история.

Еще одно необычное дело - дело миссис Элси Мэсси, решенное в округе Типтон, штат Теннесси, после многолетней тяжбы, в которой одна сторона пыталась доказать, что миссис Мэсси - негритянка, дочь хлопкового плантатора по имени "Эд" Барроу и рабыни-квадрун, а другая - что она чистой кавказской крови. 13 июня 1907 года жюри, состоявшее из белых мужчин, окончательно признало миссис Мэсси белой и разрешило ей и ее детям унаследовать имущество на сумму 250 000 долларов. Подобные случаи, лишь немногие из почти бесчисленного множества, показывают, как трудно бывает решить, кто является негром, а кто нет - под негром здесь понимается человек, имеющий негритянскую кровь, независимо от того, насколько она мала, по определению, принятому на Юге.

Сколько существует мулатов

Мало кто осознает, что большая часть так называемой негритянской расы в этой стране на самом деле вовсе не негры, а мулаты или смешанная кровь, либо наполовину белые, либо квадруны, либо октороны, либо какая-то другая комбинация. В последней переписи населения (1900 г.) правительство отказалось от попытки перечислить мулатов вообще и посчитало неграми всех людей, которые были причислены к этой категории в общинах, где они проживали. Перепись 1870 года показала, что одна восьмая (примерно) негритянского населения была мулатом, а перепись 1890 года показала, что эта доля увеличилась до более чем одной седьмой. Но эта статистика, по общему признанию, неточна: в самом отчете о переписи говорится

"Эти цифры не имеют большой ценности. Действительно, как показатель степени смешения рас, они вводят в заблуждение".

На основании собственных наблюдений, а также бесед и общения со многими людьми, имевшими больше возможностей для исследования, я могу с уверенностью сказать, что от

одной четвертой до одной трети негров в этой стране в настоящее время имеют *видимую* примесь белой крови. По крайней мере, эта пропорция больше, чем показывают данные переписей 1870 и 1890 годов. Вероятно, 3 000 000 человек из 10 000 000 населения являются видимыми мулатами. Таким образом, становится ясно, насколько важно при любом тщательном исследовании расовой проблемы учитывать влияние смешанной крови. На Севере, действительно, расовую проблему можно назвать скорее проблемой мулатов, чем негров, потому что в некоторых местах смешанная кровь превышает более темные типы.

Многие мулаты имеют смешанное происхождение, восходящее к началу цивилизации в Северной Америке; ведь раб-негр появился практически сразу после появления белого колониста. Многие негры смешивались (и продолжают смешиваться в Оклахоме) с индейцами, и сегодня можно с удивлением наблюдать среди них ярко выраженные индейские типы. Я никогда не забуду одну женщину, которую я видел в Джорджии - совершенную по линиям, как любая греческая статуя - прямую, стройную, сильную, с гладкими прямыми волосами, высокими скулами индейца, но губами негра. Она явно принадлежала к индейскому типу, но не помнила ничего, кроме негритянского происхождения. В жилах многих негров течет арабская кровь из Африки, в других - кровь португальских работорговцев, ранних испанских авантюристов или французов, обосновавшихся в Новом Орлеане, не говоря уже о всех разновидностях белой американской крови. В своей классификации я насчитал 3 000 000 человек, которые являются "видимыми" мулатами: реальное число тех, в ком течет не негритянская, а арабская, португальская, испанская, французская, индейская кровь, должно быть значительно больше.

Любопытная проблема - цвет кожи. Несколько раз в разных частях страны белые и цветные наблюдатели говорили мне, что негры, даже без примеси белой крови, постепенно становятся светлее - следствие холодного климата, одежды и других причин. Тенденция к такому изменению, адаптация к новой среде, безусловно, согласуется с лучшими научными представлениями, но действительно ли всего лишь столетие или два в Америке привели к отбеливанию черноты тысячелетней жизни в джунглях, должен решить внимательный ученый. Несомненно, что самый темный американский негр намного превосходит коренного африканского негра.

История настоящей африканской женщины

В Монтгомери, штат Алабама, мистер Крейк отвел меня к настоящей африканской женщине, одной из немногих, оставшихся в живых, которые были захвачены в Африке и привезены в эту страну в качестве рабов. Она приплыла на корабле "*Странник*" уже после того, как работорговля была запрещена законом, и была тайно высажена на берег в Мобиле около 1858 года. Это коренастая, энергичная пожилая женщина. Она очень плохо говорит по-английски, и я не смог понять даже этого малого. Она утверждает, как мне сказали, что является дочерью короля в Африке, и рассказывает о трудностях и тревогах океанского плавания. Ее дочь замужем за респектабельным фермером-негром. Мистеру Крейку удалось, несмотря на ее суеверные страхи, уговорить ее сфотографироваться.

И все же всех этих людей со странной кровью условно причисляют к неграм. Помню, однажды я сидел на платформе на большом собрании в Народном тавернакле в Атланте. На собрании присутствовало около 1200 цветных. Один видный белый человек произнес краткую речь, в которой призвал присутствующих негров со смирением принять ограничения, наложенные на них наследственностью, что они негры и что поэтому они

должны смиренно принять место неполноценных. Оглядывая эту аудиторию, в которую входили лучшие цветные люди Атланты, я не мог не спросить себя:

"Что же это за кровь, к которой он взывает?"

Ведь я видел сравнительно мало мужчин и женщин, которых действительно можно было назвать неграми. Некоторые были настолько светлыми, что их невозможно было отличить от кавказцев. Епископ Африканской методистской епископальной церкви, сидевший рядом со мной на платформе, был племянником Роберта Тумбса, одного из великих людей Юга, одного из лидеров Конфедерации. Другой присутствующий был внуком известного сенатора Южной Каролины. Еще несколько человек, о которых я знал, были сводными братьями, сестрами или кузенами более или менее известных белых людей. И я не мог слышать эти призывы к наследственности, не думая о том, что в жилах некоторых из этих мужчин и женщин течет совсем не скромная южная кровь. Насколько бесполезными были подобные советы и как мало они проникали в сердца слушателей, убедительно показало мне впоследствии замечание одного знакомого мулата.

"Они дали нам свою кровь, хотели мы этого или нет, - сказал он, - а теперь просят нас не реагировать на те же амбиции и надежды, что и они. Они дали нам кровь для борьбы и ожидают, что мы не будем бороться".

Отношение представителей смешанной крови к черным неграм

В городах Юга уже давно существуют немаленькие общины мулатов, многие из которых весьма преуспевают. Еще до войны тысячи "свободных цветных" проживали в Чарльстоне, Ричмонде и Новом Орлеане. В таких местах, как Чарльстон, у них было (и до сих пор в какой-то степени есть) свое эксклюзивное общество, которое смотрело на чернокожего негра с предубеждением, равным предубеждению белого человека. Согласно переписи 1860 года, только в Чарльстоне проживал 3441 "свободный цветной человек", из которых 2554 были мулатами. В Новом Орлеане в том же году проживало 9 084 свободных негра, из которых 7 357 были мулатами; и они были настолько далеки в своих симпатиях от рабского населения, что даже выразили поддержку Конфедерации в начале войны.

Но с принятием Прокламации об эмансипации аристократический "свободный цветной человек", составлявший своего рода третье сословие между белыми сверху и черными снизу, утратил свое уникальное положение: черта была проведена против него. Отправляясь на Юг, я ожидал обнаружить большую отчужденность между мулатами и чернокожими. Она действительно существует, но сегодня на Юге ее меньше, чем в Бостоне! Первый же мулат, проповедник из Атланты, с которым я затронул этот вопрос, удивил меня, отрицая, что мулат в какой-либо степени потенциально превосходит настоящего негра: мол, если чернокожему дать те же преимущества и условия, что и мулату, он будет работать так же хорошо, что известность мулата - результат преимуществ, которыми он долгое время пользовался, будучи домашним слугой во времена рабства, имея возможности для образования и дисциплины, которыми чернокожий никогда не обладал. Таков был его аргумент, и в подтверждение он привел мне длинный список черных негров, добившихся успеха или лидерства. Я обнаружил, что Букер Т. Вашингтон и профессор Дю Буа (сами они были мулатами) рассуждали в том же ключе. Другими словами, предрассудки белых людей заставили всех цветных, светлых или темных, объединиться и пробудили во многих отверженных мужчинах и женщинах, которые почти белые, дух, который выражается в страстной защите всего, что является негритянским.

И все же, с каким пафосом! Что это за раса? Дух и идеалы не негритянские: ведь и люди не негры, даже самые темные из них, в том смысле, в каком неграми являются обитатели джунглей Африки. Самый черный из черных американских негров намного опережает своего голого кузена в Африке. Но и они не белые!

Однажды вечером прошлым летом я присутствовал на представлении в Филадельфии негритянской пьесы под названием "Полк Шу-Флай". Слова и музыку к ней написали два умных мулата, Коул и Джонсон, и она была полностью представлена неграми. Публика была большая, в основном состоящая из цветных, и смех был неудержимым. Меня поразило то, что сценаристы выбрали именно негритянскую тему. В пьесе затрагивались два вопроса, вызывающие большой интерес у цветного населения: вопрос промышленного образования и негр-солдат. Это, как мне казалось, было важно: это была попытка обратиться к классовому сознанию негра.

И все же, когда я сидел и смотрел пьесу, я не мог не проникнуться трагизмом так называемого негритянского народа. В труппе были игроки всех цветов кожи, от чернокожих африканцев до мулатов со светлыми волосами и голубыми глазами. Несмотря на столь доблестную попытку подчеркнуть определенные расовые интересы, тот, кто смотрел спектакль, не мог не спросить:

"Что же такое, в конце концов, эта негритянская раса? Что такое негритянский дух? Есть ли он в этом черном африканце или в этом белом американце с каплей темной крови?"

В своем недавнем выступлении цветной священник из Сан-Франциско Дж. Хью Келли сказал:

"Отец моего отца был индейцем из племени черного ястреба, ростом в семь футов. Мать моего отца была ирландкой. Отец моей матери был белым американцем. Ее мать была полнокровной африканкой. Кто же я?"

Жалкое стремление негров быть похожими на белых мужчин

Даже среди тех негров, которые наиболее решительно защищают свою расу, в глубине души есть жалкое желание быть похожими на доминирующего белого мужчину. Это неразумно и неестественно, ведь все внешние возможности для развития открыты для белого человека. Быть цветным - значит быть инвалидом в гонке за теми вещами в жизни, которые люди называют желанными. Помню, как однажды вечером я обсуждал расовый вопрос с группой умных цветных мужчин. Они приводили убедительные доводы в пользу негритянского духа и необходимости для расы постоять за себя, но один из них, говоря о своем друге-мулате, вскользь заметил (то, что подслушивает следователь, часто имеет большее значение, чем то, что он слышит):

"У него волосы *лучше*, чем у меня".

Он имел в виду *более прямые*, более похожие на волосы белого человека.

В тот же вечер другой негр, говоря о цветном человеке со светлыми волосами, сказал:

"Слава богу, он теперь проходит как белый".

В Филадельфии один темный негр так отозвался об одной из цветных церквей, где мулаты занимают главенствующее положение:

"Вы не сможете хорошо провести время, если у вас нет прямых волос".

Это замечание не только указывает на идеал, которого придерживался говорящий, но и показывает линию, проведенную светлокожим человеком против своего более темного собрата.

Точно так же почти всеобщим желанием негров является "жениться на белой"; то есть темнокожий мужчина, если возможно, женится на мулатке, чем светлее, тем лучше. Идеал - белизна: ведь белизна означает возможность, власть, прогресс.

Дайте цветному мужчине или женщине белую кровь, обучите его, пока он не получит представление о больших возможностях жизни, а затем навсегда запирайте его за решеткой цвета, и вы получите все элементы трагедии. Доктор Дюбуа в своей замечательной книге "Души черного народа" ярче, чем любой другой писатель, выразил основное значение этой трагедии. Я прочитал эту книгу перед поездкой на Юг и подумал, что она, конечно, перегружена, что это выражение высококультурного и исключительного мулата, но после встречи со многими неграми я с удивлением обнаружил, насколько правдиво она отражает широкий опыт.

Опыт высокообразованного мулата

Дюбуа рассказывает в этой книге, как он впервые осознал, что он действительно негр. Он был мальчиком в школе недалеко от своего дома в Массачусетсе.

"Что-то, - пишет он, - вбило мальчикам и девочкам в голову купить великолепные визитные карточки - по десять центов за пачку - и обмениваться ими. Обмен был веселым, пока одна девочка, высокая новенькая, не отказалась от моей карточки - отказалась императивно, с оглядкой. Тогда меня с какой-то внезапностью осенило, что я не такой, как остальные; или такой же, может быть, по сердцу, жизни и тоске, но отгороженный от их мира огромной завесой. Впоследствии у меня не возникало желания сорвать эту завесу, пробраться сквозь нее; я относился ко всему, что находилось за ней, с общим презрением и жил над ней в области голубого неба и больших блуждающих теней. Это небо было самым голубым, когда я мог побить своих товарищей на экзамене, или победить их в беге, или даже побить их жилистые головы. Увы, с годами все это прекрасное презрение стало угасать; ведь миры, к которым я стремился, и все их ослепительные возможности принадлежали им, а не мне..... С другими чернокожими мальчиками борьба не была столь яростной; их юность сжималась до безвкусного подхалимства или до молчаливой ненависти к бледному миру вокруг них и насмешливого недоверия ко всему белому; или растрачивалась в горьком плаче: "Почему Бог сделал меня изгоем и чужаком в моем собственном доме? Вокруг всех нас сомкнулись тени тюрьмы: стены, прямые и упрямые для самых белых, но неумолимо узкие, высокие и непреодолимые для сынов ночи, которые должны мрачно брести вперед, смирившись, или биться безрезультатно ладонями о камень, или упорно, полубезуспешно следить за голубой полосой вверх".

Если бы позволило место, я мог бы рассказать много историй, иллюстрирующих ежедневную трагедию, с которой сталкиваются многие мулаты в этой стране, - борьбу, которая не менее трагична из-за своей невнятности. Вот письмо, которое я получил не так давно от профессора-мулата одного из западных негритянских колледжей:

"Мне интересно, как вы отнесетесь к тому вопросу, на который до сих пор только ссылались в своих исследованиях: "Где на самом деле начинается цветовая линия? Что будет с тем

большим классом, частью которого я являюсь, с тем классом, который не является ни белым, ни черным, и в то же время ни тем, ни другим? Нас миллионы, в которых течет кровь обеих рас, и, если наследственность что-то значит, у них есть традиции, чувства и страсти обеих рас. И все же мы черные по имени, по закону, по положению, во всем, кроме лица и фигуры, несмотря на преобладание белой крови. А почему? Конечно, не потому, что мы должны быть такими. Америка - большая страна: в ней легко заблудиться, даже в соседнем штате. Некоторые из нас так и делают, и в некоторых крупных городах Севера этот процесс длится так долго, что мы перестаем об этом думать. Но большинство из нас остается, живет и вершит свою судьбу среди народа, в котором мы родились, часто живя бок о бок с нашими белыми братьями и сестрами. Когда я возвращаюсь в Атланту после двухлетнего отсутствия, я могу, если захочу, сесть в пульман, выйти из главного входа вокзала, поужинать в отеле "Пьемонт", а когда мне надоест быть мистером Хайдом, я смогу прогуляться по Оберн-авеню со своими друзьями в полном блеске доктора Джекила. На самом деле я, несомненно, воспользуюсь привилегией спального вагона, проберусь через боковой вход, сяду на последнее место в вагоне, несмотря на уговоры кондуктора, сразу же отправлюсь к своим друзьям и буду самым собой все время, пока нахожусь там. Я бы не стал белым человеком, если бы мне пришлось. Я хочу быть черным. Я хочу любить тех, кто любит меня. Я хочу помогать тем, кто нуждается в моей помощи. И я знаю сотни таких же, как я: Я знаю и других, которые не такие.

"Интересно, можете ли вы решить: "Где на самом деле заканчивается цветовая линия?"".

Негр, который жил сначала как белый человек, а потом как негр

Когда я был в Филадельфии, я познакомился с интеллигентным негром по имени А. Л. Мэнли, который в настоящее время работает уборщиком в большом многоквартирном доме. Он был связан с движением за хорошее правительство в Филадельфии, являясь лидером клуба цветных мужчин, которые поддерживали партию реформ. Когда я впервые встретил его, я бы не принял его за негра, настолько он бел. Его белым дедом был знаменитый губернатор Северной Каролины Чарльз Мэнли. Он получил образование в Уилмингтоне, штат Северная Каролина, и в Хэмптонском институте. Некоторое время он издавал негритянскую газету в Уилмингтоне, но во время расовых волнений в этом городе несколько лет назад его выгнали, а его имущество уничтожили, а офис сожгли дотла. Прожив год или два в Вашингтоне, он приехал в Филадельфию, где пытался найти работу по своей специальности - маляра и декоратора, но как только он сообщал работодателям, что он цветной, они отказывались брать его на работу, обычно оправдываясь тем, что профсоюзные работники откажутся с ним сотрудничать.

"Поэтому я попробовал быть белым", - говорит он: "То есть я не выдавал того факта, что у меня цветная кровь, и сразу же получил работу в лучших магазинах Филадельфии. Я вступил в профсоюз и не имел никаких проблем".

Но все это время ему приходилось жить, как он говорит, "жизнью проныры". Ему приходилось тайком уходить из дома по утрам и возвращаться в него только с наступлением темноты, чтобы никто не узнал, что его семья (у него есть жена и двое детей) окрашена.

"В конце концов это стало невыносимо, - говорит он, - ни один порядочный человек не мог этого вынести. Я предпочитал быть негром и держать голову, чем быть подлым".

Поэтому он бросил свое ремесло и стал уборщиком. Другими словами, он, как и многие негры на Севере, был вынужден вернуться в разряд домашней прислуги, хотя в его случае эта должность была ответственной и хорошо оплачиваемой.

Таких историй о проблемах мулатов бесчисленное множество; и все же я не хочу сказать, что жизнь мулата - сплошная тень, ибо это не так. Негритянская кровь, где бы она ни текла, несет в себе элемент легкомыслия, который не будет полностью подавлен. Именно этот элемент в немалой степени объясняет выживание негров в этой стране. Там, где индеец погиб из-за неспособности к адаптации, негр выжил благодаря эластичности темперамента: это, пожалуй, высший природный дар негритянской расы. Можно много слышать о неблагоприятных чертах негра, но, безусловно, если судить с любой точки зрения, сила адаптации, проявляемая негром в совершенно чуждой среде, в самых суровых условиях, и его способность процветать и увеличивать численность, даже встречая конкуренцию со стороны доминирующей расы, и продолжать смеяться над своей работой, - это сила, которая в любой расе считалась бы выдающейся.

Почему некоторые светлые мулаты не "переходят в белые"

Однажды я спросил одного очень светлого мулата, почему он не "перешел черту", как они это называют (или "перешел к белым"), и не ушел из своего народа. Его ответ удивил меня, настолько отчетливо прозвучала неожиданная точка зрения.

"Почему, - сказал он, - у белых людей не бывает таких хороших времен, как у негров. Они чопорны и холодны. Они не общительны. Они не смеются".

Вот уж точно критика белого человека! И это подтверждалось любопытной историей, которую я услышал в Мемфисе от мулата, хорошо известного среди цветного населения Теннесси. Несколько лет назад однажды ему вдруг пришло в голову, что он достаточно белый, чтобы где угодно сойти за белого, и он мгновенно принял меры по вдохновению. Он отправился в Мемфис и купил билет первого класса на пароход по реке Миссисипи до Цинциннати. Никто не подозревал, что он цветной; он сидел за столом с белыми людьми и даже занимал комнату в штате с белым мужчиной. Поначалу, по его словам, он с трудом сдерживал свое ликование, но через некоторое время, хотя, по его словам, он разговаривал и курил с белыми людьми, ему стало тоскливо.

"Становилось все холоднее и холоднее", - сказал он.

Вечером он сидел на верхней палубе и, перегнувшись через перила, видел внизу негров-пассажиров и палубных рабочих, которые разговаривали и смеялись. Через некоторое время, когда стало темнее, они начали петь - неподражаемые негритянские песни.

"Это меня добило, - сказал он, - я встал, спустился вниз и занял свое место среди них. С тех пор я негр".

Обычная община белых людей из среднего или рабочего класса часто бывает совершенно бесплодной в плане социального или интеллектуального интереса: она мрачная, сырая, неинтересная. Не так обстоит дело с негритянской общиной. В нескольких городах я пытался проследить социальную жизнь различных группировок, особенно среди мулатов, и был поражен, обнаружив, как много там обществ, часто с громкими названиями, как много церковных дел приходится посещать, как много ужинов и пикников постоянно проходит, как много клубов и тайных обществ поддерживается.

Каждый момент соприкосновения с белой расой становится для негра историей, представляющей особый человеческий интерес. То, как они видят белую цивилизацию со стороны или из-под земли, мягко говоря, не совсем соответствует нашему представлению. Однажды на собрании мулатов я услышал, как обсуждение перешло на истории тех, кто "перешел к белым" - друзей или знакомых присутствующих. Белым людям известны лишь немногие подобные случаи, но негры знают их множество. Из этого разговора (и впоследствии у меня не раз складывалось такое же впечатление) я понял, что существует своего рода заговор молчания, призванный защитить негра, который "переступает черту" и занимает место белого человека. Такие случаи даже вызывают у них ликование, как будто негр таким образом в какой-то мере расквитался с доминирующим белым человеком.

Истории негров, пересекших цветную черту

Не знаю, сколько раз я слышал, как мулаты говорили о французском писателе Дюма как о человеке с негритянской кровью, а также о Роберте Браунинге и Александре Гамильтоне (насколько правдиво, я не знаю). Но больше всего их интересуют случаи в этой стране; и их, должно быть, гораздо больше, чем представляют себе белые люди. Я знаю о десятках таких случаев. Одна известная белая актриса, чье имя я, конечно, не могу назвать, приезжая в Бостон, тайно навещает своих цветных родственников. Один нью-йоркский мужчина, занимающий видное политическое положение в правительстве штата и ставший авторитетом в своей области, - негр. Не так давно он вошел в отель в Балтиморе, и негр-портье, прибежавший взять его сумку, сдержанно сказал:

"Привет, Боб".

Мальчиками они ходили в одну и ту же негритянскую школу.

"Давайте я понесу вашу сумку, - сказал носильщик, - я вас не выдам".

В Филадельфии живет цветная женщина, которая вышла замуж за богатого белого. Конечно, никто из белых не знает, что она цветная, но негры знают и не рассказывают. Время от времени она заезжает в какой-нибудь магазин, бросает карету и пешком идет в дом матери и сестер.

Всего несколько лет назад газеты на день-два заполнились историей о девушке, которая училась в колледже Вассар, а по окончании по чистой случайности выяснилось, что она негритянка. Похожий случай произошел в прошлом году в Чикагском университете с мисс Сеселией Джонсон, которая была лидером в своем классе, членом сораорити Pi Delta Phi и президентом Энглвуд Хаус, эксклюзивного клуба для девушек. Она была сестрой известного негритянского политика из Чикаго.

Газета "Чикаго Трибьюн", опубликовав статью о том, что мисс Джонсон сохранила в тайне свое происхождение, извинилась за огласку следующими словами:

Tribune приносит это возмещение спонтанно и в качестве простого акта справедливости.

В мисс Джонсон нет ни малейшей тайны. Ее жизнь была открытой книгой. Она отличилась в школе и университете, и в ее карьере не было ни одного изъяна, который мог бы ослабить любовь ее близких друзей или уважение, с которым к ней относятся знакомые.

Некоторые известные мне мулаты, один из которых - видный брокер с Уолл-стрит, "перешли черту", заявив, что они мексиканцы, бразильцы, испанцы или французы; один говорит, что он

армянин. Под чужим именем их охотно принимают среди белых людей там, где, будучи неграми, они были бы мгновенно отвергнуты. Никто, конечно, не может оценить количество мужчин и женщин с негритянской кровью, которые таким образом "перешли на сторону белых"; но оно должно быть большим.

Продолжается ли слияние рас?

Один из первых вопросов, который всегда возникает в отношении мулатов, - продолжается ли смешение кровей, увеличивается оно или уменьшается. Другими словами, продолжается ли смешение рас и в какой степени?

Браки между расами запрещены законом во всех южных штатах, а также в следующих северных и западных штатах: Аризона, Калифорния, Колорадо, Делавэр, Айдахо, Индиана, Миссури, Небраска, Невада, Оклахома, Орегон и Юта. Во всех остальных северных и западных штатах браки между представителями разных рас являются законными.

И все же законы о браке, насколько они влияют на реальную проблему слияния, почти ничего не значат. Во времена рабства между расами не существовало законных браков, и все же смешение кровей было широко распространено. Совокупление было распространенной практикой: мулатка стоила в денежном эквиваленте больше, чем чернокожий. Большая часть мулатов, живущих сейчас в стране, ведет свое происхождение именно от таких отношений.

И такая практика рабских дней не прекратилась мгновенно с бумажной прокламацией об освобождении, как и многие другие обычаи и привычки, выросшие из веков рабских отношений. Это медленный процесс, выход из рабства, как для белых, так и для черных.

Я навел справки во всех частях Юга, как среди белых, так и среди цветных, и обнаружил сильные и быстро растущие настроения против того, что на Юге называют "мисцегенизацией". В течение многих лет белые мужчины во многих общинах, часто видные судьи, губернаторы, богатые плантаторы, практически не скрывали, что у них есть негритянская семья, так же как и белая.

ТИП НЕГРИТЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

Наборщица в Атланте. Многие негритянские девушки начинают заниматься стенографией, бухгалтерией, портновским делом, мельничным делом и другими профессиями.

СТУДЕНТКА-МУЛАТКА

В университете Кларка, Атланта. По окончании учебы эта девушка займется миссионерской работой в Африке.

МИСС СЕСЕЛИЯ ДЖОНСОН

Мулатка, которую легко можно было принять за белую. Она была лидером в своем классе в Чикагском университете.

И эта практика еще далеко не изжита. Каждый южный город знает о подобных случаях, а зачастую и о многих из них. И многие дети мулатов сегодня являются сыновьями и дочерьми белых мужчин, часто занимающих важное положение в своих общинах. В одном из городов я услышал, как белый человек с большой горечью выражал свои чувства против негритянской расы, утверждая, что негров нужно держать в узде, иначе это приведет к смешению белой расы. На следующее утро, по воле случая, другой белый, с которым я гулял, указал мне на аккуратный коттедж - дом негритянской семьи того белого, который разговаривал со мной накануне вечером. И я увидел во дворе цветных детей этого человека!

Лучшие слои населения Юга прекрасно знают об этих условиях и начинают смело выступать против них. На собрании в методистской церкви на Корт-Стрит в Монтгомери, штат Алабама, в 1907 году доктор Дж. А. Райс, пастор, сделал такое заявление, показательное в своем бесстрашии и свидетельствующее об изменении настроений:

"Я колеблюсь, прежде чем сделать еще одно заявление, которое слишком правдиво. Я колеблюсь, потому что боюсь, что, сказав его, буду обвинен в сенсационности. Но даже рискуя подвергнуться такому обвинению, я скажу, ибо это должно быть сказано, что в городе Монтгомери четыреста негритянок, которых поддерживают белые мужчины".

На следующее утро это заявление было опубликовано в газете *Montgomery Advertiser*.

Можно также сказать, что эти 400 случаев в городе с населением 35 000 человек не представляют собой состояние простого порока. Многие из женщин вполне обеспечены и имеют семьи с детьми. Порок полностью отличен от этой системы наложничества; ведь в Монтгомери есть тридцать два негритянских притона, работающих под патронажем белых - об этом говорит и заявление доктора Райса, процитированное в "Монтгомери Адвертайзер".

Пропорция таких случаев в некоторых менее прогрессивных южных городах даже сегодня почти ужасает: и в то самое время, когда ораторы и писатели обрушиваются на мулатов за его тревожное расовое лидерство и беспокойное стремление к политическим и другим правам, и в то время как они заявляют о недопустимости слияния и смешения, мулатское население увеличивается. Стремясь удержать негра на его месте, Юг все больше и больше превращает его в белого человека.

Попытка остановить мисцегенацию

Среди женщин Юга, что вполне естественно, чувства, вызванные подобной практикой, были особенно горькими. Вот замечательная просьба, опубликованная в *Times-Democrat* 21 июня 1907 года за подписью "Женщина".

Не будете ли вы так любезны опубликовать нижеследующее, не прикрепляя мою подпись и не разглашая ее каким-либо образом? У меня есть несколько братьев, которые достаточно стары, чтобы впасть в нервную прострацию, увидев мое имя, подписанное таким нескромным письмом, но я думаю без их помощи и надеюсь, ради мира в моей семье, что они не узнают меня в печати.

Я - жительница большого города в дельте реки Язу-Миссисипи, где распространено смешанное поколение, где, если мужчина изолирует себя от женского общества, первый и единственный вывод, который напрашивается, - "у него есть своя женщина" в седле, более сумрачного оттенка. Этот вывод верен почти без исключений. Если бы какая-нибудь смелая женщина, не боясь прослыть Кэрри Нейшн, провела перепись населения в дельтовых округах Миссисипи, она обнаружила бы столько случаев неправильного скрещивания и образовавшихся в результате этого беспородных семей, что склонила бы голову от стыда за "цветок южного рыцарства", погибший в бозе.

Пробужденная чувством ужаса перед этими условиями, такая сильная газета, как "Нью-Орлеан *Таймс Демократ*", проводит кампанию за принятие законов, которые должны наказывать белого человека, поддерживающего незаконные отношения с неграми. На протяжении многих лет в законодательных органах нескольких штатов предпринимались попытки (отчасти успешные) принять такое законодательство, но практика настолько прочно укоренилась, что многие из них потерпели неудачу.

15 февраля 1906 года газета "*Таймс-Демократ*" изложила суть дела в более резких выражениях, чем я осмелился бы сделать:

Это общественный скандал, что в Луизиане нет такого закона (против кровосмешения), и что разрыв кровосмесительных пар должен быть предоставлен толпе. Неспособность принять подобный закон приписывают белым дегенератам, людям, которые осуждают социальное равенство, но практикуют его, людям, которые более опасны для своей расы, чем самый зажигательный негритянский оратор и проповедник социального равенства, и которым удалось с помощью своего рода законодательной хитрости загнать в угол или убить законопроекты, предназначенные для защиты Луизианы от возможной опасности. Такие люди должны предстать перед жителями штата в своем истинном обличье.

Таким образом, становится ясно, насколько глубока проблема. И все же, следя за редакционными статьями многих южных газет, я был поражен, увидев, как люди начинают высказывать свое мнение. Вот редакционная статья из газеты *Star of Monroe*, штат Латинская Америка:

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ СМЕШЕНИЯ

Не может быть большей беды для жителей любой общины, чем то, что общественные настроения допускают и терпят это растущее и разрушительное преступление мискенизации, но во многих городах и поселках Луизианы, особенно в Луизиане, сегодня белые мужчины сожительствуют с негритянками, у которых милые и любящие семьи. Это преступление становится почти невыносимым и должно вызывать румянец стыда на щеках каждого мужчины, который осмеливается выставлять напоказ свои низменные и унижительные представления о морали в глазах уважающих себя мужчин и женщин.

В январе 1907 года окружной прокурор Дж. Х. Карри в суде судьи Кохрана в Меридиане, штат Миссисипи, выступил перед присяжными с речью о том, что он назвал "проклятием мисцегенации". В ходе своей речи он сказал:

"Проклятая тень смешения сегодня висит над Югом, как адская пелена. Мы много говорим о негритянском вопросе и всех его возможных разветвлениях и последствиях, но, господа, беда не за горами. Наши собственные люди, наши белые мужчины со своими черными наложницами, разрушают целостность негритянской расы, создают угрозу для белой расы, понижают стандарты обеих рас и готовят почву для беспорядков, толпы, преступных нападений и, наконец, смертельной борьбы за расовое превосходство. Беда подстерегает нас самих. Мы достаточно долго терпели это преступление, и если наша страна не управляется политикой, а не законом, то настало время восстать и осудить этот грех земли".

Создана Лига против мисцегенации

Сильные мужчины и женщины в нескольких штатах начали объединяться против этого зла. В мае (1907 г.) в Фрэнсисвилле, штат Лаос, было созвано собрание, чтобы организовать борьбу с тем, что один из выступавших, мистер Уиклифф, назвал "желтой опасностью" Юга. Он сказал, что "каждый человек, знакомый с условиями в нашей среде, знает, что огромный рост числа лиц смешанной крови вызван тем, что мужчины белой расы открыто держат негритянок в качестве наложниц". Из этого собрания выросла организация, призванная помочь искоренить это зло. Примерно в то же время в Висксбурге, штат Миссис, состоялось массовое собрание, на котором была создана Антимисцегенная лига.

Ненависть и страх перед такими отношениями быстрее всего распространяются, конечно, среди лучших слоев белого населения. Класс белых мужчин, вступающих в связь с негритянками, в настоящее время гораздо ниже, чем пять или десять лет назад, или чем во времена рабства.

И негры, со своей стороны, также пробуждаются к серьезности этой проблемы. В нескольких негритянских общинах я обнаружил женские клубы и другие организации, которые пытаются, пусть слабо, но существенно, остановить зло со своей стороны. Это ужасная трясина, из которой нужно выбираться. Негритянские женщины, и особенно более красивые и умные из них, окружены искушениями, с которыми трудно справиться. В негритянских общинах, особенно деревенских, велась и ведется борьба за установление моральных норм, которые сделают такие отношения с белыми мужчинами непопулярными. В некоторых местах сегодня негритянские наложницы белых мужчин принимаются в негритянских церквях и среди негров в целом, и их скорее почитают, чем подвергают остракизму. Они часто являются одними из самых умных негритянок, у них лучшие дома и больше денег, которые они могут пожертвовать на нужды своих церквей. Они гордятся своими светлокожими детьми. И все же, по мере того как негры начинают получать образование, в них развивается острая ненависть к этим условиям, и полный отказ лучших негритянских семей от любых белых ассоциаций отчасти объясняется страхом перед подобными соблазнами. Я никогда не забуду горечь, прозвучавшую в ответе цветного кузнеца, у которого было несколько красивых девушек. Я в шутку сказал ему:

"Полагаю, вы собираетесь отправить их в колледж".

"С какой стати?" - спросил он. "Что в этом хорошего? Выучу их жить с каким-нибудь белым мужчиной!"

Трагедия негритянской девушки

Один мой друг, южанин по происхождению, рассказал мне историю о том, как ему довелось побывать в Нэшвилле, куда он отправился, чтобы выступить с речью в университете Фиска, негритянском колледже. Возвращаясь домой в темноте, он случайно оказался рядом с двумя девушками-мулатками, которые были на лекции. Они обсуждали ее. Одна из них сказала:

"Ну, это бесполезно. Для желтокожей девушки здесь нет шансов. Либо уезжать с Юга, либо как обычно".

В этом замечании заключался целый мир горького знания условий.

Действительно, удивительно, что негры начали развивать моральные нормы так быстро, как они это сделали. Ведь на Юге мало кто *ожидает*, что цветная девушка будет нравственной: все направлено против ее нравственности. Во-первых, домашняя жизнь огромной массы негров все еще примитивна. Они теснятся в одной-двух комнатах, у них нет представления ни об уединении, ни о приличиях. Девушки становятся добычей не только белых мужчин, но и мужчин своей собственной расы. Во многих случаях перед их глазами стоит высший идеал - изысканно одетая, преуспевающая наложница белого мужчины. Более того, почти во всех южных городах дома проституции находятся в негритянском квартале. В Монтгомери, штат Алабама, я видел такие заведения в уважаемых негритянских кварталах, против которых негритянское население неоднократно и с горечью возражало городским властям, но безрезультатно. Влияние таких мест порока на негритянских детей точно такое же, как и на белых. Точно так же, хотя это кажется невероятным, негритянские школы в нескольких городах были построены в районах, где царит порок. Я видел прекрасную новую кирпичную школу для цветных детей в Луисвилле, расположенную на одной из самых отвратительных улиц города. Такие же условия окружают, по крайней мере, одну цветную школу, которую я видел в Новом Орлеане.

И все же Юг, допускающий такое обучение пороку, удивляется негритянской безнравственности и бьется в конвульсии по поводу изнасилования. Требуя от негра самоограничения, белые подают пример безнравственности и несдержанности во всех отношениях, начиная с наложничества. Они сеют вихрь и не ждут урожая!

Когда цветная девочка вырастает, она идет на службу в белую семью, где либо спит во флигеле (сохранившаяся старая система негритянских "кварталов"), либо уходит домой на ночь. В любом случае хозяйка редко обращает хоть малейшее внимание на ее поведение в этом вопросе. Я разговаривал с женщиной с сайта, прекрасным образцом старого джентльмена, которая с откровенностью выразила распространенное на Юге убеждение.

"Мы не считаем, - сказала она, - что у негров есть хоть какая-то мораль". На севере, где я гостила этим летом, я была поражена, увидев женщин с цветными слугами, которые присматривали за ними, пытаясь удержать их ночью и предотвратить шалости. Мы никогда этого не делаем, мы знаем, что это бесполезно".

Можно представить, как трудно в такой атмосфере неграм выработать моральные нормы или жить достойно. Если в этом мире когда-либо и была человеческая трагедия, то это трагедия негритянской девочки.

Отношения между белыми мужчинами и негритянками

Незаконные отношения между представителями разных рас не проходят бесследно, не вызывая у многих мук совести. Разница в цвете кожи также не всегда заглушает глубокие

чувства человеческого сердца. Несмотря на законы и цветовые границы, человеческая природа, где бы она ни находилась, глубоко одинакова. Наведя справки в цветных колледжах, я с удивлением обнаружил, что почти во всех из них мулаты получают образование, причем хорошее, от своих белых отцов. Их много в Университете Атланты, Таскиги, Хэмптоне, Фиске - в общем, во всех колледжах. А колледж Уилберфорса, следующий после Университета Линкольна в графстве Честер, штат Пенсильвания, старейшее негритянское учебное заведение в стране, основанное в 1856 году, во времена рабства в значительной степени поддерживался белыми южанами, которые чувствовали моральный долг дать образование своим цветным сыновьям и дочерям. Большие фермы в окрестностях Уилберфорса (близ Ксении), которые я посетил, изначально были куплены южными рабовладельцами для своих детей-мулатов, чтобы они могли уехать с Юга и вырасти в свободном штате. Некоторые из этих детей-мулатов, получивших образование на латыни и греческом, имея слишком много денег и мало дел, отправились напрямик к дьяволу, в то время как другие сохранили свою собственность, и она до сих пор находится в руках их потомков.

Таким образом, отношения между белыми мужчинами и негритянками и сегодня, хотя брак запрещен законом, порой поражают выражением самых глубоких чувств человеческого сердца. Я никогда не забуду историю одного такого случая из многих, которые я слышал на Юге. Я не называю имен в этом случае, хотя история широко известна среди жителей этой части Алабамы. В городе живет известный плантатор, который раньше состоял в штате губернатора штата. У него не было белой семьи, но все знали, что он живет с женщиной-мулаткой и воспитывает цветную семью. Когда мальчики и девочки подросли, он отправил их в университет Атланты, в Таскиги и в семинарию Спеллмана, снабдив их большим количеством денег. Он также оплачивал учебу сестры своей жены.

Год или около того назад его мулатка-"жена" умерла, и он был убит горем. Он послал за своими мальчиками, чтобы они пришли из колледжа, и дал понять, что ему будет что сказать на похоронах. Поэтому многие белые и цветные пришли на похороны и последовали за телом негритянки на кладбище. У могилы генерал вышел вперед и поднял руку.

"Сегодня я хочу сказать только одно слово. Эти дети, которые находятся здесь, всегда носили имя своей матери. Сейчас, перед всеми этими людьми, я хочу признать их своими детьми, и отныне они будут носить мое имя. Я также хочу сказать, что эта женщина, которая лежит здесь, была моей женой, не по закону, но в глазах Бога. Я признаю ее. Это долг, который я должен исполнить не только перед этой женщиной, но и перед Богом. Когда я оставлю свое имущество, я оставлю его этим детям и прослежу, чтобы оно досталось им".

Межрасовые браки на Севере

Вот вам и условия Юга. Как обстоят дела на Севере, где межрасовые браки не запрещены законом?

В 1903 году, во время острой политической кампании в Миссисипи, сенатор США Мани неоднократно заявлял, что в Массачусетсе за предыдущий год, поскольку там не было законов, отделяющих негров и предотвращающих межрасовые браки, 2000 белых женщин вышли замуж за негров. Я слышал отголоски статистики сенатора Мани в нескольких местах на Юге.

Я тщательно изучил факты в нескольких северных городах и с удивлением обнаружил, как мало на самом деле межнациональных браков.

Если бы количество межнациональных браков на Севере значительно увеличивалось, то Бостон, являющийся городом, где существует меньше всего расовых предрассудков и где доля мулатов самая большая, показал бы это наиболее наглядно. На самом деле, в 1902 году, когда, по данным сенатора Мони, 2000 белых женщин вышли замуж за цветных мужчин, в Бостоне, где проживает большая часть негритянского населения Массачусетса, было заключено всего двадцать девять межрасовых браков.

Хотя негритянское население Бостона неуклонно растет, количество межрасовых браков, которое оставалось примерно неизменным с 1875 по 1890 год, с 1900 года стремительно сокращается. Вот точные цифры, приведенные отделом регистрации:

МЕЖРАСОВЫЕ БРАКИ В БОСТОНЕ

	Жених Цветные Невеста Белый	Жених Белый Невеста Цветные	Всего Смешанные Браки
1900	32	3	35
1901	30	1	31
1902	25	4	29
1903	27	2	29
1904	27	1	28
1905	17	2	19

В Бостоне и других северных городах я наводил справки о конкретных случаях межнациональных браков.

Есть два класса случаев: во-первых, те, кого можно назвать интеллектуалами; высокообразованные мулаты, которые женятся на образованных белых женщинах. У меня есть история нескольких таких браков, но здесь не хватит места, чтобы рассказать о действительно интересных историях жизни, которые выросли из них. У одного из самых известных негритянских профессоров в стране белая жена. Я видел дом, где они живут в почти идеальной обстановке. Врач-мулат из южного городка женился на белой девушке, выпускнице колледжа Уэлсли; у них были проблемы на Юге, они "перешли на сторону белых" и теперь живут на Севере. У них двое детей. Негр-бизнесмен из Бостона имеет белую жену; недавно они отметили двадцать пятую годовщину своего брака.

МРС. БУКЕР Т. ВАШИНГТОН

Фотография Clinedinst

МРС. РОБЕРТ Х. ТЕРРЕЛЛ

ДВЕ ВЕДУЩИЕ ЖЕНЩИНЫ НЕГРИТЯНСКОЙ РАСЫ

Но такие случаи редки. В подавляющем большинстве браков белые женщины принадлежат к низшим слоям общества. Это немки, ирландки или другие иностранки, респектабельные, но невежественные. Насколько я могу судить, изучив ряд таких случаев, их домашняя жизнь столь же счастлива, как и у других людей, принадлежащих к тому же слою общества. Но белая женщина, вышедшая замуж за негра, быстро теряет надежду: она подвергается остракизму со стороны белых людей, и хотя она находит определенное место среди негров, ее даже не сразу принимают как негритянку. Короче говоря, она отрезана от обеих рас. Когда я был в Ксении, мне рассказали о случае, когда белый мужчина был арестован за сожительство с негритянкой. Судья заставил его жениться на негритянке, что было самым страшным наказанием, которое он мог придумать!

По этой причине, хотя в большинстве северных штатов нет законов, запрещающих смешанные браки, и хотя негритянское население растет, число межнациональных браков не только не увеличивается, но во многих городах, как, например, в Бостоне, уменьшается. Это непопулярный институт!

Ни одна из фаз расового вопроса не вызывала более ожесточенных дискуссий, чем мулатская, особенно в отношении сравнительной физической силы и интеллекта чернокожих негров и мулатов - тема, которая не может быть здесь затронута.

Большинство лидеров негритянской расы - мулаты

Из собственных наблюдений я знаю следующее: большинство ведущих людей современной расы во всех сферах деятельности - мулаты. И Букер Т. Вашингтон, и доктор Дюбуа - мулаты. Фредерик Дуглас был мулатом. Самые выдающиеся литераторы, Чарльз Чеснатт и Уильям Стэнли Брейтуэйт, - мулаты; самый выдающийся художник расы, Г. О. Таннер, чьи картины были в Люксембурге и который сделал честь американскому искусству, - мулат. И судья

Террелл, и его жена, Мэри Черч Террелл, член Школьного совета Вашингтона, - мулаты. С другой стороны, есть и заметные исключения из правил. У. Т. Вернон, реестр Казначейства Соединенных Штатов, и профессор Келли Миллер из Вашингтона, один из самых способных людей своей расы, оба выглядят как полнокровные негры. Пол Лоуренс Данбар, поэт, был несомненным негром, как и Дж. К. Прайс, блестящий оратор, как и М. К. Б. Мейсон, секретарь Южного общества помощи методистской церкви.

Полнокровные негры часто показывают блестящие результаты в школе и колледже, даже по сравнению с белыми мальчиками. По заключению Хэмптонского института, вынесенному после многолетних тщательных наблюдений, между светлыми и темными неграми нет никакой разницы в способностях. Привожу цитату из *"Южного рабочего"*, издаваемого в Хэмптоне:

Вопрос о сравнительном интеллекте светлых и темных негров - это вопрос, который нелегко решить. После долгих лет наблюдений записи Хэмптона показывают, что примерно равное количество мулатов и чистокровных негров добились успехов в учебе и на работе. Вполне вероятно, что светлые студенты обладают определенной быстротой, которая не свойственна темным, а среди чернокожих есть сила выносливости, которая не свойственна их светлым собратьям.

Что касается сравнительной успеваемости светлых и темных негров после окончания школы, то данные настолько запутаны, что я не осмеливаюсь делать обобщения: этот вопрос должен оставить великий ученый-социолог, который посвятит всю жизнь этой интереснейшей проблеме человеческой жизни.

ГЛАВА IX

ЛИНЧЕВАНИЕ НА ЮГЕ И СЕВЕРЕ

Большинство исследований для этой книги было проведено в 1906, 1907 и 1908 годах, но я изучал тему самосудов на юге и севере осенью 1904 года. С тех пор чувство неприятия мести толпы набирало силу по всей стране, и количество линчеваний неуклонно снижалось. Но их число по-прежнему ужасает, а многие недавние случаи, особенно в "черном поясе", сопровождаются жестокими эксцессами. Мои исследования, сделанные четыре года назад, типичны для нынешних условий; я действительно подтвердил их, проведя в прошлом году (1907) несколько тщательное изучение двух или трех недавних случаев.

Закон Линча достиг своего апогея в конце восьмидесятых и начале девяностых годов. За шестнадцать лет с 1884 по 1900 год число линчеванных в Соединенных Штатах составило 2 516 человек. Из них 2 080 - в южных штатах и 436 - в северных; 1 678 - негры и 801 - белые; 2 465 - мужчины и 51 - женщины. Здесь я использую общепринятые (фактически единственные) статистические данные, собранные газетой *"Чикаго Трибьюн"*. Чтобы показать постепенный рост настроений против самосуда, я не могу сделать ничего лучше, чем привести данные о линчеваниях за несколько лет подряд:

1891	192	1900	116
------	-----	------	-----

1892	235	1901	135
1893	200	1902	96
1894	190	1903	104
1895	171	1904	87
1896	131	1905	66
1897	166	1906	73
1898	127	1907	56
1899	107		

Прежде чем я перейду к рассмотрению конкретных случаев, анализ линчеваний за 1906 и 1907 годы поможет показать, в каких штатах чаще всего применяется самосуд и за какие преступления чаще всего совершаются линчевания. Миссисипи, Алабама, Луизиана и Джорджия - штаты "черного пояса" - имеют наихудшие показатели, и приведенные здесь цифры не включают людей, убитых во время беспорядков в Атланте, которые добавили бы двенадцать к показателю Джорджии за 1906 год:

Ниже приводится сравнительное количество линчеваний за два года.

Штат	1907	1906
Алабама	13	5
Арканзас	3	4
Колорадо	-	1
Флорида	-	6
Джорджия	6	9
Индейская территория	2	1
Айова	1	-
Кентукки	1	3
Луизиана	8	9
Мэриленд	2	1
Миссисипи	12	13
Миссури	-	3
Небраска	1	-
Северная Каролина	-	5
Оклахома	2	-
Южная Каролина	1	2
Теннесси	1	5
Техас	3	6
Итоги	56	73

Из тех, кого линчевали в 1907 году, 49 были мужчинами-неграми, три женщины-негритянки и четыре белых мужчины. По методам:

Повешение	31
Застрелены до смерти	17

Повешен и расстрелян	3
Расстреляны и сожжены	2
Избиты до смерти	1
Пинали до смерти	1

Преступления, за которые линчевали этих мужчин и женщин, варьируются от кражи семидесяти пяти центов и разговоров с белыми девушками по телефону до изнасилований и убийств. Вот список:

За то, что был отцом мальчика, который толкал белых женщин	1
За победу над белым мужчиной в драке	1
Покушение на убийство	5
Убийство жены	1
Убийство мужа и жены	1
Убийство жены и пасынка	1
Убийство любовницы	1
Непредумышленное убийство	10
Соучастие в убийстве	1
Изнасилование	8
Попытка изнасилования	11
Изнасилование собственной падчерицы	1
За то, что была женой и сыном насильника	2
Защита беглеца от полицейских	1
Разговаривает с белыми девушками по телефону	1
Выражение сочувствия жертве мафии	3
Трехдолларовый долг	2
Кража семидесяти пяти центов	1
Оскорбление белого человека	1
Ограбление магазина	3

В ходе своего исследования я посетил четыре города, где происходили линчевания: два на юге - Стейтсборо (штат Гавайи) и Хантсвилл (штат Алабамы); и два на севере - Спрингфилд (штат О.) и Дэнвилл (штат Иллинойс).

I.- ЛИНЧЕВАНИЕ НА ЮГЕ

Стейтсборо (штат Гавайи), где 16 августа 1904 года при самых шокирующих обстоятельствах были заживо сожжены два негра, - экономный окружной центр, расположенный примерно в семидесяти милях от Саванны.

На протяжении ста лет здесь существовало поселение, но только после того, как жители открыли для себя богатства скипидарных лесов и хлопковой промышленности морских островов, город стал весьма процветающим. С 1890 года его население удваивалось каждые пять лет, и в 1904 году здесь проживало около 2 500 человек. Большая часть города

построена недавно. На городской площади стоит прекрасное, новое здание суда, новые церкви, большая, новая академия, новая система водоснабжения, телефоны, электрическое освещение, бесплатная доставка в сельской местности - повсюду признаки улучшения и прогресса. Это явно город Нового Юга, развитый почти исключительно энергией южан и на деньги южан. Его население - чистые американцы, в основном выходцы из Каролины, Джорджии и Вирджинии. Около 70 процентов жителей являются прихожанами церквей - баптистов, пресвитериан и методистов, и за двадцать пять лет в городе не было ни одного салуна, а случаи пьянства случаются редко. Здесь нет нищих и практически нет бродяг. Богадельню, построенную несколько лет назад, пришлось продать, потому что в нее никто не ходил. Фермы небольшие, в большинстве своем и принадлежат самим фермерам; только 8 процентов из них заложены. Есть школы как для белых, так и для цветных детей, хотя учебный год короткий, а образование не является обязательным.

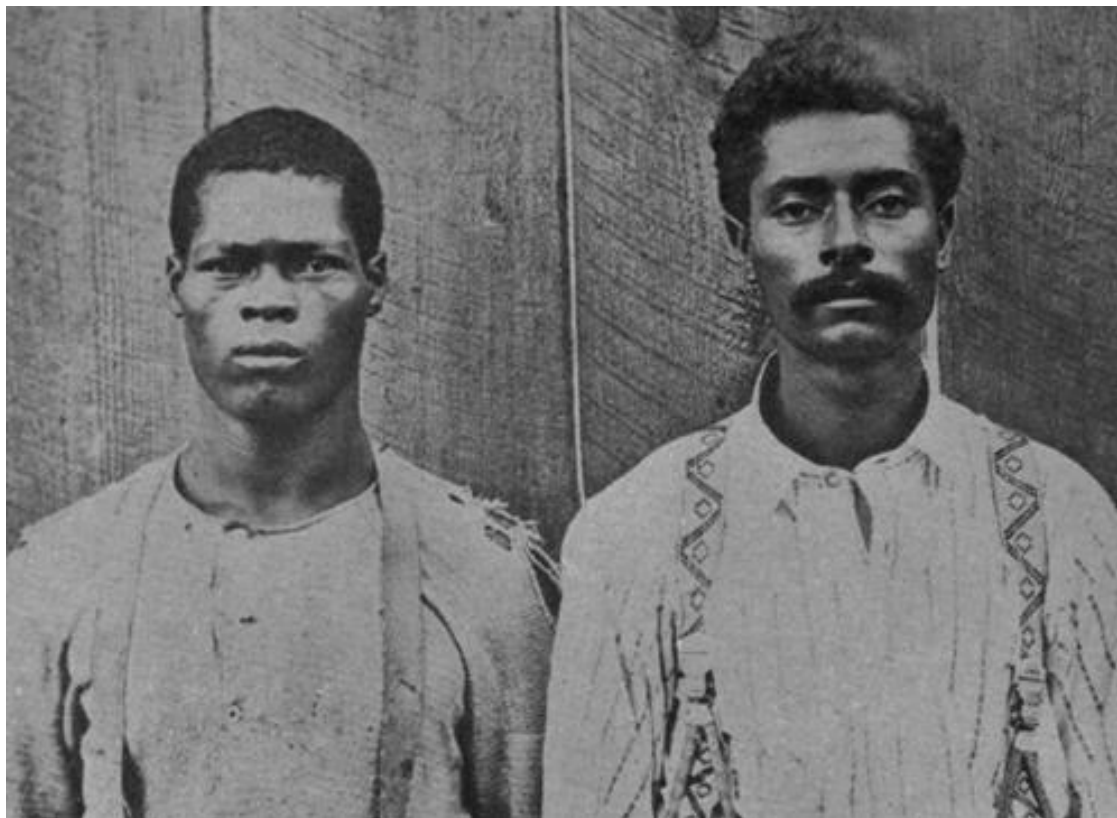
Одним словом, это здоровый, умеренный, прогрессивный американский город - провинциальный, уважающий себя, амбициозный, с хорошим будущим - будущим Нового Юга.

Характер негритянского населения

Около 40 процентов населения округа составляют негры. Здесь, как и везде, можно найти два совершенно разных типа негров - такие же разные, как и классы белых людей. Первый из них - уважающий себя негр-резидент. Иногда он является землевладельцем, чаще - арендатором; его знают белые люди, он работает у них и пользуется их доверием. В Стейтсборо, как и на большей части Юга, значительная часть негров относится к этому лучшему классу. С другой стороны, повсюду можно встретить множество так называемых "никчемных негров", возможно, растущий класс, которые кочуют из города в город, выполняя черновую работу, не имея постоянного места жительства и не будучи известными белому населению в целом. Скипидарная промышленность привела многих таких негров в окрестности Стейтсборо. Живущие в лесах рядом со скипидарными заводами, обычно невежественные и ленивые, они и все им подобные, как в сельской местности, так и в городе, вдвойне несчастны, вступая в контакт в основном с более бедным классом белых людей, которых они часто встречают как промышленных конкурентов.

Опасность от плавающего негра

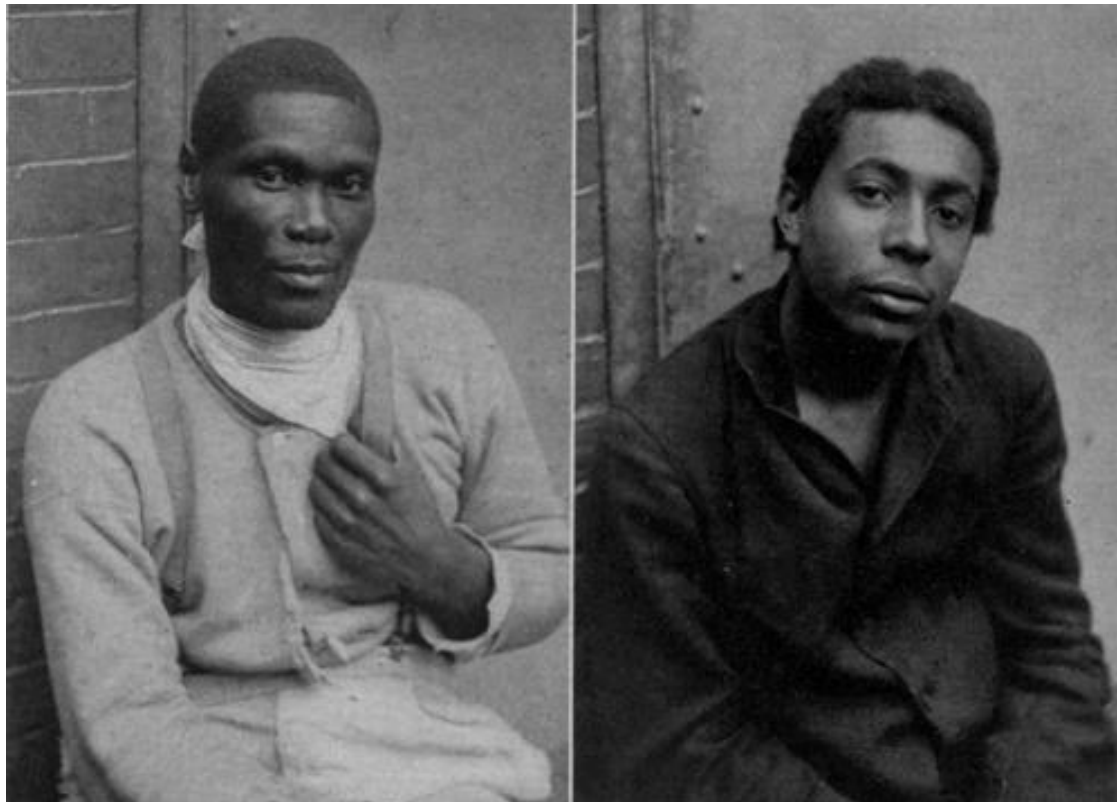
Во всех городах, которые я посетил, как на юге, так и на севере, я обнаружил, что больше всего проблем доставляет этот плавающий, никчемный негр. Он бродит по дорогам днем и ночью; он ворует; из-за него женщинам небезопасно путешествовать в одиночку. Иногда он ходит в школу достаточно долго, чтобы немного читать и писать свое имя, и этого образования достаточно, чтобы заставить его возненавидеть тяжелый труд на полях и стремиться к лучшему, но не дать ему решимости заработать его. Он почти не заботится о семейных отношениях и домашней жизни, а когда совершает преступление или ему надоедает одна местность, он отправляется, ничем не обремененный, искать новые поля, оставляя жену и детей без малейшего сожаления.

ПОЛ РИД

УИЛЛ КАТО

Негры, которых линчевали и сожгли заживо в Стейтсборо, штат Джорджия

НЕГРЫ ПРЕСТУПНОГО ТИПА

Фотографии, сделанные в тюрьме Атланты

Уилл Джонсон, арестован, обвиняется в

Люциус Фрейзер, проникший в дом

Нападение на лагерь.

в жилом районе Атланты.

Примерно в шести милях от города Стейтсборо жил Генри Ходжес, зажиточный плантатор. У него была хорошая ферма, он управлял тремя плугами, как говорят в хлопковой стране, и, по слухам, у него были припрятаны деньги. Выходец из старинной семьи, он был широко известен в округе Баллок, а его дружелюбие и доброта обеспечили ему и его семье большой круг знакомых. Семейные узы и дружеские связи в старых общинах, подобных тем, что существуют на Юге, имеют гораздо большее значение для формирования общественного мнения и решения политических и социальных вопросов, чем в новых и неоднородных общинах Севера.

Юг все еще остается, насколько это касается белого населения, малозаселенной страной. Фермеры часто живут далеко друг от друга, дороги не слишком хороши. Дом Ходжесов находился в уединенном месте, ближайшие соседи - негры, на расстоянии почти полумили. В радиусе трех четвертей мили не проживало ни одного белого человека. Ходжес воспитывался среди негров, нанимал их на работу, был добр к ним. Одному из негров, подозреваемому в соучастии в последующем убийстве, он одолжил свое ружье; другой, которого впоследствии линчевали, пришел к нему домой в ночь перед убийством, намереваясь ограбить его, и Ходжес дал ему бутылку скипидара, чтобы вылечить "змеиную траву".

История убийства

Днем 29 июля 1904 года мистер Ходжес поехал в соседский дом, чтобы привести свою девятилетнюю девочку из школы. Ни один белый фермер на Юге, особенно в таких малонаселенных районах, как округ Буллок, не осмелится позволить женщине или девочке из своей семьи выйти куда-то одной, опасаясь преступного негра.

"Вы не знаете и не можете знать, - сказал мне один грузин, - что значит здесь жить в постоянном страхе, чтобы на вашу жену или дочь не напали на дороге или даже в ее доме". Многие женщины в городе Стейтсборо не осмеливаются выходить во двор после наступления темноты. Каждый белый плантатор знает, что для его дочерей всегда существует опасность посетить даже ближайшего соседа или для его жены пойти в церковь без мужчины, который мог бы ее защитить".

Необходимо понять эту точку зрения, чтобы составить верное суждение об условиях на Юге.

Когда в тот вечер Ходжес приехал к себе домой, было уже темно. Маленькая девочка побежала к матери, отец отправился в сарай. Там его встретили два негра, а может, и больше, и выбили ему мозги камнем и скобой для коляски. Услышав шум, миссис Ходжес выбежала с фонарем и поставила его на столб ворот. Негры подкрались - насколько можно судить по противоречивым рассказам и признаниям - и убили ее в дверях с особой жестокостью. Многие преступления, совершенные неграми, отличаются почти звериной свирепостью. Возбуждвшись до убийственной ярости, негр не ограничивается простым убийством; он наносит жертве синяки и побои, лишая ее всякого подобия человечности. На мгновение, под воздействием страсти, он, кажется, полностью возвращается к дикости.

Негры вошли в дом и разгромили его в поисках денег. Маленькая девочка, которая, должно быть, была до крайности напугана, спряталась за сундук; двое младших детей, один -

двухлетний, другой - совсем младенец, лежали на кровати. Не найдя денег, негры вернулись в свои дома. Здесь они, очевидно, начали опасаться последствий своего поступка, так как ближе к полуночи вернулись в дом Ходжесов. Все это время девочка пряталась там в темноте, а в дверях лежали тела ее отца и матери. Когда появились негры, она либо вышла добровольно, надеясь, что пришли друзья, либо ее вытащили.

"Где деньги?" - потребовали негры.

Ребенок достал все, что у нее было, - драгоценную пятицентовую монету и предложил ее им с условием, что они не будут ее обижать. Один из них схватил ее и избил до смерти.

Я не оправдываюсь тем, что рассказываю эти подробности; их *необходимо рассказать*, иначе мы не увидим ни глубины, ни протяженности этой проблемы.

Сожжение дома Ходжесов

Затем негры затащили тела мистера и миссис Ходжес в их дом и подожгли его. Насколько можно судить по последующим признаниям, двое младших детей были сожжены заживо.

Когда соседи добрались до места преступления, дом был полностью уничтожен, остался только большой дымоход, а на столбе у ворот все еще горела лампа.

Южане - душевные, любящие дом люди. Все знали и уважали Ходжесов - их друзья в церкви, их многочисленные родственники в округе, - и последствия этого страшного преступления, описанного во всех подробностях, могут представить себе северяне, живущие тихо и мирно в своих домах. Когда спустя несколько недель двое видных жителей города рассказали мне о смерти маленькой девочки, они не могли сдержать слез.

Убийство произошло в пятницу вечером; в субботу негры, Пол Рид и Уилл Като, были арестованы вместе с несколькими другими подозреваемыми, включая двух негритянских проповедников. И Рид, и Катон принадлежали к неграмотному классу; оба были рабочими скипидара и жили в лесу, вдали от общения с белыми людьми. Катон был переселенцем из Южной Каролины. Рид родился в округе, но представлял собой хороший тип никчемного и дремучего невежественного негра.

Впечатление такое, что целый город впадает в анархию и не успокаивается, пока не убьют преступников. Но, несмотря на ужасные провокации и сильные переживания, в Стейтсборо все же существовало именно такое чувство святости закона, такой разумный американизм, какой есть в вашем или моем городе. За последнее поколение в городе не было ни одного случая линчевания, и жители были глубоко озабочены сохранением чести и доброго имени своей общины. В разгар сильного волнения в здании суда было созвано собрание добропорядочных граждан, как белых, так и чернокожих. Председательствовал на нем Дж. А. Браннан, один из видных граждан. С речами выступили мэр Джонстоун, городские священники и другие граждане, в том числе негр, призывая к порядку, спокойному и правильному исполнению закона.

Попытки предотвратить линчевание

И регулярный механизм правосудия был приведен в движение с похвальной быстротой. Опасаясь самосуда, арестованные негры были отправлены в Саванну и помещены в тюрьму.

Немедленно было созвано большое жюри, составлены обвинительные заключения, и через две недели - кратчайший срок, предусмотренный законом, - негры были возвращены из Саванны для суда. Для их защиты были вызваны две военные роты, одна из Стейтсборо, другая из Саванны. Доказательства вины были абсолютно неопровержимыми, и, хотя неграм были предоставлены все преимущества, на которые они имели право по закону, а для их защиты было назначено несколько известных адвокатов, они были быстро осуждены и приговорены к повешению.

Тем временем в городе царил большое волнение. В течение нескольких дней город был переполнен фермерами, стекавшимися со всех сторон. Преступление обсуждалось и превозносилось; поговаривали, что "негры округа Мэдисон становятся слишком фанатичными" - что они не могут "удержаться на своих местах". Топлива в огонь подлило распространенное сообщение о том, что убийцы семьи Ходжес были членами негритянского общества, известного как "Клуб перед днем", а также дикие истории о других убийствах, которые были спланированы, и даже сообщались имена предполагаемых жертв.

В воскресенье вечером, накануне суда, две негритянки, идя по улице, якобы столкнули с тротуара двух респектабельных белых девушек. Толпа вытащила женщин из церкви, куда они зашли, отвела на окраину города, жестоко выпорола обеих и приказала им покинуть графство.

"Пусть закон идет своим чередом, - призывал добропорядочный гражданин. "Негров приговорили к повешению, пусть их повесят по закону; мы не хотим, чтобы город был опозорен".

Как сами линчеватели защищают линчевание

Но по мере того как суд продвигался вперед, а толпа увеличивалась, все громче звучали мнения о том, что повешение слишком хорошо для такого преступления. Я слышал, как разумные граждане утверждали, что негр-преступник, чтобы стать героем в глазах своего народа, не прочь быть повешенным!

Возникло еще одно отчетливое чувство - чувство, которое я обнаружил и в других городах, где проводились линчевания: что судам и закону нельзя доверять в том, что они правильно накажут преступников. Хотя Рид и Катон были приговорены к повешению, толпа утверждала, что "адвокаты их отмажут", что "дело будет обжаловано, и они выйдут на свободу".

Члены толпы пытались добиться от шерифа Кендрика обещания не вывозить негров в Саванну, опасаясь, что таким образом они окажутся вне пределов досягаемости правосудия.

Другими словами, существовало глубокое убеждение, что в округе Буллох слишком часто нарушается правосудие и что убийцы обычно избегают наказания благодаря задержкам и формальностям закона.

Привычка к человекоубийству

И у этой веры, к сожалению, есть основания. В каждом городе линчевания, который я посетил, я наводил особые справки о распространенности преступности, особенно о степени уверенности в наказании за преступление. Во всех из них собственность находится в безопасности; законы, направленные на защиту товаров и имущества, исполняются с

достаточной степенью точности; ведь мы - народ, поклоняющийся бизнесу. Но меня поразила необычайная распространенность во всех этих округах линчевания, как на севере, так и на юге, преступлений, связанных с насилием, особенно убийств, которые в каждом случае сопровождаются плохим соблюдением закона. В округе Буллох, где проживает всего двадцать пять тысяч человек, за пять с лишним лет до линчевания произошло тридцать два убийства - в среднем одно на каждые четыре тысячи пятьсот человек в год (в среднем по всем Соединенным Штатам - одно на девять тысяч). За восемь месяцев до линчевания Ходжеса в округе Буллох было убито не менее десяти человек (включая семью Ходжеса). За двадцать восемь лет, несмотря на высокий уровень убийств, только три человека, все негры, были законно повешены, в то время как четыре человека - три негра и один белый - были линчеваны.

Хорошо известно, что если у убийцы есть друзья или немного денег, чтобы нанять адвокатов, он может, особенно если он белый, почти всегда избежать номинального наказания. Эти факты широко известны и обычно комментируются. В своем последующем обвинении большому жюри судья Дейли сказал, что толпа была вызвана отчасти "задержками в исполнении закона и нетерпением людей".

Я рассказываю об этом не для того, чтобы оправдать или смягчить преступление линчевания, а с искренним намерением изложить все факты, чтобы мы могли понять, каковы на самом деле чувства и побуждения в городе, где происходит линчевание, - как хорошие, так и плохие. Если мы не поставим точный диагноз, то не сможем надеяться на поиск эффективных средств защиты.

Психология мафии

В напряженной, возбужденной толпе, собравшейся вокруг здания суда в этот вторник, 16 августа, действовали и другие факторы, в большей или меньшей степени присущие каждой толпе линчевателей. Мы привыкли смотреть на толпу как на единое целое, выражение одного конкретного чувства; это не так; она сама раздираема разногласиями и соображениями, охвачена противоречивыми эмоциями. Точно так же мы смотрим на роту ополчения как на некую машину, которая, будучи приведена в действие, автоматически выполняет некую определенную службу. Но это не так. Она состоит из молодых людей, каждый из которых имеет свои собственные сильные чувства, предрассудки, идеалы; и требуется необычная дисциплина, чтобы привить такое чувство долга, при котором отдельный солдат будет выше эмоций времени. Большинство молодых людей из Стейтсборо и Саванны действительно сочувствовали толпе; среди толпы люди из Стейтсборо видели своих родственников и друзей. Некоторые из офицеров были амбициозными людьми, надеявшимися выдвинуть свою кандидатуру на политические посты. Что было бы, если бы они приказали войскам открыть огонь по своим соседям?

И "черномазый заслужил повешение", и "почему белая кровь должна проливаться за черномазых скотов?". В такой момент ясное восприятие торжественных абстрактных принципов и великих гражданских обязанностей исчезает в бурном волнении. Однако эти мальчишки-солдаты не были трусами; у них боевое прошлое; их отцы были хорошими солдатами; они сами храбро служили бы против чужого врага, но когда их призвали к службе в толпе, они потерпели полное фиаско, как терпели его неоднократно, как на Севере, так и на Юге.

До последнего момента, хотя толпа верила в линчевание и хотела линчевать, казалось, не было реальной и общей решимости противостоять закону. У толпы не было ни центра, ни определенной цели, ни реального плана действий. Один решительный человек, знающий свой долг (как я покажу в другой истории) и выполняющий его со здравым смыслом, мог бы предотвратить беду, но такого человека не нашлось. Капитан Хитч из роты Саванны, колеблющийся командир, позволил толпе заполнить здание суда, входить и выходить среди своих солдат; он переложил ответственность (впоследствии) на шерифа, а шериф переложил ее обратно на него. Почти во всех случаях, которые я расследовал, я обнаружил одну и ту же попытку переложить ответственность, одно и то же отсутствие ответственного руководителя. Наша система слишком часто дает сбой, когда на нее наваливается толпа - если только не случается так, что какой-то сильный человек выделяется, берет на себя ответственность и становится на мгновение деспотом.

Как солдаты одержали верх

Толпа, как бы сильно она ни была разгорячена, всегда труслива. Эта толпа не стала исключением. Она толпилась, толпилась, проверяя власть на прочность. Она шутила с солдатами, а когда обнаружила, что шутки оценили, пошла на новые вольности; она толкала солдат - с добрым юмором. "Вы не смеете стрелять", - говорило оно, а солдаты ничего не отвечали. "Ваши ружья не заряжены", - говорило оно, и кто-то из солдат признавался, что не заряжен. В знак уважения к чувствам толпы офицеры приказали солдатам не заряжать ружья. Следующий шаг был достаточно прост: толпа игриво вырвала несколько ружей, те, кто стоял позади, протиснулись вперед - те, кто стоял позади, всегда протискиваются вперед, зная, что им не причинят вреда, - и через мгновение вся толпа с криками и радостными возгласами взбежала по лестнице.

В зале суда был вынесен приговор Риду и Катону, и судья только что поздравил народ с "великолепным соблюдением закона в очень трудных условиях". И тут ворвалась толпа. Брат убитого Ходжеса, священнослужитель из Техаса, поднялся на сцену с величественным видом. Со слезами на глазах он умолял толпу позволить закону действовать по своему усмотрению.

"Нам не нужна религия, нам нужна кровь", - кричал кто-то из толпы.

Теперь толпа была основательно взбудоражена; она перестала колебаться; ею полностью управляли эмоции. Вожаки пронеслись по залу суда и вошли в комнату свидетелей, где сидели негры со своими женами, жена Рида с маленьким ребенком. Служители закона услужливо указали на нужных негров, и толпа потащила их вон. Сначала предлагалось повесить их, и один человек даже забрался на телеграфный столб прямо у здания суда, но толпа, становясь все более свирепой, по мере того как она набирала обороты и возбуждалась, кричала:

"Сжечь их! Сжечь их!"

Они бросились вверх по дороге, намереваясь доставить негров на место преступления. Но был полдень августа, над головой палило жаркое солнце, а под ногами лежала пыльная дорога. В миле от города толпа свернула в скипидарный лес и остановилась, чтобы дать неграм встать на колени и признаться. Более спокойные духи снова советовали повесить их, но кто-то начал рассказывать высоким голосом ужасные подробности преступления, особенно останавливаясь на смерти маленькой девочки. Это привело толпу в неистовство.

"Они сожгли Ходжесов, не оставив им выбора; сожгите черномазых!"

"Пожалуйста, не сжигайте меня", - умолял Катон. И снова: "Повесьте меня или застрелите; пожалуйста, не сжигайте меня!"

Сожжение негров

Кто-то обратился с этим вопросом к тестю Ходжеса. Тот сказал, что мать Ходжеса хочет, чтобы мужчин сожгли. Это решило дело. В город были посланы люди за керосином и цепями, и в конце концов негров привязали к старому пню, навалили вокруг них огарки и облили каждого маслом. Затем толпа покорно отошла в сторону, а фотограф, стоявший там под ярким солнцем, снимал прикованных негров. Граждане толпились за пнем и запечатлевали свои лица на фото. Когда зажгли факелы, толпа разразилась дикими криками. Катон, менее стойкий из двух негров, частично белой крови, кричал от агонии; но Рид, черный и стойкий, терпел, как деревянная глыба. Они бросали в корчащихся тварей сучки и палки, но всегда оставляли место для фотографа, чтобы сделать побольше снимков.

А когда все закончилось, они, как и все толпы, начали драться за сувениры. Они набросились на цепи, пока те не остыли, и драгоценные звенья были поделены между жителями. От пня отрубали куски, и наконец один молодой человек - надо сказать, он собрал несколько обугленных остатков костей, отнес их в город и попытался отдать судье, который председательствовал на суде над неграми, к полному отвращению этого чиновника.

Последствия закона мафии

Таков закон толпы: она никогда не останавливается на достигнутом. Она точно так же, как и любое другое проявление неконтролируемых человеческих страстей: получив свободу, она получает еще большую свободу, она выпускает на волю то, что является уродливым, жестоким, мстительным в обществе, как и в отдельном человеческом сердце. Я часто слышал о "тихой толпе", "упорядоченной толпе", которая "шла по своим делам и вешала ниггера", но во всех известных мне случаях, а я специально наводил справки по этому поводу, ни одна толпа не останавливалась, когда непосредственное дело было сделано, разве что по принуждению. Даже добропорядочные жители Стейтсборо скажут вам, что "негры получили по заслугам" и "все было бы хорошо, если бы толпа остановилась на этом". Но она не остановилась и никогда не остановится.

Вся накопившаяся расовая неприязнь вырвалась на поверхность, все личные обиды и злость. Как я уже рассказывал, в ночь на воскресенье перед линчеванием были избиты кнутом две негритянские женщины. На следующий день после линчевания отец этих женщин был найден, чтобы добиться законного наказания мужчин, избивших его дочерей, а сам он был выведен на улицу и страшно избит. В тот же день были пойманы и выпороты еще двое молодых негров, особенно ненавистных "умных ниггеров": один - за езду на велосипеде по тротуару, другой, как сказали мне несколько горожан, "по общим принципам". Но это было еще не самое худшее. В среду вечером старый негр и его сын - негры лучшего класса - сидели в своей хижине в нескольких милях от Стейтсборо, когда в них выстрелили через окно и тяжело ранили обоих. Другой уважаемый негр, по имени Макбрайд, был посещен в своем доме белой толпой, которая сначала избила его жену, находившуюся с ребенком трех дней от роду, а затем избила, пинала и застрелила самого Макбрайда так ужасно, что он умер на следующий день. Лучшие слои населения, те самые люди, которые,

возможно, одобрили бы сожжение Рида и Катона, не испытывали симпатии к подобным вещам. Некоторые из них приняли предсмертное заявление Макбрайда, и четверо белых мужчин были арестованы и обвинены в убийстве, но так и не понесли наказания.

На самом деле толпа привела к общему росту преступности в округе Буллох. Как сказал судья Дейли в своем обращении к последующему большому жюри:

"Насилие мафии порождает преступность. После этого линчевания преступность стала более распространенной, чем когда-либо прежде. В среднем округе суды были настолько переполнены делами об убийствах, что заниматься гражданскими делами было почти невозможно".

Еще одним негативным результатом линчевания стало уничтожение ценных улик. Обвинители надеялись узнать у осужденных Рида и Катона, были ли у них сообщники, и таким образом привлечь к ответственности всех остальных негров, подозреваемых в соучастии в убийстве Ходжесов. Если клуб "Перед днем" когда-либо существовал и имел преступные цели (что сомнительно), то большинство его членов остались на свободе, ожидая следующей возможности для грабежа и убийства.

Правосудие мафии и урожай хлопка

Мафиозное право не только привело к моральному краху в обществе, но и ударило по чувствительному карману деловых интересов округа. Напуганные угрожающим поведением белых, негры стали покидать округ. Это было как раз в начале сезона сбора хлопка, когда очень нужна была рабочая сила любого рода, а негритянская - особенно. Распугивать всех негров было нельзя. В четверг некоторые чиновники и жители Стейтсборо собрались вместе, назначили дополнительных маршалов, предупредили, что порки больше не будет, и дух толпы исчез - до следующего раза.

Но что же делать с многочисленным негритянским населением Стейтсборо во время всех этих волнений? Горожане сказали "порядочным неграм": "Мы не хотим вас обидеть, мы вас знаем, с вами все в порядке, идите домой, и вас не тронут". Они разошлись по домам, и за все время линчевания не было видно ни одного негра. Расспросив самих негров, я обнаружил, что многие из них и голоса не подали против сожжения Рида и Катона. Это была мрачная, примитивная логика "око за око", которой они пользовались, как и многие белые люди:

"Рид и Катон сожгли Ходжесов, их надо сжечь".

Даже жена Катона пользовалась этой логикой.

Но все негры были ожесточены беспорядочными порками, последовавшими за линчеванием. Эти порки расширили пропасть между расами, привели к еще большей подозрительности и ненависти, удобрили почву для будущих вспышек. В ту же неделю, когда я посетил Стейтсборо, не менее трех хлопковых плантаций в разных частях округа Буллох были загадочным образом сожжены ночью, и хотя никто не знал точного происхождения этих пожаров, открыто утверждалось, что их причиной были мстительные негры. Ни одно из этих ужасных последствий не имело бы места, если бы закону было позволено следовать своему курсу.

Боевой парсон

Подавляющее большинство жителей округа Буллок, несомненно, одобряли линчевание, даже искренне и полностью верили в него. И все же, как я уже говорил, среди настоящего вдумчивых граждан, принадлежащих к лучшему классу, существовало сильное несогласие. Все церкви Стейтсборо решительно выступили за закон и порядок. Методистская церковь, возглавляемая боевым прихожанином, преподобным Уайтли Лэнгстоном, изгнала двух прихожан, которые были в толпе, - поступок настолько непопулярный, что церковь потеряла двадцать пять членов своей общины. Конечно, члены толпы были известны, но никто из них так и не был наказан. Судья специально поручил большому жюри расследовать это линчевание, и вот его отчет:

"Мы сожалеем о недавнем беззаконии в нашем городе и сообществе, о котором особо упомянул его честь, судья А. Ф. Дейли, в своем компетентном обвинении. Мы изучили этот вопрос на сайте в свете информации, полученной нами лично, а также в результате опроса ряда свидетелей, но не смогли найти достаточных доказательств для предъявления обвинения. Мы благодарим его честь, судью Дэйли, за его компетентное и исчерпывающее обвинение".

Была предпринята слабая попытка наказать офицеров, которые позволили населению переступить через себя и отобрать оружие. Военный трибунал заседал несколько дней в Саванне и в конце концов рекомендовал уволить капитана Хитча со службы штата; но губернатор отпустил его с половиной предложенного наказания. Два лейтенанта также были подвергнуты дисциплинарному взысканию.

На выборах штата, последовавших за линчеванием, многие избиратели в округе Буллок фактически вычеркнули имя губернатора Джорджии Террелла, потому что он приказал ввести войска в Стейтсборо, и заменили его именем капитана Хитча. Шериф Кендрик, не сумевший защитить Рида и Катона, был переизбран без оппозиции.

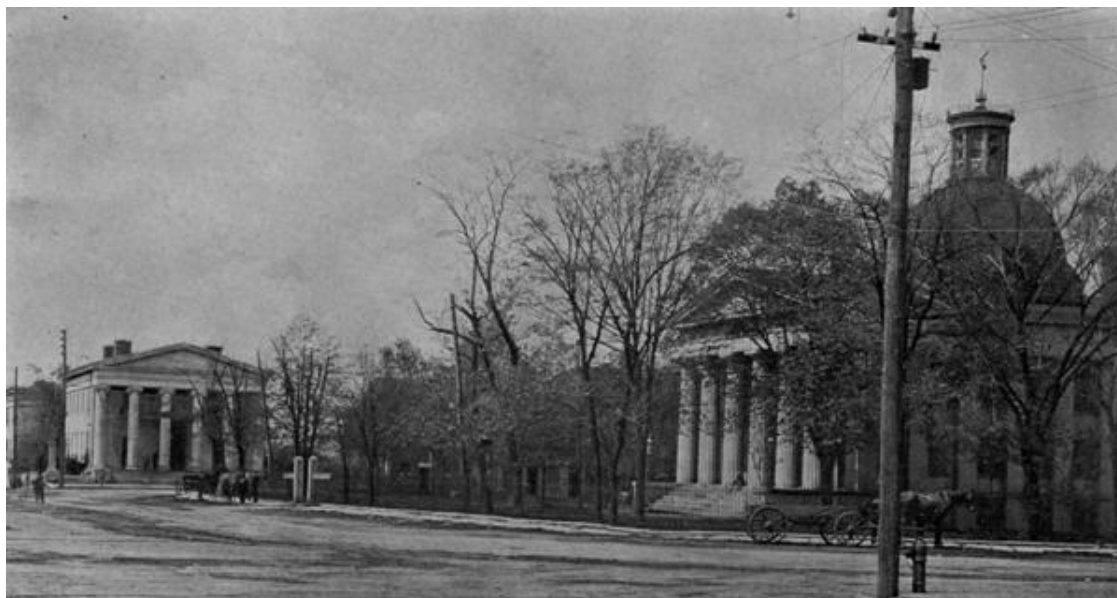
Мэр Стейтсборо Г. С. Джонстон в тоне глубокого разочарования сказал мне:

"Если наше большое жюри не предъявит обвинения этим линчевателям, если наши присяжные не вынесут приговора, если наши солдаты не будут стрелять, то к чему мы придем?"

Революция мнений на Юге о линчевании

Условия в Стейтсборо, пожалуй, типичны для большинства южных городов. В большинстве южных городов линчевание было бы проведено так же, как и в Стейтсборо; нашлось бы такое же возражающее, но неэффективное меньшинство добропорядочных граждан, войска отказались бы выполнять свой долг, а линчеватели скрылись бы точно так же. И все же, если бы мы остановились на истории в Стейтсборо, мы бы упустили из виду некоторые из самых больших влияний, которые сейчас оказывают на проблему линчевания на Юге. Никто из тех, кто посещает Юг, не может избавиться от убеждения, что вместе с активизацией промышленной жизни, удивительным развитием и обогащением всей страны происходят и другие, не менее значимые, но менее ощутимые изменения. Общественное мнение развивается по новым направлениям, старые, устоявшиеся предрассудки разрушаются, и, помимо других очевидных влияний, происходит заметная революция в отношении южан и южных газет к вопросу о линчевании. Теперь я перехожу к случаю линчевания в Хантсвилле,

штат Алабама, который поразительным образом раскрывает некоторые черты нового восстания на Юге против мафиозных законов.

Сфотографировано компанией "Коллинз и сын"

ЗДАНИЕ СУДА И БАНКА НА ОБЩЕСТВЕННОЙ ПЛОЩАДИ В ХАНТСВИЛЛЕ, ШТАТ АЛАБАМА

Негра Мейплза линчевали, подвесив к вязу на углу здания суда, в крайней правой части снимка.

Преступление негра в Хантсвилле, штат Алабама.

Однажды вечером в сентябре 1904 года негр из Хантсвилла, штат Алабама, попросил старого торговца по имени Уолдроп подвезти его. Уолдроп был добродушным стариком, которого хорошо знали и уважали во всем округе Мэдисон; два-три раза в неделю он ездил в город с овощами и курами на продажу, а возвращался с небольшим товаром в кармане.

Уолдроп знал негра Мейплза, и, хотя Мейплз был из никудышных, да к тому же находился под следствием за воровство, торговец освободил для него место в своей повозке, и они вместе выехали из города. Они выехали на одинокую дорогу. Они пересекли небольшой мост. Высокие деревья затеняли и затемняли место. Наступала ночь. Негр подобрал камень, выбил мозги у невзрачного старика, ограбил его и оставил лежать на обочине, а лошадь побрела в сторону дома.

Как вопиет убийство! Убийца скрылся в темноте, но было похоже, что он оставил большие следы. На следующий день в Хантсвилле закон положил руку на его плечо.

Сейчас Хантсвилл - один из лучших городов Алабамы. Пожалуй, ни в одном другом городе не сохранилось больше аристократических одеяний старого Юга. Он был первой столицей штата. На его кладбище похоронены семь губернаторов; его окружной дом, его банк, некоторые из его резиденций являются благородными примерами архитектуры Юга времен до расцвета. Сохраняя эти свидетельства богатства и утонченности более древней цивилизации, немногие города Юга более энергично реагируют на новые импульсы

прогресса и развития. Его рост за последние несколько лет был просто поразительным. В город пришел северный капитал, было построено девять хлопкоочистительных заводов, что привлекло большое количество населения и стимулировало развитие страны во всех направлениях. Это прекрасный, упорядоченный, прогрессивный город - истинно американский, амбициозный, уважающий себя.

Связь линчевания с успехом в бизнесе

В прошлом в Хантсвилле было немало случаев линчевания. За двадцать лет в округе Мэдисон жертвами толпы стали семь негров и один белый. Лучшие горожане знали, что такое линчевание; они знали, как заводится толпа и что неизменно следует за ее бесчинствами, и не желали больше таких ужасов. Но этот бунт не был полностью моральным. С пробуждением промышленных амбиций люди осознали, что беспорядки отпугивают капиталы, останавливают иммиграцию и тормозят развитие в целом. Хороший бизнес требует хорошего порядка. Это чувство выражалось в разных формах и по разным каналам. Оно существовало и в Стейтсборо, но ни в коем случае не было таким сильным, как в этом промышленном городе Хантсвилле. Например, конгрессмен Ричардсон из Алабамы, житель Хантсвилла, в своей речи на заседании Палаты представителей сказал:

"Господин председатель, у нас на Юге больше причин соблюдать закон и поступать правильно, чем в любой другой части Союза".

Газета *Atlanta Constitution* энергично излагает ту же точку зрения:

Если не принимать во внимание злобные последствия духа толпы, порождающего всеобщее неуважение к закону, и не учитывать неизбежное огрубляющее воздействие самосуда на зрителей - а это воздействие идет еще дальше, - возникает практический вопрос: Можем ли мы на Юге позволить себе это?

Есть ли смысл закрывать глаза на тот патентный для всех факт, что именно такие вещи удерживают сотни тысяч желательных иммигрантов от приезда в южные штаты?

История смелого судьи

Поэтому, когда убийца торговца Уолдропа был арестован, вдумчивые и прогрессивные жители города - те, кто создает Новый Юг, - немедленно приняли меры, чтобы предотвратить беспорядки в толпе. Городу повезло, что его окружным судьей был способный, энергичный молодой человек - судья, сын судьи, который ясно видел свой долг и не боялся действовать, даже если это могло разрушить его ближайшее политическое будущее, как, собственно, и произошло. Редкие качества в наши дни! Убийство было совершено во вторник, 6 сентября, негра арестовали в среду, судья Спик, не дожидаясь ни минуты, назначил специальное большое жюри, и в тот же день, через шесть часов после ареста негра и через двадцать часов после совершения преступления, негру было предъявлено официальное обвинение. Затем было решено созвать специальное жюри в течение недели, в надежде, что перспектива немедленного наказания предотвратит сбор толпы.

Запись об убийстве как причине линчевания

Но, к сожалению, мы находим здесь, в округе Мэдисон, не только историю линчевания - привычку, можно сказать, - но и то же пренебрежение к святости человеческой жизни, которое является общей характеристикой большинства общин линчевателей, как южных, так и северных. Я внимательно изучил записи округа. За пять лет, предшествовавших этому линчеванию, в судах было рассмотрено не менее тридцати трех дел об убийствах и убийствах, кроме того, восьми убийцам были предъявлены обвинения, но они не были арестованы. Это показатели одного округа с населением около сорока тысяч человек. Несмотря на этот рекорд преступности, в округе не было ни одного законного повешения, даже негра, в течение девятнадцати лет. Всем в округе было хорошо известно, что осудить белого человека за убийство практически невозможно. Убийцы нанимали хороших адвокатов, обжаловали свои дела, задействовали политические дружеские связи, а отношения между старыми семьями были настолько обширны, что проникали даже в совещательную комнату. Как следствие, почти каждый белый убийца выходил на свободу. Всего за некоторое время до линчевания белый Фред Стивенс, застреливший белого в ссоре из-за ведра воды, был выпущен на свободу со штрафом в 50 долларов, издержками и тридцатью днями тюрьмы. И это за *убийство*. Адвокат Стивенса после этого пришел в суд и попросил снизить издержки.

Негры, совершившие убийство, хотя и наказывались строже, чем белые убийцы, все же часто избегали пяти-десяти лет тюрьмы - особенно если у них были деньги или несколько белых друзей. Все это вызывало презрение к судам правосудия - страх, что в конце концов, благодаря задержкам и формальностям закона и состраданию присяжных, убийца Уолдропа не будет наказан так, как он того заслуживает. Такова была суть доводов, которые я неоднократно слышал: "Этого негра, Мейплза, следовало повесить; мы не были уверены, что присяжные его повесят; мы повесили его, чтобы защитить себя".

Во время поездки по округу Мэдисон я встретил одного интеллигентного фермера. Вот некоторые вещи, которые он сказал, и они в точности повторяют то, что я слышал в той или иной форме от многих людей во всех слоях общества:

"В округе Мэдисон жизнь дешевая. Если у вас есть злость на человека, убейте его; не раньте его. Если вы раните его, вас, скорее всего, отправят в тюрьму, а если убьете, то сможете выйти на свободу". За скрытое ношение оружия или даже за кражу курицы в округе Мэдисон часто наказывают строже, чем за убийство".

Улики по одному делу об убийстве в соседнем округе были настолько вескими, что судья Кайл велел присяжным признать убийцу виновным; присяжные сознательно вынесли вердикт: "Не виновен". Система правосудия в Алабаме проклята тем, что профессиональные присяжные выбираются политиками и часто подвержены политическому влиянию. Это, а также неограниченное право на апелляцию и большое количество императивных отводов, разрешенных защите при выборе присяжных, дает адвокатам обвиняемого такую власть, что вынесение приговоров становится крайне затруднительным. Кроме того, часто обвинителем выступает молодой, неопытный юрист, которому плохо платят и который не может сравниться со способными адвокатами, нанятыми подсудимым.

Нет, не только расовые предрассудки являются причиной линчевания, даже на Юге. Каждый шестой линчеванный в этой стране в 1903 году - за год до описываемого мною линчевания - был белым человеком. Правда, негр часто становится жертвой самосуда там, где белый человек не стал бы, но главная причина, конечно, лежит глубже, в широко распространенном пренебрежении к судам и безнаказанном подрыве закона в этой стране,

как на Юге, так и на Севере. Именно это, вероятно, было бы единственной причиной линчевания, если бы не преступление изнасилования, о котором я хочу поговорить чуть позже.

Состав толпы в Хантсвилле

Толпа начала собираться в Хантсвилле еще до того, как большое жюри закончило свою работу. В основном она состояла из рабочих с хлопчатобумажных фабрик. Это особый класс - чистокровные американцы, естественно, с высоким интеллектом, но почти поголовно неграмотные - люди с холмов, потомки "бедных белых отбросов", которые никогда не владели рабами и всегда ненавидели негров. Бедные белые являются и долгое время были промышленными конкурентами негров, и ревность, вызванная этим, в немалой степени объясняет интенсивность расовых чувств.

Предвидя неприятности, судья Спик распорядился закрыть все салуны - их было всего пятнадцать на двадцать одну тысячу жителей - и вызвал местную военную роту. Но толпа перебила ополченцев, как будто их там и не было, ворвалась в тюрьму, развела костер в коридоре и добавила серу и кайенский перец. Опасаясь, что тюрьма сгорит и все заключенные задохнутся, шериф освободил негра Мейплза, и тот выпрыгнул из окна второго этажа в толпу. Они потащили его по улице к площади в самом центре города. Здесь, на приятной лужайке, "Дочери Америки" устраивали праздник, и все вокруг сверкало японскими фонариками. Расталкивая женщин и детей, толпа толкала негров под светом электрического фонаря, прямо перед величественным старым зданием суда.

Здесь с пламенными речами выступили несколько видных молодых юристов - Дж. Х. Уоллес-младший, У. Б. Бэнкхед и адвокат Петтус, - призывая соблюдать закон и порядок. После этого поднятие рук показало, что большая часть присутствующих выступала за законное отправление правосудия. Но было уже слишком поздно.

Необычайно драматичный инцидент вновь разжег толпу. Перед негром внезапно появился сын убитого торговца. "Гораций, - потребовал он, - это ты убил моего старого отца?"

Дрожа от страха, негр, как говорят, признался в преступлении. Его тут же оттащили за угол, где подвесили к вязу и, пока он болтался в свете парадных фонарей, прострелили ему все дыры. Затем они отрезали ему один из мизинцев и часть штанов на память. Так он висел до рассвета, и толпы людей выходили посмотреть на него.

Попытка наказать линчевателей

Но силы правопорядка здесь были бодры и энергичны. Судья Спик, связавшись с губернатором, приказал прислать из Бирмингема войска, а затем, не мешкая, не откладывая и не пытаясь переложить ответственность, распорядился, чтобы специальное большое жюри на следующий же день предъявило обвинение линчевателям, причем позаботился о том, чтобы в его состав вошли лучшие горожане. Когда они собрались, чувство ответственности было настолько глубоким и торжественным, что заседание открылось молитвой - необычайное свидетельство пробудившейся совести народа. Более того, граждане в целом были настолько возбуждены, что провели массовое собрание, осудили линчевание как "пятно на нашей цивилизации" и заявили, что "каждый человек, принимавший участие" в толпе, "виновен в убийстве". Смелые слова, но не более смелые, чем редакционные статьи

газет города или штата. Все силы приличия и порядка были наготове. Такие сильные газеты, как *Birmingham Age-Herald*, *Ledger* и *News*, *Montgomery Advertiser*, *Chattanooga News*, и, конечно, известные газеты по всему Югу объединились в своем осуждении линчевателей и поддержке усилий по привлечению толпы к ответственности.

Газеты Юга о линчевании

Газета "Хантсвилл *Меркьюри*" говорила о "глубоком чувстве стыда, которое испытывают наши добропорядочные граждане из-за того, что на них напали несколько беззаконников".

"Нет никакого оправдания, - писала газета "Бирмингем *Ньюс*", - толпе, которая, наказав одного убийцу, сделала еще много других".

"Это линчевание, - заявила газета *Birmingham Ledger*, - позор для нашего штата". Газета "*Леджер*" не прикладывает ухо к земле, чтобы услышать новости с Севера, и ее не волнует, что говорят северные газеты. Преступление совершили мы сами, и позор падает на нас".

"К чему, собственно говоря, - пишет "*Эйдж Геральд*", - приводят подобные дела? Ответ можно выразить одним словом - анархия!"

Было бы хорошо, если бы каждый житель этой страны мог ознакомиться с полным отчетом большого жюри судьи Спика. Это произведение такого рода, на которое решаются только люди, воодушевленные на высокие поступки того, что они считают великим кризисом; оно из того же металла, что и Декларация независимости. Вот один абзац:

Осознавая, что это величайший момент в нашей истории; что мы должны либо встать на защиту закона сегодня, либо сдаться толпе и анархистам навсегда; что от наших действий зависит добро или зло будущих поколений; забыв о своих личных дружеских связях и пристрастиях, не имея злого умысла, но действуя только как присяжные чиновники штата Алабама, мы, большое жюри округа Мэдисон, штат Алабама, находим...

Десяти членам толпы были предъявлены обвинения - и не за простые беспорядки или проникновение в тюрьму, а за *убийство*. Присяжные также обвинили шерифа Роджерса, мэра Смита и начальника полиции Овертона в преднамеренной халатности и некомпетентности и рекомендовали отстранить их от должности. Никто, не понимая далеко идущих семейных и политических отношений в этих старых южных общинах и глубоко укоренившегося чувства против наказания за преступление линчевания, не может составить адекватного представления о том, какой фурор произвели обвинения большого жюри против главных чиновников города. Это было как удар с ясного неба; это была поразительная процедура, которой поначалу не вполне верили. Когда серьезность намерений судьи Спика была полностью осознана, многие люди поспешили покинуть город. Бирмингемские солдаты, возглавляемые капитаном с хладнокровием, арестовали нескольких оставшихся. Судья Спик распорядился создать специальный суд присяжных и назначил способного адвоката, который должен был помочь прокурору Петтусу привлечь линчевателей к ответственности. Уже на следующей неделе начались судебные слушания.

Трудность отказа от привычки линчевать

К этому времени, однако, начали действовать обычные влияния; моральное потрясение зашло далеко, и наступил откат. Энергичный судья и его адвокаты оказались лицом к лицу со

старой плохой системой присяжных, с глубоко укоренившимся недоверием к судам, с укоренившейся привычкой не наказывать линчевателей. Более того, выяснилось, что некоторые дикие молодые люди с хорошими семейными связями были замешаны в толпе, и весь мощный семейный и политический механизм страны стал выступать против осуждения. Обществу предстоит пройти не менее трудный путь в борьбе с вредной привычкой, чем отдельному человеку. Новому Югу приходится бороться с привычками Старого Юга. Кроме того, выяснилось, что большая масса людей в стране, как и рабочие в городе, по-прежнему решительно выступают за наказание в виде линчевания. Ста десяти кандидатам в присяжные заседатели для суда над линчевателями был задан такой вопрос: "Если бы вы убедились на основании доказательств, не вызывающих сомнений, что обвиняемый участвовал или пособничал толпе в убийстве негра, вы бы поддержали его осуждение?" И семьдесят шесть из них ответили: "Нет".

Другими словами, подавляющее большинство считало, что белый человек не должен быть наказан за линчевание негра. И когда наконец были собраны присяжные, несмотря на неопровержимые доказательства, они один за другим оправдывали линчевателей. Лишь один человек из числа присяжных добился обвинительного приговора - молодой клерк по имени С. М. Блэр, вполне подходящий тип современного героя. Присяжные его повесили, а среди рабочих-мельников возникло такое горькое чувство, что они пригрозили бойкотом его работодателю.

Отношение линчевания к "обычному преступлению"

Так рассуждали многие люди, выбранные в качестве присяжных; я слышал это снова и снова, не только в Хантсвилле, но и, по сути, везде, где я останавливался на Юге:

"Если мы осудим этих людей за линчевание негра Мэйплса, мы создадим прецедент, который не позволит нам линчевать за изнасилование".

Все аргументы по поводу линчевания на Юге рано или поздно возвращаются к этому вопросу об изнасиловании. Спросите любого представителя высшего класса - самого высокого - верит ли он в самосуд, и он ответит вам: "Нет". Спросите его о линчевании за изнасилование, и в девяноста девяти случаях из ста он мгновенно ослабнет.

"Если моя сестра или моя дочь - посмотрите сюда, если ваша сестра или ваша дочь..."

Линчевание, говорит он, абсолютно необходимо, чтобы сдержать это преступление. Вы спрашиваете его, почему нельзя положиться на закон, и он отвечает:

"Для уважающей себя белой женщины слишком тяжелое испытание - идти в суд, обвинять негра-насильника и выдерживать публичный перекрестный допрос. Это невыносимо. Ни одна женщина не пойдет на это. И, кроме того, суды нестабильны. Линчевание - единственное средство".

И все же Юг глубоко взволнован распространенностью линчевания. Дух толпы, вызванный для наказания за такое преступление, как изнасилование, защищается некоторыми людьми как на Севере, так и на Юге; но, будучи вызванным, он распространяется и распространяется, пока к настоящему времени линчевание за изнасилование не составляет лишь очень малую долю от общего числа повешений, совершаемых толпой. Оно распространяется до тех пор, пока негра не линчуют за кражу курицы или просто за "несносность". В 1903 году из 103 линчеваний только 11 были совершены за изнасилование

и 10 за попытку изнасилования, в то время как 47 были совершены за убийство, 15 за соучастие в убийственном нападении, 4 за поджог, 5 за простые "расовые предрассудки", 2 за оскорбление белых, 1 за угрозы, 5 за неизвестные преступления, 1 за отказ дать информацию, и 3 совершенно невинных негра, которых линчевали, потому что их личность была ошибочной. Вероятно, линчевание на Юге было бы немедленно уничтожено, если бы не вопрос об изнасиловании. Мыслящие южане ставят эту проблему примерно так:

"Мы должны остановить самосуд; с каждым месяцем мы все яснее осознаем этот факт. Но сможем ли мы остановить самосуд, если не дойдем до сути вопроса и не прекратим линчевать за изнасилование? Разве нет способа изменить наши методы судопроизводства, чтобы преступник, совершивший это преступление, был наказан, не подвергая жертву ужасной огласке в судах?"

Губернатор Каннингем - настоящий лидер

Но я отклонился от своей истории. В лице действующего губернатора Каннингема народ Алабамы получил лидера, который не побоялся взяться за такую опасную тему, как линчевание. Он направил в Хантсвилл следственный суд, который признал местную военную роту "бесполезной и неэффективной", поскольку она не смогла защитить тюрьму. Сразу же после получения этого отчета губернатор уволил роту Хантсвилла со службы, причем всех до единого. Совсем другое дело по сравнению с действиями в Стейтсборо! Затем губернатор пошел еще дальше: он приказал объявить шерифу импичмент. Чуть позже федеральный судья Джонс взялся за это дело, энергично обвинил присяжных, и некоторым из бунтовщиков были предъявлены обвинения в федеральных судах.

Губернатор Каннингем занял смелую позицию против мафиозного права везде и всюду в штате:

"Я против самосуда, - заявил он, - в любом виде, по любым причинам. Если линчевание будет оправдано или смягчено за любое преступление, будь оно хоть сколько-нибудь серьезным, это приведет к тому, что такой же метод наказания будет применяться и за другие преступления меньшей степени испорченности, и в процессе эволюции все больше и больше будет расширять поле деятельности для этой формы беззакония".

Это тоже что-то значит, когда граждане, поддерживая свои институты и из любви к своему городу, поднимаются над политикой. Судья Спик был выдвинут демократами в качестве преемника самого себя. Выдвижение от демократов в Алабаме означает избрание. После своей активной кампании против линчевателей он стал крайне непопулярен среди большинства жителей. Они решили победить его. Комитет обратился к Шелби Плезантсу, известному адвокату-республиканцу, и попросил его выставить свою кандидатуру против судьи Спика, гарантируя ему избрание.

"Я не буду кандидатом от мафии", - заявил он. "Я поддерживаю все действия судьи Спика".

Комитет обратился к нескольким другим адвокатам, но ни один из них не стал баллотироваться против судьи, а республиканская газета города решительно выступила в поддержку судьи Спика, даже опубликовав его имя во главе своей редакционной колонки. Однако не успели его избрать, как решение Верховного суда штата, никак не связанное с линчеванием, последовало подобно судьбе и лишило округ Мэдисон его услуг. Теперь он был частным лицом, и даже если бы он выдвинул свою кандидатуру на какой-либо

политический пост, то, несомненно, потерпел бы поражение. Новый Юг еще не настолько силен, чтобы бросить вызов Старому Югу в политическом плане.

Влияние, направленное на предотвращение будущих линчеваний на Юге

Влияние против линчевания на Юге постоянно усиливается. Поскольку большинство (не все) газет, проповедники и лучшие граждане объединились против него, перспективы полны надежд. А сельская бесплатная доставка и сельские телефоны, распространяющиеся во всех направлениях, оказывают неоценимое влияние на укрепление общественного мнения. Строятся лучшие дороги, страна заселяется белыми людьми, школы улучшаются, а население в целом, после ряда прибыльных урожаев хлопка, весьма благополучное - все эти факторы работают на решение этой проблемы.

Когда я отправился на Юг, у меня сложилось впечатление, что многие северяне считают Юг незаконным и не заботятся о нем - впечатление, возникшее из-за широкой публикации ужасных подробностей каждого линчевания и полного молчания о тех глубоких, тихих, но мощных моральных и промышленных силах, которые ведут работу по возрождению под поверхностью земли - о чем я уже рассказывал. Я уехал с Юга под глубоким впечатлением от двух вещей:

Что Юг делает совершенно такой же прогресс в преодолении своих особых форм незакония, как и Север в преодолении своих особых форм.

II. - ЛИНЧЕВАНИЕ НА СЕВЕРЕ

Рассмотрев два южных города, где происходят линчевания, давайте теперь посмотрим, как выглядят линчевания на Севере. Сравнение очень интересно и поучительно.

Спрингфилд, штат Огайо, - один из самых процветающих небольших городов штата. Это красивый город, в котором в 1904 году проживало около 41 000 человек. Здесь прекрасные улицы, красивые здания, оживленные фабрики, церкви, внушительная библиотека. Некоторые из старых семей проживают здесь уже почти сто лет. Это резиденция правительства одного из самых плодородных и привлекательных округов штата: полностью прогрессивный, просвещенный город. Из его населения в 1904 году более 6 000 человек были неграми (около одной седьмой), значительная часть которых - недавние поселенцы. Большое количество негров, как я уже показывал в предыдущих главах, мигрировало с Юга и стекалось в северные города, расположенные вдоль Огайо или в тех частях Индианы, Иллинойса, Огайо, Пенсильвании, Канзаса и других штатов, которые граничат со Старым Югом. Многие негры в Спрингфилде приехали из Кентукки. В этих северных городах, как и на Юге, мы видим два класса негров: постоянный, постоянный, более или менее известный белым, и беспокойный, непостоянный, невежественный, который сегодня приезжает в один район, чтобы помочь построить мост, а завтра отправляется другой, чтобы рыть канал. В течение многих лет в Спрингфилде не существовало такого понятия, как расовые предрассудки, но с ростом негритянского населения они стремительно усиливались. Например, аптекарь в Спрингфилде отказался продавать содовую воду негритянскому профессору колледжа, наборщики в издательстве заставили уволить негров-рабочих, негр-врач посетил среднюю школу, увидел, что полдюжины негров-учеников сидят в одиночестве, и, гневно обвинив в дискриминации, приказал своему ребенку сидеть среди белых детей. Это чувство расового отталкивания было особенно заметно между рабочим

классом белых мужчин и неграми, которые вступают с ними в более или менее серьезную промышленную конкуренцию. Использование негров для разгона забастовок на угольных месторождениях и в других местах стало благодатным источником раздора, разжигая огонь расовых предрассудков там, где их раньше не было.

Как негры продавали свои голоса

В Спрингфилде насчитывалось около 1500 негров-избирателей, многие из которых покупались на каждых выборах. Демократы и республиканцы были разделены настолько поровну, что городская администрация была демократической, а администрация округа - республиканской. Продажные негры отдавали свои голоса тому, кто больше заплатит, проводили выборы и, под влиянием виски, управляли городом. В Спрингфилде, просвещенном, образованном, прогрессивном, высокоамериканском, было 145 салунов - по одному на каждые 285 человек. До линчевания девять из них были негритянскими салунами - некоторые из них были неописуемо мерзкими. Ряд домов вдоль железнодорожных путей, в трех кварталах от центра города, был известен как "Лив". Это был негритянский квартал, состоящий из салунов и беспорядочных домов, где собирались самые низкие из низких - негритянские мужчины, а также негритянки и белые женщины. Сразу за ним находилась одна из самых известных в городе католических церквей; в квартале от нее располагались почтовое отделение, публичная библиотека и самый известный клуб города, а в трех-четыре сотнях ярдов - задние двери самых аристократических особняков. Годами неэффективные добропорядочные граждане протестовали против этих отвратительных курортов, но когда республиканцы хотели победить, им нужны были голоса из этих мест, а когда демократы хотели победить, они нуждались в них. Бернетт, босс демократов, сказал джентльмену-демократу, протестовавшему против защиты дамбы, тоном, полным настоящей обиды:

"Разве вы не хотите, чтобы партия победила? Нам нужно получить эти шестьдесят или восемьдесят голосов от Херли" - Херли был печально известным негром, владельцем забегаловки под названием "Хонки Тонк".

Коррупцированная политика и негритянский вопрос

Так что эти мерзкие заведения оставались открытыми, охранялись полицией, порождая преступность и поощряя высокомерие, праздность и порок среди негров.

И все же можно услышать, как добропорядочные граждане Спрингфилда жалуются на то, что негры бросаются в глаза и вызывают недовольство на праймериз и выборах, стоят, ждут и отказываются голосовать, пока не получают деньги в руки.

"На мой взгляд, - сказал мне один из этих граждан, - заметность негра на выборах - одна из главных причин расовых предрассудков".

Но кто в этом виноват? Негр, который принимает взятку, или белый политик, который жаждет ее дать, или белый бизнесмен, который, желая получить особые привилегии, стоит за спиной белого политика, или обычный гражданин, которому все равно? Поговорите с этими политиками, с одной стороны, и с непрактичными реформаторами - с другой, и они со всей серьезностью расскажут вам о грехах Юга, лишившего негров избирательных прав.

"Каждый негр в Спрингфилде, - сказали мне, - пользуется своим правом голоса".

Если бы вы сказали этим людям, что негры Спрингфилда лишены избирательных прав так же абсолютно, как и все остальные жители Юга, они бы уставились на вас в изумлении. Но купленный избиратель - это лишенный избирательных прав избиратель. Негры имеют не больше реального права голоса в правительстве Спрингфилда, чем в правительстве Саванны или Нового Орлеана. На Юге негра лишили права голоса по закону или с помощью запугивания, а на Севере - с помощью денег. Что хуже?

История преступления, приведшего к линчеванию

За несколько месяцев до линчевания негр по имени Диксон прибыл в Спрингфилд из Кентукки. Он был одним из неграмотных, праздных, плавающих. С ним была женщина, не его жена, с которой он поссорился. Он был арестован и доставлен в суд.

Я прекрасно понимаю всю серьезность любого обвинения, касающегося наших судов, последней инстанции правосудия, и тем не менее в округе Кларк часто говорили о том, что "правосудие легко", что законы не соблюдаются, что преступникам дают возможность избежать условного наказания. Я слышал эти разговоры повсюду, часто в сочетании с личными обвинениями в адрес судей, но я не смог обнаружить, что судьи были более нерадивы, чем другие должностные лица. Они не были поражены никакой другой болезнью.

Даже в серьезном социологическом исследовании округа Кларк, проведенном профессором Э. С. Тоудом, я нашел такое утверждение:

В Спрингфилде одним из главных недостатков муниципальной системы была и остается расхлябанность и дискриминация в исполнении законов. Многие муниципальные постановления лежат на полках годами. Постановления о закрытии салунов исполняются с перерывами, как и постановления, касающиеся азартных игр.

Когда негр Диксон предстал перед судом, его осудили и выпустили на свободу условно. Он тут же напился и был снова арестован, на этот раз отсидев в тюрьме несколько недель. Едва оказавшись на свободе, он начал ссориться со своей "женой" в доме прямо напротив полицейского управления. Офицер по имени Коллис попытался помириться, и Диксон намеренно выстрелил ему в живот, ранив и женщину.

Это произошло в воскресенье. Диксон был немедленно помещен в окружную тюрьму. Коллис умер на следующее утро.

Дешевизна человеческой жизни в округе Кларк

Я уже обращал внимание на то, что в городе, где устраивают линчевание, почти всегда есть убийства. Пренебрежение к святости человеческой жизни, похоже, витает в воздухе этих мест. Спрингфилд не стал исключением. В период с 1 января 1902 года по 7 марта 1904 года, день линчевания, то есть чуть более чем за два года, в городе Спрингфилд было совершено не менее десяти убийств. Пять из них совершили белые мужчины, пять - негры. Три дела были рассмотрены в течение короткого времени до линчевания, а назначенное наказание подверглось широкой критике. Бишоп, цветной мужчина, убивший цветного мужчину, был оштрафован на 200 долларов и приговорен к шести месяцам в рабочем доме. Это было сделано за убийство человека. О'Брайен, белый мужчина, убивший белого мужчину, получил один год в исправительном учреждении. А всего за неделю до линчевания

Шокнесси, белый человек, убивший белого человека, но имевший влиятельных политических друзей, остался на свободе!

На следующее утро после убийства Коллиса газета *Daily Sun* опубликовала на первой странице крупным шрифтом список убийств, совершенных в Спрингфилде за последнее время, и редакционно спросила:

"Что вы собираетесь с этим делать?".

И сама же ответила на свой вопрос:

"Ничего".

На следующее утро, после линчевания, та же газета напечатала в своих заголовках:

УЖАСНЫЙ УПРЕК СУДАМ

Они мирились с преступными классами, пока не иссякло их терпение

Я привожу эти факты, чтобы показать, какие условия лежат в основе Спрингфилда; почва, богато подготовленная для вспышки самосуда - коррумпированная политика, мерзкие салуны, закон, парализованный неисполнением против порока, большое количество продажных негритянских голосов, распушенные суды.

Сбор мафии для линчевания

В понедельник днем толпа начала собираться. Сначала это была нелепая, неэффективная толпа, состоящая в основном из незаконных мальчишек от шестнадцати до двадцати лет - характерная черта каждой толпы - с широкой каймой более респектабельных граждан, руки в карманах и без убеждений в душе, с любопытством и беспомощностью взирающих на происходящее. Они с улюлюканьем собрались вокруг тюрьмы, сначала трусливые, как и все толпы, но с наступлением темноты становились все смелее, и никто не пытался их остановить. Убийство Коллиса не было ужасным, душераздирающим преступлением, как в Стейтсборо, штат Гавайи; эти люди в толпе не были личными друзьями убитого; это была толпа из задних комнат кишаших салунов Спрингфилда; в нее входили также праздные мальчишки, "которые слоняются вокруг сигарных магазинов", как сказал мне один наблюдатель. В газетных отчетах очень любят описывать толпы линчевателей как "состоящие из лучших граждан города". В немногих известных мне случаях, как на юге, так и на севере, за исключением районов в глубинке, толпа состояла из тех, кого можно назвать лучшими гражданами; но лучшие граждане часто стояли вдали, "осуждая толпу", как сказал мне один человек из Спрингфилда, и позволяли ей продолжаться. Толпа - это метод, с помощью которого добропорядочные граждане передают закон и правительство в руки преступных или безответственных слоев населения.

И ни у одного представителя власти в Спрингфилде в тот вечер, судя по всему, не было и унции смелости. Вышел шериф и произнес слабую речь, в которой сказал, что "не хотел никого обидеть". Они забросали его камнями и разбили окна. Начальник полиции отправил в тюрьму восемнадцать человек, но сам к ней не подошел. Все эти полицейские, несомненно, сочувствовали толпе в ее стремлении добраться до убийцы своего брата-офицера; по крайней мере, они не предприняли ничего действенного, чтобы предотвратить линчевание. К мэру обратились с призывом вызвать машинные роты, чтобы направить воду на толпу. Он ответил, что не хочет этого делать: *шланг может быть перерезан*. Роту местного ополчения

вызвали в казармы, но командир колебался, колебался, сомневался в своих полномочиях и в конце концов возразил, что у него нет боеприпасов, *кроме* патронов Крага-Джоргенсона, которые, если стрелять в толпу, убьют слишком много людей! В ту ночь солдаты не выходили из безопасных и уютных помещений своих оружейных складов.

Похоже, что в таком городе, как Спрингфилд, служителей закона поражает какая-то сухая гниль, моральный паралич. Чего можно ожидать от офицеров, которые не привыкли исполнять закон, или от людей, не привыкших ему подчиняться, - или которые делают оговорки и исключения, когда исполняют закон или подчиняются ему?

Угрозы линчевать судей

Когда шериф обратился к толпе с речью, призывая их позволить закону действовать по своему усмотрению, они подняли его на смех. Закон! Когда в прошлом в округе Кларк закон действовал по своему усмотрению? Кто-то крикнул, обращаясь к Диксону:

"Его оштрафуют только за стрельбу в черте города".

"Он получит десять дней тюрьмы и условный срок".

Затем раздались голоса:

"Давайте повесим Мауэра и Миллера" - двух судей.

Эта угроза часто повторялась и в ночь линчевания, и на следующий день.

В конце концов толпа пришла и выломала дверь тюрьмы железнодорожным рельсом. Говорят, что эта тюрьма - самая крепкая в Огайо, и, увидев ее, я могу поверить, что это правда. Но стальные решетки еще никогда не спасали от толпы; для этого нужно нечто гораздо более сильное: человеческое мужество, подкрепленное сознанием своей правоты.

Они хладнокровно убили негра в дверях тюрьмы, затем оттащили его на главную деловую улицу и повесили на телеграфном столбе, после чего изрешетили его безжизненное тело выстрелами из револьвера.

Урок повешенного негра

На этом все и закончилось! Правосудие мафии свершилось! И негр висел до рассвета следующего утра - невыразимо жуткий, болтающийся ужас, рекламирующий позор города. Его голова была шокирующе изогнута на одну сторону, потрепанная одежда, нарезанная на сувениры, обнажала местами голое тело: с него капала кровь. И вместе с толпами мужчин, как здесь, так и в морге, где тело было выставлено на всеобщее обозрение, пришли мальчишки в панталонах, маленькие девочки и женщины - десятками, полные ужаса, но любопытства. Они приезжали даже с детскими колясками! Мужчины шутили: "Мертвый ниггер - хороший ниггер". А пурпурный слепец, человек с долларами и центами, самый презренный из всех, поздравлял публику:

"Это сэкономит округу кучу денег!"

Значимые уроки для молодежи!

Но толпа еще не закончила свою работу. Легкомысленные люди думают, что, повесив негра, толпа спокойно идет по своим делам; но толпа никогда так не поступает. Вырвавшись на

свободу, дух анархии распространяется и распространяется, не утихая до тех пор, пока не совершит свою полную меру зла.

Мафия сжигает негритянские салуны

Весь следующий день грохочущая, разъяренная толпа заполняла улицы Спрингфилда, угрожая сжечь пресловутый Levee, угрожая судьям Мауэру и Миллеру, угрожая "черномазым". Местные войска, не говоря уже о полиции, которая могла бы легко разогнать толпу, оставались в своих арсеналах, колеблясь, сомневаясь в своих силах, зная об угрозах сжечь и уничтожить, и не делали ни одного движения в сторону защиты населения. Одному из капитанов даже разрешили отправиться в соседний город на танцы! В то же время охваченные паникой чиновники созывали войска из других городов. Наступила ночь, толпа собралась вокруг пресловутых притонов, кто-то чиркнул спичкой, и места преступлений внезапно изгнали своих нечистых обитателей. Черные и белые, они вываливались наружу и исчезали во тьме, где им и место, откуда они уже не возвращались. Восемь зданий затянуло дымом, а пожарная команда медлила - говорят, намеренно, - пока пламя не стало неуправляемым. Войска, почти изгнанные прокурором округа Макгрю, появились после того, как толпа закончила свою работу.

Хорошая работа, плохо сделанная, живая демонстрация неизбежности закона - если не упорядоченного, достойного закона, то закона толпы.

В течение нескольких дней после этого войска заполняли Спрингфилд, что стоило штату больших денег, а округу - больших средств. В основном они охраняли общественный фонтан; толпа разошлась по домам - до следующего раза.

Усилия по наказанию мафии

Что произошло после этого? Военный трибунал, который абсолютно ничего не сделал. Большое жюри, состоявшее из действительно добропорядочных граждан, заседало неделями, то и дело отрываясь от работы; и, подобно горе, которая мучилась и родила мышь, они предъявили обвинения двум мальчикам и двум мужчинам из всей этой толпы, но не в убийстве, а в "проникновении в тюрьму". И, что весьма любопытно, в результате - как это бывает? - оказалось, что все члены большого жюри были республиканцами, выбранными республиканскими чиновниками округа, и в своем отчете они сурово порицали полицию (демократы) и мэра (демократы) и ни слова не сказали о шерифе (республиканцы). Любопытно, что и общественность не пришла в восторг от отчета этого большого жюри.

Но самым страшным в этом спрингфилдском линчевании была апатия общественности. Казалось, никому не было до этого дела. Повесили "черномазого", и что с того? Но ведь линчевали сам закон. Что с того? Я только что приехал с Юга, где застал жителей нескольких городов, где линчевали, в состоянии глубокого возбуждения - морального возбуждения, если хотите, - они думали об этой проблеме, ссорились из-за нее, изгоняли людей из церкви, объявляли импичмент шерифам, с позором увольняли целые роты ополчения. Здесь, в Спрингфилде, я обнаружил холодную апатию, за исключением нескольких прекрасных граждан, один из которых, городской адвокат Стюарт Л. Татум, незамедлительно предложил свои услуги шерифу и помог в тщетной попытке увести негра в закрытой повозке, а затем, рискуя подвергнуться личному нападению, искренне пытался помешать целям толпы. Другой из этих граждан, преподобный отец Коган, во вторую ночь беспорядков, рискуя собой,

вступился за толпу; еще один ушел из роты ополчения, потому что она не выполнила свой долг. А затем городские власти всколыхнул слабый спазм праведности: некоторые негритянские салуны были закрыты, но уже через месяц самому отъявленному завсегдаю питейных заведений Херли, негритянскому политическому боссу, было разрешено открыть заведение - через посредничество шурина!

Если когда-либо существовал пример добропорядочного гражданина, лежащего на спине, а на его шее сидит политическая коррупция, то Спрингфилд являл собой пример такого состояния. Здесь не было ни восстановительного движения, ни подъема и организации граждан лучшего сорта. Негритянские притоны постепенно открывались вновь, продолжалась та же коррумпированная политика, и результат был закономерен и неизбежен. Примерно через два года, в феврале 1906 года, в Спрингфилде вспыхнул еще один расовый бунт, в некоторых отношениях более страшный, чем первый. 26 февраля белый тормоз Мартин М. Дэвис был застрелен цветным Эдвардом Дином в железнодорожных дворах, недалеко от ряда домов негров, пользующихся дурной славой. Негра сразу же вывезли из города, а толпа, собравшаяся в ожидании очередного линчевания, когда ее лишили жертвы, подожгла несколько домов в негритянском поселке. Сразу же была вызвана милиция, но на следующую ночь толпа собралась, как и прежде, и, посетив негритянское поселение, попыталась поджечь другие здания.

Примечательно, что именно в ту ночь, когда произошел этот бунт, городской совет рассматривал постановление, запрещающее использование ширм или других препятствий для обзора внутренних помещений салунов после закрытия в будние дни или по воскресеньям. Комитет совета, благосклонный к интересам салунов, рекомендовал, чтобы совет не принимал этот указ, а передал его на рассмотрение народу на отдаленных выборах, что было совершенно незаконным предложением. Пока Стюарт Л. Татум, городской адвокат, о котором я уже упоминал, доказывал совету незаконность предложения комитета, шум толпы донесся до зала заседаний совета, и друзья постановления воспользовались возможностью отложить заседание и отложить действия, которые, очевидно, привели бы к поражению постановления.

Наконец, в результате обоих этих беспорядков город был слегка взбудоражен; видные граждане создали Гражданскую лигу и решительно осудили *нападение на собственность*; было рекомендовано принять постановление об экранах, и на следующем заседании совета это постановление, на которое наложил вето мэр предыдущей администрации и которое в течение двух лет вызывало большой общественный интерес, было принято и оказалось очень полезным для полицейского управления в контроле над низкими салунами, где размножается дух беспорядков.

От рассказа об этом линчевании я с удовольствием перехожу к другому северному городу, где я нашел такой же удовлетворительный пример того, как нужно обращаться с толпой, какой только знала эта страна.

В Спрингфилде мы увидели почти полное безразличие и апатию перед толпой; в Стейтсборо, штат Гавайи, мы обнаружили решительный элемент правопорядка, недостаточно сильный, однако, чтобы сделать многое; в Хантсвилле, штат Алабама, мы получили огромное моральное пробуждение. В Дэнвилле, штат Иллинойс, мы видим пример того, как закон был оправдан, великолепно и полностью, благодаря героизму одного человека, подкрепленному впоследствии здоровым общественным мнением.

Характер Дэнвилла, штат Иллинойс.

Дэнвилл во многом похож на Спрингфилд, штат Огайо. Здесь росло негритянское население, и пробуждались расовые предрассудки между белыми рабочими и неграми, особенно на соседних угольных шахтах.

Как и в других местах, где происходили линчевания, я обнаружил, что округ Вермилион, резиденцией которого является Дэнвилл, также отличается большим числом убийств и других преступлений. Там каждые шестьдесят дней совершалось по одному убийству; на судебном заседании, предшествовавшем линчеванию, рассматривалось семь дел об убийствах; за всю свою историю в округе ни разу не было законного повешения, хотя он пережил два линчевания. Криминальный рекорд округа Вермилион в то время превышали только округ Кук (Чикаго) и округ Сент-Клер (Ист-Сент-Луис), где предыдущим летом произошло ужасное линчевание негра-школьника (в Бельвиле).

История голодающего негра

Преступление, вызвавшее беспорядки, совершил знакомый нам бродячий негр с Юга - в данном случае негр из Кентукки по имени Уилсон - жалкое, неграмотное, полуголодное существо, следовавшее за цирком. Он попрошайничал по дороге в Индиане, но никто не хотел его кормить. Он пересек границу Иллинойса, нашел открытую дверь фермерского дома, увидел на столе еду и бросился туда, чтобы украсть ее. Когда он уходил, появилась хозяйка дома. В животной панике негр бросился к двери и, убегая, сбил женщину с ног. Сразу же поднялся крик о попытке преступного нападения, но шериф сказал мне, что женщина никогда не выдвигала такого обвинения, а негр доказал всю правдивость своего утверждения, что он голодал; он был настолько истощен голодом, что даже после ареста шериф не осмелился дать ему полноценный обед.

Жаркая погода и толпы

Но этого было достаточно, чтобы разжечь дух толпы. Был вечер субботы, 25 июля, и в городе собралась обычная толпа со всей округи. Среди них было много шахтеров, которые только что получили зарплату и пили. Как и в Спрингфилде, в городе было очень много салунов - девяносто один в радиусе пяти миль, при населении около 25 000 человек. Большинство северных городов в этом отношении гораздо хуже, чем средний южный город. Ночь была жаркой, а в жаркую погоду толпы действуют лучше всего. Статистика показывает, что подавляющее большинство линчеваний происходит летом, особенно в июле и августе.

Было известно, что шериф привел в тюрьму своего негра, и это преступление широко обсуждалось. Весь город представлял собой некий человеческий зольник, готовый вспыхнуть от искры насилия.

И вот искра появилась в салуне. Негр Меткалф повздорил с известным белым мясником по имени Генри Гаттерман. Оба выпили. Негр выхватил револьвер и застрелил Гаттермана. Мгновенно город охватило волнение. Появилась полиция, арестовала Меткалфа и с большим трудом доставила его в полицейский участок, где его заперли. Мгновенно образовалась толпа. Поначалу ее возглавляла толпа беззаконных мальчишек от шестнадцати до восемнадцати лет. Быстро набрав силу, она ворвалась в здание мэрии, и хотя там находились мэр, начальник полиции и почти вся полиция, они вытащили негра и повесили

его на телеграфном столбе на главной улице города, после чего проделали в его теле множество дырок.

Опьяненные быстрым успехом и, подобно толпе, становящейся все более безрассудной и кровожадной, они направились к тюрьме, намереваясь линчевать негра Уилсона. Это была гораздо более уродливая толпа, чем все те, что я описывал до сих пор; это была пьяная толпа, и она уже почувствовала вкус крови. Она кишела вокруг тюрьмы, кричала, стреляла и разбивала камнями окна.

Строгий шериф

Шериф Харди Х. Уитлок из округа Вермилион никогда не считался особенно выдающимся человеком - за исключением того, что, как мне повсюду говорили, он слыл *строгим шерифом*, человеком, который делал все возможное, чтобы обеспечить соблюдение закона в мирное время. Он и прокурор штата были так усердны, что поймали и наказали в четыре раза больше преступников, чем было осуждено в Чикаго. Шериф был крупным, крепким, неторопливым мужчиной с серыми глазами. Он родился в Теннесси. Его отец был странствующим пресвитерианским проповедником, всегда бедным, делающим добро для всех, кроме себя, и суровым в своих представлениях о добре и зле. Его мать, как рассказывал шериф, заставляла его подчиняться закону с помощью персиковых деревьев. Его история была самой обычной из обычных: не слишком образованный, вынужденный зарабатывать на жизнь, он работал в конюшне. Он был добросовестным, умеренным, дружелюбным. Его избрали констеблем, и он занимал эту должность семь лет. Он был верен своему делу. Его избрали шерифом округа. Он взялся за новое дело так же, как и за все остальные, - без особого блеска, но неуклонно выполняя свой долг, ловя преступников. Ему предстояло многому научиться, и он научился. Законы штатов об экстрадиции не давали ему покоя, когда он хотел вернуть заключенных домой. Не было никакого сборника законов по этому вопросу. Нужно было работать. Не будучи юристом, он принялся за работу и составил книгу из пятисот страниц, содержащую все законы страны об экстрадиции, и издал ее за свой счет.

Защита тюрьмы с помощью ружья

И когда в ту ночь наступил критический момент, когда толпа с воем бросилась на его тюрьму, Харди Уитлок настолько привык выполнять свой долг, что не знал, как поступить иначе. Тюрьму надо было защищать, и он собирался ее защищать. Он не стал посылать за войсками - все равно не было времени - и за полицией. У него была пара помощников и жена. Хотя толпа била окна в доме и там были дети, его жена сказала:

"Дай мне пистолет, Харди, и я останусь с тобой".

Шериф вышел на крыльцо, безоружный, в рукавах рубашки, и произнес небольшую речь. Они кричали на него, бросали камни, стреляли из револьверов. Они принесли рельс, чтобы выломать дверь. Он выходил среди них, называл их Биллом, Джимом и Диком и уговаривал их опустить рельс; но другие охотно брались за него.

"Вы собираетесь открыть дверь?" - кричали они.

"Нет!" - сказал шериф.

Тогда он вошел внутрь и достал свое ружье, хорошо заряженное утиной дробью. Он был один человек против двух тысяч. Они начали колотить в железную дверь, кричать и стрелять. Это была не особенно прочная дверь, и она начала поддаваться снизу, а в конце концов прогнулась внутрь настолько, что пропустила тело человека. Наступил решающий момент, и шериф был готов к нему. Он высунул из отверстия свой автомат и начал стрелять. Толпа отступила, но снова бросилась вперед, обезумев от страсти. Шериф снова выстрелил, всего семь раз, а один из его помощников открыл огонь из револьвера. На некоторое время воцарилось столпотворение; они попытались войти в дом тюрьмы; шериф тоже был там с ружьем; они угрожали динамитом и огнем. Они зарубили негра Меткалфа, принесли его к зданию тюрьмы, навалили на тело соломы и попытались сжечь. Часть времени их подстрекала к еще большему насилию женщина, стоявшая в фургоне на другой стороне улицы. Так они бушевали всю ночь, стреляя по тюрьме, но не смея приблизиться к человеку с ружьем.

"В воскресенье, - рассказывал шериф, - я понял, что мне придется несладко. Я знал, что крутые элементы в городе имеют на меня зуб".

Как настоящий шериф наказывал мафию

Они даже угрожали ему на улице. В результате стрельбы многие мужчины получили ранения, некоторые из них - опасные, но никто, к счастью, не погиб. Шериф стоял один в городе. Менее умелый человек мог бы бесславно провалиться. Но Уитлок занялся ближайшими обязанностями: наказанием бунтовщиков. Он выписал ордера и арестовал всех, кого смог найти, кто был перепачкан дробью - неопровержимое доказательство того, что он был в толпе у дверей тюрьмы. Многие бежали из города, но ему удалось поймать двадцать или тридцать человек.

В округе Вермилион тоже был прокурор, который знал свой долг, - Дж. В. Кислар. Судья Томпсон созвал большое жюри, прокурор Кислар энергично взялся за дело, и вот результат: тринадцать мужчин и одна женщина (нарушительница общественного порядка из повозки) были отправлены в тюрьму, еще восемь человек отделались крупными штрафами. В то же время негр Уилсон предстал перед судом, признал свою вину и по закону был наказан сроком заключения в тюрьме.

Фотография Эдмондсона

ЧАРЛЬЗ У. ЧЕСНАТТ

Известный романист, автор романов "Мечта полковника", "Дом за кедами" и др.

"Дом за кедами", "Колдунья" и др.

Мистер Чеснатт - адвокат в Кливленде, штат Огайо.

И народ решительно поддержал своих офицеров. Харди Уитлок стал одним из самых популярных людей в округе. Кислар, баллотировавшийся на перевыборы следующей осенью, с мафиозным законом в качестве основного вопроса, был возвращен на свой пост с подавляющим большинством голосов. Шериф сказал мне, что, по его мнению, успех офицеров в осуждении линчевателей был в значительной степени обусловлен тщательно пробужденным общественным мнением, решительной позицией газет, особенно чикагских, помощью губернатора и ощущением, что за ними стоят лучшие настроения округа.

Выводы относительно линчевания в этой стране

И наконец, мы можем, пожалуй, сделать несколько общих выводов.

Линчевание в этой стране - это в первую очередь бремя белого человека. Белый человек взял на себя всю ответственность за управление страной; он действительно управляет как на Севере, так и на Юге, на Севере лишая негров избирательных прав с помощью денег, на Юге - с помощью закона или запугивания. Весь механизм правосудия находится в его руках. Как остро ощущается необходимость спокойствия и строгой справедливости в обращении с неграми! Ничто так не стремится низвести белого человека до уровня преступного негра, как поддаться слепым инстинктам дикости, которые находят свое выражение в толпе. Человек, который присоединяется к толпе, самими своими действиями ставит себя на один уровень с преступником-негром: оба они полностью отдаются грубой страсти. Ведь если цивилизация что-то значит, то она подразумевает самоограничение; отбросив самоограничение, белый человек становится таким же дикарем, как и преступный негр.

Если белый человек подает пример неподчинения закону, неисполнения закона и неравного правосудия, то чего можно ожидать от негра? Преступный отец - плохой проповедник наставлений для своенравного сына. Негр видит, как человек, белый или черный, совершает убийство и выходит на свободу, снова и снова во всех этих округах линчевания. Почему он должен бояться убивать? Каждая страсть белого человека отражается и подчеркивается в преступном негре.

ГЛАВА X

ИЗГНАННАЯ РАСА В СОСТОЯНИИ БРОЖЕНИЯ

КОНФЛИКТ НЕГРИТЯНСКИХ ПАРТИЙ И НЕГРИТЯНСКИХ ЛИДЕРОВ ПО ПОВОДУ МЕТОДОВ РЕШЕНИЯ ИХ СОБСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Изучая негритянские общины, особенно на Севере, я больше всего интересовался тем, что они так раздираемы кликами и разделены такими широкими разногласиями.

Ни один другой элемент нашего населения не представляет собой подобного состояния; итальянцы, евреи, немцы и особенно китайцы и японцы держатся вместе не только благодаря разнице в языке, но и благодаря укоренившимся и древним национальным привычкам. Они группируются естественным образом. Но негр - американец по языку и обычаям; он не знает других традиций, у него нет другой сознательной истории; значительная часть, правда, обладает в той или иной степени белой американской кровью (беспокойной кровью!), и все же негр не принимается как американец. Вместо того чтобы постепенно терять себя в доминирующей расе, как это делают немцы, ирландцы и итальянцы, добавляя те черты или качества, с помощью которых Время формирует и

изменяет эту человеческую мозаику, называемую американской нацией, негр выделяется как особый народ.

Поэтому перед каждым негром встает важнейший вопрос: "Как мне ответить на эту попытку отбросить меня в одиночку?"

Этот вопрос в той или иной форме - политической, промышленной, социальной - ежедневно, почти ежечасно встает перед каждым негром в этой стране. Он окрашивает саму его жизнь.

"Вы не знаете и не можете знать, - сказал мне один негр, - что такое быть проблемой, понимать, что все наблюдают за тобой и изучают тебя, постоянно думать о собственных действиях". Это заставляет нас думать и говорить о себе больше, чем другие люди. Это сделало нас самосознательными и чувствительными".

Неудивительно, что по такому важному вопросу мнения негров сильно расходятся. На самом деле существует почти бесчисленное множество точек зрения и предлагаемых способов поведения, но все они объединяются в две большие партии, которые с каждым днем становятся все более отчетливыми по очертаниям и целям. Обе партии существуют во всех частях страны, но именно на Севере борьба между ними наиболее очевидна. Среди негров Севера я обнаружил более острые чувства и более ожесточенные дискуссии о расовых отношениях, чем среди негров Юга. Если вы хотите услышать, как расовый вопрос обсуждается с огнем и пылом, поезжайте в Бостон!

В течение двухсот пятидесяти лет у негра не было ни мысли, ни руководства, ни партий; затем его внезапно освободили, и он стал, насколько это мог сделать закон, неотъемлемой и неотличимой частью американского народа. Но только в нескольких местах на Севере и среди сравнительно небольшого числа людей он когда-либо приблизительно достигал положения свободного гражданина, когда он действительно пользовался правами, предоставленными ему законом. На Юге он никогда не был свободен ни политически, ни социально, ни промышленно в том смысле, в каком свободен белый человек, и не является таковым по сей день.

Но в Бостоне и в других северных городах, в меньшей степени, группа негров достигла, по сути, равного гражданства. Несколько семей ведут свою родословную от самых истоков цивилизации в этой стране, другие были свободными задолго до войны, некоторые имеют заслуги в революционной войне, которыми их потомки очень и очень гордятся. В некоторых семьях гораздо больше белой крови, чем черной; хотя перепись показывает, что только около 40 процентов негров Бостона - мулаты, реальная доля, несомненно, гораздо выше.

Во времена отмены рабства эти негры пользовались большим уважением. Многие из них достигли и сохранили определенное реальное положение среди белых; им даже предоставлялись необычные возможности и милости. Они находили такое место, какое образованный негр мог бы найти сегодня (или, по крайней мере, находил бы несколько лет назад) в Германии. В некоторых случаях они становились богачами. В то время, когда Север был страстно заинтересован в отмене рабства, цвет кожи иногда давал негру особые преимущества и даже почести.

В течение нескольких лет после войны такое положение сохранялось; затем начался поток иммиграции негров с Юга, который сначала был просто ручейком, но затем все больше и больше увеличивался, и до сих пор все наши северные города кишат цветными колониями. В связи с увеличением численности негритянского населения и по другим причинам, о

которых я уже упоминал, настроения на Севере в отношении негров претерпели быстрые изменения.

Как проводятся цветные линии

Теперь трагедия негра заключается в цвете его кожи: он легко узнаваем. Человеку свойственно классифицировать людей по внешним признакам. Когда начали проводить черту, она была проведена не только против недостойного негра, но и против негра. Она была проведена не столько высокоинтеллектуальным белым человеком, сколько белым человеком. И не только белый человек провел ее, но и сами негры проводят ее - и с каждым днем все больше и больше. Так мы проводим черту в этой стране против китайцев, японцев и в некоторой степени против евреев (и они помогают проводить ее). Поэтому мы с пренебрежением говорим о "дагонах" и "квадратных головах". Правильно это или нет, но в нашем нынешнем состоянии цивилизации эти линии проведены. Они здесь; их нужно заметить и разобраться с ними.

Каков же результат? Северный негр, наслаждающийся свободной жизнью в Бостоне и Филадельфии, страстно протестует против проведения цветовой линии: он хочет, чтобы на него смотрели, и совсем не противоестественно, поскольку он обладает человеческими амбициями и желаниями, исключительно по его достоинству как человека, а не как негра.

В Филадельфии я слышал о старых филадельфийских неграх, в Индианаполисе - о старых индианаполисских семьях, в Бостоне проводили резкое различие между "бостонскими неграми" и недавним южным импортом. Даже в Чикаго, где нет ничего старого, я обнаружил тот же дух.

Короче говоря, это протест против разделения, против лишения преимуществ и возможностей свободной жизни. На Юге самые умные и образованные негры, как правило, являются лидерами своей расы, но в северных городах некоторые из самых способных негров не хотят иметь ничего общего с массами своего народа или с расовыми движениями; они держатся в стороне, утверждая, что никакой цветовой границы нет, а если и есть, то ее не должно быть. Их ассоциации и бизнес в основном связаны с белыми людьми, и они страстно цепляются за более полную жизнь.

Фотография Димока

ДР. БУКЕР Т. ВАШИНГТОН

"Когда я болею, - сказал мне один из них, - я иду не к негритянскому врачу, а к доктору. Цвет кожи здесь ни при чем".

На Юге происходит то же самое общее вытеснение негров неграми, конечно, в неизмеримо более широких масштабах. Лишение избирательных прав отделяет их политически, законы Джима Кроу отделяют их социально и физически, враждебность белой рабочей силы в некоторых профессиях отталкивает их в промышленной деятельности. Но на Юге нет таких разительных контрастов, как на Севере, потому что ни один южный негр не был удостоен высокой степени гражданственности.

Две великие негритянские партии

Теперь негры страны отвечают на растущую дискриминацию по отношению к ним двумя способами, из которых выросли две великие партии, о которых я уже говорил. Одна партия возникла, естественно, из мышления северных негров и является продуктом свободы, которой пользуются северные негры; хотя, конечно, она находит много последователей на Юге.

Другая - естественный продукт совершенно иных условий на Юге, где негр не может высказывать свое мнение, где он никогда не реализовывал в значительной степени свободное гражданство. Обе возглавляют способные люди, и обе поддерживаются газетами и журналами. Дело дошло до того, что большинство негров, обладающих хоть каким-то интеллектом, заняли место на той или иной стороне.

Вторая партия, которую лучше всего, пожалуй, рассматривать первой, состоит из огромной массы цветного населения как Юга, так и Севера; ее бесспорным лидером является Букер Т. Вашингтон.

Возвышение Букера Т. Вашингтона

В новейшей истории негров не было ничего более примечательного, чем рост влияния Вашингтона как лидера, и распространение его идеалов образования и прогресса. Примечательно, что он родился на Юге, был рабом, близко знал общую тяжелую жизнь своего народа и отношение к нему белой расы. Он получил образование в южных школах и окончил Хэмптон - историю, которую лучше всего рассказывает он сам в своей книге "Вверх из рабства". Он был и остается южанином по своим чувствам и взглядам. Когда он начал думать, как лучше помочь своему народу, перед ним встал тот же вопрос, что и перед каждым негром:

"Что нам делать с этой дискриминацией и разделением?".

И он был тем типом характера, который отвечал: "Извлекать из этого лучшее; преодолевать это с помощью саморазвития".

Суть его доктрины заключается в следующем:

"Исправься сам, и мир будет в порядке".

Вся его работа и вся его жизнь говорили белому человеку:

"Ты отделил нас от себя. Мы вам не нужны. Хорошо, мы будем отдельно. Мы можем преуспеть как негры".

Это доктрина оппортуниста и оптимиста: в особенности, конечно, доктрина человека земли, который поднялся на борьбу, имея дело с миром не так, как ему хотелось бы, а так, как он его обгоняет. Многие великие лидеры были такими: Линкольн был одним из них. Они обладают простотой и терпением почвы, а также огромным мужеством и верой. Чтобы не быть раздавленными обстоятельствами, они развивают юмор; они смеются над своими проблемами. Вашингтон обладает всеми этими качествами обычной жизни: он в высокой степени обладает тем, что кто-то назвал "великой простотой". И наконец, он просто верит в человечество и в справедливые цели Создателя человечества.

Будучи надеющимся оппортунистом, Вашингтон берет негра таким, каким он его находит, - зачастую невежественным, слабым, робким, окруженным враждебными силами, - и говорит ему, чтобы он шел работать на что угодно, куда угодно, но иди на работу, учись работать лучше, экономь деньги, имей лучший дом, расти лучшую семью.

Чему Вашингтон учит негров

Центральной идеей его доктрины, действительно, является работа. Он учит, что если негр реальным трудом завоюет прочное экономическое положение в стране, то другие права и привилегии придут к нему сами собой. Он должен получить свои права не в подарок от белого человека, а заработав их сам.

"Я заметил, - говорит он, - когда я впервые приехал в Таскиги, чтобы основать Таскигинский нормальный и промышленный институт, что некоторые белые люди смотрели на меня с сомнением. Я думал, что смогу повлиять на них, рассказывая, как много алгебры, истории, науки и всех этих вещей у меня в голове, но они относились ко мне примерно так же, как и раньше. Похоже, их не волновали ни алгебра, ни история, ни наука, которые были только в моей голове. Эти люди даже не начали доверять мне, пока мы не начали строить большое трехэтажное кирпичное здание, а потом еще одно и еще, и теперь у нас восемьдесят шесть зданий, построенных в основном трудом наших учеников, и сегодня мы пользуемся уважением и доверием всех белых людей в этом районе".

"Есть несомненное влияние, которое оказывается на белого человека, когда он видит чернокожего, живущего в двухэтажном кирпичном доме, за который заплачено".

В другом месте он изложил свои представления о том, каким должно быть образование:

"Как бы я хотел, чтобы, начиная с самого культурного и высокооснащенного университета на Севере и заканчивая самой скромной школьной хижинкой в Алабаме, мы смогли вбить в сердца и головы всех, что польза, что служение брату - это высшая цель образования".

Именно обучению служению в высшем смысле этого слова и была посвящена вся жизнь Вашингтона. Хотя он призывает каждого негра достичь как можно более высокого положения, он считает, что огромные массы негров сегодня лучше всего приспособлены к ручному труду; его доктрина заключается в том, что их следует научить лучше выполнять этот труд: когда будут заложены основы разумной промышленности и деловой предприимчивости, высшие призвания и почести придут сами собой.

Он делает акцент скорее на обязанностях, чем на правах. Он не советует неграм отказываться ни от одного права: напротив, он призывает своих людей в полной мере использовать все права, которые у них есть или которые они могут получить, - например, голосовать везде, где это возможно, и голосовать обдуманно. Но он считает, что некоторые из прав, которые предоставил неграм, были утрачены, потому что у негров не хватило ни мудрости, ни силы, чтобы использовать их должным образом.

Влияние Вашингтона на свой народ

До сих пор в этих статьях я мало говорил о Букере Т. Вашингтоне, но, путешествуя по стране, на юге и севере, изучая негритянские общины, я везде находил его отпечаток в жизни более счастливых людей. Где бы я ни находил процветающее негритянское предприятие,

процветающий бизнес, хороший дом, там я почти наверняка находил фотографию Букера Т. Вашингтона над камином или небольшой девиз в рамке, выражающий его евангелие труда и служения. Мне приходилось слышать горькие слова о мистере Вашингтоне как от цветных, так и от белых. Я ждал и расследовал многие из этих историй и рассказываю здесь то, что я видел и знал о его влиянии на тысячи простых, борющихся людей. Многие высокообразованные негры, особенно на Севере, недолюбливают его и выступают против него, но он принес новую надежду и придал новое мужество массам своей расы. Он дал им рабочий план жизни. А есть ли более высокий критерий полезности? Если оценивать Вашингтона по любым меркам, белым или черным, то сегодня он считается одним из великих людей этой страны, и в будущем ему будет оказана такая честь.

Доктор Дю Буа и негры

Партия, возглавляемая Вашингтоном, состоит из широких народных масс; радикальная партия, с другой стороны, представляет то, что можно назвать интеллектуалами. Ведущим выразителем ее точки зрения, несомненно, является профессор Атлантского университета У. Э. Б. Дю Буа, хотя, как и все партии меньшинства, она раздираема разногласиями и недовольством. Доктор Дю Буа родился в Массачусетсе в семье, не имевшей отношения к рабству на Юге. В его крови много примеси белой крови. Получивший широкое образование в Гарварде и университетах Германии, сегодня он является одним из выдающихся социологов этой страны. Его экономические исследования негров, проведенные для правительства Соединенных Штатов и для конференции в Атлантском университете (которую он организовал), - это работы с глубокой эрудицией, и они предоставляют студенту лучший источник точной информации о неграх, доступный в настоящее время в этой стране. И ни одна книга не дает более глубокого представления о внутренней жизни негра, его борьбе и стремлениях, чем "Души черного народа".

Доктор Дю Буа обладает темпераментом ученого и идеалиста - критичным, чувствительным, невеселым, нетерпеливым, часто прикрывающим свои глубокие чувства сарказмом и цинизмом. Когда перед ним встал вопрос:

"Что делать неграм с дискриминацией?", его ответ был полной противоположностью ответа Вашингтона: это был голос Массачусетса:

"Не покоряться! Агитировать, возражать, бороться".

Там, где Вашингтон обращался к сердцам своих людей, Дю Буа взывал к их головам. Дю Буа - не лидер людей, как Вашингтон: он скорее пропагандист идей. Пока Вашингтон строит великое учебное заведение и организует практическую деятельность расы, Дю Бойс - одинокий критик, отстаивающий далекие идеалы. Там, где Вашингтон культивирует дружеские человеческие отношения с белыми людьми, среди которых выпала участь негра, Дю Буа, чувствительный к отказам, все больше и больше отдаляется от белых людей.

Негритянская декларация независимости

Несколько лет назад Дю Буа организовал Ниагарское движение с целью протеста против проведения цветовой границы. Это движение важно не столько из-за численности его членов, которая невелика, сколько потому, что оно искренне представляет более или менее распространенную точку зрения среди многих цветных людей.

Декларация принципов организации гласит:

Мы отказываемся позволить сохраниться впечатлению, что негр-американец соглашается с неполноценностью, покорно терпит угнетение и извиняется перед оскорблениями. В силу своей беспомощности мы можем покориться, но голос протеста десяти миллионов американцев никогда не должен перестать доноситься до ушей их собратьев, пока Америка несправедлива.

Любая дискриминация, основанная только на расе или цвете кожи, является варварством, и нас не волнует, насколько она освящена обычаем, целесообразностью или предрассудками. Различия, вызванные невежеством, безнравственностью или болезнями, - это законные методы борьбы со злом, и против них мы не имеем права протестовать, но дискриминация, основанная только на физических особенностях, месте рождения, цвете кожи, - это пережиток той неразумной человеческой дикости, которой мир стыдится и должен стыдиться.

Цель движения - протест против лишения гражданских прав и законов Джима Кроу, требование равных прав на образование, равных гражданских прав, равных экономических возможностей и справедливости в судах. Они заявляют, что лишение негра избирательного права - это лишь шаг к экономическому рабству, что оно оставляет негра беззащитным перед конкурентом, что за законами о лишении избирательных прав на Юге следуют всевозможные другие дискриминации, препятствующие прогрессу негра.

"Настойчивая мужественная агитация - вот путь к свободе", - говорится в декларации, - "и к этой цели приступило Ниагарское движение".

Ежегодная встреча движения состоялась в августе прошлого года в Бостоне, главное собрание проходило в Фэнуил-холле. Каждое упоминание в речах Гаррисона, Филлипса и Самнера встречалось эхом. "Это выглядело, - говорится в одном из газетных отчетов, - как возрождение старого духа аболиционизма, только без белого человека".

Несколько организаций в стране, таких как Лига суфражистов Новой Англии, Лига равных прав Джорджии и другие, занимают примерно ту же позицию, что и движение в Ниагаре.

Партия, возглавляемая доктором Дю Буа, - это, в общем, партия протеста, которая стремится предотвратить отделение негров и дискриминацию негров путем агитации и политического влияния.

Сравнение двух негритянских партий

Эти две точки зрения, конечно, не свойственны неграм; они разделяют всю человеческую мысль. Оппортунист и оптимист, с одной стороны, делает свою великую работу с миром, каким он его находит: он изобретателен, конструктивен, привычен. С другой стороны, идеалист, агитатор, который также является пессимистом, выполняет функцию критика, он видит мир таким, каким он должен быть, и призывает к его немедленному изменению.

Так и с этими двумя великими негритянскими партиями. Каждая из них работает, по сути, на одну и ту же цель - улучшение условий жизни для негров, в каждой есть смелые и честные люди, и каждая из них по-человечески уверена, что другая сторона не только не права, но и порочна, в то время как обе партии нужны и обе выполняют полезную функцию.

Фотография Пурди

ДР. У. Е. Б. ДЮ БУА
из Атлантического университета

Главным, а в настоящее время почти единственным газетным выразителем радикальной негритянской точки зрения является "Бостон *Гардиан*", издаваемая Уильямом Монро Троттером. Мистер Троттер - мулат, несколько лет назад с отличием окончивший Гарвард. В его жене, которая активно участвует в его работе, так мало негритянской крови, что ее можно принять за белую. Отец мистера Троттера участвовал в Гражданской войне и дослужился до звания лейтенанта в Массачусетском полку полковника Халлоуэлла. Он был одним из лидеров негров-солдат, которые отказывались принимать 8 долларов в месяц в качестве прислуги, в то время как белые солдаты получали 13 долларов. Он утверждал, что если негр-солдат встал и остановил пулю, то он так же ценен для страны, как и белый солдат. Хотя его

семья страдала, он служил без жалованья, а не соглашался на деньги. Это был бескомпромиссный дух Гаррисона и Филлипса.

Агитационная негритянская газета

В некоторых своих обличениях *"Гардиан"* столь же яростна и ожесточенна, как и самая реакционная белая газета Юга. Она хочет, чтобы Север снова взял в руки оружие и наказал Юг за его позицию по негритянскому вопросу! Она дышит духом предрассудков. Читая ее, я иногда вспоминаю речи сенатора Тиллмана. На белую рекламу, которую на Юге дают преступлениям чернокожих против белых женщин, она отвечает длинными рассказами о подобных преступлениях белых мужчин. Одним из главных пунктов ее конфликта является позиция президента Рузвельта в отношении бунта в Браунсвилле и увольнения негров-солдат; нападки на Рузвельта не прекращаются, и, по крайней мере, в этом вопросе его поддерживает, несомненно, немалая часть негров страны. Другим ведущим направлением деятельности является борьба с Букером Т. Вашингтоном и его деятельностью. В ней Вашингтон осуждается как "известный и неисправимый джим-кроуист", и говорится, что он "осмеливается утверждать, что лучший способ добиться прав - это не противостоять их отнятию, а получить деньги". Два или три года назад, когда мистер Вашингтон отправился в Бостон, чтобы выступить перед цветной аудиторией в церкви Сиона, мистер Троттер и его друзья рассыпали кайенский перец на трибуне и устроили беспорядки, которые сорвали собрание. За этот проступок мистер Троттер отправился в тюрьму. Из газеты *"Гардиан"* от 2 сентября я вырезал часть главной редакционной статьи, которая покажет его отношение:

ПРОРОК РАБСТВА И ПРЕДАТЕЛЬ РАСЫ

Еще одним свидетельством вероломного характера Букера Вашингтона в вопросах, касающихся расы, стали его противоречивые высказывания в поддержку министра Тафта на пост президента Соединенных Штатов, несмотря на то, что все негритянские организации, имеющие хоть какое-то значение для дела равных прав и справедливости, осудили президента Рузвельта за его непростительное обращение с солдатами 25-го пехотного полка США, и министра Тафта за его двуличие, и заявили о своей решимости добиваться поражения любого из них, если он будет выдвинут на пост президента Соединенных Штатов, или любого, кого они выдвинут на этот пост. Букер Вашингтон, вечно озабоченный собственными эгоистическими амбициями, равнодушный к воплям расы до тех пор, пока он получает одобрение белых людей, которые не верят в негра, бросает вызов абсолютно единодушному призыву всех фракций расы в пользу Форакера. Вождь искателей себя, он упорно, но, хвала небесам, безуспешно, пытался запутать всю расу в сетях подчинения. Зная, что раса может быть спасена только борьбой с трусостью, мы столь же упорно сопротивлялись каждой его попытке водрузить свой белый флаг на полях равных мужских прав, и наши усилия были вознаграждены всеобщим осуждением его доктрин подчинения и полным устранением его как возможного лидера своей расы.

Вообще говоря, радикальная партия борется с любым движением, которое стремится провести цветовую линию.

Бостонская гостиница для цветного населения

Одним из предприятий Бостона, которое меня очень заинтересовало, был негритянский отель "Астор Хаус", который обслуживается неграми для негритянских гостей. В нем 200

номеров, в каждом из которых есть телефон, ресторан и другие удобства. Мне показалось, что это хороший пример негритянской самопомощи, которым негры должны гордиться. Но когда я рассказал об этом одному знакомому цветному, то обнаружил, что он яростно возражает против этого.

"Почему отели для цветных?" - спросил он. "Я верю в отели для мужчин. Цветной человек не должен сам проводить линию, если не хочет, чтобы это делал белый человек. Он должен постоянно требовать и настаивать на своих правах американского гражданина".

В Бостоне и других северных городах я нашел много негров, которые придерживались такой позиции. Белая женщина, пытавшаяся создать миссию помощи и спасения для цветных девочек, подобную тем, что действуют для евреев, итальянцев и других национальностей в других городах, встретила яростный отпор на том основании, что это создаст прецедент дискриминации. Точно так же решительный протест вызвали отдельные поселения (хотя в Бостоне есть отдельное поселение для евреев) и предлагаемый отдельный Y. M. C. A.. Все, что стремится выделить негра как негра, независимо от того, делает это белый человек или негр, вызывает резкий протест со стороны этой партии цветного населения.

Они боролись с Джеймстаунской выставкой, потому что на ней было негритянское здание, которое они называли "приложением Джима Кроу", и они боролись с Национальным христианским съездом, потому что руководители не могли обеспечить негритянским делегатам абсолютно равные условия в гостиницах и ресторанах. Конечно, осуждение белого Юга непрерывно и горько. Однако примечательно, что даже лидеры движения не только признают и выпускают отдельные газеты и просят негров поддержать их, но и призывают негров держаться вместе в политической сфере.

Бостонские негры в глазах нью-йоркской негритянской газеты

Но значительная часть цветных газет в стране, самой сильной и способной из которых, пожалуй, является "Нью-Йорк Эйдж", поддерживает Вашингтона и его идеалы. Бостонский корреспондент "Эйдж" недавно сказал:

В Бостоне, к несчастью, есть зал, который мы можем получить бесплатно: мы имеем в виду Фэнуил-холл. Фейнуил-холл работает на все сто. Не проходит и месяца, чтобы толпа афроамериканцев в Faneuil Hall не бросала вверх свои шляпы, не кричала и не впадала в истерику по какому-нибудь поводу, обычно относящемуся к кому-нибудь за тысячу миль отсюда, но никогда не относящемуся к условиям прямо у нас дома. Лучшая часть негров и большинство наших белых друзей в этом городе испытывают отвращение к политике, которая проводится и проводится уже несколько месяцев в Бостоне. Ваш корреспондент не может привести лучшего доказательства этого отвращения, чем сообщить, что несколько дней назад в Фэнуил-Холле состоялось одно из этих истерических собраний, и наши люди кричали, плакали и агитировали в течение двух часов и более. На следующий день ни в одной из ведущих газет, таких как "Геральд" и "Транскрипт", не было ни строчки об этом собрании. Несколько лет назад, если бы в Фэнуил-Холле проходило собрание под руководством безопасных и консервативных афроамериканцев, обе эти газеты и газеты подобного толка посвятили бы обсуждению этого события от двух до трех колонок. Теперь же в Бостоне такие встречи проходят в полном одиночестве.

Если и было место, где у негра, кажется, больше свободы, чем он знает, что с ней делать, так это в этом городе.

Несмотря на агитацию радикальной партии против проведения цветовой границы, разделение все еще продолжается. И это не просто требование белого человека, чтобы негр сам отошел в сторону, ведь негр сам проводит цветовую линию, и проводит ее с не меньшим энтузиазмом, чем белый человек. Развивается подлинный расовый дух или расовое сознание. Негры встречают предрассудки саморазвитием.

Знаменательно, что многие негры, которые еще несколько лет назад называли себя "афроамериканцами" или "цветными американцами" и морщились от названия "негр", теперь с гордостью используют "негр" как название расы. Будучи в Индианаполисе, я зашел в негритянскую церковь, чтобы послушать речь У. Т. Вернона, одного из ведущих цветных людей страны, который был назначен президентом Рузвельтом Регистром казначейства Соединенных Штатов. На стенах церкви висели фотографии цветных людей, добившихся чего-то для своей расы, а суть выступления оратора сводилась к призыву к расовой гордости и требованию, чтобы раса стояла за себя, поощряла негритянский бизнес и покровительствовала негритянской промышленности. Все это, безусловно, важно.

Как негры сами проводят цветовую линию

Давление на разделение среди самих негров стремительно усиливается. Там, где на Севере есть смешанные школы, негры часто требуют раздельного обучения. Негритянская газета *Philadelphia Courant*, возражая против этого нового чувства, говорит

Общественные настроения, если говорить о белых людях, не возражают против смешанной системы школьного образования в нашем городе и вполноту так, как, похоже, возражают сами афроамериканцы. Мы считаем их главными противниками.

Одна из причин, почему на Юге сегодня лучше развито негритянское предпринимательство, почему Букер Т. Вашингтон считает, что Юг - лучшее место для негра, чем Север, и советует ему оставаться там, - это более развитый расовый дух. Там предрассудки острее, и негр вынужден полагаться на собственные силы.

Доктор Фрисселл из Хэмптона постоянно говорит со своими студентами о "преимуществах недостатков".

Меня очень поразило замечание одного негритянского бизнесмена, с которым я познакомился в Индианаполисе:

"Проблема здесь в том, - сказал он, - что против нас недостаточно предрассудков".

"Как это?" поинтересовался я.

"Ну, видите ли, мы все еще слишком сильно цепляемся за юбки белых людей. Когда вы станете ненавидеть нас еще больше, это сплотит нас и заставит поддерживать цветные предприятия".

Будучи в Чикаго, я услышал интересную иллюстрацию этой идеи. С ростом числа негритянских студентов усилились предрассудки в чикагских медицинских школах, и до недавнего времени некоторые из них по договоренности были закрыты для цветных аспирантов. По поводу этого условия негритянская газета "*Чикаго Консерватор*" пишет: "Причина этого необычного объявления в том, что южные студенты возражают против присутствия негров в классах. Теперь негритянские врачи страны должны ответить на это оскорбление, создав собственную аспирантуру. Они могут это сделать, если у них хватит

мужества, самоуважения и напора. Пусть доктора Холл, Уильямс, Бойд и другие займутся этим".

К этому *New York Age* добавляет:

"Да, пусть у нас будет своя школа такого рода".

И это не праздное предложение. Мало кто представляет себе растущий прогресс негров в медицинской профессии. В августе 1907 года Национальная ассоциация цветных врачей провела свою девятую ежегодную сессию в Балтиморе. На ней присутствовало более трехсот делегатов и членов из тридцати различных штатов. Среди них были выпускники не только Гарварда, Йеля и других белых колледжей, но и цветных медицинских школ, таких как Мехарри и Говардский университет. В нескольких городах были открыты и хорошо поддерживаются негритянские больницы.

Национальная негритянская бизнес-лига

По всей стране негры объединяются в бизнес-лиги, и эти лиги сформировали Национальную бизнес-лигу, которая собралась в августе прошлого года в Топике, штат Канзас. Я не могу лучше передать дух этой работы, которая действительно является практическим духом партии Юга, чем краткая цитата из выступления Букера Т. Вашингтона, который является президентом лиги:

Несмотря на многочисленные разговоры, негры не унывают, а идут вперед. На сегодняшний день эта раса владеет площадью, равной совокупной площади Голландии и Бельгии. Неграм принадлежит больше земли, больше домов, больше магазинов, больше банков, чем когда-либо в его истории. Мы учимся тому, что ни одна раса не может занимать землю, если она не получает от нее столько же, сколько получает любая другая раса. Почва, солнце, дождь и законы торговли не имеют значения для расы и цвета кожи. Мы учимся тому, что должны быть строителями, если хотим добиться успеха. Усвоив этот урок, мы найдем помощь на Юге и на Севере. Мы не должны довольствоваться тем, что нас терпят в сообществах, мы должны сделать себя нужными. Закон, управляющий Вселенной, не знает ни расы, ни цвета кожи. Сила природы с такой же готовностью откликнется на руку китайца, итальянца или негра, как и на руку представителя любой другой расы. Человек может проводить дискриминацию, но природа и законы, управляющие делами людей, не будут и не смогут. Природа не прячет свои богатства от черной руки.

Повсюду прослеживается дух надежды на прогресс. Яркую картину условий, откровенно показывающую как слабость, так и силу негра, дает цветной корреспондент газеты *Indianapolis Freeman*. Вначале он рассказывает об организации в Карбондейле, штат Иллинойс, акционерного общества, состоящего из тридцати девяти цветных мужчин, для управления магазином сухих товаров. Корреспондент пишет:

Вопрос в том, поддержат ли цветные люди это предприятие своим покровительством?" По всей стране раздается общий крик, что цветные люди проходят мимо дверей наших купцов и торгуют с любыми другими компаниями - евреями, даго, поляками и прочими. Это очень прискорбный факт, который стоит перед нами как живой позор. Те самые люди, которые проповедуют "расовый союз, расовую поддержку, расовую предприимчивость", часто первыми проходят мимо наших собственных торговых заведений. Единственные места, где цветные могут процветать в бизнесе, - это те, где наши люди изгнаны из чужих заведений и фактически вынуждены покровительствовать нашим собственным. Один производитель

сигар в Сент-Луисе, первоклассный бизнесмен, выпускающий самые лучшие сорта сигар, сказал несколько дней назад, что одна из самых тяжелых работ, которую он когда-либо делал, заключалась в том, чтобы заставить нескольких наших дилеров работать с его товаром. Если бы только одна треть магазинов и киосков, торгующих сигарами и табаком в Сент-Луисе, покупала бы у него свой товар, он мог бы через несколько лет нанять еще одну-две дюжины мужчин и женщин на своей фабрике. Компания по производству сухих товаров в том же городе страдает от той же проблемы. Наши люди, конечно, заглядывают туда, но чаще всего покупки совершаются в соседнем еврейском магазине. В том же районе есть несколько первоклассных, современных, чистых и вкусно выглядящих цветных ресторанов: но вдвое больше негров едят в дешевых, грязных, четвертого класса лавках, которыми заведуют другие люди неподалеку. Но, в конце концов, дела у моих людей в этом плане обстоят лучше, чем в прошлом. На днях я с приятным удивлением узнал, что цветные гробовщики в Сент-Луисе делают для наших людей бизнес на каждый доллар в этом направлении. Эту информацию сообщил надежный белый гробовщик и подтвердили цветные гробовщики. Белого человека спросили, что он думает по этому поводу. Он сказал, что это замечательная иллюстрация преданности негров своему народу и что их следует за это похвалить. И в каждом вопросе есть две стороны. Слишком часто наши люди ведут дела на низком уровне - шумные, нечистые, сомнительные, похожие на питейные заведения - и поэтому не заслуживают покровительства порядочных людей. Слишком многие из наших мужчин ничего не смыслят в бизнесе. Они не верят в то, что нужно вкладывать деньги в рекламу своего бизнеса в хороших первоклассных изданиях. Мы не должны ожидать, что все будут знать, где мы находимся и что мы можем продать, если мы не будем рекламировать. Многие из наших пятицентовиков попадут в кассу цветного человека, если мы просто будем знать, где найти магазин, ресторан или отель.

Удивительное развитие негров

Поразительно, но факт: за сорок с лишним лет, прошедших со времен рабства, негр сумел развить в себе особый расовый дух и позицию. Хорошо известно, что он занимается бизнесом, что он приобретает много земли, что у него много профессионалов, что он ходит в свои церкви и имеет много школ, которые он возглавляет, но в других сферах деятельности он также получает опору. Просто в качестве примера: Я был удивлен, обнаружив в стране так много негритянских театров - театров, которые не только принадлежат неграм или управляются ими, но в которых ставятся пьесы, написанные и сыгранные неграми. Я видел прекрасный новый негритянский театр в Новом Орлеане; я посетил небольшой цветной театр в Джексоне, штат Миссиссиппи, а в Чикаго театр "Пекин" - это предприятие, полностью принадлежащее неграм. Уильямс и Уокер, негритянские комики, уже давно веселят большую аудиторию, как белую, так и цветную. Их последняя постановка, "Страна бандан", написанная и поставленная исключительно неграми, не только смешная, но и чистая.

Можно привести множество других иллюстраций, показывающих, как негры развиваются в том или ином направлении, но особенно по расовому признаку. Можно упомянуть обширную организацию негритянских лож лосей и масонов и других тайных орденов, многие из которых имеют свои клубы. Можно было бы обратить внимание на почти бесчисленные страховые общества и компании, содержащиеся неграми, крупнейшая из которых, "Истинные реформаторы" из Ричмонда, насчитывает более 50 000 членов, и на рост числа негритянских газет и журналов (сейчас в стране их более двухсот), но, пожалуй, сказано уже достаточно, чтобы сделать вывод о реальном развитии негритянского духа и самосознания. Конечно, эти значительные успехи не выделяются на фоне десятиллионного населения страны, и все

же они показывают возможности: есть эта обнадеживающая сторона негритянских условий в этой стране, так же как и темные и злые аспекты, о которых мы слишком много слышим.

Из этого брожения расового самосознания и перестройки выросли, как я уже показал, две великие негритянские партии. Между ними и внутри них лежат судьбы расы в этой стране, а также в немалой степени судьбы доминирующей белой расы. Поэтому для белых людей крайне важно понять реальные тенденции мышления и организации среди этих десяти миллионов американцев. Ведь здесь сосредоточены силы и способности, и каково бы ни было отношение белого человека к негру, презрение, вызванное простым незнанием того, что делает негр, не только недальновидно, но и положительно глупо. Только благодаря полному взаимопониманию белый человек, взявший на себя всю ответственность за управление страной, может справиться с кризисами, подобными бунту в Атланте, которые постоянно возникают между расами.

ГЛАВА XI

НЕГР В ПОЛИТИКЕ

Обсуждение вопроса о неграх в политике по необходимости будет касаться в основном условий на Юге; ведь именно там и только там негр в настоящее время представляет собой большую политическую проблему. Негры на Севере действительно начинают играть сознательную роль в политике; но они - лишь один элемент из многих. Они занимают свое место среди "ирландских голосов", "немецких голосов", "польских голосов", "рабочих голосов", каждый из которых должен быть обхаживаем или умиротворен политиками. Я изучал политическое положение негров в нескольких городах, в частности в Индианаполисе и Филадельфии, и не вижу, чтобы оно хоть как-то отличалось от положения любого другого класса нашего населения, который по невежеству, или страху, или амбициям голосует более или менее *массово*. Многие негры вообще не голосуют; некоторые из них так же добросовестны и неподкупны, как и все белые граждане; но большая часть, невежественная и недальновидная, лишается избирательных прав благодаря использованию денег в той или иной форме на каждых выборах. Один из самых широких наблюдателей в Индианаполисе сказал мне:

"Негритянские избиратели не хуже и не лучше наших иностранных избирателей".

Мэр Том Джонсон, сам южанин по происхождению, пишет мне по поводу негритянского голосования в Кливленде:

"Я не верю, что среди цветных избирателей процент неинтеллигентных или нечестных голосов больше, чем среди белых избирателей в тех же слоях общества".

Негр - национальная проблема

Здесь я хочу еще раз подчеркнуть тот факт, что негр - это не секционная, а *национальная* проблема. Все, что благоприятно или неблагоприятно влияет на Юг, отражается на всей стране. И на Севере существует то же скрытое расовое чувство, что и на Юге (ибо оно человеческое, а не южное). Север, как я уже показывал в предыдущих главах, столкнувшись с большим притоком негров, все больше и больше понимает и сочувствует душераздирающим проблемам, с которыми сталкивается Юг. Ничто, кроме терпеливого сотрудничества всей страны, Севера и Юга, белых и черных, никогда не решит расовый вопрос.

В этой стране, как и везде, политическая мысль разделилась на две противоборствующие силы, две большие партии или точки зрения.

Какими бы ни были их сиюминутные названия - федералистская, демократическая, вигская, республиканская, популистская или социалистическая, - одна из этих партий была аристократической или консервативной, другая - демократической или прогрессивной. Политическая борьба в этой стране (и во всем мире) велась между аристократической идеей о том, что несколько человек (или один человек) должны управлять страной и контролировать разделение труда и продукты труда, и демократической идеей о том, что больше людей должны иметь к этому отношение.

Отмена рабства на Юге была одним из этапов этой борьбы. Рабство было отменено не потому, что северяне агитировали, не потому, что Джон Браун совершил набег или миссис Стоу написала книгу, и не по какой-либо другой сентиментальной или поверхностной причине, а потому, что оно было недемократичным.

Что сделало рабство

Вот что сделало рабство: Оно позволило сравнительно небольшому числу людей (лишь один из десяти белых мужчин Юга был рабовладельцем или арендатором рабов) контролировать одиннадцать штатов Союза, монополизировать обучение, занимать все политические должности, владеть большей частью хорошей земли и почти всем богатством. Она не только держала негров в рабстве, но и девять десятых белых людей (так называемых "бедных белых", которых презирали даже негры) были не более чем крестьянами или крепостными. Во многих отношениях это была очаровательная аристократия, но она была обречена с самого начала. Если бы не было Севера, рабство на Юге исчезло бы так же неизбежно. Именно неугомонные дрожжи демократии, распространившиеся по земле (как в Европе, так и в Америке), убили рабство и освободили как негров, так и бедных белых людей.

Революции, подобные Гражданской войне, меняют имена: они не сразу меняют человеческие отношения. Человечество перестраивается не с помощью прокламаций, законов или военной оккупации, а с помощью времени, роста, образования, религии, мысли.

Когда после Реконструкции Юг снова встал на ноги и занялся самоанализом, что он обнаружил? Он обнаружил 4 000 000 невежественных негров, сменивших название с "раба" на "свободного человека", но не изменившихся по своей сути. Бедные белые остались бедными белыми, а аристократы, хотя и потеряли собственность и положение, остались аристократами. Ведь ценности, в конце концов, не внешние, а внутренние: не материальные, а духовные. В то время для негра было так же невозможно быть меньше, чем рабом, как для

аристократа - меньше, чем аристократом. И это то, чего не хотят или не могут увидеть многие законники.

Что же произошло?

Именно то, что можно было предсказать. Южное общество было перевернуто с ног на голову силой, и оно снова выправляло себя силой. Ку-клукс-клан, патрульные, движение "Кровавая рубашка" - вот те органы (правда, насильственные и жестокие, но неизбежные), которые перестроили отношения, поставили аристократов на вершину, бедных белых - в середину, а негров - на дно. Короче говоря, общество инстинктивно вернулось к своим старым человеческим отношениям. Однажды во время уличных беспорядков я видел человека, простреленного насквозь. Смертельно раненный, он споткнулся и перевернулся в пыли, но тут же поднялся на ноги, как будто не был ранен, и пробежал сотню ярдов, прежде чем упал замертво. Так и Старый Юг, будучи смертельно раненным, поднимался и бежал снова.

Борьба в Южной Каролине

Политическая реакция после Реконструкции в разных штатах, разумеется, была разной: наиболее бурной в таких штатах, как Южная Каролина, где наиболее прочно укоренился старый аристократический режим, и наименее бурной в Северной Каролине, которая всегда была самым демократичным из южных штатов.

В Южной Каролине, например, аристократы в 1875 году вернули себе политическое господство.

Губернатором штата стал генерал Уэйд Хэмптон, олицетворявший все самое высокое, что было в старом режиме. Подобная тенденция, конечно, развивалась и в других южных штатах, и в политике появилась заметная группа государственных деятелей (а это *были* государственные деятели) - Хилл и Гордон из Джорджии, Ламар и Джордж из Миссисипи, Батлер из Южной Каролины, Морган из Алабамы - все аристократы старой школы.

Очевидно, древний порядок был восстановлен; очевидно, раненый бежал как никогда хорошо. Но Старый Юг, в конце концов, получил свою смертельную рану. Произошла революция; общество было опрокинуто. Институт, на котором оно возвышалось в древности, исчез: аристократ больше не пользовался особой привилегией, огромным экономическим преимуществом *владения* своими рабочими. Он был поставлен в экономическое равенство с другими белыми мужчинами и даже с неграми, каждый из которых мог *нанимать* рабочую силу так же легко и дешево, как и он. И баронская плантация, которая до войны была признаком его величия, теперь стала жерновом его гибели.

Особые привилегии, всегда являвшиеся оплотом аристократии, были таким образом устранены, и среди бедных белых начали зарождаться зародыши демократии. Исчезновение конкурентного рабского труда сделало их неожиданно процветающими; оно обеспечило более справедливое разделение богатства. С процветанием пришло больше чтения книг, больше школьного образования, больше *чувства* независимости. И это чувство одушевляло бедных белых новым ощущением свободы и власти.

И вот теперь, когда время полностью созрело для лидера, появился грубый человек из народа.

Как часто он появляется на страницах истории, неперенный продукт революций, рвущийся вверх, как некая разрушительная сила, совсем не с шелковыми руками или тонким умом, а грубый, мужественный, прямой, правдивый.

Тиллман, пророк

Так Тиллман появился в Южной Каролине. Я вижу его, когда он ехал на фермерские ярмарки и в суд в середине восьмидесятых годов, - бледнолицый, лохматый мужчина с одним сверкающим, беспокойным, злым глазом. Он долго и молча готовился к своей задаче, поднимаясь вверх в нищенские дни войны и Реконструкции, не имея ни образования, ни шансов на него, но наделенный мужественным умом, который с жадностью питался некоторыми бродильными книгами из унаследованной библиотеки. Лежа вечером на спине на крыльце своего фермерского дома, он читал "Французскую революцию" Карлайла и "Рим" Гиббона. В нем действительно был настоящий дух революционера: во времена патрульных он тоже ездил верхом и охотился на негров. Он видел, как аристократия вновь приходит к власти, слышал шепот недовольства среди бедных белых. И на ярмарках и в дни судебных заседаний в восьмидесятые годы я слышал, как он выкрикивал свои вызывающие речи, буйные, неумеренные, обличая всех джентльменов, осуждая правительство джентльменов, требуя вернуть власть "простому народу!". На одной из прозрачных страниц тех дней он сам напечатал слова (странное напоминание о Коммуне!):

"Проснитесь! Встаньте! или падите навеки".

Он обращался не только к фермерам, но и бросал вызов аристократам в самом сердце аристократии. В Чарльстоне, одном из самых гордых городов Юга, он сказал:

"Жители Чарльстона, я всегда слышал, что вы самые самодовольные люди, которые когда-либо жили; но я хочу сказать вам, что солнце не восходит в Купере и не заходит в Эшли. Оно светит по всему штату..... Если истории, которые мне рассказывали, или сообщения, которые до меня доходили, на одну десятую часть правдивы, то вы - самый отъявленный набор трусов, когда-либо созданных Богом".

И везде, где бы он ни выступал, он завершал свои речи таким призывом:

"Организуйтесь, организуйтесь, организуйтесь. С организацией вы снова станете свободными. Без нее вы останетесь рабами".

Однажды, во время исторического случая на заседании Сената Соединенных Штатов, Тиллман сделал паузу в пылу дебатов, чтобы объяснить (а не оправдать) свои пламенные речи.

"Я грубый человек, - сказал он, - и мне все равно".

Таков Тиллман. Его и его последователей пытались не пускать на политические съезды, но его не пускали и не сдерживали. Спустя годы он сам выразил дух бунта в Сенате Соединенных Штатов. Зак Макги рассказывает, как он выступил с одной из своих яростных атак, в общем, против всего, что есть. Один из сенаторов поднялся, чтобы пресечь его в гениальной сенаторской манере.

"Я хотел бы спросить, господин президент, что находится на рассмотрении Сената?"

"Я перед Сенатом", - закричал Тиллман.

В 1890 году Тиллман был избран губернатором Южной Каролины: бедный белый, наконец, оказался у власти.

Такие же перемены происходили по всему Югу. В Миссисипи подъем народа (уже не бедного) был представлен Вардаманом, в Арканзасе - Джеффом Дэвисом, а Джорджия и Алабама пережили тот же переворот в более сложной форме. Для многих новых лидеров "простого народа" стало предметом гордости то, что они не принадлежат к "старым семьям" или "аристократии". Губернатор Комер сказал мне, что он "дудл-блоуэр" - так называют бедных белых жителей песчаных холмов Алабамы. Губернатор Вирджинии Свонсон гордится тем, что он первый губернатор штата, получивший полное образование в государственных школах и колледжах. Назовите этих людей демагогами, если хотите, и некоторых из них, конечно, можно обвинить в том, что они апеллируют к предрассудкам и страстям народа, но все же они представляют собой подлинное движение за более демократическое правительство на Юге.

Старые аристократы огрызаются на новых лидеров вплоть до лютой ненависти (в Южной Каролине на почве вражды фракций произошло как минимум одно убийство); они видят (как остро!) промахи необученных администраторов, их гордость за свои штаты стирается в кровь неприкрытой грубостью Тильманов, Вардаманов, Джеффов Дэвисов. Поезжайте на Юг и поговорите с любым из этих людей древнего порядка, и вы уедете с ощущением, что условия на Юге безнадежны.

"Высокие люди" старого Юга

И у этих старых аристократов были свои достоинства. Приятно слышать, как в Ричмонде, Монтгомери, Мейконе и Чарльстоне люди старого типа до сих пор называют их другими людьми старого типа. Как часто я слышал выражения "высокий человек", "неподкупный человек". Прекрасные имена! Ибо многие из этих рабовладельцев, живших до эпохи Расцвета, отличались личной честью, личной преданностью общественным обязанностям, что делало их действительно "высокими людьми".

Когда они были у власти, их правление обычно было умелым и честным: правление благотворительной олигархии. Но оно было эгоистичным: оно царствовало для себя - с девятью десятками народа в крепостных или рабах. Ее роскошь, ее культура, ее мягкость, как и у всех аристократий, достигались страшной ценой нищеты, невежества и рабства миллионов человеческих существ. Ей не было сочувствия, и поэтому она исчезла с лица земли.

Новые люди типа Тильмана совершали вопиющие, даже жестокие ошибки, но по большей части честные; они ясно видели, чего хотят: они хотели больше власти в руках народа, больше демократии, и они грубо взялись за дело, чтобы получить ее. Несмотря на ожесточение против Вардамана среди лучших людей Миссисипи, я не слышал, чтобы кто-то обвинил его в коррупции в каком-либо департаменте его администрации. В целом, по их словам, он руководил делами штата с рассудительностью. И Тиллман, вопреки мрачным прогнозам аристократов, не разорил штат. Напротив, он оказал заметную услугу, расширив народное образование, основав сельскохозяйственный колледж, регулируя торговлю спиртным (хотя созданная им система с тех пор выродилась). Никогда еще Южная Каролина и Юг в целом не были столь процветающими, как после прихода к власти этих людей, никогда богатство не росло так быстро, никогда образование не было таким всеобщим, а процент неграмотных - таким низким. Может быть, "высший гражданин" и не находится так высоко (если это можно назвать высоким) по уровню роскоши и культуры, как до войны, но средний гражданин явно выше.

Получив таким образом правильную историческую перспективу, мы можем теперь рассмотреть ту роль, которую негр сыграл в политике Юга. Где же *он* оказался?

Где появляется негр

Хотя это и может показаться слишком широким обобщением, но не менее буквально верно то, что до настоящего времени реальное влияние негра на политику Юга было практически незначительным. Он был *проблемой*, но не *действующим лицом* в политике. Во время агитации за рабство в эпоху до Бэллума негры не появлялись; они представляли собой инертный комок человечества, не обладающий силой внутреннего управления; лидерами с обеих сторон были белые мужчины. Негры даже не последовали за бедным стариной Джоном Брауном. И после войны, как я уже показал, борьба идет между аристократами и бедными белыми. Они говорили о негре, но не давали ему говорить. Даже во времена Реконструкции, и я не забываю о таких исключительных неграх, как Брюс, Ревелс, Пинчбек и другие, негр участвовал в политике благодаря власти Севера. Как класс, негры не были самостоятельными, а использовались северянами и политическими южанами, которые занимали большинство постов и почти все воровство.

Короче говоря, негр в прошлые времена никогда не занимался политикой на Юге в каком-либо позитивном смысле. И это ничуть не удивительно. Выйдя из рабства, негр не обладал способностью к разумному самоопределению, у него практически не было лидеров, которые бы хоть что-то знали. Он оставался рабом во всем, кроме имени, а рабы еще никогда не правили и не помогали править.

XV поправка к Конституции не могла реально предоставить права неграм-рабам. Люди должны сами предоставлять себе права.

И это политическое равенство по указу, а не в процессе роста и развития, стало причиной многих бед Реконструкции.

Два разных импульса ознаменовали усилия Юга по лишению негров избирательных прав. Первый - это слепой бунт времен Реконструкции, в котором сила и мошенничество применялись откровенно и открыто. Попытка устранить негра объединила белых людей в одну доминирующую партию, и родился "Твердый Юг". В течение многих лет этого метода было достаточно, но тем временем негры получали образование, обретали самосознание и вырабатывали лидеров с большими или меньшими способностями. Поэтому, как потому, что негр становился все более беспокойным, все менее легко контролируемым силой, так и потому, что пробуждающийся белый человек не любил и боялся основы мошенничества, на которой покоились его выборы, стало необходимо установить юридическую санкцию на лишение избирательных прав, определить политический статус негра законом.

Правда заключается в том, что большинство жителей Юга *никогда не верили, что негр имеет или должен иметь какие-либо политические права*. Юг в целом не одобряет и никогда не одобрял право негра на голосование. Несколько негров голосуют повсюду, "но не настолько", как сказал мне один южанин, "чтобы причинить какой-либо вред".

Таким образом, Юг был поставлен в положение, *когда он должен был законодательно обеспечить то, во что он на самом деле не верил*.

Фотография Г. В. Бака

ПОЛКОВНИК ДЖЕЙМС
ЛЬЮИС
Получатель Соединенных
Штатов в Новом Орлеане

W. T. ВЕРНОН
Регистратор Казначейства
Соединенных Штатов

РАЛЬФ У. ТАЙЛЕР
Аудитор правительства в
Вашингтоне

Было предсказано, что когда негр будет лишен избирательных прав по закону и "устранен из политики", Юг немедленно прекратит обсуждать негритянский вопрос и разделится политически по новым линиям. Но этого не произошло. Хотя законы о лишении избирательных прав действуют в Миссисипи уже много лет, раскол в белой партии этого штата меньше, чем когда-либо прежде.

Почему так происходит? Потому что негр, благодаря постепенному образованию и приобретению собственности, становится все более реальным, а также потенциальным фактором в политике. Ведь он только начинает становиться *по-настоящему* свободным. И Юг еще не решил, как относиться к негру, владеющему собственностью, уважающему себя, умному и требующему прав. Юг с подозрением относится к этому новому негру: он его боится; и политики, находящиеся у власти, быстро играют на этих настроениях, чтобы Юг оставался прочным, а нынешнее политическое руководство - непоколебимым.

Ведь Юг, сколько бы он ни говорил о невежественных массах негров, на самом деле не боится их; он хочет сохранить их и держать их в невежестве. Он любит невежественных, покорных старых негров, "мамочек" и "дядюшек"; ему нужны негры, которые, как сказал мне один южанин, "будут делать грязную работу и не суетиться по этому поводу". Ему нужны негры, которые действительно неполноценны и которые *чувствуют себя* неполноценными. Негр, которого боится и не любит Юг, - это образованный, владеющий собственностью негр, который начинает требовать прав, чтобы занять свое место среди людей в качестве гражданина. Это не мое ничем не подкрепленное утверждение, его снова и снова высказывают ораторы и писатели во всех уголках Юга. Передо мной письмо Чарльза П. Лейна, редактора газеты "Хантсвилл (Алабама) *Дейли Трибьюн*", адресованное губернатору Комеру. Оно было опубликовано в газете *Atlanta Constitution*. Автор утверждает, что законы о лишении негров избирательных прав в Алабаме слишком мягкие, что они позволяют слишком многим неграм голосовать. Он заявляет:

Мы думали тогда (в 1901 году, когда обсуждалась новая конституция Алабамы, лишаящая негров избирательных прав), как и сейчас, что угроза миру, опасность обществу и господству белой расы кроется не в неграмотном негре, а в высших слоях негритянского общества, в образованном человеке, который, убедившись в своих политических правах, прокладывает путь к их утверждению".

Он продолжает:

Мы, южане, не испытываем предубеждения к невежественному, как таковому, неграмотному негру. Это потому, что мы знаем его и испытываем к нему сострадание. Но наша кровь закипает, когда образованный негр заявляет о себе в политике. Мы рассматриваем каждое утверждение как недружественное посягательство на наши исконные высшие права и дерзкую угрозу нашему контролю над делами государства.

Разве мы не говорим правду? Разве не свидетельствует об этом каждый выходец с Южного Кавказа, "в поместье рожденный"? Следовательно, мы представляем, что способ приглушить расовые предрассудки, предотвратить надвигающиеся ужасы - это политическое выхолащивание негров путем отмены XV поправки к Конституции США.

Я использую это высказывание мистера Лейна не потому, что оно отражает самую широкую и свободную мысль Юга, ибо это не так, а потому, что оно, несомненно, откровенно и ясно выражает точку зрения *большинства* южан. Именно эта точка зрения, о которой говорили по всей Джорджии в прошлом году, помогла избрать Хока Смита губернатором штата, как он избирал других губернаторов. Аргументы Хока Смита сводились, по сути, к следующему:

Взгляды Хока Смита

Необразованный негр - хороший негр; "он доволен тем, что занимает естественное положение своей расы, положение неполноценности". Образованный и умный негр, который хочет голосовать, - это тревожное и угрожающее влияние. Он не нужен нам здесь; пусть едет на Север".

Это чувство по отношению к образованному негру, который, как говорит мистер Лейн, "выясняет свои права и силой добивается их реализации", является основным фактом в политике Юга. Именно оно сплачивает белых людей в единую партию; именно оно жестко сдерживает бунты и препятствует независимости.

Помня об этом факте, давайте более детально изучим условия Юга.

В соответствии с общепринятой практикой я говорил о "твердом Юге". На самом деле Юг не является сплошным, как и не является единой партией. Само существование одной сильной партии предполагает наличие другой, потенциально такой же сильной. Сегодня на Юге неизбежно, как это свойственно человеческой природе, существуют две партии и две политические точки зрения. Причем одна из них аристократическая, а другая - демократическая.

На страницах истории можно заметить, что партии, которые когда-то были демократическими, со временем становятся аристократическими. Например, мы привыкли вспоминать о Magna Charta как о могущественном инструменте демократии; так оно и было; но это не была демократия в нашем понимании этого слова. Она просто заменила баронскую

олигархию на божественное правление одного человека, короля Джона. Она не затрагивала угнетенных рабов, крепостных и крестьян Англии. И все же эта борьба баронов имела огромное значение для истории, ибо она положила начало духу демократии на ее пути вниз, она стала тем семенем, из которого пророс английский конституционализм, который в конце концов расцвел в американской республике.

Тиллман, как я уже показал, вырвал демократию из старой рабовладельческой олигархии. Он победил: он создал в Южной Каролине демократию, в которую вошли как бедные белые, так и аристократы. Но Тиллман в своих пламенных мольбах о правах людей не считался с неграми не больше, чем старые бароны в свое время считались с крепостными в борьбе с королем Джоном. Для него было и остается непостижимым, что негр "имеет какие-либо права, которые белый человек обязан уважать".

Короче говоря, мы имеем на Юге знакомое и древнее разделение социальных сил, но вместо двух белых партий мы видим теперь белую аристократическую партию, которая стремится контролировать правительство, монополизировать обучение, контролировать разделение труда и продукты труда, борющуюся с демократической партией, состоящей из нескольких белых и многих цветных, которые требуют участия в правительстве. Такова, говоря простыми словами, истинная ситуация на Юге в наши дни.

Пересек ли дух демократии цветную черту?

Ибо демократия такова: как только ее фермент начинает действовать в нации, он не останавливается, пока не достигнет и не оживит самого человека. Хотя ненависть и презрение Тиллмана к неграм, у которых есть стремления, безграничны, дух, который он озвучивал в своих диких кампаниях, не ограничивается цветовой чертой. Движения намного сильнее людей и часто заходят намного дальше, чем люди планируют. Пророк, который отстаивает истину, как это делал Тиллман, не может, произнеся ее, впоследствии ни ограничить, ни вспомнить о ней. Путешествуя по стране, я часто слышал от негров тот же вдохновляющий шепот, который Тиллман слышал в прежние времена среди бедных белых:

"Мы свободны, мы свободны".

Да, Тиллман и Вардаман правы; образование, газеты, книги, коммерческое процветание действуют и на негра; он тоже болен всемирной болезнью беспокойства, честолюбия, надежды. И многие негритянские лидеры и многие негритянские организации - а именно это и является причиной беспорядков на Юге, страх перед белой аристократией - произносят эквивалент смелых слов Тиллмана:

"Проснитесь! Встаньте! Или падите навеки".

Можно сколько угодно рассуждать о сложившейся ситуации, можно говорить, что негр не прав, питая подобные амбиции, что его надежды никогда не оправдаются, что он навсегда обречен на рутинную и низшую работу, но факт остается фактом (как свидетельствует сам Тиллман): демократический дух пересек цветовую черту независимо от законов и конвенций, что негр неудержимо стремится подняться, насладиться всем, что есть лучшего, прекрасного, наиболее полного в этом мире. Как по-человечески повторяется древняя борьба между аристократией, стремящейся сохранить свое "превосходство", и демократией, борющейся за "равенство"! И эта борьба на Юге осложняется, глубоко и по-разному, тем, что низшие люди - черные, другой расы. Они носят на своих лицах значок своего положения.

Что же с этим делается?

Как хорошо известно любому изучающему историю, ни одна аристократия никогда не отпускает свою власть, пока ее к этому не принудят. Как ожесточенно боролся король Джон со своими баронами; как ожесточенно боролись джентльмены Южной Каролины с грубияном Тиллманом! Контролируя правительство, газеты, политические партии, школы, аристократия окружает и укрепляет себя всеми возможными средствами защиты. Она сохраняет себя любой ценой. Это и человечно, и естественно; именно это происходит сегодня на Юге. Точно такой же конфликт произошел перед войной, когда старая рабовладельческая аристократия (которую все теперь признают ошибочной) защищала себя и институт, от которого зависело ее существование. Старые рабовладельческие аристократы верили, что они сделаны из более тонкой глины, чем "бедные белые", что их правление исключительно благотворно, что если что-нибудь случится, чтобы свергнуть их, то страна придет к разорению и гибели. Это было старое, старое убеждение, характерное для королей и олигархий, что они обладают божественным правом, особой и вечной франшизой от Бога.

Белый Юг защищает себя

Нынешняя партия белых аристократов на Юге защищает себя точно так же, как и все аристократии.

Прежде всего, контролируя правительство, она укрепила себя законами. Как только, например, негр начал развивать хоть какой-то реальный интеллект и лидерство, был введен процесс лишения избирательных прав. Законы были сформулированы таким образом, что каждый возможный белый мужчина должен быть допущен к избирательному праву, а каждый возможный негр (независимо от его интеллекта) должен быть исключен. Такие законы сегодня действуют почти во всех южных штатах. Хотя XV поправка к федеральной конституции провозглашает, что право голоса не может быть "отклонено или сокращено... по признаку расы или цвета кожи или прежнего подневольного состояния", Юг, защищая свою белую аристократию, практически аннулировал эту поправку. Губернатор Джорджии Хок Смит, например, заявил (9 июня 1906 года):

Можно принять закон, который... не будет препятствовать праву любого белого человека голосовать, и избавиться от 95 процентов негритянских избирателей".

Принятые законы не только лишают права голоса всех возможных негров, но и многих других негров, имеющих достаточно имущества или образования, чтобы иметь право голоса, еще больше лишают права голоса в результате нечестного применения этих законов. Ибо механизм управления, находясь полностью в руках белых, регистраторы и судьи по выборам имеют право не допустить к выборам любого негра, каким бы пригодным он ни был. Я лично знаю множество случаев, когда образованным и обеспеченным неграм отказывали в праве зарегистрироваться там, где их с готовностью принимали невежественные белые.

Закон, в конце концов, в этом вопросе играет очень маленькую роль. Белое большинство решило полностью контролировать правительство и не давать неграм, будь они образованными или нет, никакого политического влияния. Это чистая правда. Послушайте Хока Смита в его прошлогоднем предвыборном обещании:

"Я выступаю за то, чтобы, если меня изберут, всеми силами добиваться устранения негров из политики".

Давайте также процитируем прямолинейного Вардамана в его обращении в апреле 1907 года в Попларвилле, штат Миссисипи:

Как белый человек собирается контролировать правительство? Мы делаем это так: принимаем законы, подходящие белому человеку, и заставляем других людей (негров) приходить к ним..... Если потребуется, каждый негр в штате будет линчеван; это будет сделано для поддержания господства белых.... XV Поправка должна быть уничтожена. Мы все согласны с этим. Тогда почему мы не сделаем этого?

Можно возразить, что это яростное выражение не отражает лучших настроений Юга. Это не так; и все же Вардаман, Тиллман, Джефф Дэвис, Хок Смит и другие подобные *избираются*, и *большинство* в их штатах их поддерживает. И я говорю здесь о политике, которая имеет дело с большинством. В следующей главе я надеюсь рассказать о реконструирующем и прогрессивном меньшинстве на Юге, особенно в более демократичных пограничных штатах, таких как Северная Каролина.

Таким образом, дух демократии действительно вырвался на свободу среди цветного населения и разгорается по всему миру, как пожар в прерии. Тиллман, пророк, видит это:

"Каждый человек, - говорит он, - который способен смотреть себе под нос, видит, что, поскольку негры постоянно ходят в школу, растущее число людей, умеющих читать и писать среди цветной расы... со временем будет теснить наших белых людей".

Требуем отмены XV поправки

Чтобы предотвратить попадание негра в политику, Тильманы, Вардаманы и другие заявляют, что Юг должен нанести удар по фундаменту его политической свободы: XV поправка должна быть отменена. Короче говоря, как только негр выдерживает один тест на гражданство, эти политические лидеры выдвигают более сложный: теперь они предлагают полностью лишить его всякой надежды на окончательное гражданство. В ходе недавней кампании за пост сенатора Соединенных Штатов в Миссисипи Вардаман и Джон Шарп Уильямс были совершенно единодушны в этом вопросе, хотя и расходились во мнениях относительно методов достижения цели. Когда политическая свобода негра будет окончательно ликвидирована, Юг, говорят эти люди, снова будет иметь две партии и сможет занять то место, которое он должен занимать в советах нации.

Возьмем следующий пункт логики политических лидеров. Из истории известно, что аристократия не может долго просуществовать, когда свободное образование разрешено всем классам населения. Образование действует против олигархий и аристократий сильнее, чем динамитные бомбы. Каждая выжившая аристократия была вынуждена более или менее полностью монополизировать обучение, иначе она шла к стенке. Неудивительно, что до войны на Юге не было эффективной системы государственных школ, где бедные белые могли бы получить образование, или что обучение негров во многих штатах было преступлением, наказуемым по закону. Образование позволяет негру, как говорит мистер Лейн, "выяснить свои права и силой отстаивать их". Поэтому, чтобы предотвратить установление его прав, его нельзя обучать. Безраздельное господство белой партии, как ясно видно, связано с негритянским невежеством. Поэтому мы видели и видим сейчас в некоторых частях Юга непрерывную агитацию против образования негров. Это одна из причин того, что южане настроены против "северной филантропии", которая жертвует деньги на поддержку негритянских школ и колледжей.

"То, что Север посылает Югу, - это не деньги, - говорит Вардаман, - а динамит; это образование губит наших негров. Они требуют равенства".

Южный взгляд на образование негров

Когда я был в Монтгомери, штат Алабама, в одной из газет было опубликовано письмо Александра Троя, известного адвоката. Оно не выражало точку зрения наиболее мыслящих людей этого города, но я убежден, что оно прямо и убедительно отражало убеждения значительной части белого населения Алабамы. В письме говорится:

Все миллионы, потраченные штатом после войны на образование негров... были потрачены хуже, чем впустую". Если кто-нибудь спросит: "Разве школа Букера Вашингтона не принесла пользу неграм?", так называемые филантропы Севера ответят "да", но сто тысяч белых жителей Алабамы скажут "нет"... Спросите любого джентльмена из деревни, что он думает по этому поводу, и очень большое большинство из них скажет вам, что они никогда не видели негра, которому образование принесло бы пользу, а сотни разорило. Он перестает быть тесаком для дерева и ящиком для воды.....

Исключите воздух - и человек умрет, лишите влаги - и цветок завянет. Прекратите ассигнования на негритянское образование, внеся при необходимости поправку в Конституцию, и школьный дом, в котором его преподают, придет в упадок. Мало того, негр займет то место, которое, по замыслу Создателя, он должен занимать в экономике мира - послушного, верного и законопослушного слугу".

Эти слова мистера Троя нашли свое отражение в дискуссиях законодательного собрания Алабамы, которое в то время находилось на сессии. Был внесен законопроект об обязательном образовании; проблема заключалась в том, чтобы принять закон, который распространялся бы на белых людей, а не на негров. В связи с этим я слышал важную дискуссию в сенате штата. Для точности я использую отчет о ней, опубликованный на следующее утро в газете *Advertiser*:

Сенатор Томас заявил... что будет выступать против любых законопроектов, которые заставят негров обучать своих детей, поскольку ему стало известно, что негры готовы отдать одежду со своей спины, чтобы отправить своих детей в школу, в то время как слишком часто белый человек, уверенный в своем превосходстве, равнодушно относится к своему долгу.

В этот момент сенатор Ласк взволнованно поднялся на ноги и сказал:

"Хочет ли сенатор от Барбура сказать, что негритянская раса более амбициозна и имеет больше стремлений, чем белая раса?"

"Вопрос джентльмена... является оскорблением для сената Алабамы", - нарочито спокойно ответил сенатор Томас. "Это оскорбление для великой кавказской расы, отца всех искусств и наук, сравнивать ее с этой черной и извращенной расой, которая жила в состоянии черной и невежественной дикости, пока белая раса не захватила ее и не подняла до ее нынешнего положения".

Результат этого чувства против негритянского образования проявился в фактическом сокращении негритянского школьного образования во многих населенных пунктах, особенно в Луизиане, и в незначительном прогрессе в сравнении с быстрым развитием образования среди белых, если не считать работы самих негров или инициативы Севера.

Пресекая выделение 8000 долларов на колледж Алкорн (цветной), губернатор Вардаман, будучи членом попечительского совета, сказал:

"Я не стремлюсь даже к тому, чтобы негр превратился в искусного механика. Всемогущий Бог предназначил его для обработки земли под руководством белого человека, и именно этому мы собираемся учить его в колледже Алкорн".

Не споря о правах, ошибках или необходимости их позиции, я попытался изложить цели нынешнего политического руководства Юга.

Экономическая причина превосходства белых

Главная цель любой аристократии, причина, по которой она хочет монополизировать правительство и образование, заключается в том, что она хочет контролировать разделение труда и продукты труда. В этом и заключается суть.

Во времена рабства, конечно, белый человек полностью контролировал труд и забирал себе всю прибыль. В некоторых случаях и сегодня, в рамках системы педонажа, он по-прежнему контролирует рабочих и получает всю прибыль. Но по мере роста образования и имущественного положения негра он не только хочет сам контролировать свой труд, но и требует большей доли в прибыли от него. Он больше не желает быть жалким "дровосеком и водоносом", как это было во времена рабства; он стремится владеть собственной фермой, вести собственный бизнес, нанимать своих специалистов и так далее. Он не будет "держателем своего места" в качестве слуги. И в этом основа всех проблем.

Многие высказывания белых политических лидеров сводятся к изложению этой позиции.

На конференции Американской ассоциации банкиров прошлой осенью губернатор Вирджинии Свонсон сказал:

"Наконец-то офисы, деловые дома и финансовые учреждения находятся в руках разумных англосаксов, и с Божьей помощью и нашей собственной доброй правой рукой мы удержим его (негра) там, где он находится".

Другими словами, белый человек будет силой удерживать все политические, деловые и финансовые позиции; он будет боссом, а негр должен выполнять рутинную работу; он должен быть слугой.

Хок Смит в своей речи говорит (курсив мой):

"К тем неграм, которые довольствуются тем, что занимают естественный статус своей расы, положение неполноценности, *когда между белыми и черными устраняется всякая конкуренция, будут относиться с большей добротой*".

Другими словами, если негр будет довольствоваться тем, что занимает низшее положение и не конкурирует с белыми, все будет в порядке. И таким образом, как ни странно, в то время как Хок Смит в своей кампании громил железнодорожные корпорации за уничтожение конкуренции, прославляя принцип "свободной и неограниченной торговли", он выступал за создание монополии всех белых людей путем устранения конкуренции всех цветных людей.

Действительно, мы видим спорадические попытки принять законы, заставляющие негров заниматься только определенными видами рутинной работы. Не так давно в Техасе в законодательное собрание был внесен законопроект "ограничить цветной труд

фермерским, когда в городских и поселковых общинах обнаружится, что он конкурирует с белым трудом". На последней сессии законодательного собрания Арканзаса сенатор Макнайт внес законопроект, согласно которому неграм запрещалось "обслуживать белых в гостиницах, ресторанах, становиться парикмахерами или носильщиками в поездах, а также не допускать, чтобы любой белый работал на негра".

В ряде городов респектабельные, образованные и преуспевающие негры-врачи, бакалейщики и другие были насильственно изгнаны. Я посетил Монро, штат Лаос, где два негра-врача были вынуждены покинуть город, потому что они перенимали практику белых врачей. В том же городе был сожжен негр-бакалейщик, потому что он посягал на торговлю белых бакалейщиков.

Ни один из упомянутых выше законов, разумеется, не был принят, а приведенные мною случаи насилия единичны и необычны. Ведь Юг не последовал за доминирующими политическими лидерами в крайности их логики. Человеческая природа никогда, в конце концов, не впадает в крайности: она вечно идет на компромисс, никогда не бывает полностью логичной. Хотя, возможно, значительная часть южан полностью согласилась бы с Хоком Смитом или Тиллманом в его *теории* полного превосходства всех белых мужчин во всех отношениях, на самом деле почти каждый белый южанин поощряет какое-то практическое исключение, которое полностью опровергает теорию. Десятки тысяч белых южан клянутся Букером Т. Вашингтоном, и, несмотря на сомнения в отношении негритянского образования, Юг ежегодно тратит миллионы долларов на цветные школы. Вардаман, яростно выступая против негритянских колледжей, на самом деле в отдельных случаях оказывал им помощь и поощрял их. Я рассказывал, как он отказал колледжу Алкорн в ассигновании 8 000 долларов, потому что не верил в негритянского образования: но он повернулся и дал колледжу Алкорн 14 000 долларов на новую систему освещения, *потому что лично общался с негром-президентом колледжа Алкорн, и тот ему понравился.*

И хотя политики могут говорить о полном лишении негров избирательных прав, негр нигде не был полностью лишен избирательных прав: несколько негров голосуют в каждой части Юга.

Однажды я слышал, как один южанин целый час выступал против участия негров в политике, а через десять минут с гордостью рассказывал мне о некоем негре-банкире в его городе, которого мы оба знали.

"Доктор... все в порядке, - сказал он. "Он разумный негр. Я сам ходил с ним, когда он регистрировался. Он должен голосовать".

Так личные отношения, решающий штрих человеческой натуры, вносят хаос в политические теории и обобщения. Человечество развивается не по правилам, а по исключениям из правил. Если белой аристократии действительно удалось почти полностью контролировать местные органы власти на Юге, то она не смогла доминировать в федеральных политических организациях, в которые входит много негров. И хотя аристократия часто выступала против образования для негров, она, в конце концов, не монополизировала образование; и негры, несмотря на законы Джима Кроу и периодическое насилие, на самом деле продвигались вперед, получая возможность стать землевладельцем, вступая в профессию, даже конкурируя в некоторых сферах бизнеса с белыми людьми. Таким образом, демократия, хотя и черная, посягает на аристократию по старинке; как далеко негры смогут продвинуться к настоящему демократическому гражданству в различных сферах - промышленной, политической, социальной - никто не знает. Мы видим, как идет борьба, но не знаем, как в конце концов будут поделены военные трофеи.

ГЛАВА XII

МОЛЧАЛИВАЯ ВЛАСТЬ ЧЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА

КАК ГОСПОДСТВО ИДЕИ НЕГРА ПОДАВЛЯЕТ СВОБОДУ МЫСЛИ И СЛОВА В ЮЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

В настоящее время точка зрения значительной части белого населения Юга на негритянский вопрос адекватно выражена такими людьми, как Тиллман, Джефф Дэвис и Хок Смит. Они являются политическими лидерами. Их политика, в целом, является общепринятой; именно они избираются на должности. Даже в пограничных штатах, где цветное население не так густо, как в черном поясе, отношение политиков во многом такое же, как и в черном поясе. В том, что касается негритянского вопроса, губернатор Вирджинии Свонсон стоит практически на той же платформе, что и Тиллман и Хок Смит, хотя и не считает нужным выражать свои взгляды столь же энергично. Позицию штатов "черного пояса" в отношении лишения негров избирательных прав и распространения законов "Джима Кроу" принимают пограничный штат Мэриленд и западный штат Оклахома.

Но существует также, и особенно в Вирджинии, Северной Каролине, Теннесси и Джорджии, активная точка зрения меньшинства, о которой я говорил в одной из предыдущих глав как о "самой широкой и свободной мысли Юга". Хотя она еще не достигла политического положения, это партия идей, силы, убеждений, с определенной конструктивной программой. Об этой конструктивной точке зрения мне до сих пор удавалось упоминать лишь вскользь.

В данной главе я хочу рассмотреть некоторые последствия для жизни Юга доминирования негра в качестве политического вопроса и результат продолжающегося господства таких лидеров, как Тиллман.

J. ПОП БРОУН

ЭКС-ГУБЕРНАТОР

из округа Пуласки, Джорджия

ДЖЕЙМС К. ВАРДАМАН
из Миссисипи

Фотография Харриса-Юинга
СЕНАТОР ДЖЕФФ ДЭВИС
из Арканзаса

Авторское право, 1906 г., студия Hallen
ГУБЕРНАТОР ХОК СМИТ
Джорджия

Фотография Ф. Б. Джонстона
СЕНАТОР Б. Р. ТИЛЛМАН
от Южной Каролины

ЭКС-ГУБЕРНАТОР У. ДЖ. НОРТЕН
Джорджия

В следующей главе, озаглавленной "Новое государственное устройство Юга", я изложу программу и расскажу о деятельности новых лидеров Юга.

Самая зловещая форма господства негров

Путешествуя по Югу, можно часто слышать об "угрозе негритянского господства", под которой обычно подразумевается политический контроль со стороны негритянских избирателей или избрание негритянских должностных лиц. Но уже существует гораздо более реальная и зловещая форма негритянского господства. Ведь негр по-прежнему доминирует в *мышлении* южан. На протяжении более восьмидесяти лет, вплоть до недавнего

времени, мало какие большие и серьезные вопросы занимали внимание южан, кроме тех, что выросли из рабства и негритянской проблемы. Хотя само существование нашей нации во многом обусловлено мужеством, мудростью и политическим гением государственных деятелей Юга - Вашингтона, Джефферсона, Маршалла, Патрика Генри и их соотечественников, - Юг, начиная с провозглашения доктрины Монро в 1823 году, практически не играл конструктивной роли в национальных делах. Как хорошо подметил профессор Митчелл из Ричмонда, великие, витализирующие влияния, охватившие весь цивилизованный мир в первой половине девятнадцатого века, либерализирующие, национализирующие, индустриализирующие влияния, оставили Юг нетронутым. Ведь он был скован общим рабством с неграми. Вместо того чтобы расширяться вместе с новым мышлением, он цеплялся за рабство в противовес либеральным тенденциям эпохи, настаивал на правах штатов в противовес национальности, довольствовался одним лишь сельским хозяйством, вместо того чтобы принять поднимающийся индустриализм. "Это был пример", как говорит профессор Митчелл, "задержанного развития".

Доктор Джон Э. Уайт из Атланты прекрасно выразил этический результат того, что народ ограничивает свои мысли одним эгоистическим интересом:

"Пока мы боролись за то, что было хорошо для всех и везде, - говорит он, - мы двигались вместе с Провидением, и Юг шел впереди". Создание Республики было связано с большими человеческими заботами. В этом был заинтересован весь мир. Это была работа, облагораживающая народ, - вдохновение великой национальной пользы. Катастрофа началась, когда Юг стал думать только о себе - у него была только одна проблема".

Таким образом, Юг, благодаря присутствию негров, отстал от мирового прогресса. И хотя новые и живительные мировые влияния сейчас распространяются по всему Югу, проявляясь в фабриках, шахтах, мельницах, лучших школах и железных дорогах, старая, уродливая негритянская проблема все еще сковывает политическую мысль и калечит свободу действий. Другими словами, Юг стремительно индустриализируется, но не так быстро либерализируется и национализируется, хотя эти процессы, безусловно, следуют.

Эксплуатация негритянских предрассудков

Причиной такого доминирования негритянского мышления является, прежде всего, определенная группа политиков, чьи интересы заключаются в сохранении контроля над партией и удержании Юга. И они делают это, постоянно повторяя негритянскую проблему. Везде, где я бывал на Юге и находил оживленные и процветающие производства, я замечал, что негритянская проблема почти не обсуждается. Один фабрикант в Новом Орлеане, когда я спросил его о негритянском вопросе, сказал:

"Я так занят, что никогда об этом не думаю".

И это отношение прогрессивного, конструктивного южанина: он нетерпим к разговорам о неграх и негритянской проблеме. Он хочет забыть об этом.

Но на Юге остается группа людей, которые, не преуспевая в других отраслях, все равно делают негра своего рода индустрией: они живут, эксплуатируя негритянские предрассудки. Они препятствуют выражению новых идей и заставляют великий народ ограничивать свой политический гений избитыми проблемами.

Демократы Рузвельта на Юге

Общаясь с представителями всех слоев белого населения Юга, я с удивлением обнаружил, что многие из них вообще перестали быть демократами (в партийном смысле) и стали приверженцами Рузвельта и Республиканской партии. Многие из них сказали мне, что хотели бы отделиться и выражать свое мнение открыто и свободно, но не осмеливаются. Значительное число отважилось голосовать за республиканский билет на общенациональных выборах (особенно по вопросу о свободном серебре), но лишь немногим хватило смелости заявить о своей независимости в делах штата или на местном уровне. Как только в гармонии белой партии (а это более подходящее название для нее, чем демократическая) появляется трещина, лидеры говорят о неграх, и потенциальные независимые возвращаются в лоно партии. Снова и снова лидеры с новыми проблемами пытаются добиться слушания. Несколько лет назад популистское движение широко распространилось по Югу. Том Уотсон из Джорджии, Колб из Алабамы, Батлер из Северной Каролины возглавили восстания против старой демократической партии. Объединившись с республиканцами, популисты победили в Северной Каролине. Но старые политические лидеры немедленно подняли негритянский вопрос, заявили, что популисты поощряют негритянские голоса, и разгромили повстанцев, вытеснив большинство их лидеров в политическую безвестность. Я не утверждаю, что популизм был идеальным движением, и что его лидеры были идеальными людьми; я просто пытаюсь показать, какой ценой далась независимость на Юге. Несколько лет назад Эмори Спир из Джорджии, ныне федеральный судья, баллотировался в Конгресс по независимому билету. Его платформа звучала так: "Союз и Конституция, свободное голосование и честный подсчет голосов". Против него был поднят неизбежный негритянский вопрос, настаивали на том, что среди белых не должно быть раскола, чтобы негр не обеспечил себе баланс политической власти, и Спир в итоге потерпел поражение. Он стал республиканцем и с тех пор не имеет никакого влияния на политику штата.

По этому поводу авторитетный южный писатель, профессор Эдвин Мимс из Тринити-колледжа, штат Северная Каролина, сказал:

"Независимым на Юге приходится сталкиваться с тем же положением дел, что и независимым на Севере в 80-е годы - все лучшие традиции связаны с одной партией, и большинство уважаемых людей принадлежат к ней же. Как Джорджа Уильяма Кертиса и его последователей обвиняли в том, что они замаскированные демократы, предатели "великой старой партии", спасшей Союз и освободившей рабов, и дезертиры из партии копперхедов, так и о независимых южанах говорят, что они замаскированные республиканцы, и рассказывают об ужасных преступлениях эпохи Реконструкции. Когда все другие аргументы оказываются несостоятельными, остается неизбежная апелляция к угрозе господства низшей расы, которая сейчас не является даже отдаленной возможностью".

В результате такого доминирования избитой темы политические состязания на Юге обычно были связаны не со стимулированием общественных вопросов, а с личными качествами кандидатов. Юг не осмеливался сталкиваться с реальными проблемами, чтобы не расколоть белую партию и не допустить влияния негритянского избирателя. В прошлом году в Миссисипи проходила предвыборная кампания. Разумеется, все кандидаты принадлежали к белой партии; все, следовательно, подписывались под одной и той же платформой, которая была подготовлена лидерами партии, так что единственным вопросом была личность кандидатов. Позвольте мне процитировать слова миссисипского корреспондента газеты "Нью-Орлеан Таймс Демократ" от 29 апреля 1907 года:

Единственный "вопрос"... это личность самого кандидата. Избиратель может взять речи каждого кандидата и проанализировать их от начала до конца, и ему не удастся найти, где между кандидатами есть разница во мнениях по любому из актуальных вопросов дня, которые могут затронуть Миссисипи. Поэтому он должен обратиться от речей к самому кандидату в поисках "проблемы" и сделать свой выбор из нескольких кандидатов как людей, и решить, кто из них принесет больше пользы штату и будет самым надежным человеком, которому можно доверить штурвал.

Негр держит демократическую партию вместе

Я говорю здесь, конечно, о неграх как о доминирующем вопросе, важнейшем элементе, который удерживает Демократическую партию вместе и без которого невозможно проводить другую политику или избирать кандидатов. В рядах демократической партии, особенно в последние два-три года, происходят активные разногласия по другим вопросам. В большинстве южных штатов перед народом остро стояли вопросы железных дорог и трестов. Во время своей длительной кампании на пост губернатора Хок Смит постоянно говорил о железных дорогах и влиянии железных дорог на политику, но для того, чтобы быть избранным, он поднял негритянский вопрос и энергично говорил о нем, особенно во всех своих выступлениях в стране. Также очень важно, что Юг взял на себя столь сильную роль в движении за запрет на продажу спиртного, хотя даже этот вопрос был в большей или меньшей степени связан с негритянской проблемой, аргументируя это тем, что Юг должен запретить торговлю спиртным из-за его влияния на негров. Ни один штат в Союзе не был более радикальным в решении вопроса о тресте, чем Техас и Арканзас; а Алабама, Джорджия и Северная Каролина были ареной самых жарких боев в стране по железнодорожному вопросу. Все это говорит о том, что, как только Юг освободится от негритянского инкубатора, Юг сразу же станет важным фактором в решении национальных вопросов. А будучи почти исключительно американским по составу населения, с небольшим количеством богатых людей и идеалами жизни, еще не настолько подчиненными доллару, как на Севере, он стал бы мощным фактором в прогрессивных и созидательных движениях страны. Влияние одного смелого человека, такого как Тиллман, в Сенате было заметным. В будущем стране есть на что надеяться благодаря идеализму государственного деятеля Юга.

Подавление свободы слова

Но печальным результатом доминирования одной идеи о неграх в политике стало интеллектуальное оупение Юга; подавление свободы мысли и свободы слова. Пусть человек выдвигает новый вопрос, и если лидеры партии не поддерживают его, им достаточно воскликнуть "негр", переиначить вопрос так, чтобы подчеркнуть его негритянскую сторону (а на Юге каждый вопрос имеет негритянскую сторону), и независимый мыслитель будет раздавлен. Однажды я беседовал с редактором одной из южных газет, который сказал мне: "Я считаю так-то и так-то".

"Но, - сказал я, - в своей газете вы занимаете прямо противоположную позицию".

"Да, но я не могу высказаться, это погубит мой бизнес".

Эта робость коснулась не только политики, но и школ, и церквей, и до сих пор сковывает самую свободную речь. Джорджа В. Кейбла, писателя, практически вынудили покинуть Юг, потому что он выступал за "постоянное и усердное возвышение того низшего человека,

которого человеческое общество постоянно осаждают", потому что он выступал за справедливость в отношении негров.

Профессор Эндрю Слейд был вынужден уволиться из колледжа Эмори в Джорджии, потому что опубликовал в журнале *Atlantic Monthly* статью, в которой придерживался точки зрения, не поддерживаемой большинством южан! Профессор Джон Спенсер Бассетт был спасен от принудительной отставки из колледжа Тринити в Северной Каролине за аналогичный проступок после оживленной борьбы в попечительском совете, которая оставила Тринити репутацию одного из самых свободных учебных заведений на Юге.

Ситуация на Юге заставила людей бояться правды. Политическое ораторское искусство, в частности, часто полностью отрывается от полезного и восстанавливающего мира реальных фактов. В прошлой главе я привел цитату из речи губернатора Вирджинии Свонсона, в которой он сказал: "Деловые дома и финансовые учреждения находятся в руках разумных англосаксов, и с Божьей помощью и нашей собственной доброй правой рукой мы удержим его (негра) там, где он находится".

Прогресс негров в Ричмонде

Какая любопытная вещь - ораторское искусство! Прямо в городе Ричмонде, где живет губернатор Свонсон, есть четыре банка, которыми владеют и управляют негры; один из негров-банкиров заседал в съезде, на котором в этот момент выступал губернатор Свонсон. Существует негритянская страховая компания "Истинные реформаторы", в которой я видел восемьдесят негритянских клерков и стенографисток за работой. Ее остаток составляет 300 000 долларов, а бизнес ведется в тридцати штатах. Негры также владеют и управляют в Ричмонде четырьмя магазинами одежды, пятью аптеками, множеством бакалейных лавок (некоторые, конечно, очень маленькие), двумя гостиницами, четырьмя конюшнями, пятью типографиями, восемью братскими страховыми компаниями, семью мясными рынками, пятьюдесятью закусочными и многими другими видами коммерческих предприятий, конечно, небольших, но быстро растущих. В Ричмонде также насчитывается десять негритянских адвокатов, пятнадцать врачей, три дантиста, два фотографа, восемьдесят пять школьных учителей, сорок шесть негритянских церквей.

Южане, которые видят опасность

Когда я делаю утверждение о "свободе слова" и страхе перед правдой на Юге, я не делаю никаких заявлений, которые не были бы с гораздо большей силой высказаны вдумчивыми и бесстрашными южанами, которые видят и боятся этой зловещей тенденции.

Покойный канцлер Хилл из Университета Джорджии говорил о "смертельном параличе интеллекта, вызванном принудительным единообразием мышления в рамках одной партии". Он сказал:

"До войны Юг находился в оппозиции к остальной цивилизации по вопросу рабства. Он защищал себя: его мышление, его политология, даже его религия не были направлены на поиск истины, а были сосредоточены на защите гражданского и политического порядка вещей. Эти условия делали невозможной активную интеллектуальную жизнь".

Уильям Престон Фью, декан Тринити-колледжа в Северной Каролине, пишет (*South Atlantic Quarterly*, январь, 1905):

"Этот преобладающий недостаток знаний из первых рук и смелости высказаться привел к прискорбной нехватке интеллектуальной честности".

Прекрасной иллюстрацией этого состояния стало выступление доктора Эдвина А. Олдермана, президента Университета Вирджинии, на ужине около года назад, в котором он несколько неблагоприятно сравнил недавнее политическое руководство Юга с государственным мышлением Старого Юга. Услышав это замечание, сенатор Бейли из Техаса в гневе вышел из состава комитета выпускников университета. Канцлер Хилл по поводу этого инцидента сказал:

"Вопрос о том, прав или не прав был доктор Олдерман, становится незначительным рядом с более важным вопросом о том, прав или не прав был сенатор Бейли в своем методе борьбы с разногласиями. И это приводит к вопросу: Есть ли у нас на Юге свобода мнений? Должен ли каждый человек, который думает больше, чем шепотом, делать это, рискуя своей репутацией и своим влиянием, или рискуя нанести вред учреждению, которое он представляет?"

Уделив так много места словам и позиции Вардамана, Тиллмана, Хока Смита и других, я еще недостаточно подчеркнул работу и влияние вдумчивых и конструктивных людей Юга. Но следует помнить, что я пишу о политике, о большинстве, а политики типа Тиллмана все еще являются политической силой на Юге. Они контролируют ситуацию: их избирают. Но есть и растущий класс новых государственных деятелей, о работе которых я расскажу в следующей главе.

Белые лишены прав так же, как и черные

Но ограничение интеллектуальной свободы было не единственным результатом политического доминирования негритянского вопроса. любопытно наблюдать, что когда один класс людей в любом обществе политически опускается вниз, другой поднимается вверх: ведь так человечество сохраняет свои балансы и средние показатели. Важным этапом движения на Юге за уничтожение негров является уверенное возвращение к управлению страной белой аристократией. Ведь лишение негров избирательных прав также привело к лишению избирательных прав значительной части белого населения. В каждом южном штате, где негры были лишены избирательных прав, количество голосов белых также неуклонно сокращалось. Сегодня в Алабаме не половина белых мужчин избирательного возраста имеют право голоса. В Миссисипи этот показатель еще ниже.

На последних президентских выборах в штате Миссисипи Паркер набрал всего 58 383 голоса из 349 177 граждан (как белых, так и цветных), достигших избирательного возраста. В голосовании участвовала лишь треть белых мужчин. В нескольких округах Миссисипи было обнаружено, что в то время как число белых, имеющих право голоса, уменьшалось, число негров в регистрационных списках увеличивалось. В городе Джексон, штат Миссисипи, в прошлом году было зарегистрировано 1200 избирателей из 32 000 человек населения.

Чтобы продемонстрировать процесс сокращения, возьмем отдельный штат Таллапуса в Алабаме. По данным последней переписи населения, здесь проживает 4 203 белых и 2 036 чернокожих избирательного возраста, всего 6 259 человек. После принятия новой конституции, лишавшей негров избирательных прав в 1901 году, общее число зарегистрированных избирателей составило 4 008 человек. Прошлой осенью, несмотря на

то, что возник важный вопрос о запрете и были предприняты особые усилия по привлечению избирателей, исследование показало, что в стране насчитывается всего 1 700 квалифицированных избирателей.

Это поразительное состояние объясняется прежде всего тем, что на Юге нет жизненно важного партийного разделения по новым вопросам; но оно также объясняется тестами на право голоса, которые, будучи сделаны суровыми, чтобы не допустить негров, также лишают права голоса сотни тысяч бедных и невежественных белых мужчин. Я провел много времени, беседуя с белыми рабочими, как в городах, так и в сельской местности. Я спрашивал их, почему так много рабочих и фермеров не голосуют. Вот один из исчерпывающих ответов одного из рабочих лидеров:

"Что толку? Мы должны платить два доллара в год за голосование, и платить его почти за год до выборов. И зачем голосовать? На кону нет никаких реальных вопросов. Выборы - это всего лишь личная ссора в клике людей, контролирующих Демократическую партию. Почему мы должны платить два доллара в год и заниматься тем, что удовлетворять личные амбиции какого-то человека, который нам не интересен?"

Олигархия белых

Итак, голоса белых сокращаются, политическая власть переходит в руки все меньшего числа мужчин. И фактически возникает многочисленный класс белых людей, не имеющих права голоса, не похожий на бесправных "бедных белых" добеллумных времен. Белые политики, правда, в некоторых местах не поощряют бедных белых мужчин участвовать в выборах, ведь чем меньше избирателей, тем увереннее их контроль.

Конечно, основные бои в Миссисипи и других местах происходят не на выборах, а на демократических (белых) праймериз; но этот факт лишь подчеркивает суть, которую я хочу донести: ограничение политической независимости действий. Такие условия глубоко волнуют вдумчивых людей Юга; но пока они думают, мало кто отваживается на политическое уничтожение, высказывая свое мнение. Можно было бы подумать, что Республиканская партия, которая якобы представляет оппозицию на Юге, будет кричать об этих условиях. Но этого не происходит. Дело в том, что Республиканская партия в ее нынешнем виде на Юге - это еще более ограниченная белая олигархия, чем Демократическая партия. Почти во всех частях Юга она представляет собой тесную корпорацию, которая контролирует или стремится контролировать все федеральные учреждения. Выступать? Конечно, нет. Она тоже пытается уничтожить негров (в некоторых местах она называет себя "лилейно-белой"), и она небезуспешно работает с демократическими политиками. Ведь республиканская машина на Юге на самом деле не ссорится с демократической; она занимает федеральные посты, которые демократы не могут получить, а демократы занимают местные посты, которые, как известно, республиканцы получить не могут.

Юг - оружие на национальных съездах

Президенты-республиканцы в Вашингтоне, к сожалению, сыграли на руку южной офисной машине. Почему? Отчасти потому, что республиканцев на Юге мало, а отчасти потому, что солидная республиканская делегация с Юга, легко управляемая и контролируемая, благоприятствующая администрации, является мощным оружием на национальных съездах. Маккинли почти полностью сыграл на руку этой южной республиканской машине, и Ханна

управлял ею. Действительно, выдвижение Маккинли, вероятно, было обусловлено мастерством, с которым Ханна управлял этой солидной фалангой южных делегатов. Рузвельт сделал ряд первоклассных назначений вне машины, даже назначил несколько демократов высокого типа, таких как судья Джонс из Алабамы.

В этой книге я снова и снова говорю о том, что проблема негров - это национальный, а не южный вопрос; и в политике это особенно верно. Хотя республиканцев здесь немного, Юг, благодаря своим представителям-республиканцам, в значительной степени повлиял на выбор не одного президента-республиканца. Твердый Юг" так же полезен для республиканской партии, как и для демократической. Почему республиканские политики так уверены в выдвижении Тафта? Потому что национальная организация была уверена, что сможет контролировать южные делегации. Она рассчитывала на "твердый Юг".

Таким образом, в очень реальном смысле правительство всей нации зависит от презираемого чернокожего - независимо от того, голосует он или нет!

Политическая власть негра на Севере

Отношение южан к неграм сказывается и на положении всей страны. Из-за лишения избирательных прав и законов "Джима Кроу" тысячи негров перебрались на север и поселились в крупных городах, и сегодня негритянские избиратели, хотя и не могут (как утверждается) удерживать баланс сил, все же оказывают большое влияние на политику по крайней мере четырех штатов - Индианы, Огайо, Нью-Джерси и Род-Айленда, а также являются значительными факторами в политической судьбе Иллинойса, Пенсильвании, Нью-Йорка и Делавэра. Потенциальное влияние негритянского избирателя на Севере прекрасно иллюстрирует недавняя кампания по выдвижению республиканцев в президенты, особенно борьба в Огайо между Форакером и Тафтом и стремление Тафта задобрить негритянские голоса.

Еще одним способом негр влияет на всю нацию. Благодаря своей позиции исключения Юг оказывает влияние на национальное законодательство, совершенно непропорциональное его голосующему населению. Хотя почти все негры лишены избирательных прав, как и большое количество белых избирателей, все эти лишенные прав избиратели учитываются при распределении конгрессменов по южным штатам.

Из этого выросла любопытная ситуация. В 1904 году Алабама, Арканзас, Джорджия и Миссисипи, которые имеют тридцать пять членов в Конгрессе, подали 413 516 голосов, в то время как один только Массачусетс, где всего четырнадцать конгрессменов, подал 445 098 голосов.

Вот, например, данные по Южной Каролине:

Все население избирательного возраста, как белое, так и цветное (1900)	283,325
Общее количество белых избирателей	130,375
Общее фактическое количество голосов, отданных в 1902 году за конгрессменов	32,185
Общее количество голосов демократов, избравших семь конгрессменов	29,343

Таким образом, в Южной Каролине в 1902 году на выборах каждого конгрессмена проголосовало в среднем около 4600 избирателей (в 1904 году, президентском году, средний

показатель составил около 8100), в то время как в штате Нью-Йорк в каждом округе конгресса было подано более 40 000 голосов, а в Пенсильвании - около 38 000.

Я не критикую это состояние; я просто пытаюсь изложить факты так, как я их вижу. Моя цель - проиллюстрировать глубокие и далеко идущие последствия негритянского вопроса для нации. И разве не любопытно, когда все сказано, наблюдать, как этот отвергнутый черный человек, которого Юг пытался полностью исключить из политики, в течение многих лет изменял и искажал все правительство этой нации самым фундаментальным образом! Разве не он вызвал гражданскую войну, результаты которой до сих пор проклинают страну? И хотя он в значительной степени отстранен от участия в выборах, разве не он в действительности отдает свой могущественный голос за президентов, конгрессменов, губернаторов?

Часто, глядя на Юг, наблюдателю кажется, что негр имеет более значительное и реальное влияние на нашу национальную жизнь, чем если бы он был честно и справедливо допущен к избирательному праву наравне с белыми людьми.

Все настоящие мыслители и государственные деятели Юга с нетерпением ждали того часа, когда Юг, освободившись от доминирования уродливого вопроса, вновь займет свое важное место в национальных делах. В 1875 году, в конце Реконструкции, сенатор Ламар из Миссисипи предсказал в своей речи в Джексоне, что Юг, устранив негра из политики, теперь разделится по новым экономическим вопросам и станет политически здоровым. Но этого не произошло; вероятно, сегодня в Миссисипи существует меньше разногласий по реальным вопросам, чем в 1875 году. Почему? Не может ли быть так, что способ устранения негров из политики ошибочен? Не приходило ли в голову лидерам и государственным деятелям, что негры, обладающие достаточной квалификацией, могут быть устранены *из* политики; что нынешний метод в действительности делает негра более опасным политическим фактором, чем он был бы, если бы ему позволили голосовать регулярно и спокойно?

Южане, которые высказывают свое мнение

Несмотря на доминирование на Юге в обеих партиях узких групп лидеров, там не хватает людей, готовых бороться за новую расстановку сил. На стороне республиканцев одним из таких людей является Джозеф К. Мэннинг из Александер-Сити, штат Алабама, который издает газету "Южный американец". Он показывает, как белые люди лишаются гражданских прав, а также негры, как Юг контролируется "бурбонской олигархией" в Демократической партии и "федерально-доходной" Республиканской партией - как он их называет. Его газета выходит каждую неделю с его обличениями, написанными большими буквами, призывающими Республиканскую партию реформироваться и стать партией правды и прогресса.

Он говорит:

ПРИЗЫВ

Огромное количество людей белого Юга, массы белого населения Алабамы сегодня подавлены стратегией политической автократии, господствующей под видом демократии.

Почему бы не сбросить это ярмо и не вступить в борьбу?

Поднимитесь над этим мелким дележом делегатов, манипулированием патронажем, склоками между председателями штатов, пока эта мелкая политика не потеряется в великом и высшем вопросе.

Прекратите эту "лилейно-белую" чепуху. Перестаньте уходить в сторону от этого бурбонского вопля о неграх. Признайте эту жизненную силу непоколебимой истины, что несправедливость по отношению к одному американскому гражданину отразится на всех. При нашей форме правления нельзя иметь один закон для белого человека и другой для негра. Вы знаете, что те, кто больше всего говорил о подавлении негров, на самом деле подавляли вас, белых республиканцев, и большинство белых южан.

Крики о неграх, социальном равенстве и тому подобном - это самая суть политического самогона.

Некоторые люди внутри Демократической партии не боятся высказывать свое мнение. Бывший конгрессмен Флеминг из штата Джорджия сказал в своей примечательной речи в Афинах, штат Джорджия:

"Те, чьей основной профессией является "ненависть к черномазым", могут легко получить некоторое временное преимущество для себя на наших белых праймериз, где не требуется ни физического, ни морального мужества, чтобы нанести удар тем, кто не имеет возможности нанести ответный удар - даже с помощью бумажного бюллетеня. Но эти люди не добьются ничего постоянного на благо государства или нации, разжигая расовые страсти и предрассудки. Несправедливость и преследования не решат ни одной из вековых проблем. Бог не так распорядился в своей Вселенной.

"По праву гордясь своей расой, мы отказываемся от слияния с неграми, но негр - американский гражданин, и в этом качестве он защищен гарантиями Конституции, которые так же незыблемы, как и сам Билль о правах. И если бы отмена этих гарантий была возможна, это было бы неразумно для Юга. Допустим, мы признаем часто повторяемое утверждение, что две такие разные расы, как европеоиды и негры, не могут жить вместе на условиях полного равенства; но не менее верно и то, что без определенного доступа к голосованию, настоящего или будущего, без определенного участия в правительстве ни одна низшая раса в выборной республике не сможет долго защищать себя от низведения до рабства во многих его существенных формах - и, видит Бог, Юг не хочет больше этого проклятия".

Люди, подобные мистеру Флемингу, находятся в меньшинстве на Юге; их пока так мало, что с политической точки зрения они практически ничего не значат. Но тот факт, что они есть, что они не боятся высказывать свое мнение, даже если это губит их политически, является значимым и обнадеживающим.

Агрессия времен антибеллума

Так происходит с партией, у которой есть только один вопрос: когда на нее нападают, она может стать только более агрессивной и яростной в этом вопросе. И это то, что мы обнаруживаем на Юге: растущая горечь лидеров, таких как Тиллман и Вардаман, поскольку они знают, что их собственное существование и существование партии, которую они представляют, зависит от того, чтобы негритянский вопрос занимал видное место. Сам факт того, что они прибегают к насилию, очень важен: он показывает, что они признают мощные и растущие новые элементы на Юге, которые, хотя еще не проявляются политически, овладевают людьми.

Другими словами, нынешняя группа автократических лидеров стремится во что бы то ни стало защитить себя. И ее работа не только оборонительная, но и наступательная. Так и должно быть. Институт рабства мог бы просуществовать еще много лет, если бы лидеры Юга довольствовались уже имеющейся у них рабовладельческой территорией. Но они не были так довольны. Они попытались распространить рабство на новые территории Союза, и именно эта агрессия стала главной непосредственной причиной Гражданской войны. Именно борьба за Миссури и Канзас, а также политика страны в отношении нового Запада, должен ли он быть признан рабовладельческим или свободным, ускорили военные действия.

"Постоянная агрессия, - сказал однажды Джон Хэй, - это необходимость ложной позиции". Лидеры Юга времен антебеллума понимали, что они должны либо расширить свой институт, либо столкнуться с его окончательным исчезновением.

В настоящее время мы имеем повторение агрессии времен антибеллумов. Как и тогда, на Север приезжают такие ораторы, как Тиллман и другие, которые убеждают в правильности обращения южан с неграми. Писатели вроде Томаса Диксона разжигают старый огонь ненависти. В тот самый момент, когда Тиллман поносит Север за его заинтересованность в южном образовании, он сам выступает с северных трибун, отстаивая позицию Юга. Так мы имеем распространение лишения избирательных прав и законов "Джима Кроу" на новый западный штат Оклахома и агитацию за лишение избирательных прав в Мэриленде. Южане в Конгрессе все настойчивее требуют отмены XV поправки. А совсем недавно конгрессмен Хефлин из Алабамы внес законопроект, предусматривающий введение различий "Джим Кроу" в вагонах вашингтонских трамваев. Как все это напоминает попытки конгрессменов Юга времен антибеллума заставить правительство Соединенных Штатов занять позицию Юга в вопросе о рабстве!

Борьба за уничтожение негров

Недавно я прочитал некоторые из объемных дискуссий на тему рабства, которые велись до Гражданской войны, и был поражен, обнаружив, что аргументы современных политических лидеров Юга практически идентичны по сути (хотя и несколько изменены по форме) рассуждениям старого класса рабовладельцев. Можно услышать те же аргументы относительно физиологической и этнологической неполноценности всех цветных людей по отношению ко всем белым: аргумент, что "одна капля негритянской крови делает негра", и даже что негр - это вообще не человек, а зверь.

Передо мной лежит книга, недавно опубликованная Библейским домом (из всех мест!) в Сент-Луисе и широко распространенная на Юге. Она озаглавлена "Является ли негр зверем?" и в ней на основе библейских цитат доказывается, что у него нет души! А раз он зверь, то убить его не составляет труда.

Сейчас, как и во времена рабства, можно услышать аргумент о божественном праве белого человека управлять негром. "Бог задумал, чтобы белый человек правил, - говорит Вардаман, - а негр был покорным слугой". И наконец, есть откровенный аргумент физической силы: белый человек, будучи сильным, будет и должен управлять негром.

Сегодня Хок Смит поддерживает во многом ту же позицию, что и Роберт Тумбс до войны. Конечно, Хок Смит отступил от веры в рабство негров, которую отстаивал Тумбс; но во многих других отношениях он, очевидно, считает, что негр должен быть низведен (как говорит бывший конгрессмен Флеминг из Джорджии в приведенной выше цитате) "до рабства во многих его существенных формах". Чтобы подтвердить свое положение и сохранить свое

место (и заставить негра сохранить свое), белая аристократия была вынуждена защищать доктрину всех монархий и аристократий - неравенство людей во всех отношениях. Хок Смит в своем обращении (9 июня 1906 года) так излагает основополагающее предположение:

"Я считаю, что мудрый курс состоит в том, чтобы твердо стоять на том, что в Джорджии негр ни в каком отношении не равен белому человеку и что в будущем в этом штате он не сможет занять равноправное положение".

И Юг, и Север недемократичны

Таким образом, я попытался представить политическую ситуацию на Юге и аргументы, лежащие в ее основе. Она имеет большое значение для всей страны.

Дело в том, что война и прокламация об освобождении не сделали Юг полностью демократическим; они лишь отсекли один из оплотов аристократии - рабство. На Юге по-прежнему доминирует аристократическая идея, причем более или менее откровенно. Юг лишь неохотно и пока не в полной мере допускает "бедного белого" человека к демократическому политическому общению. Как я уже показал, на Юге проживают сотни тысяч бесправных белых американцев. Более того, многие белые лидеры с опаской смотрят на новых итальянских иммигрантов, хотя они тоже белые люди. Крайняя точка зрения по отношению к иностранцам была выражена в речи distinguished Джеффа Трули, кандидата в губернаторы Миссисипи, в Магнолии в этом штате 18 марта 1907 года:

"Я против любой неполноценной расы. Схема итальянской иммиграции не решает трудовой вопрос; итальянцы представляют угрозу и опасность для нашего расового, промышленного и торгового превосходства. Миссисипи не нужна такая иммиграция. Оставьте свои земли, чтобы своих собственных детей. Как губернатор штата, я обещаю, что ни один доллар штата не будет потрачен на иммиграцию кого-либо из них".

Что касается негра, то, конечно, Юг никогда не верил в демократию, которая действительно включает его.

Но и Север тоже не верит. Если разобраться, белые люди на Севере не верят во всеохватывающую демократию гораздо больше, чем на Юге. Я разговаривал со многими северянами, уехавшими на Юг, и поражаюсь тому, как быстро большинство из них принимает точку зрения южан. Ведь это доктрина, в которую многие из них в глубине души действительно верят.

В действительности на Севере также существует аристократическое правительство, олигархия, основанная на богатстве и собственности, которая доминирует в политике и более или менее полно управляет страной. Рузвельт боролся с некоторыми из наиболее бурных аспектов правления этой олигархии и показал стране, насколько она могущественна!

Подручные борются по всему миру

Любопытно, если обратить внимание на факты, насколько сильна параллель между Югом и Севером. Я имею в виду параллель не в законах и даже не в обычаях, а в духе, в живой реальности, которая лежит глубоко под институтами и которая, в конце концов, является единственным, что действительно имеет значение.

Причина всех бед на Севере та же, что и на Юге: подсобный рабочий не хочет оставаться на своем месте. Он неспокоен, амбициозен, он хочет гражданского, политического и промышленного равенства. Поэтому мы видим рост рабочих организаций, распространение популистов и социалистов, которые требуют новых прав и большей доли в продуктах труда. Они не хотят, как говорит Хок Смит о неграх, "довольствоваться местом неполноценных". Существенной чертой истории последних пяти лет в этой стране, которая войдет в историю как начало великих свершений, были смутные, грубоватые потуги низшего человека (половина его сил тратится впустую, потому что он слеп) ограничить в какой-то степени власть этой денежной аристократии. Таково значение требования закона о трестах и железных дорогах, таково значение страхового расследования, таковы усилия по ограничению власти таких людей, как Рокфеллер, Гарриман, Морган.

Так и Север, по духу, лишает права голоса свой низший класс. Он делает это путем покупки на выборах в той или иной форме своих "бедных белых" и своих негров. В чем еще смысл Таммани-Холла и системы боссов и машин в других городах? Таммани-холл - это наш метод лишения избирательных прав: это наша хитрая машина для аннулирования четырнадцатой и пятнадцатой поправок. В то время как Юг лишает избирательных прав законодательно, Север делает это наличными.

Вопрос, к которому мы приходим

Я уже говорил об отсутствии свободы слова на Юге; но это не свойственно Югу. Хотя сегодня на Севере, несомненно, гораздо больше интеллектуальной свободы, чем на Юге, на Севере не один профессор подвергся дисциплинарному взысканию за свои высказывания по вопросам треста или железных дорог. Юг или Север, опасно нападать на укоренившиеся привилегии тех, кто находится у власти.

Мы критикуем откровенность Вардамана, отстаивающего разные стандарты справедливости для белых и негров, но разве у нас на Севере нет такого же обычая? Как чрезвычайно трудно порой засадить в тюрьму богатого преступника на Севере!

Короче говоря, мы снова сталкиваемся в этой стране с тем же грандиозным (даже революционным) вопросом, который встает перед нами в каждом кризисе мировой истории:

"Что такое демократия? Что включает в себя демократия? Действительно ли демократия включает в себя негров и белых людей? Включает ли она русских евреев, итальянцев, японцев? Включает ли она Рокфеллера и славянского дворника? А Тиллман и негр-фермер?"

ГЛАВА XIII

НОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЮГА

"Демократия - это прогресс всех через всех, под руководством лучших и мудрейших" - Мадзини.

В предыдущих главах мне пришлось рассказать много неприятного и, возможно, обескураживающего; но об этом нужно было рассказать, потому что это есть, и с этим нужно честно встретиться и считаться.

Но главное удовольствие от этой работы - возможность встретиться с работающими идеалистами Юга и увидеть, как мужественно и бескорыстно они преодолевают стоящие перед ними препятствия. If any man would brighten his faith in human nature, if he would attain a deeper and truer grasp upon the best things of life, let him attend one of the educational rallies of Virginia, North Carolina, Tennessee, Georgia, or Texas, and hear the talks of Dr. C. K. Митчелла, президента Олдермана, Дж. Й. Джойнера, П. П. Клэкстона, канцлера Барроу, президента Хьюстона и других; или пусть он проведет несколько дней в Хэмптоне с доктором Фрисселом, или в Таскиги с доктором Вашингтоном, или в Калхуне с мисс Торн. Уходя однажды вечером с собрания в Таскиги после того, как в часовне выступали белые и цветные, я не мог не сказать про себя:

"Негритянская проблема не является неразрешимой; она решается здесь и сейчас, так быстро, как только может быть решена любая человеческая проблема".

Люди напрягают зрение, чтобы увидеть какое-то далекое и сложное решение вопроса (разве мы не слышали разговоры о депортации, истреблении, слиянии, сегрегации и тому подобном?), в то время как реальное решение находится у них под глазами, продвигаясь вперед естественно и просто.

Именно это тихое, конструктивное движение среди белых людей на Юге я хочу рассмотреть здесь.

В одной из предыдущих глав я показал, как негры страны разделились на две партии или точки зрения, большую из которых возглавляет Букер Т. Вашингтон, а меньшую - У. Э. Б. Дюбуа. Партия Вашингтона - это партия оппортунистов и оптимистов, которая рассматривает мир таким, какой он есть: это конструктивная, практичная, жизнерадостная партия. Она делает акцент на обязанностях, а не на правах. Партия доктора Дюбуа, напротив, представляет критическую точку зрения. Она идеалистична и пессимистична: это партия агитации, подчеркивающая права, а не обязанности.

Но эти две точки зрения отнюдь не свойственны неграм: они разделяют все человеческое мышление, и действие и реакция между ними - это способ человеческого прогресса.

Разделение белого лидерства на Юге

Белые лидеры на Юге, таким образом, делятся по тому же принципу, что и негритянские лидеры - на партию прав и партию обязанностей. Но с большим отличием: среди негров, как я уже показал, партия агитации и критики во главе с Дюбуа значительно уступает как численно, так и по влиянию партии возможностей и обязанностей во главе с Вашингтоном. Ибо негры были вынуждены признать тщетность попыток добиться прогресса с помощью политических действий и законодательства, с помощью прав, которые были определены, но не заработаны. Вашингтон проповедовал следующее:

"Перестаньте думать о своих правах и займитесь работой. Сделайте себя правильным, и мир будет в порядке".

Но среди белого населения Юга партия агитации и акцента на правах, а не на обязанностях, все еще далеко на подъеме. Возглавляемая такими людьми, как Тиллман, Вардаман, Джефф Дэвис, Хок Смит и другие, она в настоящее время контролирует политику всего Юга. Она много говорит о правах белого человека, но очень мало - о его обязанностях. По сути, она делает для белых с помощью агитации и законодательства (часто это своего рода сила) именно то, что доктор Дюбуа хотел бы сделать для негров, если бы мог.

"Агитируйте, возражайте, боритесь", - говорят и Тиллман, и Дюбуа.

"Работайте", - говорит Вашингтон.

Теперь та же логика обстоятельств, которая породила Букера Т. Вашингтона и его значительное движение среди негров, породила группу новых и очень способных белых лидеров. Эти новые лидеры увидели, что агитация (хотя и необходимая на своем месте) в конечном счете не приведет к укреплению Юга; они увидели, что, хотя лидеры типа Тиллмана и Вардамана принимали законы и побеждали на выборах, в конечном счете они ничего не добились; что расовые чувства становятся все более ожесточенными, часто в ущерб процветанию Юга; что прогресс не строится на пеньковых речах. Ответ на все это был достаточно прост.

"Давайте прекратим разговоры, забудем о расовой проблеме и начнем работать. Неважно, где мы возьмемся за работу, но давайте работать".

И доктрина работы на Юге стала великой пропагандой, почти что страстью. Она нашла свое выражение в удивительном росте промышленной деятельности, хлопкоочистительных заводов, угольных шахт, металлургической промышленности; в новых методах ведения сельского хозяйства; в распространении железных дорог. Но более всего, пожалуй, он развил новый энтузиазм в отношении образования, причем не только образования старого классического типа, но и промышленного и сельскохозяйственного образования - подготовки рабочих. Все это, по сути, является выходом из многолетней агитации, в ходе которой негра "ругали и обсуждали", как сказал мне один южанин, до предела. Где бы я ни побывал на Юге среди новых лидеров промышленности и образования, я обнаружил активное отвращение к обсуждению негритянской проблемы. Эти люди были слишком заняты новыми прекрасными предприятиями, чтобы беспокоиться о древних и невыгодных вопросах.

Новые рецепты решения негритянской проблемы

Когда я спросил профессора Дилларда из Нового Орлеана, как, по его мнению, следует относиться к негритянскому вопросу, он ответил

"Молчанием".

"Мой рецепт, - говорит президент Олдерман в своем обращении "Южный идеализм", - это "тишина и медленное время", вера в Юг и мудрое обучение как белых, так и черных".

Эдгар Гарднер Мерфи из Алабамы, сам один из новых лидеров, так обрисовал позицию восходящего руководства Юга:

"Юг все больше устает от экстремистов и от сенсационных решателей проблем. Наше грядущее руководство будет обладать чувством меры, которое предполагает устойчивый отказ от кошмаров старины и этнологических мелодрам. Оно будет обладать все большей

страстью к тому, чтобы разобраться с реальными вещами в реальном мире. И он будет... решать одну задачу за раз. Он подчинит бумажные планы отдаленных улучшений обязанностям, которые помогут прямо сейчас".

Акцент здесь сделан на "реальных делах в реальном мире" и "обязанностях, которые помогут прямо сейчас"; и это повсюду голос нового государственного деятеля.

Но давайте с самого начала проясним один момент. Платформы этих партий - это вопрос акцента. Одна делает акцент на правах, другая - на обязанностях. Я не сомневаюсь, что Букер Т. Вашингтон так же твердо верит в права негра, как и любой другой лидер его расы; он просто перестал подчеркивать эти права агитацией, пока его люди не получили больше образования и собственности, пока благодаря честным достижениям они не стали готовы разумно пользоваться своими правами.

Точно так же взгляды многих новых белых лидеров Юга, о которых я расскажу в этой статье, не претерпели радикальных изменений в том, что касается негров; некоторые из них, как я убедился, не расходятся с Тиллманом по основным вопросам; но, как и Вашингтон, они решили не акцентировать внимание на спорных вопросах, а заняться развитием Юга и его жителей на благо всей страны. Если в долгосрочной перспективе предстоит испытание между белыми и цветными людьми, а оно предстоит и происходит постоянно, они хотят, чтобы это было честное испытание на эффективность. Здесь тоже выживет сильнейший (от великого закона никуда не деться!), но эти новые мыслители хотят, чтобы тестом на пригодность была не просто физическая сила, не просто грубая мощь, выражающаяся в самосуде или политике, а более высокий тест на реальные способности. Они в высшей степени уверены, что белый человек в любом состязании превосходит их по своим достоинствам; и Вашингтон, со своей стороны, готов (более того, он должен) принять брошенную ему перчатку.

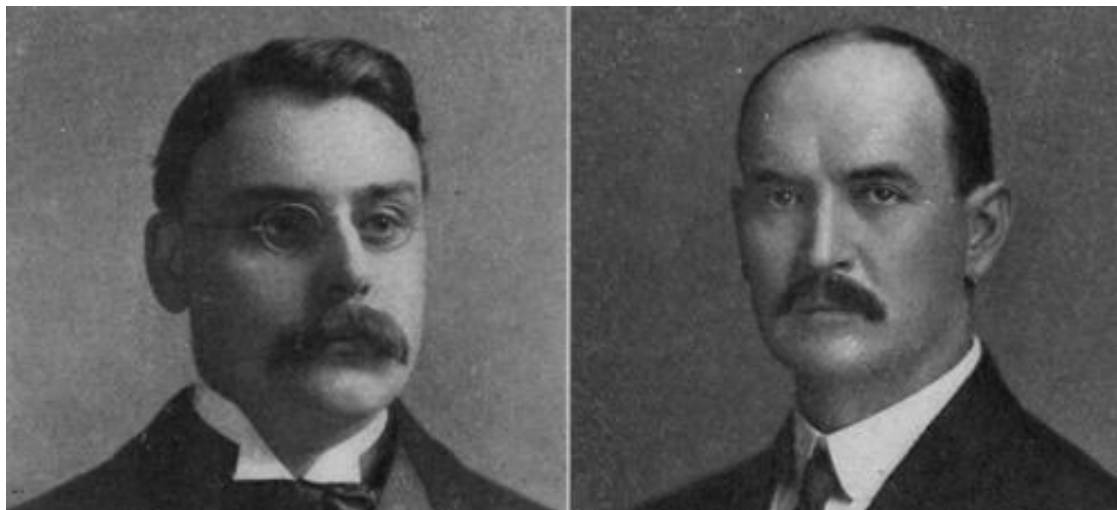
Фотография Хитчлера

ДЖЕЙМС Х. ДИЛЛАРД
из Нового Орлеана, президент
Совет Фонда Джинса.

Фотография Pach Bros.

ЭДВИН А. ОЛДЕРМЕН
Президент
Университета Вирджинии.

Фотография The Elliotts

А. М. СОУЛ

Президент Государственного
сельскохозяйственного колледжа штата
Джорджия.
Колледж сельского хозяйства штата
Джорджия.

Д. Ф. ХОУСТОН

Президент
Техасского университета.

Фотография от Pach Bros.

ДЖОРДЖ ФОСТЕР ПИБОДИ
из Нью-Йорка, член
Южного образовательного и
Совета Фонда Джинса.

Фотография от Knafft & Bro.

Р. П. КЛАКСТОН
из Университета Теннесси,
руководитель образовательной
кампании в Теннесси.

Положение на Юге можно сравнить с битвой, в которой участники, уставшие от бесполезной и многословной войны, возвращаются домой, чтобы собрать новые боеприпасы. Каждая из сторон увлеченно получает образование, приобретает землю, развивает богатство и промышленность, готовясь к борьбе за будущее. И это прекрасная и полезная тенденция. В значительной степени, действительно, это движение типизирует прогрессивную мысль всей страны, поскольку оно означает искреннюю попытку изменить плоскость борьбы (а борьба

должна быть) с грубой, примитивной силы, будь то физическая, политическая или, более того, промышленная, на интеллектуальную эффективность или полезность для общества.

И эти рабочие идеалисты обеих рас понимают друг друга лучше, чем многие думают. Доктор Митчелл и президент Олдерман понимают Букера Т. Вашингтона, а он понимает их. Это не значит, что они согласны. Но согласие по каждому абстрактному принципу не обязательно там, где обе стороны усердно работают над практическими, конкретными и неотложными задачами.

Самокритика на Юге

Новый государственный строй Юга начался (как начинаются все новые движения) с самокритики. Генри У. Грейди, настоящий государственный деятель, критикуя старый порядок вещей, объявил о начале "нового Юга" - активного, работающего, полного надежд Юга.

Он видел недостатки старой исключительной сельскохозяйственной жизни и опасность низкого класса, необразованного труда, и призывал к развитию промышленности и улучшению школьной системы. Р. Х. Эдмондс из Балтимора через организацию *"Рекорд мануфактур"* и многие другие умелые бизнес-лидеры сделали многое для того, чтобы наступил новый промышленный порядок: день новых железных дорог, хлопкоочистительных заводов и угольных шахт; день городов.

Но именно в сфере образования развитие новой государственной мудрости было наиболее примечательным. И хотя в одном случае было прискорбно, что столь значительная часть политического лидерства Юга досталась людям типа Вардамана, Джеффа Дэвиса и Хефлина, в другом - это большая удача. Ведь это побудило самые широкие и способные умы Юга искать выражения в других сферах деятельности, в промышленности, в церкви, но особенно в руководстве образованием. Не лишено глубокого значения то, что великий американец, генерал Ли, после Аппоматтокса обратил свое внимание и отдал все свои силы не политике, а образованию. Сегодня на Юге есть группа школьников, которые являются лидерами необычайной силы и мужества. Министерство также достигло на Юге такого влияния, которого оно не имеет в большинстве районов Севера. Влияние епископа Галлоуэя из Миссисипи, доктора Джона Э. Уайта и доктора К. Б. Уилмера из Атланты и многих других было заметным.

В течение многих лет после войны Юг был пассивен и изможден. Молодые люди, которые не боялись, должны были вырасти, чтобы справиться с задачей восстановления. И никто, кто не проследил историю Юга после войны, не может составить представление о масштабах этой задачи. По сути, это было строительство новой цивилизации. Лидеры были вынуждены не только столкнуться с крайней нищетой, но и постоянно иметь дело с проблемой рабочего класса, только что освобожденного от рабства. На каждом шагу - в политике, в промышленности, в образовании - они сталкивались с негром и проблемой, что с ним делать. Там, где на Севере хватало одной школы, они были вынуждены строить две: одну для белых детей, другую для черных. После войны прошло от двадцати пяти до сорока лет напряженной работы, прежде чем оценка богатства на Юге вновь достигла показателей 1860 года. В 1890 году в некоторых штатах стоимость имущества была меньше, чем в 1860 году. Южная Каролина в 1900 году - через сорок лет после начала войны - только-только догнала рекорд 1860 года. Однако с 1890 года рост повсеместно был быстрым и уверенным.

Смелость и дальновидность новых лидеров

В прежние времена требовались смелость и дальновидность, чтобы выступить перед нищим народом, у которого еще не было достаточно средств для комфортной жизни, и потребовать от него создания и поддержки двух систем образования на Юге. И все же именно такая задача стояла перед пионерами образования. Государственная мудрость, как я уже говорил, начинается с самокритики. В то время как простой политик льстит своим последователям и подтверждает их ошибки, истинный государственный деятель критикует их и подстегивает к новым убеждениям и более активной деятельности. В то время как политик отстаивает права, государственный деятель смело подчеркивает обязанности. В то время как политики Юга (не все, но многие из них) говорили о расовых предрассудках и добивались избрания на должность, возрождая древнюю ненависть, эти новые государственные деятели смело шли вперед, смело рассказывая людям об условиях неграмотности, которые их окружают, и требуя, чтобы были построены школы и каждый ребенок, белый и черный, получил образование. Во многих случаях им приходилось преодолевать укоренившееся предубеждение против образования, особенно образования негров; а после того как оно было преодолено, им приходилось формировать чувство социальной ответственности за всеобщее образование, прежде чем они могли рассчитывать на получение денег, необходимых для их работы.

После войны Север, в той или иной форме, влил много денег на Юг для обучения негров; меньшие суммы, например, из фонда Пибоди, были направлены в школы для белых. Но в конечном счете не может быть настоящего образования, которое не было бы самообразованием; внешние влияния могут помочь (или, наоборот, навредить), но пока государство - как и человек - не проникнется желанием получить образование и готовностью идти на жертвы ради его получения, народ не станет просвещенным.

В середине восьмидесятых годов огонь этого вдохновения начал разгораться во многих регионах Юга. В нем присутствовали различные горючие элементы: ощущение ужасающего состояния неграмотности на Юге; гордость и независимость характера, которые были уязвлены денежными дарами Севера; чувство, что негры в некоторых случаях получают лучшие возможности для образования, чем белые дети; и, наконец, великолепный идеализм молодых людей, которые ясно видели, что единственной надежной основой демократии является всеобщее образование.

Вдохновение демократии в Северной Каролине

Неудивительно, что движение нашло свое самое раннее выражение в Северной Каролине, которая была самым инстинктивно демократичным из южных штатов. С самого начала существования страны Северная Каролина с ее населением шотландских пресвитерианцев и квакеров была вдохновлена особым духом независимости. Когда я был в Шарлотте, я посетил памятник, посвященный Мекленбургской декларации независимости: работа группы стойких граждан, которые решили, прежде чем страна в целом была готова к этому, провозгласить свою независимость от британского правления. Северная Каролина была одним из последних южных штатов, вышедших из состава Союза, и все это время ее отношение к неграм было необычайно либеральным. Например, в ряде южных штатов практически ничего не делается для негритянских дефективных классов, а в Роли я посетил большой приют для глухонемых и слепых негров, который содержится по самым передовым

методикам. И сегодня Северная Каролина более свободна в политическом отношении, штат ближе к новому и здоровому выравниванию партий, чем любой другой южный штат, за исключением Теннесси и, возможно, Кентукки.

Такая почва была плодородной для новых идей и новых движений. В 1885 году двое молодых людей, Чарльз Д. МакИвер и Эдвин А. Олдерман, ныне президент Университета Вирджинии, начали серию образовательных кампаний под руководством штата. Они выступали в каждом графстве, призывая население строить лучшие школы и направлять в Роли законодателей, которые должны быть более либеральны в ассигнованиях на образование. Во многих случаях их митинги можно было сравнить с самыми активными политическими собраниями - только никто не требовал избрания на должность, а единственной целью было общественное служение. Как сказал Олдермен:

"Это была попытка перенести центр тяжести из здания суда в здание школы".

И это действительно произошло; штат загорелся и с тех пор пылает. Губернатор Эйкок сделал образовательное движение частью своей предвыборной кампании; губернатор Гленн проявил не меньший энтузиазм, и развитие школьной системы было просто поразительным. Когда я был в Роли прошлой весной, Дж. Й. Джойнер, государственный суперинтендант школ, который также был одним из пионеров кампании, сказал мне, что каждый день в году строится новое здание школы, и такими же темпами создаются новые школьные библиотеки. С 1900 по 1906 год общая сумма денег, потраченных на школы в Северной Каролине, более чем удвоилась, и хотя население школы за те же годы выросло всего на 6 процентов, ежедневная посещаемость увеличилась на 28 процентов.

Северная Каролина в сравнении с Массачусетсом

Чтобы дать наглядное представление о прогрессе в сфере образования, я не могу сделать ничего лучше, чем показать рост государственных расходов с 1872 года:

1872 год Общие расходы на школу	\$ 42,856
1880 Общие школьные расходы	349,831
1890 Общие школьные расходы	787,145
1900 Общие школьные расходы	1,091,610
1906 Общие школьные расходы	2,291,053

Я изучил статистику и обнаружил, что Северная Каролина тратит на школьные нужды больше на сто долларов налогооблагаемой собственности, чем Массачусетс, который, возможно, является ведущим американским штатом по расходам на образование. В 1906 году Северная Каролина собирала \$.40 на каждые сто долларов, в то время как Массачусетс - \$.387. Но это, конечно, не означает, что Северная Каролина достигла уровня Массачусетса; это лишь показывает, как люди, хотя и не богатые, готовы облагать себя налогами. И они только начали; уровень неграмотности в штате, как и на всем Юге, по-прежнему высок как среди белых, так и среди цветного населения. Согласно последней переписи населения, в Северной Каролине больше неграмотных белых, чем в любом другом штате Союза, что, конечно же, объясняется большим количеством горцев. Несмотря на заметный прогресс, перед руководителями штата по-прежнему стоит грандиозная задача. В настоящее время, несмотря на то, что Северная Каролина облагает налогом на сто долларов собственности

больше, чем Массачусетс, она платит всего 2,63 доллара в год на образование каждого ребенка, в то время как Массачусетс тратит 24,89 доллара - почти в десять раз больше.

Я не хочу слишком подчеркивать работу в Северной Каролине; я просто использую условия, сложившиеся там, в качестве удобной иллюстрации того, что в большей или меньшей степени происходит на всем Юге. Одним из первых энтузиастов в Северной Каролине был П. П. Клакстон, который сейчас руководит образовательной кампанией в Теннесси. Вместе с президентом Дабни, бывшим сотрудником Университета Теннесси, и суперинтендантом штата Майндэрсом, мистер Клакстон провел кампанию за образование в масштабах всего штата. Для этого использовались все возможные поводы: пикники, дни суда, дни украшений, и зачастую аудитории были более многочисленными и полными энтузиазма, чем на политических митингах. Действительно, собрания проходили как политическая кампания. В одно время на собраниях выступало более ста ораторов. Каждый округ штата был охвачен ораторским искусством, и за два года, по оценкам, собрания посетило более половины всего населения штата. Рабочие союзы и женские клубы активизировались, принимались резолюции, политиков призывали заявить о себе, создавались учительские организации. Результат оказался весьма заметным. В 1902 году штат потратил на образовательные цели 1 800 000 долларов; в 1908 году - шесть лет спустя - общая сумма превысит 4 000 000 долларов.

Аналогичная кампания проводится в Вирджинии под эгидой Кооперативной образовательной ассоциации, лидерами которой являются доктор С. К. Митчелл, профессор Брюс Пейн, президент Олдерман и другие. В этой работе также принимал участие экс-губернатор Монтегю, как в бытность свою губернатором, так и после, а в настоящее время активное участие принимает губернатор Свонсон. Местные лиги были сформированы во всех частях штата в количестве 324 человек. По такому же принципу организовались и негры, и теперь у них десять местных ассоциаций в пяти округах.

Как Юг облагает себя налогами

Одной из наиболее ярких особенностей движения стало развитие системы местного налогообложения для школьных нужд, что является большим шагом в направлении демократии. В прошлом люди в большей или меньшей степени обращались за помощью к внешним источникам - государственным или национальным фондам, частным пожертвованиям филантропов или полагались на частные школы - но теперь они голосуют за то, чтобы самим взять на себя это бремя. Другими словами, с созданием народной школьной системы, поддерживаемой местными налогами, образование на Юге впервые становится демократическим. Трудно переоценить значение этого движения в стимулировании местной гордости и самостоятельности людей, а также в воодушевлении каждого сообщества образовательным энтузиазмом.

Еще одно событие, имеющее глубокое влияние, происходило на Юге. Как я уже отмечал, так называемый "северный филантроп" давно интересовался образованием южан, особенно негров. В течение многих лет его деятельность вызывала и продолжает вызывать враждебность в некоторых районах Юга. Многие южане считали, что северяне, какими бы благими ни были их намерения, не понимали южных условий, и что часть денег была потрачена не в пользу прогресса на Юге.

Юг и Север работают вместе

Однако и северяне (какими бы ни были их ошибки в методах), и новые лидеры Юга были сильно и искренне заинтересованы в одном и том же: в улучшении образования и условий жизни на Юге. Естественно, что эти две группы искренних и разумных людей должны были в конце концов объединиться в духе сотрудничества; что, собственно, и произошло. Из серии тихих конференций, проведенных на Юге, выросло то, что называют "движением Огдена" и Южным советом по образованию. Эта организация состояла из трех различных классов людей: во-первых, группа лидеров Юга, о которых я уже говорил - Митчелл, Олдерман, Дабни, Карри, Хьюстон, Хилл, МакИвер, Клэкстон, Эдгар Гарднер Мерфи, Сидней Дж. Фриз; во-вторых, южане, которые, живя на Севере, все же были глубоко заинтересованы в прогрессе Юга - Уолтер Х. Пейдж, Джордж Фостер Пибоди и Фрэнк Р. Чемберс; и, наконец, северяне - Роберт К. Огден, который был президентом совета, Уильям Х. Болдуин, Х. Х. Ханна, доктор Уоллес Баттрик, Альберт Шоу и доктор Г. С. Дикерман.

Одним из вдохновителей движения, также членом совета, был доктор Х. Б. Фрисселл, который вслед за генералом Армстронгом стал директором Хэмптонского института.

Каждый год на Юге проводились конференции, особенностью которых был "специальный поезд Огдена" - специальный поезд с Севера, доставляющий жителей Севера в институты Юга и способствующий более тесному знакомству обеих сторон. Ни одно влияние не было более сильным, чем это, в развитии духа национализации в образовательном движении Юга.

До сих пор в этой главе я очень мало говорил о неграх, и особенно о негритянском образовании. Важно знать точку зрения нового руководства на этот вопрос. В предыдущих статьях я показал, что мнение большинства на Юге было более или менее враждебным по отношению к образованию негров или, по крайней мере, к его образованию, выходящему за рамки элементарных знаний.

Новые лидеры признали это чувство, и хотя все без исключения считают, что негр должен быть образован, и большинство из них открыто говорят об этом, общая политика была направлена на то, чтобы сделать акцент на образовании белых и объединить на этом народ.

"В вопросах образования, - сказал мне один из лидеров, - не имеет большого значения, с чего мы начнем. Если мы сможем пробудить дух школы, люди поймут, что для государства так же важно иметь обученного негра, как и обученного белого".

Одна из проблем Юга, одна из причин предубеждения против образования, и особенно негритянского, возникла из-за того, что то, что называлось образованием, на самом деле им не являлось. Во-первых, многие школы были настолько плохими, а учителя настолько неэффективными, что полученное "образование" было практически бесполезным. Его было недостаточно, и оно было не такого рода, чтобы дать негру реальную опору в жизни, и зачастую оно вредило ему гораздо больше, чем помогало. Большая часть предубеждений на Юге против негритянского образования, несомненно, связана с убогой школьной системой, которая во многих местах не дала никому настоящего образования. Но еще глубже, чем все это, старая концепция школы на Юге долгое время была старой аристократической концепцией, которую кто-то назвал "бесполезной культурой" - воспитанием класса людей, не работающих, а презирающих труд. Эта идея образования принесла много зла, особенно среди негров. Она научила и белых, и цветных мужчин не доктрине служения, которая необходима для демократии, а привила им стремление к искусственному превосходству, характерному для аристократии. Это сделало негров "придурковатыми" и "неуклюжими"; это заставило некоторых белых людей доказывать свое превосходство, когда у них не было никаких достижений или полезности, чтобы сделать их действительно превосходными.

Вдохновение Хэмптонского института

Но когда идея образования стала демократичной, когда люди начали больше думать о своих обязанностях, чем о правах, появился совершенно новый тип школы, и в первую очередь он возник среди негров. Страна еще не осознала долг благодарности, которым она обязана создателям Хэмптонского института - гению генерала Армстронга, его основателя, и организаторским способностям доктора Х. Б. Фриссела, который последовал за ним. Через сто лет этих людей будут чествовать еще больше, чем сегодня, потому что тогда американцы в полной мере оценят их заслуги перед демократией.

Идея Хэмптона" - это учение о труде, о служении, о смирении, об обязанностях перед Богом и людьми. Это в высшем смысле демократическая идея в образовании. И она, как и большинство великих движений, возникла из нужд и борьбы тех, кто был угнетен и отвержен. И как чудесно эта идея распространилась! Из Хэмптона возникли Таскиги, Калхун, Ковалига и десятки других негритянских школ, и до сих пор почти все негритянские высшие учебные заведения на Юге имеют промышленные или сельскохозяйственные отделения.

Лучшие белые южане дружелюбно относились и относятся к школам нового типа. Поначалу они думали, что в Хэмптоне и Таскиги будут готовить слуг в старом личном понимании слуг, которые становятся только поварами, дворецкими и фермерами, и многие до сих пор придерживаются этого аристократического представления о службе. Но "хэмптонская идея" слуг гораздо шире, ведь это демократическая идея подготовки мужчин, которые будут служить своему народу и тем самым служить стране. Мужчины, окончившие Хэмптон и Таскиги, становятся лидерами своей расы. Они покупают и обрабатывают землю, открывают деловые предприятия - словом, становятся производителями и строителями государства в самом широком смысле этого слова.

Новая мировая идея образования

Идея Хэмптона - это новая мировая идея образования, и белые люди на Юге (а также на Севере) сейчас повсеместно применяют ее в своих образовательных движениях. Сельскохозяйственные и промышленные школы для белых мальчиков и девочек распространяются по всему Югу: школы, где учат труду, как учит Хэмптон. Только в прошлом году штат Джорджия выделил одиннадцать новых сельскохозяйственных школ в разных частях штата, и на Юге, как и на Севере, уже говорят о сельскохозяйственной подготовке в средних школах. Эти люди, белые и черные, получившие образование для демократической службы, со временем станут хозяевами штата.

Новые лидеры, о которых я говорил, не выступают против негритянского образования: они поддерживают его и будут неуклонно идти вперед, чтобы добиться его осуществления. Пока что негритянские государственные школы мало почувствовали новый импульс; в некоторых штатах и населенных пунктах, как я показал в других главах, негритянские школы фактически отступили на второй план там, где белые школы быстро улучшались. Но это - продолжающееся влияние старого руководства; новые люди еще не полностью вступили в свои права.

Я мог бы бесконечно цитировать настоящих государственных деятелей Юга по поводу негритянского образования, но у меня слишком мало места. Сенатор Ламар из Миссисипи однажды сказал:

"Проблема расы, в значительной степени, является проблемой неграмотности. Большинство зол, которые выросли из этой проблемы, возникли из состояния невежества, предрассудков и суеверий. Устраните их, и более простые элементы вопроса станут понятны..... Я пойду с теми, кто пойдет дальше всех в этом вопросе".

В идеалах образования нет более высокой ноты, чем в Декларации принципов, принятой прошлой зимой (1907) на собрании Южной образовательной ассоциации в Лексингтоне, штат Кайрон, исключительно южном собрании белых мужчин и женщин. Их резолюции, которые из-за недостатка места не могут быть напечатаны здесь полностью, должны быть прочитаны каждым мужчиной и женщиной в стране, которые заинтересованы в будущем демократических институтов. Здесь я привожу лишь некоторые из деклараций:

1. Все дети, независимо от расы, вероисповедания, пола, социального положения или экономического состояния их родителей, имеют равное право и должны иметь равные возможности для получения такого образования, которое максимально развивает все, что лучшее в их индивидуальной природе, и готовит их к обязанностям жизни и гражданственности в эпоху и обществе, в котором они живут.
2. Обеспечить это право и предоставить такую возможность всем детям - первая и высшая обязанность современного демократического государства и высшая экономическая мудрость индустриального века и общества. Без всеобщего образования самого лучшего и высокого типа не может быть настоящей демократии, ни политической, ни социальной; ни сельское хозяйство, ни производство, ни торговля никогда не достигнут своего наивысшего развития.
3. Образование во всех классах и во всех законных направлениях, будучи общественным благом, должно нести на себе его бремя. Самые справедливые налоги, взимаемые штатом или, с помощью штата, любым более мелким политическим подразделением, - это налоги, взимаемые для поддержки образования. Никакие расходы не могут принести большей отдачи, и никакие расходы не должны быть более либеральными.

Новый Юг о негритянском образовании

Что касается негритянского образования, я публикую эти резолюции полностью, потому что они выражают нынешнее мнение лучших руководителей Юга:

1. Мы одобряем принятую штатами Юга политику предоставления образовательных услуг молодежи негритянской расы, считая, что каким бы ни было окончательное решение этой тяжелой проблемы, образование должно стать важным фактором в этом решении.
2. Мы считаем, что образование негров в начальных классах должно быть тщательным и включать в себя специальные инструкции по гигиене и домашней санитарии, для лучшей защиты обеих рас.
3. Мы считаем, что в среднем образовании негритянской молодежи особое внимание должно уделяться сельскому хозяйству и промышленным профессиям, включая подготовку медсестер, домоводство и домашнюю экономику.
4. Мы считаем, что по практическим, экономическим и психологическим причинам в негритянских школах должны работать негритянские учителя.

5. Мы советуем, чтобы обучение в нормальных школах и нормальных институтах по возможности проводили белые учителя, а за курсами обучения и методами преподавания в негритянских нормальных школах осуществлял более пристальный надзор Департамент образования штата.
6. Мы рекомендуем, чтобы в городских и сельских негритянских школах был более тесный и тщательный контроль не только со стороны суперинтендантов городов и округов, но и со стороны директоров по музыке, рисованию, ручному обучению и другим специальным темам.
7. Мы призываем школьные власти повсеместно обратить внимание на важность адекватных зданий, удобных мест для сидения и санитарных условий для негритянской молодежи.
8. Мы сожалеем об изоляции многих негритянских школ, созданных из филантропических побуждений, от жизни и симпатий общин, в которых они расположены. Мы рекомендуем контролировать все такие школы со стороны государства и настоятельно требуем, чтобы их работа и методы были адаптированы к цивилизации, в которой они существуют, с тем чтобы таким образом было достигнуто максимальное благо расы и общества.
9. Ввиду экономических и психологических различий между двумя расами мы считаем, что должны существовать различия в учебных курсах и методах преподавания, и что школьные программы должны быть скорректированы таким образом, чтобы удовлетворять очевидные потребности негритянской молодежи.
10. Мы настаиваем на таком справедливом распределении школьных средств, чтобы все молодые люди негритянской расы имели возможность получить хотя бы начальное образование, предусмотренное штатом, а в управлении законами штата и в проведении этой образовательной политики мы призываем к терпению, терпимости и справедливости.

(Г. Р. Гленн, П. П. Клэкстон, Дж. Х. Филлипс,
С. Б. Гибсон, Р. Н. Рорк, Дж. Х. Ван Сикл,
Комитет.

В этой связи позвольте мне также обратить внимание на доклады Дж. Й. Джойнера, суперинтенданта по образованию, и Чарльза Л. Куна из Северной Каролины, которые дают широкое представление о негритянском образовании.

Я уже показал, как Юг и Север объединились в образовательных отношениях в Южном совете по образованию. Я указал на тенденцию к национализации образовательных интересов. Но Южный совет по образованию, хотя в его состав входили белые люди как с Севера, так и с Юга, был в первую очередь заинтересован в образовании белых и не содержал негритянских членов. В то время, когда Совет был организован, активный интерес к неграм, по крайней мере частично, нарушил бы его заявленную цель.

S. K. МИТЧЕЛЛ
из Ричмондского колледжа;
президент Кооперативной
Ассоциации образования Вирджинии.

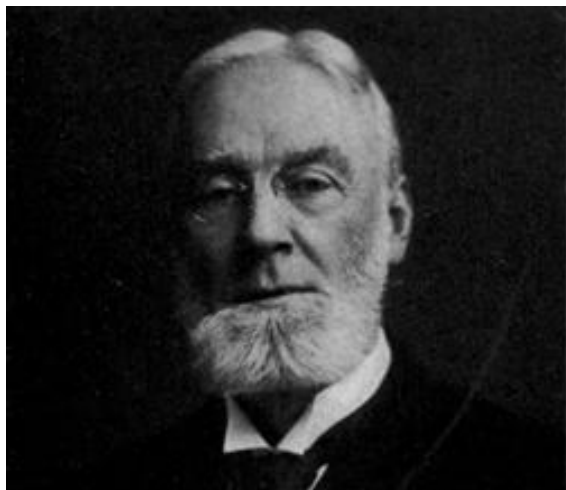
Фотография студии Curtiss
СУДЬЯ ЭМОРИ СПИР
из Джорджии. После двух
двух сроков работы в Конгрессе он был
назначен на должность федерального судьи.

Фотография Сол. Янг
ЭДГАР ГАРДНЕР МЕРФИ
из Алабамы, член
Южного совета по образованию;
автор книги "Проблемы
Проблемы современного Юга".

Фотография Роквуда
ДР. Х. Б. ФРИССЕЛЛ
Директор Хэмптонского института и
член Совета по образованию Юга
и совета Фонда Джинса

Copyright, 1907, Pach Bros.

Р. К. ОГДЕН
из Нью-Йорка, президент
Южного совета по образованию.

Фотография Wharton & Tyree

Д. И. ДЖОЙНЕР
суперинтендант общественного
Северная Каролина.

Юг, Север и негр наконец-то работают вместе

С тех пор возникло еще одно весьма значительное движение. В 1907 году мисс Джинс, богатая квакерша из Филадельфии, пожертвовала 1 000 000 долларов на развитие негритянского начального образования. Она передала эти средства в руки доктора Х. Б. Фриссела из Хэмптона и доктора Букера Т. Вашингтона из Таскиги. Организация совета по контролю над этим фондом и его работой стала еще одним шагом вперед в национализации и, более того, в направлении демократии. Это знаменует собой новое развитие в сотрудничестве всех сил добра в решении этой сложной национальной проблемы. В состав совета директоров входят не только белые люди Юга и Севера, но и несколько ведущих негров. Президентом и генеральным директором является белый южанин, выходец из старинной семьи, Джеймс Х. Диллард, декан Тулейнского университета в Новом Орлеане. Будет интересно опубликовать здесь полный список членов организации, поскольку они в большей степени представляют новое руководство не только Юга, но и всей страны:

Белые южане:

Джеймс Х. Диллард, президент.

Дэвид К. Барроу, ректор Университета Джорджии.

Белтон Гилреат, фабрикант и владелец шахт, Алабама.

Доктор С. К. Митчелл из Ричмондского колледжа, Ричмонд, штат Вирджиния.

Белые северяне:

Роберт К. Огден, Нью-Йорк.

Эндрю Карнеги, Нью-Йорк.

Талкотт Уильямс, из Филадельфии.

Джордж МакЭнни, президент Городского клуба Нью-Йорка.

Уильям Х. Тафт из Огайо.

К ним следует добавить:

Доктор Х. Б. Фрисселл из Хэмптонского института, северянин, чья работа и место жительства долгое время были на Юге.

Джордж Фостер Пибоди, казначей, грузин, попечитель Университета Джорджии, проживающий на Севере.

Уолтер Х. Пейдж, редактор журнала "*World's Work*", житель Северной Каролины, долгое время проживавший на Севере.

Членство негров:

Букер Т. Вашингтон.

Епископ Авраам Грант, из Кана.

Р. Р. Мотон, из Хэмптонского института, секретарь правления.

Дж. К. Напьер, банкир из Нэшвилла, штат Теннесси.

Р. Д. Смит, фермер из Парижа, штат Техас.

В подлинном смысле слова Южный совет по образованию и Совет фонда Джинса представляют собой организации рабочих-идеалистов. Такое сотрудничество между разумными, широко мыслящими и бескорыстными людьми всей страны в настоящий момент является реальным решением наших проблем. Это решение негритянской проблемы - все решение, которое когда-либо будет найдено. Ибо в человеческих усилиях нет конца: есть только деятельность; и когда эта деятельность пронизана истиной и вдохновлена верой и мужеством, она не что иное, как успех, ибо это лучшее, на что способна человеческая природа в любой данный момент.

Делая это заявление, я, конечно, не хочу сказать, что условия настолько хороши, насколько можно ожидать, и что ничего не остается делать. На самом деле борьба только начинается; как я показал в предыдущих главах, все силы укоренившихся предрассудков и невежества направлены против движения, политические лидеры, которые все еще доминируют на Юге, настроены настолько враждебно, насколько они осмеливаются быть таковыми. Задача, действительно, слишком велика для одного только Юга, или одного только Севера, или одного только белого человека: она потребует всей силы и мужества, которыми обладает нация.

Университеты ощущают новый импульс

Помимо кампании по улучшению общих школ, возрождение образования также оживило и оживило все высшие учебные заведения Юга. Университеты штатов, в особенности, добились необычайного прогресса. Я не скоро забуду свой визит в Университет Джорджии в Афинах и то впечатление, которое произвело на меня посещение университета: сильные люди работают, не просто возводя здания из раствора и кирпича, а создавая университетскую систему нового типа, которая должна объединить и направить к одной общей цели всю образовательную деятельность штата: начиная с общей школы и до самого университета; включая сельскохозяйственные и промышленные школы и даже негритянский сельскохозяйственный колледж. Университет Джорджии - один из старейших государственных колледжей в Америке, и амбиции его руководителей направлены на то, чтобы сделать его одним из величайших. Мистер Ходжсон провел меня по территории университета, которая недавно была расширена и теперь занимает почти 1 000 акров. Он показал мне места, где будут находиться новые здания, дороги и мосты. Многое из этого - еще видение будущего, но это то видение, которое воплощается в жизнь. Я провел день с

президентом сельскохозяйственного колледжа Соулом в его специальном учебном поезде, который проехал значительную часть штата Джорджия, останавливаясь в десятках городов, где выступающие представляли перед большими аудиториями фермеров и произносили практические речи о хлопке, кукурузе, скотоводстве и образовании в целом. И везде практическая работа этих общественных педагогов была встречена с энтузиазмом.

Я услышал от профессора Стюарта о его работе по организации сельских средних школ, поощрению местного налогообложения и приведению работы государственных школ в более тесную взаимосвязь с работой университета.

Видя образовательную работу таких штатов, как Джорджия, Северная Каролина, Вирджиния и других, нельзя не почувствовать, что скоро наступит время, когда Север отправится на Юг за новыми идеями и новым вдохновением в области образования.

В таком кратком обзоре я, конечно, смог дать лишь самые общие сведения об очень большой работе, и я упомянул лишь нескольких из сотен лидеров; описанная мною работа лишь иллюстрирует то, что в большей или меньшей степени происходит повсюду на Юге.

Многие важные события произошли благодаря этим кампаниям за образование. Фактическое строительство новых школ и выделение дополнительных средств на борьбу с неграмотностью - лишь один из многих результатов. Крестовый поход за образование, дополненный новым промышленным импульсом на Юге, пробудил новый дух самопомощи. Успех, с которым общественность восприняла образовательную кампанию, вдохновил лидеров всех направлений деятельности на новое мужество и веру. Это дух молодости, который не боится ничего предпринимать.

Много типографских чернил было потрачено на попытки объяснить распространение антисалунного движения по всему Югу. Но в этом нет ничего странного: это лишь еще одно проявление нового южного духа, стремления навести порядок на Юге. И это движение еще больше всколыхнет умы людей, разовьет самокритику и откроет людям их способность к согласованным действиям, независимо от того, будут ли с ними политики или нет. Действительно, важно, что женщины Юга, возможно, впервые, стали оказывать мощное влияние на общественные дела. Их организации помогали, а в некоторых случаях и возглавляли, как образовательное, так и антисалунное движение. Ни один лидер образовательного движения в Вирджинии не был так полезен, как миссис Л. Р. Дашиэлл и миссис Б. Б. Манфорд из Ричмонда.

Практически весь прогресс Юга, как промышленный, так и образовательный, был достигнут неполитическими движениями и неполитическими лидерами - часто в противовес политическим лидерам. Действительно, почти каждому из подающих надежды движений Юга пришлось захватить какой-нибудь укоренившийся оплот старых политических капитанов. Например, в нескольких штатах школьные системы несколько лет назад были разрушены политическим господством и кумовством. Суперинтенданты, директора школ и учителя часто назначались не за свои способности, а потому, что они были хорошими членами партии или родственниками политиков.

Новые государственные деятели против старых политиков

В Алабаме я обнаружил видных деятелей, выступающих против системы оплаты услуг младших судей. Зло в этой системе заключается в том, что она поощряет пустяковые судебные разбирательства и аресты граждан за мелкие правонарушения. Приведу один

пример. Негр арестовал другого негра за "оскорбление и побои". Оба явились в суд. Обвиняемого негра судили и в конце концов отправили на цепную каторгу. Судья предложил осужденному, что если он хочет получить удовлетворение, то должен повернуться и арестовать своего обвинителя; что тот и сделал, сразу же обвинив его в "busive language". Состоялся еще один суд, и в итоге оба негра оказались бок о бок в цепной банде; магистрат, констебль, шериф получили либеральные гонорары, а частный подрядчик, нанявший цепную банду и также "вписавшийся" в политику, получил еще одного дешевого рабочего для своей работы. Это порочный круг, позволяющий политикам и их сторонникам наживаться на каждом шагу на слабости и зле как негров, так и белых людей низкого класса.

Нападая на систему пошлин и старую, злую систему цепных банд, как это делают новые лидеры во многих частях Юга, закрывая салуны (всегда являвшиеся оплотом низкой политики), создавая новую школьную систему, свободную от корыстного контроля, новые лидеры наносят прямой удар по корням старой политической аристократии, подрывая ее и отсекая. Она обязательно падет, а на ее месте Юг вырастит новое великолепное руководство, обладающее конструктивными способностями и бескорыстным патриотизмом. Произойдет разделение по жизненно важным вопросам и поворот от старых и избитых проблем к новым интересам и занятиям. Когда придет это время, вся нация вновь воспользуется гением государственного управления Юга, и у нас снова будут президенты-южане.

Уже сейчас политик старого типа видит почерк судьбы. Он не знает, в какую сторону повернуть. В один момент он с еще большей яростью и ожесточением, чем когда-либо прежде, бьется над проблемой, которая так долго поддерживала его у власти, - неграми; а в следующий момент он с бешенством хватается за какую-нибудь из новых проблем - образование, запрет, борьба с железными дорогами - надеясь таким образом сохранить себя и контроль над своей старой партией. Но ему это не удастся: все силы на Юге уже выступают за новое, за большую демократию, за большую национализацию.

ГЛАВА XIV

ЧТО ДЕЛАТЬ С НЕГРАМИ - НЕСКОЛЬКО ВЫВОДОВ

Чем глубже человек погружается в проблему расы, тем скромнее он становится в отношении своих собственных взглядов. Изучая чернокожего человека, он обнаруживает, что должен изучать человеческую природу. Лучшее, что он может сделать, - это изложить свою последнюю и самую ясную мысль, зная, что новый свет и более глубокие знания могут изменить его выводы. Именно из таких выражений индивидуальной мысли (ни один человек не обладает и не может обладать всей истиной) и последующего за ними доброжелательного обсуждения (а почему бы ему не быть доброжелательным?) и возникает в конечном итоге та сила социального действия, которую мы называем общественным мнением. Вместе - и никак иначе - мы можем приблизиться к истине.

Современный мир только начинает сталкиваться с новыми фазами проблемы расовых различий. Совершенствование транспорта и коммуникаций ежегодно делает Землю меньше. Мы, американцы, с каждым годом все теснее контактируем с чернокожими и желтокожими людьми. Нас уже беспокоит не только проблема негроидной расы, но и проблема японцев и китайцев на тихоокеанском побережье и на Гавайях. На Филиппинских островах мы имеем целый клубок расовых проблем, по сравнению с которыми наша южная ситуация кажется простой. Другие страны сталкиваются с такими же разнообразными и сложными проблемами. Проблемы Англии в Южной Африке и Индии в значительной степени связаны с расовой принадлежностью. Большой вопрос в Австралии, где китайская рабочая сила стала политическим вопросом, выражен в лозунге предвыборной кампании: "Белая Австралия".

В чем заключается расовая проблема?

В чем же, по сути, заключается расовая проблема?

Расовая проблема - это проблема жизни с людьми, которые не похожи на нас, независимо от того, являются ли они, по нашей оценке, нашими "высшими" или "низшими", имеют ли они кучерявые волосы или косички, косоглазые ли они, крючконосые или толстогубые. По своей сути это одна и та же проблема, увеличенная, которая преследует каждый район, даже каждую семью.

В нашей собственной стране 10 000 000 негров распределены среди 75 000 000 белых. Они пришли сюда не для того, чтобы захватить нас, и не потому, что хотели прийти. Мы привели их силой, ценой страшных и жестоких жертв. Мы привели их не для того, чтобы сделать им добро, а из эгоистических побуждений, чтобы заставить их выполнять тяжелую работу и позволить нам лениво жить, сытно есть и мягко спать. Мы обращались с ними как с ношами. Я говорю "мы", потому что Север тоже поначалу владел рабами и освобождал их (продавая Югу), потому что содержать их было невыгодно. Антирабовладельческие настроения не были свойственны Северу; против института рабства высказывались многие государственные деятели Юга, начиная с Джефферсона, - люди, которые на собственном опыте знали, какое зло несет рабство, особенно для белого человека.

Различия между отношением южан и северян к расовой проблеме

Однако в мировоззрении Юга и Севера есть различия, на которые необходимо обратить внимание, прежде чем мы сможем прийти к каким-либо общим выводам. Поняв причины расовых чувств, мы сможем лучше судить о предлагаемых средствах защиты.

Прежде всего, Юг все еще омрачен горькими воспоминаниями о войне и особенно о периоде Реконструкции. Север не может понять, насколько глубоки и реальны эти чувства, как они въелись в души уже третьего поколения. Север, победивший, забыл; но Юг, сломленный и побежденный, помнит. До тех пор пока я не побывал на Юге и не поговорил со многими людьми, я не представлял, что на самом деле значит такой социальный катаклизм, как Гражданская война, для побежденных, как долго он отзывается в сердцах мужчин и женщин. Негр действительно страдал - страдал на своем пути вверх; но белый человек, с его более высокой культурой, более острыми чувствами, воспоминаниями об ушедшей славе, страдал гораздо больше. Слушая рассказы о борьбе, которую знает только Юг, я пытался себя на место этих англосаксонских мужчин и женщин и, думаю, могу хотя бы

немного понять, что значили поражения, потеря родных и друзей, нищета, хаос реконструкции - и после всего этого всегда иметь под локтем бессознательную причину всех своих бед, миллионы инертных, в основном беспомощных негров, которые, проникнувшись острым чувством своих прав, лишь медленно достигают соответствующего понимания своих обязанностей и ответственности.

Разрушительная война оставила Юг бедным, и он медленно обеспечивал себя образовательными преимуществами. Он на много шагов отстает от Севера по среднему уровню образования среди белых не меньше, чем среди цветных. Но более всего, пожалуй, Юг переживает огромные экономические перемены. Он находится на переходном этапе между старой расточительной, полуфеодальной цивилизацией и новой резкой городской и промышленной жизнью. Он страдает от обычных болей перенастройки; и, страдая, он не вполне осознает их истинную причину.

Например, многие проблемы между расами, которые приписывают извращенности негров, зачастую являются лишь обычными трудностями, возникающими в отношениях работодателя и работника. Другими словами, трудности на Юге часто объясняются расовой проблемой, которую на Севере мы знаем как проблему труда. Ведь Юг еще не полностью утвердился в системе оплаты труда. Оплата негров в стране все еще часто сводится к старой одежде, корзинам из кухни или магазина белого человека, иногда к небольшим деньгам, которые часто рассматриваются скорее как побрякушка, чем как право. Ни одна раса еще не перешла из рабства в свободу полноценной системы оплаты труда, какими бы ни были законы. Не маловажным фактором прогресса является то, что "привычка носить корзины" начинает рассматриваться как воровство, организованная благотворительность в городах занимает место беспорядочных личных подарков, зарплата выплачивается более регулярно и более точно отражает стоимость оказанной услуги.

Но отношения между расами все еще в немалой степени, особенно в вопросах социальных контактов (которые всегда меняются в последнюю очередь), носят старый феодальный характер; они личные и сентиментальные. Они выражаются в личной симпатии к старым "мамочкам", в личном презрении к "умному негру".

Большая часть Юга все еще верит, что негр был создан для того, чтобы служить белому человеку, и ни для каких других целей. Особенно это убеждение распространено в консервативных сельских районах.

"Если эти негры станут врачами и торговцами или купят собственные фермы, - сказала мне одна южанка в качестве убедительного аргумента против негритянского образования, - что мы будем делать со слугами?"

Другая причина неприязни к неграм на Юге заключается в том, что на Юге никогда не было другого рабочего класса, с которым можно было бы сравнить негров. Все работодатели были белыми, а большинство рабочих - черными. На Севере, с другой стороны, была постоянная процессия невежественных рабочих разных сортов. Север знаком с прогрессом чужеземных народов, когда сегодняшний рабочий становится завтрашним работодателем, чего не было на Юге.

Смешение трудовой и расовой проблем

Иллюстрацией путаницы между расовой и трудовой проблемами служит приток европейских иммигрантов в некоторые южные районы. Поскольку итальянец выполняет работу негра, существует тенденция обращаться с ним как с негром. В Луизиане на сахарных плантациях

белые итальянки иногда работают под началом негров-бригадиров, и это не вызывает возражений. В штате Миссисипи сейчас идет движение за то, чтобы дети итальянских иммигрантов не учились в белых школах. В ряде случаев белые рабочие попадают в пеонаж, как негры; несколько таких дел сейчас рассматриваются в судах. Вот депеша, показывающая, как обращаются с новыми итальянскими иммигрантами в одном из районов Миссисипи - только у итальянцев, в отличие от негров, за спиной активное правительство:

Мобил, штат Алабама, 3 октября - Итальянское правительство обратило внимание на ситуацию в Самралле, штат Миссисипи, где местные белые пытаются не пускать итальянских детей в школы и где один из лидеров итальянцев был отведен в лес и выпорот.

Итальянский консул в Новом Орлеане, граф Г. Моррони, прибыл в Мобил сегодня днем и начал расследование ситуации. Сегодня он услышал историю Фрэнка Сиглиони, лидера итальянской колонии в Самралле, который несколько дней назад был выманен из своего дома ночью с помощью фальшивого сообщения из Нового Орлеана и жестоко выпорот толпой белых мужчин.

Существует также тенденция обвинять негра, потому что он негр, во всех преступлениях, которые обычно совершают невежественные, заброшенные, нищие люди. Только прошлым летом в Нью-Йорке произошло то, что газетные репортеры назвали "волной преступности". Преступлением в этом случае было то, что на Юге называют "обычным преступлением" (преступления против женщин), за которое негров линчуют. Но в Нью-Йорке не было замешано ни одного негра.

Во время пребывания в Филадельфии меня поразило сообщение большого жюри в суде судьи Кинси по вопросу о "волне преступности", которое гласило следующее:

Завершая наши обязанности присяжных, мы хотим обратить внимание этого суда на значительную долю дел, представленных нам для принятия мер, в которых преступления были инкриминированы либо лицам иностранного происхождения, либо представителям цветной расы, и мы считаем, что необходимо принять некоторые меры, чтобы избавить наш город от бремени нежелательного иностранца и безответственного цветного человека.

Здесь, как видно, "нежелательный иностранец" и "безответственный цветной" рассматриваются вместе, хотя о большем предубеждении против цветного свидетельствует тот факт, что газетный отчет о действиях большого жюри был озаглавлен "Преступность негров в норме", без упоминания об иностранце вообще. Когда я поинтересовался в прокуратуре об этом предчувствии, мне сказали:

"О, дагои такие же плохие, как и негры".

И те и другие плохи не потому, что они негры или итальянцы, а потому, что они невежественны, запущены, нищи.

Таким образом, в пыли и неразберихе огромных перестроек, происходящих сейчас на Юге, дискомфорт от которых ощущают обе расы, но ни одна из них не понимает, мы имеем белого человека, слепо обвиняющего негра, и негра, слепо ненавидящего белого. Когда они оба поймут, что многие из проблем, с которыми они сталкиваются, - это всего лишь общие желчные пятна новой индустриальной упряжи, совместная жизнь станет лучше.

Я, конечно, не хочу сказать, что индустриальный век или система оплаты труда создают идеальные условия для расовых отношений; ведь на Севере борьба негра за выживание в конкурентной борьбе сопровождается, как я уже показывал, тяжелейшими страданиями.

Положение негров в Индианаполисе, Нью-Йорке и Филадельфии в некоторых отношениях хуже, чем где-либо на Юге. Но, что бы мы ни говорили, система оплаты труда - это шаг вперед по сравнению со старым феодализмом. На Севере к негру относятся меньше как к рабу и больше как к человеку. Именно по этой причине негры, с какими бы трудностями они ни сталкивались, зарабатывая на жизнь на Севере, редко хотят возвращаться на Юг. И по мере промышленного развития Юг будет все больше приближаться к условиям Севера. Сегодня в южных городах, благодаря развитию промышленности, к негру относятся как к человеку, нежели в деревне; и это одна из причин, почему негры толпятся в городах и их редко можно убедить вернуться в деревню - если только они не могут владеть собственной землей.

Но Юг быстро избавляется от остатков старого феодализма. Разработка шахт и лесов, расширение производства, приток европейских иммигрантов, белых северян, лучшие школы, железные дороги и телефоны - все это помогает подтянуть Юг к экономическому уровню Севера. Произойдет дальнейшая ломка баронских фермерских хозяйств, исчезнет плантаторский магазин, будет отменена губительная кредитная система, и повсеместно появятся независимые фермеры, как белые, так и черные. Все это будет способствовать устранению личного и сентиментального отношения к старой южной жизни; негр по необходимости будет все больше и больше оцениваться как человек, а не как раб или иждивенец. Короче говоря, страна, Юг и Север, станет экономически более однородной.

Но даже когда Юг достигнет промышленного развития Севера, негритянская проблема не будет решена; она, конечно, не решена в Нью-Йорке или Филадельфии, где промышленное развитие достигло своей наивысшей формы. Предрассудки в этих городах, как я уже показал, становились все более интенсивными по мере роста негритянского населения. Что же произойдет?

Два элемента в каждой расовой проблеме

В каждой расовой проблеме присутствуют два элемента: во-первых, расовые предрассудки - отталкивание от непохожего; во-вторых, экономическая или конкурентная ревность. Оба элемента действуют, например, в случае с ирландцем или итальянцем, но в случае с негром и китайцем расовые предрассудки сильнее, потому что разница между ними больше. Трудности негра в этой стране - это цвет его кожи, символ его отличия. В Китае трудность белого торговца заключается в его белизне, его отличии. Расовые линии, короче говоря, проводятся белыми людьми не потому, что другая раса ниже (японцы и китайцы во многом превосходят нас), не из-за преступности (некоторые классы иностранцев более преступны в наших больших городах, чем негры), не из-за лени, а из-за заметных физических различий - черной кожи, миндалевидных глаз, косичек, крючковатых носов, специфического запаха тела или маленького роста. Неприязнь к другим людям в большей или меньшей степени инстинктивна у всех людей.

Северные студенты, не знакомые с негритянскими массами из первых рук, склонны недооценивать силу расового отталкивания; с другой стороны, южный студент, столкнувшийся с самими неграми, скорее всего, переоценит расовое отталкивание и недооценит экономическую конкуренцию как причину трудностей. Самый глубокий вопрос, на самом деле, заключается в том, чтобы решить, какая часть так называемой проблемы обусловлена расовым отталкиванием, а какая - экономической конкуренцией.

Это подводит нас к самой зловещей фазе расовой проблемы. Как я уже показал, у нас есть два элемента конфликта: инстинктивное расовое отталкивание и конкурентная ревность. Что

может быть проще для власть имущих, белой расы в этой стране (желтой расы в Азии), чем играть на расовом инстинкте в корыстных целях? Как ловко профсоюз, будь то в Сан-Франциско или Атланте, использует эту расовую ненависть, чтобы не допустить чернокожего или желтокожего человека в профсоюз и таким образом контролировать всю работу для своих членов! Расовые предрассудки становятся инструментом для укрепления власти трудовой монополии.

Как политик на Юге разжигает расовую ненависть, чтобы быть избранным на должность! Вардаман управлял страной, потому что мог заставить людей ненавидеть друг друга сильнее, чем его соперник. Преподобный Томас Диксон в своих книгах и пьесах взывал к той же страсти.

В нескольких местах этой страны негров изгоняли толпы - не потому, что они были преступниками или плохими гражданами, а потому, что они шли в бакалейный и лекарственный бизнес, становились врачами, дантистами и т. п. и отнимали торговлю у своих белых конкурентов. Таким образом, магазины и рестораны высокоэффективных японцев были разрушены в Сан-Франциско.

Что может быть проще и грубее, чем инстинктивная неприязнь человека к человеку, используемая в качестве оружия для уничтожения конкурента? И это использование не свойственно белому человеку. В Африке чернокожий не тратит времени на непохожего на него белого человека; он убивает его, если осмеливается, на месте. А как умело китаец использовал инстинктивную ненависть своих соотечественников к "иностранным дьяволам" для борьбы с американской торговлей и торговцами! Мы ненавидим китайца и изгоняем его, а он ненавидит нас и изгоняет.

Главная опасность расовых предрассудков

И это одна из опасностей расовой проблемы в этой стране - поощрение инстинкта зарабатывания денег или получения политической должности. Такая основа личного процветания тем более опасна, что белый человек обладает в этой стране неоспоримой властью; у негра нет за спиной великого флота; он подобен ребенку в доме суровых родителей. Все, что стоит между ним и уничтожением, - это этическое чувство белого человека. Будет ли чувство справедливости и добродетели белого человека достаточно сильным, чтобы заставить его сдерживать руку неограниченной власти? Поймет ли он, как говорит Букер Т. Вашингтон, что если он держит негра в сточной канаве, то должен остаться там вместе с ним? Белый человек и его цивилизация, а не только негр, будут возвышаться или падать в результате этого этического испытания.

Негр, со своей стороны, как я уже неоднократно показывал в предыдущих главах, использует те же методы, что и белый человек, ибо природа негра не отличается от природы человека. Он заявляет: "Белый человек ненавидит вас, ненавидьте его. Торгуйте с неграми-лавочниками; нанимайте негров-врачей; не ходите к белым дантистам и адвокатам".

Из этого условия вытекают две тенденции. Первая - естественный результат взаимного страха и подозрительности, а именно - стремительное разделение рас. На протяжении всех предыдущих глав я показывал, как негры подвергаются сегрегации. Так же сегрегируются китайцы, негры в Южной Африке и некоторые классы в Индии. Некоторые районы Юга становятся все чернее. Негры толпятся в "цветных кварталах" в городах. Все больше и больше они становятся народом, полностью обособленным - отдельно в церквях, отдельно в

школах, отдельно в автомобилях, транспорте, гостиницах, ресторанах, с отдельными профессионалами. Одним словом, мы обнаруживаем в этой стране тенденции к развитию кастовой системы.

Одним из самых поразительных фактов в нашей новейшей истории является прогресс бывших рабов. И это находит свою мировую параллель в прогрессе людей, которых когда-то презирал тщеславный англосакс: японцев, китайцев и индийцев. За сорок лет негр продвинулся на расстояние, которое было бы удивительным почти для любой расы. Если говорить только о достижениях - площади принадлежащей земли, выращенном урожае, содержании профессиональных людей, ведении бизнеса, написании книг и стихов, сочинении музыки, написании картин, - то рабы сорокалетней давности добились самого поразительного прогресса. Это приводит ко второй тенденции, которая постепенно проистекает из растущего убеждения, что ненависть, подозрительность и страх как мотивы национального или индивидуального прогресса не сработают; что должен быть какой-то другой способ, чтобы разные люди могли работать бок о бок в мире и справедливости. И таким образом мы обнаруживаем тенденцию к дружескому сосуществованию в рамках новых отношений, в которых негр - не раб и не иждивенец, а человек и гражданин. Букер Т. Вашингтон проповедует Евангелие этой новой жизни. И постепенно, когда расовые предрассудки становятся неудобными, грозят финансовыми трудностями, нарушают плавное течение комфортного повседневного существования, появляется импульс отбросить их в сторону. Люди не продолжают сражаться, когда сражаться уже невыгодно.

И таким образом, бок о бок существуют два импульса: один направлен на развитие жесткой кастовой системы, которая в конечном итоге окаменеет в нашей цивилизации, как она окаменела в Индии; а другой - на разумное, доброжелательное и почетное сотрудничество между расами.

Каковы средства борьбы со злыми условиями?

С условиями все понятно, а что насчет средств?

Я слышал, как предлагались самые необычные средства. Серьезные люди говорят о депортации всего негритянского населения в Африку, не задумываясь о том, имеем ли мы право депортировать их, и не просчитывая экономическую революцию и банкротство, которые вызовет депортация всего рабочего класса на Юге. Не останавливаясь на том, что даже если бы мы смогли найти место в мире для 10 000 000 негров, и все они захотели бы уехать, то все корабли под американским флагом, если бы они постоянно работали, вероятно, не смогли бы перевезти естественный прирост негритянского населения, не говоря уже о 10 000 000 нынешних жителей. Я слышал разговоры о сегрегации в резервациях, как у индейцев, - сегрегации до полного исчезновения! Я даже слышал невыразимые разговоры о поголовном вымирании расы путем предотвращения размножения детей! Все это шарлатанские средства, основанные на ненависти, а не на справедливости.

Ни негритянская проблема, ни любая другая не имеет внезапного и однозначного решения. Люди постоянно требуют формул, которые позволят им прогрессировать без усилий. Они стремятся быстро сделать с помощью лекарств то, чего можно достичь только путем продуманной гигиены. Проблема, которая росла в течение двухсот пятидесяти лет в Америке и тысячи лет до этого в Африке, деформируя саму жизнь людей, меняя их мысли и поведение, не может быть решена за сорок лет. Да и зачем на это надеяться?

И все же есть определенные вещи, которые можно сделать, но которые, не творя мгновенных чудес, направят наши лица к свету и заставят нас двигаться к истинной цели.

В самом низу - это покажется банальным, но это вечная правда - причиной расовой "проблемы" и большинства других социальных проблем является просто отсутствие понимания и симпатии между человеком и человеком. И средство от этого столь же простое - постепенная замена понимания и симпатии на слепое отталкивание и ненависть.

Возьмем, к примеру, беспорядки в Атланте. Растущее непонимание и ненависть привели к ужасному взрыву и кровопролитию. Что произошло? Мгновенно самые мудрые белые люди Атланты пригласили самых мудрых цветных людей встретиться с ними. Они собрались вместе: последовали общие объяснения. Они обнаружили, что с обеих сторон были ошибки; они обнаружили, что с обеих сторон были разумные люди. Один из ведущих белых мужчин сказал: "Я и не знал, что на Юге есть такие широко мыслящие негры". Другими словами, они пытались понять друг друга и сочувствовать друг другу. Снова и снова можно встретить людей, ненавидящих негров, китайцев или "даго", но при этом симпатизирующих какому-то отдельному негру, китайцу или "даго". Когда они знакомятся, то видят, что негр или китаец - такое же человеческое существо, как и они сами, полное недостатков, но не лишенное хороших качеств.

Таким образом, можно сделать фундаментальный вывод, что решение негритянской проблемы заключается в том, чтобы относиться к негру все больше и больше как к такому же человеческому существу, как мы сами. Относясь к негру как к человеку, мы должны судить о нем не по цвету кожи или какому-либо другому внешнему признаку, а по его достоинствам как человека. Ничто, что хоть в малейшей степени не соответствует этой честности и справедливости суждений, не будет достаточным. Мы позорим и обижаем себя больше, чем негра, когда не желаем признавать добродетель, образованность или силу в другом человеке из-за того, что его лицо желтое или черное.

В правильности этого основополагающего стандарта суждения нет никаких сомнений; трудность заключается в том, чтобы практически применить его к обществу, каким оно является сегодня. В предложениях, которые я здесь предлагаю, я пытаюсь сделать две вещи: обрисовать текущую программу и сохранить ясный взгляд на будущую цель.

Должен ли негр голосовать?

Итак, давайте без страха подойдем к первой из трех групп проблем - политической, промышленной и социальной, - которые стоят перед нами.

Должен ли негр голосовать?

Тысячи негров в этой стране так же хорошо подготовлены, так же патриотичны, как и средний белый гражданин. Более того, они так же сильно заинтересованы в реальном благосостоянии страны. Принцип, за который боролись наши предки, "налогообложение только по представительству", сегодня так же верен, как и раньше.

С другой стороны, подавляющее большинство негров (а также многие иностранцы и "бедные белые") все еще дремуче невежественны, и мало или совсем не понимают обязанностей гражданства. Представляется правильным, что они должны ждать, пока им не разрешат голосовать, пока они не будут подготовлены. Мудрый родитель ограждает своего сына ограничениями; он не разрешает ему ставить подпись в банке или управлять локомотивом;

до двадцати одного года он лишен избирательных прав и не принимает участия в управлении государством. Но родитель ограничивает своего сына, потому что для него, для семьи и для государства кажется самым разумным, чтобы он вырос до зрелого возраста, прежде чем на него ляжет бремя серьезной ответственности. Так и государство ограничивает избирательное право; и справедливо ограничивает его, если сопровождает это ограничение решительной политикой образования. Но сегодня на Юге закон об избирательном праве исполняется так, что удерживает многих способных негров от осуществления их прав, препятствует признанию честных заслуг, а в отношениях между белыми и цветными он исполняется несправедливо. Не стоит оправдывать позицию Юга, если сказать, что Север также лишает права голоса значительную часть негров с помощью подкупа, что он и делает; можно лишь сказать, что Север также неправ.

Что касается агитации за отмену Пятнадцатой поправки к Федеральной конституции, дающей избирательное право цветному населению, то каждый любитель справедливости и демократии должен встретить ее с непреклонным лицом. Если бы в стране был только один негр, способный получить гражданство, путь для него, по крайней мере, должен быть открыт. Несомненно, полное избирательное право было предоставлено массе негров раньше, чем они были к этому готовы, пока они были рабами во всем, кроме телесных оков, и результат в период Реконструкции был катастрофическим. Но принцип свободной франшизы - к сожалению, как я считаю, для этой страны - был установлен навсегда. Если белый человек не готов встретиться с негром в любом состязании, не бросая кости, значит, он не превосходит, а уступает негру.

Какими должны быть промышленные отношения между расами?

С политическими отношениями рас все понятно. А как насчет производственных отношений?

Здесь также должен применяться тот же критерий врожденной ценности, и вопрос не будет решен, пока он не будет применен. Плотника нужно спрашивать не "Какого ты цвета?", а "Насколько ловко и эффективно ты можешь построить дом?". Из всех абсурдов суждение о мастерстве хирурга по колтуну его волос, несомненно, когда-нибудь будет рассматриваться как самый абсурдный. Это же замечание в полной мере относится и к попытке ограничить целый народ, независимо от его способностей, низшими профессиями из-за его темного цвета кожи. Нет, место негра - это то место, которое он может занять наиболее эффективно, и чем дольше мы будем пытаться провести искусственные границы, тем дольше мы будем откладывать решение расовой проблемы. С другой стороны, негр не должен претендовать на места, которые он пока не может занять.

"Беда негра, - говорит Букер Т. Вашингтон, - в том, что он все время пытается добиться признания, в то время как он должен добиваться того, чтобы его признали".

Негры как класс сегодня значительно уступают по уровню образования, интеллекта и эффективности белым людям как классу. То тут, то там способные негры будут развивать превосходные способности; но в массе своей негры еще долгие годы будут заниматься в основном физическим и более или менее рутинным трудом. Как и любая другая раса, они должны сначала проявить себя в этих простых сферах деятельности, прежде чем рассчитывать на более широкие возможности.

Всегда должны быть люди, подобные доктору Дюбуа, которые агитируют за права; их служение очень важно, но в настоящее время кажется, что больше всего нужно учить таких людей, как доктор Вашингтон, подчеркивая обязанности и ответственность, призывая негра готовиться к получению своих прав.

Социальный контакт

Рассмотрев политические и промышленные отношения между расами, мы переходим к самому сложному и недоуменному из всех этапов негритянского вопроса - социальному контакту. Политические и промышленные отношения в большей или меньшей степени выходят наружу, но социальный контакт затрагивает тонкие и глубокие вопросы домашней жизни, личных склонностей, привилегий, а не прав. Человеческая природа всегда медленнее всего меняется именно в отношениях старого развития, таких, как те, что сцеплены вокруг дома. Действительно, большая часть сложностей негритянской проблемы возникла из-за путаницы в сознании людей между правами и привилегиями.

Все помнят, какой ажиотаж вызвало - это стало почти национальным вопросом, - когда президент Рузвельт пригласил Букера Т. Вашингтона на обед в Белый дом. На Юге это чувство глубоко, почти как человеческая природа. Многие северяне, приезжающие на Юг жить, разделяют его; действительно, это самый серьезный вопрос в этике - решить, в какой момент следует обуздать природные инстинкты.

Социальные контакты - это привилегия, а не право; это не предмет для законодательства или какого-либо иного принуждения. "Социальные вопросы, - как говорит полковник Уоттерсон из Кентукки, - создают свои собственные законы и разрешаются сами собой. Их нельзя принудить". Все подобные отношения будут складываться постепенно, естественно, спокойно, в течение долгих лет: и чем меньше о них говорят, тем лучше.

Законы Джима Кроу

Что касается законов Джима Кроу на Юге, то многие из них, по крайней мере, в настоящее время необходимы для того, чтобы избежать опасности столкновений между невежественными представителями обеих рас. Они являются неизбежными строительными лесами прогресса. В сущности, негр от таких законов только выиграл. Ведь белый человек таким образом объединил негров, заставил способности найти выход в расовом лидерстве и своей суровостью породил дух уверенности в себе, который в противном случае не существовал бы". Доктор Фрисселл из Хэмптона постоянно говорит со своими студентами о "преимуществах недостатков".

Что касается законов против межрасовых браков, то они не предотвращают того, что призваны предотвратить: смешения белой и цветной крови. Во многих районах Юга, несмотря на существование таких законов, смешение рас, хотя и быстро уменьшается, все же продолжается. С другой стороны, на Севере, где негры и белые могут вступать в брак, браков на самом деле очень мало, а наложничества практически нет. Решение этого вопроса также лежит в большей степени в области образования, чем законодательства. На самом деле, чем больше образования получают обе расы, тем меньше слияние. На Юге, как и на Севере, в настоящее время тенденция образованных и преуспевающих негров заключается в создании собственного общества, полностью отделенного от белых людей и независимого от них. Как я уже показывал в одной из предыдущих глав, белая женщина на

Севере, вышедшая замуж за негра, подвергается отлучению и изгнанию со стороны обеих рас. Опасность слияния представляют невежественные и порочные люди, черные или белые, а не образованные и чувствительные.

Как и в случае с законами Джима Кроу, отдельные школы на Юге необходимы, и в одном отношении я считаю, что они приносят большую пользу самим неграм. В северных городах, таких как Индианаполис и Нью-Йорк, где нет никаких законов о раздельном обучении, отдельные школы появились, естественно и спокойно, в районах с высокой плотностью негритянского населения. То, что к ученикам каждой из них государство должно относиться с точной справедливостью в вопросах расходов, является аксиомой. И негритянский мальчик должен иметь такие же неограниченные возможности для получения любого образования, как и белый мальчик; ничего меньшего не может быть достаточно.

Одно из влияний, которое в настоящее время быстро растет, окажет глубокое воздействие на законы о раздельном проживании. Хотя существует тенденция к местной сегрегации негров, о которой я уже говорил, есть и противоположная тенденция к рассеянию негров по всей стране. Белое население Юга, составляющее сейчас 20 000 000 человек против 9 000 000 негров, растет гораздо быстрее, чем негритянское. Уровень смертности среди негров очень высок, и чем острее будет конкуренция с белыми рабочими, тем сильнее будет ограничение роста более неэффективного негритянского населения.

Что касается предсказаний об "амальгамации", "беспородном народе", "господстве черных" и прочей пророческой чепухе, то, как мне кажется, мы не должны придавать им никакого значения. Мы не можем регулировать свою короткую жизнь страхом перед чем-то далеким в будущем, что, вероятно, никогда не произойдет. Все, что мы можем сделать, - это быть правыми в этот момент и позволить будущему позаботиться о себе; оно все равно позаботится. Другого разумного способа действий не существует. Как бы нам этого ни хотелось, будущее устройство этой вселенной не в наших руках. Что касается "превосходства" или "неполноценности", то это вообще не предмет для спора; мы не можем сохранить или достичь "превосходства" с помощью законов или цветовых линий, или каким-либо другим способом, кроме как будучи превосходными. Если мы правы, абсолютно правы в вечных принципах, мы можем быть спокойны, что вопрос нашего превосходства решится сам собой.

Реальное решение проблемы негров

Помню, я спросил одного знакомого мудрого южанина, что, по его мнению, является главным фактором в решении негритянской проблемы.

"Время", - ответил он, - "и терпение".

Но время должно быть занято дисциплиной и образованием - большим и большим образованием, а не меньшим, образованием, которое прежде всего научит достоинству служения не только негров, но и белых мужчин. Белый человек, как на Юге, так и на Севере, нуждается в этом не меньше, чем цветной. Именно такова программа новой государственной власти Юга, о которой я говорил в одной из предыдущих глав. Эти мудрые южане решили забыть об унынии и сложностях негритянской проблемы, забыть даже о своих разногласиях и заняться решением текущих задач: развитием образования и промышленности.

Хотим мы того или нет, но вся нация (да что там, весь мир) связана неразрывными узами с неграми, китайцами, обитателями трущоб, ворами, убийцами, проститутками. Мы не можем

возвысить себя, оттеснив их назад ненавистью, насилием или пренебрежением; но только продвигая их вперед: служением.

Ибо добро приходит к людям не тогда, когда они работают в одиночку, а когда они работают вместе с тем сочувствием и пониманием, которые являются единственной истинной демократией. Великий Учитель никогда не проповедовал абсолютного равенства людей, социального или иного. Он дал человечеству рабочий принцип, с помощью которого, будучи такими разными - белыми, черными, желтыми, старыми, молодыми, мужчинами, женщинами, опытными, глупыми - человечество могло бы, в конце концов, жить вместе в гармонии и развивать себя до максимальной возможности. И этим принципом стало Золотое правило. Это наименее сентиментальное, наиболее глубоко практическое учение, известное людям.

Сноски:

[1] С тех пор как были сделаны эти заметки, в 1907 году, движение за запрет упразднило все салуны в Джорджии.

[2] После закрытия салунов 1 января 1908 года количество арестов значительно сократилось, но приведенные здесь наблюдения по-прежнему относятся к большому числу южных городов.

Примечания транскриптора:

Иллюстрации перенесены из середины абзаца в соседний абзацный отрывок.

Текст в списке иллюстраций представлен как в оригинальном тексте, но ссылки ведут на номер страницы, наиболее близкий к местонахождению иллюстрации в данном документе.

Пунктуация исправлена без замечаний.

За исключением исправлений, отмеченных наведением курсора, несоответствия в орфографии и дефисах сохранены в оригинале.